

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Институт всеобщей истории РАН
Институт востоковедения РАН
Дальневосточный федеральный университет
Российский государственный гуманитарный университет

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Учебник для вузов

*Ответственные редакторы
академик РАН В. В. Алексеев,
чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. В. Коротаев,
д. ф. н. Л. Е. Гринин*

2014

УДК 930.2
ББК 63

Теория и методология истории

Отв. редакторы

В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин

Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.

ISBN 978-5-7057-3876-2

Данный учебник предназначен для студентов, изучающих курс «Теория и методология истории» согласно образовательному стандарту последнего поколения по программе бакалавриата направления «История». Последовательно раскрываются различные теории исторического процесса, начиная с глубокой древности и до наиболее популярных теорий XX–XXI вв. (марксизм, цивилизационный подход, теории модернизации, мир-системный анализ и др.). Детально рассмотрены основные факторы исторического процесса (природа, демография, роль личности и пр.), наиболее влиятельные теоретические парадигмы (школа «Анналов», гендерная история, история повседневности и пр.). Большое внимание уделено инструментарию историка – различным методам социального и исторического познания.

Предназначено для студентов, аспирантов и всех интересующихся теорией истории.

Рецензенты:

д-р ист. наук Ю. Е. Березкин;

д-р ист. наук В. И. Дятлов

Издательство «Учитель».

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Формат 60×90/16. Тираж 3000 экз. (1-й завод – 1–500 экз.) Печ. л. 31,5. Заказ №

Отпечатано в ПК «Офсет». 400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

ISBN 978-5-7057-3876-2

© Издательство «Учитель», 2014

Оглавление

Введение	5
Часть 1. ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	
Глава 1. Ранние теории (<i>д. ф. н. Л. Е. Гринин</i>)	9
Глава 2. Период Возрождения – первая половина XIX в. (<i>д. ф. н. Л. Е. Гринин</i>)	31
Глава 3. Марксизм (<i>д. и. н. Л. Б. Алаев</i>)	55
Глава 4. Неоэволюционизм (<i>д. и. н. А. В. Кортаев, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин</i>)	90
Глава 5. Теории цивилизаций (<i>к. и. н. И. Н. Ионов</i>)	107
Глава 6. Теории модернизации (<i>д. и. н. И. В. Побережников</i>)	133
Глава 7. Мир-системный анализ (<i>д. и. н. А. В. Кортаев, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин</i>)	153
Глава 8. Макросоциологические теории последней трети XX – начала XXI в. (<i>д. ф. н. Н. С. Розов</i>)	167
Часть 2. ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	
Глава 9. Природный фактор (<i>д. ф. н. Л. Е. Гринин, д. и. н. А. В. Кортаев</i>)	184
Глава 10. Демографический фактор (<i>д. и. н. С. А. Нефедов, д. и. н. А. В. Кортаев</i>)	198
Глава 11. Производственно-технологический фактор (<i>д. ф. н. Л. Е. Гринин, д. и. н. С. А. Нефедов</i>)	216

Глава 12. Фактор диффузии инноваций (д. и. н. Е. В. Алексеева) . . .	234
Глава 13. Роль личности в истории (д. ф. н. Л. Е. Гринин)	250

Часть 3. НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 14. Школа «Анналов» и историческая антропология (чл.-корр. РАН П. Ю. Уваров, д. и. н. Н. В. Трубникова)	263
Глава 15. Гендерная история (д. и. н. Н. Л. Пушкарева)	287
Глава 16. История повседневностей и микроистория (д. и. н. Н. Л. Пушкарева)	312
Глава 17. Устная история (д. и. н. И. Б. Орлов).	335

Часть 4. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 18. Основы методологии социального и исторического позна- ния (д. ф. н. Н. С. Розов)	356
Глава 19. Методы исторического исследования (д. ф. н. Л. Е. Гринин, д. и. н. А. В. Кортаев, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин)	386
Глава 20. Логические методы и средства в социальном и историче- ском познании (д. ф. н. Н. С. Розов)	409
Глава 21. Кросс-культурные методы (д. и. н. А. В. Кортаев)	432
Глава 22. Клиометрика (д. и. н. Л. И. Бородкин)	440
Глава 23. Математическое моделирование исторических процессов. Клиодинамика (П. В. Турчин, Ph.D.)	447
<i>Библиография</i>	460
<i>Авторский коллектив</i>	504

Введение

Данный учебник предназначен для студентов, изучающих курс «Теория и методология истории» согласно последнему образовательному стандарту по программе бакалавриата по направлению «История».

Понятие *методология* обозначает совокупность принципов и способов организации и построения научного исследования. Методология истории – это то, с чем сталкивается всякий историк хотя бы на уровне написания квалификационной работы – бакалаврского, дипломного или магистерского сочинения, введения и автореферата кандидатской диссертации и др. Казалось бы, это достаточно формальная вещь, можно ограничиться простым перечислением использованных при разработке темы диссертации методов. Однако на практике далеко не все могут четко и грамотно описать, какой инструментарий был использован в процессе исследования. Более того, по этим нескольким строкам можно достаточно уверенно квалифицировать теоретический уровень соискателя на ученую степень.

В советское время было принято считать, что у истории (как и у других конкретных наук) не может быть собственной методологии. Функции методологии замыкала на себя философия (так называемый «исторический материализм»). Историки должны были на практике подтверждать верность марксистского учения. По этой причине никаких специальных курсов методологического характера историкам официально не читалось. Только в годы перестройки и постсоветский период встал вопрос о методологии исторической науки. Соответствующий курс появился в образовательном стандарте. Методологическая проблематика активно обсуждалась на страницах академических журналов: «*Вопросы философии*» (1988, № 10; 1989, № 10), «*Вопросы истории*» (1994, № 6) и др. В прошлом десятилетии журнал «*Новая и новейшая история*» провел новую дискуссию, посвященную предмету учебной дисциплины методологического характера для студентов вузов. Участники дискуссии активно делились опытом преподавания этой дисциплины в различных университетах страны (Могильницкий 2003; Аникеев 2006; Голиков 2006; Ипполитов 2007; Калимонов 2007; Мо-

гильницкий, Бочаров 2007; Смоленский 2007; Крадин 2010). Учебник, который вы держите в руках, в этом отношении значительно отличается от всех предшествующих.

В большинстве предыдущих учебных изданий много внимания уделено таким вопросам, как особенности исторического познания или понятие исторического факта. Мы полагаем, что эпистемология исторического знания – это в большей части предмет изучения такой дисциплины, как философия истории. Нисколько не умаляя важности данной дисциплины, мы бы все-таки хотели сосредоточиться на собственно исторических теориях и вопросах применения конкретных методов в историческом исследовании.

Для исторической науки последних десятилетий характерны: отказ от жестких однолинейных теорий и схем, наличие множества концептуальных подходов, преодоление евроцентризма и колониализма. При написании этого учебника мы сделали акцент на знакомство студентов не только с классикой, но и с современным состоянием теории исторической науки и основными методами, используемыми в конкретно-исторических исследованиях.

Соответственно учебник состоит из двух основных блоков – теоретического и методологического. В первом блоке изучаются различные интерпретации исторического процесса с древности до наших дней, студенты знакомятся с рядом наиболее важных современных подходов и концепций, во втором – дается информация об общенаучных и специальных исторических методах.

Начинается учебник с историографических глав, в которых рассматриваются основные теории исторического процесса, начиная с классических теорий Древности и Средневековья. Все эти теории могут быть сгруппированы в три больших направления: 1) теории, которые рассматривали историю как линейную эволюцию либо от золотого века к хаосу, либо наоборот (Гесиод, Конфуций, Августин и др.); 2) циклические теории (Полибий, Ибн Халдун и др.); 3) концепции неизменности универсальных форм (Аристотель и др.). Только в период Просвещения расцветает рациональное линейное прогрессивистское видение истории, в котором Запад представляется как венец развития человечества (концепции И. Гердера, А. Тюрго, Ж. Кондорсе, А. Смита, А. Фергюсона и др.). Анализируются истоки современного членения истории на пять фаз (первобытность, Древность, Средневековье, Новое и Новейшее время), которое имплицитно встроено в систему нашего историче-

ского образования. Это деление происходит от трехчастной исторической схемы (Античность, Средневековье, Возрождение) Х. Келлариуса. Впоследствии оно было экстраполировано на весь остальной неевропейский мир, а после того как А. Сен-Симон наделил его социально-экономическим содержанием (первобытность, рабовладение, крепостничество, капитализм, ассоциация трудящихся), с некоторыми нюансами оно стало восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Особое внимание в учебнике уделено марксистской интерпретации истории. Этому вопросу посвящена третья глава. Далее в учебнике рассматриваются основные интерпретации исторического процесса в XX столетии. Нужно иметь в виду, что имеется два принципиально разных видения истории – линейное и циклическое. Первый взгляд предполагает выделение стадий исторического процесса (неоэволюционизм, теории модернизации и др.). Второй предполагает, что единства истории нет, есть отдельные крупные общности, которые живут жизнью отдельных организмов (цивилизационный подход). Между данными полюсами есть промежуточные теории, которые отпочковались от вышеуказанных подходов и пытаются преодолеть познавательные ограничения направлений-предшественников (теории многолинейной эволюции, мир-системный анализ). Определенное место в учебнике занимают различные современные методологические подходы – история повседневности, устная история, гендерная история и др. К сожалению, таких подходов настолько много, что далеко не вся проблематика оказалась включенной в содержание учебника. За пределами нашего рассмотрения оказались такие темы, как социальная история, макроистория, постмодернизм, постколониализм и др. Для этого пришлось бы написать еще один том. Мы также полагаем, что данные вопросы было бы уместно рассматривать в теоретико-методологических курсах для магистрантов.

Другой блок учебника посвящен методологическому инструментарию историка. Рассматриваются принципы построения научных теорий, в этой связи читатели знакомятся с работами таких авторитетов в области методологии науки, как К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос. Далее рассматриваются общенаучные методы: наблюдение, эксперимент, моделирование. Показывается специфика общественных и гуманитарных наук. Дается представление о методах теоретического анализа, таких как сравнение, анализ и синтез. По-

сле этого студенты знакомятся с главными методами, используемыми в работах историков: нарративным (описательным), историко-генетическим, сравнительным, структурным, системным, типологическим. Определенное внимание уделяется методам критики исторического источника и исторической герменевтике.

В сжатой форме даются сведения об использовании количественных методов в исторических исследованиях, а также о таких научных направлениях, как клиометрика (клиометрия) и клиодинамика. Рассказывается о трех основных достижениях использования количественной методологии: 1) использование статистических методов при работе с массовыми источниками в истории и археологии (студенты знакомятся с работами наиболее значимых представителей отечественной школы, а также с идеями флагмана американской клиометрии – лауреата Нобелевской премии Р. Фогеля); 2) анализ кросс-культурных корреляций в современной социокультурной и исторической антропологии; 3) математическое моделирование ряда исторических систем и процессов.

Необходимо заметить, что за последние полтора десятилетия произошли важные изменения в понимании места теоретического знания в отечественной исторической науке. Многие еще помнят, что в советское время историкам фактически было отказано в праве на теоретические исследования. Специалисты по историческому материализму априори считали это своей прерогативой. В настоящее время важность теории и методологии истории глубоко осознана самим профессиональным сообществом. Сделаны важные шаги в закреплении подобных знаний на уровне образовательного процесса. Соответствующие курсы преподаются в университетах будущим историкам, издаются учебные пособия, проводятся научные и практические конференции. Однако важно помнить, что теоретическое знание важно для историков не как интеллектуальная игра с терминами, а как инструмент, с помощью которого можно получить новое знание, углубить наши представления о прошлом.

Часть 1

ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Глава 1

РАННИЕ ТЕОРИИ

Древний Восток

Прообраз историографии появляется на Ближнем Востоке (в Шумере, Аккаде и Египте) вместе с появлением письменности, в III–II тыс. до н. э. Списки правителей, исторические надписи царей, древнейшие погодные и иные записи о важнейших событиях, а также хроники можно считать первыми историческими текстами. При этом возникают целенаправленный отбор и интерпретация исторических фактов (например, в надписях эпохи Древнего, Среднего и особенно Нового царства в Египте, прославлявшие деяния и завоевательные походы фараонов). Крайне важно отметить появление государственных, храмовых и частных архивов. Постепенно происходит усложнение и смена форм исторических сочинений, в которых появляются уже и первые – еще очень неразвитые – идеи о причинах исторических событий, которые объяснялись «волей богов».

Мыслители Ближнего Востока не оставили полноценных исторических сочинений, подобных античным. Однако для понимания преемственности развития мировой мысли об истории важно учитывать, что греки многое заимствовали из государств Ближнего Востока. А исторические книги *Библии* («Книга Царств» и др.) оказали впоследствии огромное влияние на средневековую историографию и теологию истории.

В Индии, как и в целом в Южной Азии, при всех достоинствах древнеиндийской культуры интерес к прошлому так и не привел к возникновению осмысленной исторической письменной традиции (не говоря об историописании). Исторические события упоминаются в литературе довольно редко и обычно в полупоэтических повествованиях. Хроники составлялись лишь в буддийских монастырях на Цейлоне в первые века н. э., и посвящены они были пре-

имущественно распространению учения Будды и взаимоотношениям между монастырями.

Интересно, что некоторые философско-мифологические идеи об историческом процессе у различных народов древности перекликались между собой. Например, золотой век человеческого общества некоторым мыслителям виделся в идеализированном далеком прошлом, когда люди еще жили счастливо, не знали неравенства, притеснений и несправедливостей. Согласно идее, возникшей в раннем буддизме в Индии, золотой век предшествовал появлению имущественного неравенства и государственной власти. В Китае Конфуцию, или Кун-цзы (551–479 гг. до н. э.) приписывается идея о существовании в далеком прошлом некоего счастливого патриархального общества «великого единения», которое изображалось затем в течение многих веков в качестве недостижимого идеала социальной жизни. В Индии была широко распространена концепция, условно говоря, «исторического регресса», аналогичная древнегреческой концепции Гесиода о четырех (пяти) веках человеческой истории.

В Древнем Китае роль исторического знания была совершенно иной. Об этом свидетельствует уже то, что древнекитайские философы V–III вв. до н. э. в полемике со своими идейными противниками постоянно апеллировали к событиям исторического прошлого, что сделало их произведения ценным историческим источником. В китайской историографии начиная с древности и в течение многих последующих веков мы встречаем идеи, которые вполне можно рассматривать как теоретические: во-первых, представление об извечном и абсолютном превосходстве китайской культуры над культурой соседних народов; во-вторых, намеренное отождествление мифа с историческим фактом, следствием чего было неправомерное удревление истоков государственности в Китае. Такие подходы позднее были заимствованы японской историографией, где правление первого императора отнесено к очень далеким временам.

В Китае фактически государственной идеологией являлось конфуцианство. Оно оказало на китайскую историографию огромное влияние. Для того чтобы понять особенность всей последующей китайской мысли, надо иметь в виду ситуацию вокруг конфуцианства и конфуцианских текстов. Конфуцианская идеология со II в. до н. э. утвердилась в качестве официальной (государственной)

и оставалась таковой для всей последующей истории императорского Китая. Но она постоянно развивалась и существенно обогащалась идеями других школ. А до своей победы конфуцианство испытало гонения. В 213 г. до н. э. по приказу императора Цинь Ши-хуанди было сожжено большинство исторических трудов конфуцианцев по причине их враждебности политике императора. Когда же в Китае воцарилась династия Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), вновь поднимая на щит конфуцианство, потребовалось, чтобы ученые приступили к огромной кропотливой работе по восстановлению утраченных текстов. А это привело также к появлению новых произведений.

На рубеже II–I вв. до н. э. был создан первый обобщающий труд по истории Китая. Им стали «Исторические записки» Сыма Цяня (145–86 гг. до н. э.), всеобщая история страны с древнейших времен до I в. до н. э. Сыма Цянь опирался на довольно долгую историческую традицию, в том числе комментированного летописания, появившегося в I тыс. до н. э. Сыма Цянь стал основоположником китайской историографии и по праву может называться «отцом китайской истории». «Исторические записки» – сложное произведение, оно включает в себя повествования о важнейших деяниях правителей различных династий; биографии исторических личностей и крупнейших представителей наследственной аристократии; «Трактаты», посвященные отдельным сторонам общественной жизни, культуры, науки; «Таблицы», в которых рассматриваются проблемы хронологии. «Исторические записки» Сыма Цяня оказали огромное влияние на развитие исторической мысли в Китае и некоторых других странах Дальнего Востока. Их стиль и метод изложения стали предметом ревностного подражания.

Историографический метод Сыма Цяня был использован уже другим крупным китайским историком – Бань Гу (32–92 гг. н. э.). Однако сочинение Бань Гу «История Ханьской династии» посвящено истории только одной династии – Хань, точнее, даже только Западной, или Ранней, Хань (206 г. до н. э. – 25 г. н. э.). Бань Гу является основоположником нового жанра китайской историографии, получившего название «династийных историй». Начиная с III в. н. э. они составлялись официально (по заказу правительства) по образцу «Ханьской истории» Бань Гу. Основными разделами в них являются «Анналы», посвященные изложению деяний правителей, и «Биографии» – жизнеописания наиболее выдающихся деятелей эпохи.

Такая преемственность сильно отличает китайскую историографию от греческой и римской, где каждый историк писал по-своему и в итоге твердой исторической традиции, по сути, не сложилось¹.

В отличие от историков античности (писавших прежде всего о современных им событиях) китайские историки изначально применяли метод компиляции, с помощью которого создавали обобщающие труды, охватывающие события очень большой длительности, но, разумеется, они описывали и современные им события.

Античность

Для понимания преемственности развития мировой мысли об истории важно учитывать, что греки многое заимствовали с Ближнего Востока. В частности, «отец истории» Геродот считал, что эллины заимствовали имена своих богов и многие обычаи, письменность и иные знания у древних египтян, финикийцев и др., а Диодор Сицилийский утверждал, что прославленные мудрецы, поэты и законодатели далекой древности – Гомер, Ликург, Солон и др., равно как и известные ученые и мыслители более поздних времен – Платон, Демокрит и иные, побывали на Востоке, беседовали с восточными мудрецами, заимствовали у них мудрость, знания и т. д.

С другой стороны, греческое влияние в период эллинизма вызвало появление отдельных историков на Ближнем Востоке, знакомых с античной традицией историописания, которые знали греческий и местный языки. Среди них можно упомянуть вавилонского историка Бероса (ок. 350–280 гг. до н. э.), составившего на греческом языке для царя Антиоха I историю Вавилонии на основе местной легендарной и исторической традиции. Но этот труд до нас, к сожалению, не дошел (только отдельные факты и данные в разных произведениях). Еще одним известным древневосточным (египетским) историком является Манефон, составивший на греческом языке «Историю Египта», отрывки из которой сохранились у некоторых историков Античности. Заслуга Манефона заключается в разделении истории Египта на 30 династий (эта периодизация

---

¹ Вот два факта, которые хорошо демонстрируют различия в традиции работы историков Китая и Греции. Сыма Цянь происходил из семьи потомственных историографов. Собирать исторические материалы по династии Хань начал еще отец Бань Гу – Бань Бяо. В этой работе принимала участие после смерти Бань Гу его сестра, известная поэтесса Бань Чжао. И подобных фактов много. Зато в историографии Античности такие факты, вроде того, что сын историка Эфора (IV в. до н. э.) написал за отца последнюю из 30-ти книгу его труда, исключительно редки.

в основе своей сохраняется и по сей день). Вероятно, наиболее известный восточный историк античного типа – это романизированный иудей I в. н. э. Иосиф Флавий, который в результате войны попал в Рим. Его произведения об истории Иудеи «Иудейские древности» и о современных ему событиях – «Иудейская война» – являются ценными, а для некоторых событий – даже единственными источниками наших знаний об этом регионе.

Исторический способ осмысления общественной жизни впервые наиболее ярко проявил себя в Древней Греции, чему, по мнению некоторых исследователей, способствовал динамизм древнегреческого общества. В VI в. до н. э. в греческих ионийских колониях Малой Азии, на родине философии, появилась история как разновидность принципиально нового литературного жанра «научной» прозы. Первые историки получили название *логографов*. Одним из самых выдающихся логографов был Гекатей из Милета (ок. 546–480 гг. до н. э.). В своих прозаических сочинениях «Описание земли» и «Родословные» он первым привлек обширный материал народного эпоса, преданий, генеалогических и мифологических рассказов, описаний путешествий и местных хроник. Заслуга логографов заключалась в создании первых письменных произведений об исторических событиях и явлениях жизни общества; в пробуждении интереса к историко-социальным явлениям; в развитии первых методов исследования (критика мифов, хронология). Конечно, их методология была достаточно наивной: предполагалось, что для установления истины достаточно лишь механически устранить все сверхъестественное и неправдоподобное. История в их работах не была еще хоть как-то четко отделена от других аспектов общественной жизни, а главное, их работы не были объединены общей идеей, что в дальнейшем стало характерным для античной историографии.

Первым трудом, который стал началом подлинной историографии, по праву считается «История» Геродота из Галикарнаса (V в. до н. э.). Произведение Геродота, условно называемое «Историей», посвящено греко-персидским войнам. Хотя в подходах Геродота немало черт и заимствований, которые роднят его с логографами, его произведение представляет уже решительный переход от разрозненного описания отдельных местностей и народностей к истории в собственном смысле слова. Ведь в центре его внимания находится именно изложение исторических событий, объединенное

общим замыслом – дать описание предыстории и истории греко-персидских войн.

В чем главные заслуги Геродота? Он сформулировал задачи истории и историка, поставив перед своим произведением цели, важнейшая из которых в том, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение». Он стремился не только доставить слушателям наслаждение, но и установить истину. Геродот первый поставил в центр исторического исследования человека (а не божественные силы или мифических героев). Его «История» объединена общей важной проблемой – понять, почему «эллы воевали с варварами», то есть в центр своего огромного труда он фактически положил идею борьбы Востока и Запада. Отметим, что эта проблема и до сих пор не потеряла своей актуальности.

В целом греки не рассматривали историю как науку (никаких наук в то время еще не было). На историю смотрели как на вид искусства (недаром Клио – одна из девяти муз) или разновидность публицистического произведения назидательного жанра. Произведения античных историков не утратили своей прелести и для современного читателя. Роль историографии в общем контексте интеллектуальных занятий была не особенно высока, философия, риторика стояли выше. В отличие от Китая и средневековой Европы, в Античности прямого влияния и давления власти или какой-то сильной корпорации на автора и его произведение не было.

Так или иначе, это была первая в истории западной мысли реальная историософская мысль. Античные историки много сделали для развития методологии истории, выработали практические наставления по ее написанию, разработали идеи назначения истории. Требования к истории быть наставником читателя заставляли античных историков привлекать для объяснения причин событий философские, политические или нравственные концепции (например, идею судьбы). Это вело к значительному развитию теории истории и политической философии. Свобода творчества позволяла критиковать недостатки предшественников, что развивало методы историографии.

К сожалению, для античных историков было характерно нестрогое отношение к фактам, готовность их исказить или замалчивать ради общей идеи или красоты произведения. Не существовало идеи всемирной истории в истинном смысле слова. Самое большее, до чего дошла античная историография, – это всеобщая история

определенных периодов и регионов (напротив, в средневековой историографии идея именно всемирной истории стала центральной).

Помимо этого, в произведениях античных авторов можно выделить определенный пласт идей и проблем, которые относятся к философии истории. Первый из них – концепция исторических циклов и идея судьбы. Согласно представлениям античных авторов, разумный порядок не только в природе, но и в обществе как ее части поддерживается путем постоянного возвращения вещей к прежнему состоянию без качественного развития. Античные мыслители были склонны к фатализму, исходя из того, что судьба всего на свете предначертана еще до совершения событий.

Другая важная идея – динамика исторического процесса. В поэме Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.) «Труды и дни», говоря современным языком, изображено регрессивное развитие человечества. Согласно Гесиоду, на Земле последовательно сменяли друг друга золотой, серебряный, медный, героический и, наконец, железный века. При этом с каждым веком нравы и условия жизни людей ухудшались. Если в золотом веке люди жили беззаботно, то постепенно из-за того, что со временем они стали заносчивыми, перестали почитать богов, жизнь людей и их нравы все ухудшались. Эта пессимистичная концепция веков, или возрастов исторического развития человеческого общества, была популярна в течение всей Античности.

В то же время в Античности имела распространение идея прогресса. В частности, римский поэт и философ Лукреций Кар (I в. до н. э.) в философской поэме «О природе вещей» в отличие от Гесиода и большинства античных авторов считает первоначальное состояние человечества не золотым веком, а периодом дикости. Основу прогресса Лукреций Кар видит в необходимости трудиться из-за нужды (особенно в жилище, огне и одежде), важным фактором выступает также «разум пытливый». В ходе этого процесса возникают язык, государство и право (происхождение которых философ объяснял договором людей).

Античные историки и философы выдвинули целый ряд важных для понимания хода истории причин, которые условно можно разбить на четыре группы.

1. *Материальные и социальные факторы*, роль институтов. Выше уже было сказано, что Лукреций Кар выделял нужду и изобретения как двигатель развития. Он один из немногих, кто при

объяснении причин хода человеческих дел пытался обойтись без вмешательства богов. Достаточно часто результат событий объясняется особенностями государственного устройства. Ряд авторов отмечали значение географических условий (см. в главе 9).

2. *Психологические, моральные и духовные причины.* Ряд историков, таких как Саллюстий, Тацит и Плутарх, большое внимание уделяли психологическим причинам событий, нередко объясняя их результат психологией и особенностями участвовавших в них лиц. Римские историки также подчеркивали роль высоких нравов предков и объясняли упадок государства моральным упадком государственных деятелей. Античная историография добилась больших успехов в развитии биографической истории. Особенно надо отметить Плутарха (ок. 45–127 гг. н. э.), автора сравнительных жизнеописаний выдающихся деятелей (их биографии объединены попарно: в каждой паре один греческий и один римский деятель).

3. *Особенности человеческой природы.* Начиная с Античности, попытки объяснить историческое развитие общими свойствами человеческой природы становятся важным направлением философии истории. В этом плане труд Фукидида «История Пелопоннесской войны» оказал большое влияние не только на античную мысль, но и на историков Нового времени. Фукидид рассматривал человеческую природу как неизменную и полагал, что ее качества могут быть причиной повторяемости исторических судеб государств и народов. Фукидид подчеркивал прежде всего отрицательные качества: стремление угнетать окружающих, склонность к честолюбию, корысти, властолюбию.

4. Античные мыслители не отрицали идеи божественного вмешательства в исторический процесс (исторический фатализм). Все они склонялись к признанию существования последней причины исторических событий, отождествляемой с высшей слепой необходимостью (судьбой), которой подчиняются даже боги и которую невозможно познать. Однако различные историки и мыслители придавали разное значение роли высших сил.

Поскольку для Античности было характерно понимание истории как «наставницы жизни», то от историка требовалось не беспристрастное и объективное исследование, а интерпретация исторических событий в определенных целях, прославление того или иного героического прошлого и т. п. Поэтому большинство историков очень часто опускали неблагоприятный для их замысла ма-

териал и использовали порой даже сомнительные сведения, развивающие идею их труда.

Лишь немногие историки, такие как Фукидид, считали тщательную проверку фактов совершенно обязательным делом. Но даже Фукидид приводил длинные речи исторических деятелей, точное содержание которых не сохранилось. Среди тех немногих, кто считал точность фактов важной, надо назвать выдающегося философа и публициста Лукиана (II в. н. э.). В трактате «Как следует писать историю» он говорит об истории как о науке, основанной на точных фактах и не нуждающейся ни в каких вымыслах, мифах, гиперболических выражениях и риторических украшениях.

Греческие и римские историки считали, что историк должен либо сам быть участником событий, либо по меньшей мере посетить места событий и побеседовать с очевидцами. Такие требования в принципе подразумевали написание сочинения только на тему событий, близких по времени писателю. Вот почему основное количество историков, в том числе такие выдающиеся, как Фукидид, Ксенофонт, Тацит, предпочитали исследовать сравнительно небольшие исторические периоды – максимально несколько десятков лет (а часто и весьма ограниченное географическое пространство). Даже у Полибия основной период его «Всеобщей истории» охватывает меньше 80 лет (между 220 и 146 гг. до н. э.). Все это ставило колоссальные препятствия для развития историографии и значительно сужало ее рамки. Неудивительно, что из многих античных историков лишь некоторые в своих произведениях пытались охватить большой диапазон времени и пространства (среди них Геродот, Полибий, Посидоний, Тит Ливий).

С Полибием эллинистическая традиция исторической мысли перемещается в Рим. Оригинальное ее развитие происходит в трудах Тита Ливия (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.), который поставил перед собой масштабную задачу – создать полную историю Рима с момента его основания. Римское государство на рубеже нашей эры переживало сложные времена, требовалось создать новую идеологию. Главная задача Ливия – собрать предания ранней римской истории и сплавить их в единый связный рассказ об истории Рима. Это способствовало и развитию нового историографического метода. В отличие от своих предшественников, которые писали о современных или близких к ним событиях, а указания о более далеких событиях помещали во введение, Ливий описывает отда-

ленные от него эпохи именно в основной части своего труда. В методе Ливия было много недостатков, тем не менее его труд остался в Античности уникальным.

Среди последующих римских историков видное место занимает Публий Корнелий Тацит (ок. 56 – ок. 117 гг. н. э.). Славу Тациту принесли два произведения: «История», которая описывала жизнь Рима и империи последней трети I в. н. э., и «Анналы», посвященные предшествующим десятилетиям этого века. Императоры в его книгах изображаются не столько как государственные деятели, утверждающие величие империи, но главным образом как кровавые тираны, которые, опираясь на грубую силу, на доносчиков и продажных магистратов, губят лучших людей государства.

«Последний римский историк» – Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400 гг. н. э.) – писал в IV в., в эпоху поздней империи, и, образно говоря, герой его истории – Империя. Он сторонник язычества и императора Юлиана Отступника, пытавшегося возродить язычество в Риме. Как и предшествующие ему историки, он пытался объяснить упадок империи порчей нравов стоящих у власти людей. Таким образом, римской историографии не удалось выйти за рамки морализаторской интерпретации исторического процесса.

Средневековая Европа

Хотя христианские авторы первых веков нашей эры и опирались на античную культуру, их сочинения были пронизаны религиозным контекстом. В отличие от греческой историографии, складывавшейся в период побед над персами, христианская мысль об истории формировалась в трудное время поздней античности, в период натиска варваров и упадка Римской империи. Это способствовало формированию ряда ее важных особенностей. Во-первых, это преимущественный пессимизм христианской теологии истории, выражающийся у многих писателей в идее греховности земной жизни, спасении людей только по милости Божьей и т. п. Во-вторых, опора исторического мышления на Библию, особенно на Ветхий Завет, и приоритет теологии истории над историографией. В-третьих, преемственность подходов средневековой теории истории. Христианская историография в отличие от античной развивалась в рамках строгой традиции, и заложенные в ранний период теоретические идеи очень долго не подвергались переосмыслению.

История рассматривалась как форма служения Богу. В Средние века история по-прежнему рассматривалась в первую очередь как средство для воздействия на читателя, некое хранилище поучительных примеров и рассказов. Однако для средневековых философов и историков история становилась одним из источников теологических размышлений о Боге и человеческой деятельности, делом веры и служения Богу. Для христианской теологии истории были характерны такие черты, как *дуализм*, *провиденциализм* и *эсхатология*. Дуализм – это противопоставление добра и зла, божественного и дьявольского в жизни и представление истории как борьбы царства Бога (церкви) и царства дьявола (земное государство). Провиденциализм – наличие изначально заложенного божественного смысла и плана истории. Эсхатология – ожидание конца истории в тот момент, когда божественный план исполнится.

При этом средневековое понимание истории вышло за рамки античного понимания прошлого. Если античная мысль ставила во главу угла человека и его борьбу, то средневековая – замысел и волю бога, человек рассматривался только как проводник этой воли. Средневековая теология привела к новому пониманию исторического времени. Поскольку согласно христианскому мировоззрению история развивается по плану Господа, ведущему к Царству Божьему, то возникает представление о линейном развитии истории (а не циклическом, как в Античности). Всемирная история делится на две части: до и после рождения Христа, то есть до и после центрального, согласно христианству, события истории. В результате это привело к формированию *универсальной хронологии*, когда летоисчисление для истории всех стран велось от Рождества Христова, хотя метод такой хронологии появился далеко не сразу.

Важное место занимает труд Августина «О граде Божьем». Августин Аврелий (354–430), епископ г. Гиппона в римской провинции Африка, заложил основы той богословско-исторической концепции, которая была воспринята почти всеми средневековыми историками и оказывала огромное влияние на историографию вплоть до XVIII в. Дуализм, провиденциализм и эсхатология очень ярко прослеживаются у него, в частности, в идее неизбежности окончательной победы христианской церкви. Произведение «О граде Божьем» создавалось в период краха Римской империи и полного упадка нравов. Христианская церковь оставалась в тот момент наиболее сплоченной, организованной и одушевленной идеей органи-

защитой. Однако церковь из гонимой стала уже государственной, и в ней в этот период шли великие дискуссии, решения по которым заложили основы церковной жизни на много веков вперед.

Все это вполне объясняет дуализм Августина и его страстность. Августин проводит идею сосуществования и борьбы двух полярных сил, двух городов (и шире – государств, царств бога и дьявола). Первый вечен, а второй имеет временное бытие. Историю человечества Августин рассматривает как поле борьбы между царством небесным и царством земным. Он противопоставляет «Град Земной» и «Град Небесный» в двух аспектах: с одной стороны, речь идет о двух мистических мирах – общинах людей, грешников и праведников, из которых одному «предназначено вечно царствовать с Богом», а второму – подвергнуться вечному наказанию с дьяволом. Но с другой стороны, Августин явно подразумевает под «Градом Земным» пораженный пороками Рим, а реальным воплощением «Града Небесного» на земле является Церковь, которая объединяет вокруг себя всех праведников. В образе «Небесного Града» Августин также утверждает идею единства человечества, в котором народы, охраняя свое своеобразие, объединяются одной верой. А из единства человечества вытекает и идея всемирной универсальной истории.

Идеи Августина о борьбе царства дьявола и Христа вдохновляли многих крупных историков и мыслителей. Впрочем, это неудивительно, если принять во внимание неустроенность жизни, слабость государств, злоупотребления, бесконечные войны и внутренние усобицы, периодические эпидемии и т. п.

Средневековая историография начинается с переходной от Античности к Средневековью эпохи, с конца III – IV в. н. э. Первый опыт богословской истории представлен в трудах Евсевия Кесарийского (ок. 260–339). Главным трудом Евсевия является его «Церковная история», а главным достижением – создание жанра церковной историографии. Тем самым он положил начало одному из ведущих направлений в средневековом историописании как в Европе, так и в Византии. Сочинения историка более позднего периода Павла Орозия (ок. 380–420), преданного ученика св. Августина, было создано уже полностью под влиянием новой доктрины последнего. Орозий в своем труде «Семь книг истории против язычников» описывает уже не только церковную историю, он создает образец нового жанра – всемирной истории, включающей в себя историю народов, государств и церкви.

В средневековой историографии выделялись два основных жанра: история (деяния) и хроника (анналы). Первые пространны и стремились излагать историю в логической последовательности, вторые – кратки и обычно излагали события в хронологическом порядке. Среди хроник особенно выделяются всемирные хроники. Позже в связи с поисками возможности совместить логический подход к изложению с хронологическим появляется более сложный смешанный жанр, соединивший особенности истории и хроники.

Известный подъем историографии наблюдается в XII в. в связи с развитием городской жизни, образования, культуры и т. д. Одним из самых выдающихся и очень популярным, несмотря на пессимизм автора, произведением XII в. была «Хроника» Оттона Фрейзингенского (после 1111–1158), крупнейшего историка XII в. Хроника охватывала события всемирной истории от сотворения мира до современного Оттону периода – 1146 г. Среди историков позднего Средневековья можно выделить Жана Фруассара (ок. 1337 – после 1404). Его хроники Англии, Франции и Испании охватывают период 1327–1400 гг., то есть примерно первую половину Столетней войны. В XV в. в связи с ростом интереса к истории появляется и новый жанр историографии – исторические мемуары. Филипп де Коммин (1447–1511), доверенный советник герцога Бургундского Карла Смелого, впоследствии состоявший на службе у короля Франции Людовика XI, в своих мемуарах не только описывает перипетии борьбы за централизацию Франции в XV в., но и создает собственную политическую теорию о государе и государстве, во многом опередившую идеи Н. Макиавелли.

Все средневековые периодизации строились с учетом деления истории на период до и после рождения Христа. В средневековой историографии были популярны периодизации, начинавшиеся с момента библейского сотворения мира (одна из ранних у Августина). Периодизация всемирной истории по четырем царствам (империям) была предложена Иеронимом (347–419/20) в развитие ветхозаветного текста. Согласно его схеме, с момента возникновения государства последовательными этапами развития человечества являются четыре империи: *Вавилонская, Персидская, Македонская* и *Римская*. Последовательная смена четырех монархий – своего рода ведущая линия исторического процесса – представляет результат провидения божьего, ведущего род человеческий к постоянно все большего единства. Эта периодизация часто использо-

валась, в том числе в «Хронике» Оттона Фрейзингенского. Важно учитывать, что эта схема рассматривала Римскую империю как последнее земное государство, падение которого поведет к светопреставлению и затем к наступлению царства Божия. Поэтому средневековые идеологи продолжали считать, что Римская империя не исчезла в V в., а продолжалась в империи Карла Великого (VIII–IX вв.), а затем все Средние века в так называемой Священной Римской империи во главе с германскими императорами.

В конце XII в., в период, когда в западноевропейском обществе происходили большие перемены, в том числе связанные с развитием монашеских орденов и городской культуры, появилась периодизация Иоахима Флорского, которая радикально расходилась с учением Августина. Флорский был аббатом одного из монастырей на юге Италии. Он делил всю историю на три периода согласно Святой Троице и, как его предшественники и современники, опирался на Священное Писание. Но в философско-социальном плане это была новая историческая концепция, рассматривающая ход исторического процесса как развитие от рабства к свободе. Период до рождения Христа – время «Бога Отца», когда общество держится только страхом, а повинование человека «закону» обусловлено рабством. Во времена «Бога Сына» Христа суровое рабство закону сменяется более мягким сыновним послушанием. Человек еще не свободен, но страх уже сменился сознательным повинованием. Далее должен наступить третий период – время господства «Святого Духа». Тогда единственной связью между людьми будут уже не страх и не дисциплина, а любовь. Учение Иоахима Флорского было осуждено как еретическое.

Основными методами средневекового историописания являлись: а) метод личного наблюдения и опоры на «надежные» свидетельства; б) метод компиляции; в) метод опоры на Священное Писание и труды отцов церкви; г) метод аллегорической типологии, который заключался в соотношении библейских и реальных исторических деятелей, когда характеристики библейских персонажей использовались для описания реальных деятелей (отрицательный деятель мог быть Каином и т. п.); д) критический метод, в целом был слабым, а использование архивных документов – эпизодическим. Как правило, эти методы принципиально не отличались от тех, что использовались в Античности, за исключением, конечно, опоры на Библию. Но в связи со всемирным характером историй метод компиляции стал гораздо более распространенным.

Хотя многие средневековые историки стремились по возможности добросовестно зафиксировать современные им события, в целом обычным делом было самое бесцеремонное обращение с фактами и их прямое искажение. Подлинности или неподлинности сведений историки могли не придавать значения, если считали какой-то эпизод интересным, поучительным для читателя или если им просто надо было заполнить лауну в историческом рассказе. Искажение фактов и их прямая фальсификация делались часто в угоду оправданию веры и ради создания исторического основания для политических, правовых, идеологических, имущественных и иных притязаний со стороны более или менее влиятельных политических сил, в том числе в угоду римской церкви. Например, в труды античных писателей при их переписывании вставлялись фрагменты о жизни Иисуса Христа. Именно со Средних веков складывается устойчивая традиция политического использования истории в интересах церкви, династии или государства, традиция, которая, к сожалению, не умирает и до сих пор. Все это способствовало появлению гигантского количества различных исторических подделок, что впоследствии стало важнейшей причиной полного отрицания заслуг средневековой историографии.

Византия, Русь, Средневековый Восток

Византийская историографическая традиция так же, как и западноевропейская, развивалась под влиянием трудов ранних христианских писателей, особенно Евсевия Кесарийского, Августина, Орозия. Кроме того, она впитала черты античного наследия. Одним из самых известных историков раннего периода Византии был Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 – после 562 г.), преуспевший на службе при дворе императора Юстиниана I, периоду правления которого и посвящены главные произведения Прокопия. В VI в. именно при Юстиниане, названном Великим, был период наивысшего подъема Византийской империи, когда казалось, что удастся возродить Римскую империю в полном объеме и на Востоке, и на Западе. Однако Юстиниан надорвал силы империи. Это определяет двойственность в позиции Прокопия. Если в своих официальных произведениях он прославляет императора, его войны и политику, то в «Тайной истории» подвергает Юстиниана и его окружение критике и резкому моральному осуждению, изображая его правление как тиранию, а результаты его политики расценивая как губительные для государства.

С VII в. основным жанром становится всемирно-историческая хроника, ориентирующаяся на библейскую модель истории человечества. Но как теоретический уровень анализа событий, так и уровень критического метода источников был низким, хронисты широко использовали всевозможные легенды и баснословные рассказы, не отделяя их от достоверных сведений. В XI–XII вв. византийская историография переживала подъем – появился ряд выдающихся авторов, создавших яркие произведения.

В Византии, как и в Западной Европе, главными жанрами историографии были хроника и история, и также постепенно шел поиск возможностей синтеза обоих жанров. Одним из писателей, преобразовавших «хронику» в «историю», был крупнейший историк Михаил Пселл (1018 – ок. 1078 или ок. 1096), автор «Хронографии», посвященной столетнему периоду византийской истории (976–1077 гг.). Каждая глава сочинения Пселла посвящена определенному императору.

Русская общественно-политическая и историческая литература имеет немало общих черт с европейской, поскольку: а) обе опирались на авторитет Священного Писания и произведений ранних христианских писателей (отсюда, в частности, провиденциализм, использование библейских образов и пр.); б) история Руси описывалась как часть всемирной, то есть библейской истории. Однако на формирование русской философско-исторической мысли повлиял раскол христианской церкви в XI в., в связи с чем православная Русь оказалась в другом – византийском – идеологическом лагере.

Главным жанром русской исторической литературы были летописания – погодные записи об отдельных исторических событиях. Эта традиция сохранилась вплоть до XVI в. Летописные своды были более универсальным жанром, чем европейские хроники, так как могли произвольно расширяться за счет различных текстов или устных преданий. Они могли дополняться вставками и новыми хронологическими записями более поздних авторов. При этом все дошедшие до нас летописи являются сводами, в состав которых вошли более ранние тексты. «Повесть временных лет», созданная в начале XII в., дает начало наиболее известным летописям XIV и последующих веков. Автором первой редакции «Повести...» считают монаха Киево-Печерского монастыря Нестора.

В период удельной раздробленности патриотизм местных летописцев переплетался с идеями общего единства всех княжеств.

Среди политических идей русской литературы в первую очередь выделяется концепция необходимости единства Русской земли и прекращения перед лицом внешнего врага княжеских усобиц.

С усилением Москвы постепенно укрепляется идея подчинения всех русских государей великому князю Московскому. Москва и ее правители изображались прямыми преемниками киевских князей. В годы царствования Ивана Грозного были созданы грандиозные труды: многотомный летописный «Лицевой свод» и «Степенная книга» – династическая история московских правителей, возводимая к первым киевским князьям. Ее основой стала идея «богоизбранности Руси», которая получила развитие в теории «Москва – Третий Рим». Она была сформулирована монахом Псково-Печерского монастыря Филофеем около 1524 г. Вторым Римом считался павший под натиском турок Константинополь. Главой православного христианства после этого стала Москва. Филофей говорил, что «два Рима падоша, а третий (то есть Москва) стоит, а четвертому не быти».

Важное место в философии истории занимает арабская мысль. В IX–XI вв. мусульманская историография переживает расцвет: появляются обобщающие труды по всеобщей истории, претендующие на освещение всего исторического процесса, в том числе за пределами исламского мира. Наиболее выдающимся представителем арабской общественной мысли был Ибн Халдун (1332–1406), историк, философ и первый арабский социолог. В большом «Введении» (по сути, самостоятельном историко-социологическом произведении) к обширному историческому труду «Книга примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле» он развивал философско-исторические идеи, в ряде отношений опередившие европейскую мысль. Ибн Халдун стремился проникнуть в изучение частных явлений «через врата общих причин» и основу социальных явлений видел в материальной жизни людей, в их хозяйственной деятельности и природном окружении. Ему принадлежит глубокая мысль о циклическом развитии государственности у кочевников, обусловленном, по его мнению, тем, что каждая из кочевнических правящих династий через несколько (обычно три) поколений приходит в упадок из-за изнеженности и расточительства правителей. К власти приходят суровый правитель и его сплоченное особыми узами близости (асабией) племя. Но затем асабия слабеет, кочевники привыкают к роскоши и цикл повторяется.

Многие черты средневековой китайской историографии и философии были заложены еще при династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), то есть в период древнего мира. В частности, известный конфуцианский мыслитель Дун Чжун-шу (ок. 179–104 гг. до н. э.), используя наработки своих предшественников, например Кун-цзы (Конфуция), Мэн-цзы и Хань Фэя, выдвинул концепцию общественного устройства. Оно должно руководствоваться «тремя устоями»: властью монарха над народом, отца над детьми и мужа над женой; «пятью постоянствами» (незыблемыми правилами): человеколюбием, справедливостью, этикетом, мудростью и доверием; а также жизнью согласно правилам: «почитая Небо и следуя древности». Таким образом, в подход Конфуция к прошлому был привнесен новый элемент – Небо, что сакрализовало данное построение и подняло его на более высокий уровень, позволив создать устойчивую идеологию (см. ниже).

Значимость философских и исторических знаний поддерживалась государством разными способами, включая финансирование, систему экзаменов, создание библиотек и архивов, периодами существовала монополия на создание исторических трудов. Назначались особые чиновники-историки, имелись историографические канцелярии, собирающие сведения о текущих событиях. Благодаря этому в китайской историографии существовала практика, мало использовавшаяся в историографии других стран до XVIII в. (и ставшая распространенной только в XIX–XX вв.), – над крупными сводными историческими произведениями по заказу правительства трудились нередко коллективы ученых.

Длительность традиции и накопление материала, с одной стороны, и потребность в создании новых трудов – с другой, привели к большому разнообразию жанров, расширению предмета философии и истории, развитию критических методов и источниковедению, фактически к сложению таких вспомогательных дисциплин, как эпиграфика, археография, наконец, к возникновению историографии в узком смысле слова, то есть истории исторической науки. Крупный сановник, историк, член нескольких комиссий по составлению официальных исторических произведений Лю Чжи-цзи (661–721) стал основоположником этого направления. В 710 г. он составил труд «Проникновение в историю», где детально рассмотрел и критически проанализировал предшествующие исторические труды. Его подход к научному исследованию и указанная книга служили образцом для последующих поколений ученых.

Устойчивая политико-историческая идеологема, которая возникла еще в Древнем Китае, просуществовала все Средние века и Новое время. Согласно этому взгляду, исторический процесс рассматривается как повторение династических циклов, каждый из которых продолжался, пока данная династия следовала «воле Неба», и заканчивался ее гибелью, когда она нарушала «волю Неба» и потому утрачивала «небесный мандат» на управление страной. В этом плане очень интересны династийные истории, которые составлялись уже после падения династии (по приказу монарха из новой династии), когда появлялась возможность критически оценить результаты деятельности прошлых правителей и применить концепцию «мандата неба». Первая из них, «Хань шу» («История династии Хань»), принадлежит еще знаменитому древнекитайскому историку Бань Гу (32–92), последняя, «Мин ши» («История династии Мин»), была составлена в XVIII в. при маньчжурской династии Цин (1644–1911). «Истории», как уже сказано, построены, в принципе, по одному плану, подражающему произведению первого китайского историка Сыма Цяня «Исторические записки» («Ши цзи»). Во всех них присутствуют два главных раздела – «Основные записи» и «Биографии».

Наиболее плодотворным временем для исторической и общественной мысли был первый период Средних веков (с III по X в.), особенно время династии Тан (618–907 гг.), когда благодаря труду большой плеяды историков китайская историография достигла зрелости. Одним из примеров плодотворности указанного периода было составление тринадцати из двадцати четырех династийных историй. Собственно говоря, почти все основные жанры исторических произведений, их конструкция, теоретические установки, принципы отношения к изучаемому материалу, многие конкретные приемы появились именно в указанную эпоху, став прочным базисом дальнейшего развития китайской историографии.

Таблица. Выдающиеся историки, философы и мыслители

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Автор	Даты	Государство	Название произведения
1	2	3	4
Конфуций (Кун-цзы)	551–479 гг. до н. э.	Китай	«Лунь юй» («Беседы и суждения»)
Каутилья	IV–III в. до н. э.	Индия	«Артхашастра» («Наука о пользе»)

Продолжение табл.

1	2	3	4
Сыма Цянь	145–86 гг. до н. э.	Китай	«Исторические записки»
Бань Гу	32–92 гг. н. э.	Китай	«История Ханьской династии»

АНТИЧНОСТЬ

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Гесиод	VIII–VII вв. до н. э.	Греция (Беотия)	«Труды и дни»
Гекатей	ок. 546–480 гг. до н. э.	Греция (Милет)	«Описание земли»
Геродот	Род. 490–480 гг. до н. э. – ум. 430–424 гг. до н. э.	Греция (Афины и др. места)	«История»
Фукидид	460–400 гг. до н. э.	Греция (Афины)	«История Пелопоннесской войны»
Платон	428–348 гг. до н. э.	Греция (Афины)	«Государство»
Аристотель	384–322 гг. до н. э.	Греция (Афины)	«Политика»
Полибий	200–120 гг. до н. э.	Греция (Аркадия), Рим	«Всеобщая история»
Лукреций Кар	Род. ок. 99–95 гг. – ум. 55 гг. до н. э.	Римская республика (римский поэт и философ)	«О природе вещей»
Тит Ливий	59 г. до н. э. – 17 г. н. э.	Римская республика, ранняя империя	«Римская история от основания города»
Плутарх	Ок. 45 – ок. 127 гг. н. э.	Ранняя Римская империя (греческий историк из Беотии)	«Сравнительные жизнеописания»
Тацит	Ок. 56 – ок. 117 гг. н. э.	Ранняя Римская империя (римский историк)	«История»

Продолжение табл.

1	2	3	4
Лукиан	Прибл. 120–125– после 180 гг. н. э.	Римская импе- рия (греческий философ и пи- сатель из Са- мосаты)	«Как следует писать историю»
Аммиан Мар- целлин	ок. 330 – ок. 400 гг. н. э.	Поздняя Рим- ская империя	«Деяния»

СРЕДНИЕ ВЕКА

Автор	Даты	Страна	Название произведения
1	2	3	4
Евсевий Кесарий- ский	ок. 260–340 гг.	Римская империя	«Церковная история»
Августин	354–430 гг.	Римская империя	«О граде Божьем»
Павел Орозий	ок. 380–420	Римская империя	«История против язычников в семи книгах»
Прокопий Кесарий- ский	между 490 и 507 – после 562 гг.	Византия	«Тайная история»
Лю Чжи- цзи	661–721 гг.	Китай	«Проникновение в историю»
Беда Дос- топочтен- ный	672/73 – ок. 735 гг.	Англия	«Церковная история народа англо- в»
Хань Юй	768–823 гг.	Китай	«О человеке»
Абу Али ибн Миска- вайх	ум. 1030 г.	Арабский халифат	«Книга опытов наро- дов»
Михаил Пселл	1018 – ок. 1078 или ок. 1096 гг.	Византия	«Хронография»
Нестор	XI–XII вв. (гг. рожд. и смерти не уст.)	Древняя Русь	«Повесть временных лет»
Отгон Фрейзин- генский	после 1111– 1158 гг.	Германия	«Хроника»

Окончание табл.

1	2	3	4
Иоахим Флорский	Ок. 1132–1202 гг.	Италия	«Пособие к Апокалипсису»
Ибн Халдун	1332–1406 гг.	Египет	«Мукаддима» («Введение» к историческому труду)
Жан Фруассар	ок. 1337 – после 1404 гг.	Франция	«Хроники»
Филипп де Коммин	1447–1511 гг.	Франция	«Мемуары»
Андрей Михайлович Курбский	1528–1583 гг.	Российское государство	«История о великом князе Московском»
Иннокентий Гизель	Ок. 1600–1683 гг.	Польско-Литовское государство/ Российское государство (Киев)	«Синописис» (краткое собрание от разных летописцев)

Рекомендуемая литература

- Вайнштейн О. Л. 1964.** *Западноевропейская средневековая историография.* М.; Л.
- Гринин Л. Е. 2012.** *От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории.* М.: ЛКИ.
- Коллингвуд Р. Дж. 1980.** *Идея истории. Автобиография.* М.: Наука.
- Лосев А. Ф. 1977.** *Античная философия истории.* М.: Наука.
- Немировский А. И. 1986.** *Рождение Клио: у истоков исторической мысли.* Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.
- Шапиро А. Л. 1993.** *Историография с древнейших времен до 1917 г.* М.: Культура.

Глава 2

ПЕРИОД ВОЗРОЖДЕНИЯ – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

Период раннего Возрождения (конец XIV – начало XVI в.)

Гуманистическая историография в Италии представлена именами Л. Бруни, Ф. Бьондо, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини и др. Термины «гуманизм» и «гуманисты» означают, что именно человек и его земные проблемы (а не проблемы веры) оказались теперь в центре внимания интеллектуалов.

Историческое сознание в период Возрождения (особенно раннего) характеризуется стремлением вернуться к античному наследию как к некоему идеалу. В некоторой степени это объяснялось сходством политического устройства античных и итальянских городов-государств. Отсюда и название эпохи – Возрождение, или Ренессанс, так как представители новой культуры – гуманисты – расценивали этот период как возврат к античным культурным и духовным ценностям.

Существуют общие черты между теорией, методологией истории и историографией раннего Возрождения и Средних веков. Для них было характерно:

а) взгляд на историю не как на науку, а как на интеллектуальное занятие, призванное влиять на читателей путем произвольного подбора примеров; отсюда и недостаточное уважение к точности фактов;

б) идеологи Возрождения продолжали принимать как данность истории ряд церковных догм;

в) продолжалась традиция написания всемирных историй, хотя и более совершенных, чем средневековые, но в целом столь же компилятивных.

В период раннего Возрождения также усилился процесс политизации истории и, к сожалению, даже сознательной ее фальсификации. В эту эпоху каждый город-государство стремился обзавестись собственной историей. Гуманисты, многие из которых служили при папском и княжеских дворах, часто получали соответствующие заказы составить официальную историю государств или династий в риторическом стиле для тех или иных республик

или княжеств. Кроме того, они часто писали историю в соответствии с запросом тех правителей, которые были заинтересованы в определенной интерпретации событий, поскольку это придавало притязаниям определенной династии или группы большую достоверность. Тем не менее это не дает основания умалять реальных заслуг гуманистов.

Для периода раннего Возрождения XV – начала XVI в. можно говорить о ряде достижений исторической мысли:

1) Появление новой методологии истории, связанной с филологической критикой источников и текстов.

2) Развитие источниковедения, поскольку было найдено, возрождено и спасено от забвения и гибели огромное количество античных текстов и других реликтов Античности – надписи на твердом материале, статуи, здания.

3) Формирование нового подхода к периодизации истории и переоценка эпох. Историю, начиная с трудов Ф. Бьондо, делят на периоды уже не по библейским легендам, а на три реальные исторические эпохи: Античность, Средние, или «темные», века и Новое время (возрождения идеалов Античности). При этом эпоха Средних веков была коренным образом переоценена как время варварства, ее авторитеты перестали быть кумирами; одновременно античная эпоха признается выдающимся периодом и даже чрезмерно идеализируется. Новая периодизация истории с некоторыми хронологическими изменениями стала позже (в XVII–XVIII вв.) очень распространенной (древняя, средняя и новая история), она играет свою роль и в настоящее время.

4) Формирование нового отношения к человеку и начало секуляризации истории. Человек вновь стал центральной фигурой истории, а дела людей рассматривались как имеющие самостоятельный интерес, а не только в связи с замыслом Божиим.

В то же самое время мысль итальянских деятелей Возрождения не дала оригинальной теории и философии истории. Фактически они и не стремились к разработке такой теории, главным для них было противопоставление Античности и Средневековья.

Зарождение новой методологии истории было связано с введением в оборот большого количества древних текстов, в частности из практической потребности к установлению достоверности таких текстов. Новая методика основывалась прежде всего на блестящем знании латыни и древних языков и достижениях филологии. Новая

методология была успешно применена для установления подложности одного из самых важных для папского влияния документов – так называемого «Константинова дара». Этот документ обосновывал права папы на Рим. Церковь относила этот документ к IV в., когда жил император Константин, а на самом деле он был сфабрикован папской канцелярией в VIII в. Согласно этому тексту, римский император Константин якобы передал город Рим и светскую власть над западной частью Римской империи, в том числе и над Италией, в управление римскому папе Сильвестру I (314–335) в благодарность за исцеление и в связи с принятием Константином христианства, а сам император переезжал на Восток в город Константинополь.

Данный документ тем самым не только обосновывал права римских пап на Рим, но и служил для них юридическим основанием в претензиях на светскую власть (а также был аргументом в спорах о том, чья власть выше – папы или императора). В подлинности этого документа сомневались давно. В 1440 г. Лоренцо Валла (1407–1457) по заказу арагонской династии Неаполитанского королевства, которая выступала против притязаний папы, написал знаменитый «Трактат о ложности дара Константина». Среди разных аргументов наиболее важным стала филологическая критика текста. В частности, грамматически анализируя отдельные фразы, Валла обнаруживает варварский характер латыни «Константинова дара», на которой римлянин IV в. писать не мог; историк сравнивает язык некоторых мест «Константинова дара» с языком «Апокалипсиса» Библии и указывает, что оттуда взяты целые фразы, и т. п. Новый способ анализа в период раннего Возрождения не получил распространения, но в дальнейшем не раз использовался для разоблачения исторических фальшивок и преодоления концепций и представлений, выработанных средневековой историографией.

Важное значение для философии истории сыграла политическая теория Никколо Макиавелли (1469–1527). Макиавелли был не только одним из крупнейших историков эпохи итальянского Возрождения, но и самым крупным теоретиком этого времени. Его труд «Государь» стал наиболее известным политологическим произведением начала XVI в. Макиавелли исходил из признания того, что в истории действуют объективные закономерности, независимые от воли людей и богов. Он также развивал сход-

ную с идеей Полибия концепцию о циклическом развитии форм политической организации общества (см. главу 1). В частности, по его мнению, демократия вырождается во власть черни и в анархию. После этого государство должно погибнуть, если к власти не придет сильная личность, способная установить порядок и провести должные изменения в этом раздираемом враждой обществе. Выход для Италии он видит в ее объединении под властью сильного и лишённого угрызений совести государя, которому для достижения этой цели дозволено использовать все средства.

У Макиавелли много ценных и глубоких идей. Однако именно в этом моменте позволительности совершать преступления ради цели и заключается новый и ставший знаменитым подход Макиавелли как политического теоретика. Так возникло понятие «макиавеллизма» как олицетворения политического коварства. Однако в реальности Макиавелли писал не о моральной вседозволенности правителя, а показывал, что любая власть внеморальна по своей сути. Эта теория срывала лицемерный покров таинственности, божественной благодати и ореола с политической власти вообще и власти монархической в частности. Политика представляла во всей ее противоречивости и реальности, а ее изучение переходило на уровень научного анализа. Откровенно и грубо описав соотношение моральных норм и политической целесообразности, он поставил перед политической наукой одну из самых сложных и дискуссионных проблем, которая уже несколько веков не может оставить никого равнодушным.

Позднее Возрождение (XVI – начало XVII в.)

Со второй половины XVI в. можно говорить о постепенном упадке гуманистической культуры в Италии, но к этому времени она успела оказать колоссальное воздействие на культуру почти всей Европы, а Возрождение стало общеевропейским явлением. Видными представителями гуманистической историографии были У. Кемден и Ф. Бэкон в Англии, Я. Вимфелинг, С. Франк и др. – в Германии, Ж. Боден, отец и сын Скалигеры – во Франции. Мыслители XVI в. продолжали критику средневековых авторитетов, но более откровенно и широко. Дело в том, что в отличие от итальянских гуманистов, в целом более или менее равнодушных к теологическим проблемам, европейский (особенно немецкий) гу-

манизм оказался тесно связанным с Реформацией и с ожесточенными идейно-религиозными спорами.

Мыслителей XVI в. от гуманистов раннего Возрождения отличали следующие черты:

а) глубоко изучая античное наследие, они гораздо меньше, чем итальянские гуманисты, принимали как непререкаемые суждения античных писателей. Например, английский философ и историк Фрэнсис Бэкон (1561–1626) в своей знаменитой работе «Новый Органон» (1620), названной в противопоставление «Органону» Аристотеля, утверждал, что благоговение перед древностью «околдовывает» людей и удерживает от движения вперед;

б) одновременно гуманисты XVI – начала XVII в. стали осознавать свое время как принципиально новый период истории (а не только как период возрождения античной культуры), в том числе в связи с открывающимися возможностями научного метода.

Основными достижениями теоретико-исторической мысли XVI – начала XVII в. являлись следующие:

1. Рост интереса к истории и развитие идей о ее назначении.
2. Первые попытки применения научного метода к изучению общества.
3. Развитие критической методологии истории, новой научной хронологии и расширение источниковедения за счет активной публикации текстов.
4. Развитие теории истории, в частности представлений о ее движущих силах, зарождение идеи поступательного прогрессивного развития общества.
5. Развитие новых общественно-политических теорий, связанных с идеями о наиболее правильном устройстве общества.

В XVI в. меняются представления о науке и ее возможности, открывшиеся после публикации знаменитого труда Н. Коперника в XVI в. (1543 г.) В частности, лозунгом научного прогресса на последующие века стало знаменитое выражение Бэкона: «Знание – сила». Складывается новое отношение к истории, которое заключалось в рассмотрении ее через призму научного подхода. Тот же Бэкон, будучи не только философом, но и историком, смотрел на историю в определенной мере как на опытное знание.

Рост интереса к истории наглядно выразался в том, что книги, посвященные вопросу о жанрах, целях, достоинствах и методе «написания и чтения истории», становятся особенно многочисленны-

ми начиная со второй половины XVI в. Подлинно новаторскими среди такого рода книг стали произведения итальянского гуманиста и философа Ф. Патрици (1529–1597) «Десять диалогов об истории» и французского политического мыслителя Ж. Бодена (1530–1596) «Метод легкого познания истории». В их трудах история выступает уже не как род искусства, а как наука, главной задачей которой является познание истины (а не собирание примеров для назидания), установление подлинности фактов (соответственно их поиск и отбор) и критика источников. Боден даже приблизился к пониманию того, что история обладает своим собственным методом. Но спор и даже идейная борьба за то, чем является история – наукой о фактах или способом воспитания общества, будет идти еще на протяжении трех последующих веков.

В целом мыслители XVI в. значительно расширили и развили представления о движущих силах истории, рассматривая в качестве последних разум и науку, идейную и политическую борьбу, государство и его деятельность (законы, войны, методы управления), личность (государей, политических и иных деятелей), отношения собственности, географическую среду и др. Все эти факторы затем активно исследуются в течение последующих столетий. Жан Боден был одним из самых крупных теоретиков в области общественной мысли и исторического процесса XVI в., некоторые его мысли существенно опередили свое время. Новаторскими были высказывания Бодена (в произведении «Шесть книг о государстве») о влиянии особенностей природы и климата на политическое и социальное устройство общества (см. подробнее главу 9). У Бодена мы также встречаем идею, которая резко отличает его от гуманистов, – это идея прогресса. При этом он полагал, что наука история показывает это прогрессивное движение.

Важно отметить, что XVI в. и начало XVII в. богаты не только новыми теоретическими идеями, но и новыми подходами к методологии истории. Прежде всего:

а) повысились требования к точности исторических фактов и ценность фактов самих по себе, продолжалась прямая или косвенная критика средневековых взглядов на историю;

б) развивались критические методы, которые способствовали определению подлинности древних и средневековых текстов и установлению их возраста (по использованному материалу, особенностям написания букв, грамматики и т. п.);

в) происходит становление методов специальных исторических дисциплин (археографии, топонимики, палеографии, нумизматики и др.). Крайне важно, что новые методы способствовали реконструкции истории на основе полученных в анализе данных.

Наглядной победой научного метода в XVI в. стало создание научной хронологии. Иосиф Юстус Скалигер (1540–1609) в своей работе «Об улучшении хронологии» заложил фундамент этой научной дисциплины. Позже Скалигер издал книгу, где были собраны сведения всех известных ему античных хронографов. Знание языков и истории помогло ему включить в свою систему важнейшие источники по древней хронологии и найти способы перевода дат между этими системами. Скалигер широко использовал метод астрономической датировки событий. Таким образом, впервые всемирная история получает научно обоснованную хронологию и научный метод сопоставления разных систем хронологии.

Теория и методология истории в XVII в.

Философия и наука XVII в. основывались на рационализме, то есть на представлениях о том, что мир познаваем, что любое знание не должно браться на веру, а должно быть проверено разумом и логикой. Рационалистический подход стал проникать и во взгляды на проблемы развития общества и государства. Не имея еще достаточной базы исторических фактов, находясь под впечатлением успехов физики, мыслители выдвинули идею уподобления общества механизму. Такой подход перенесения принципов механики на изучение общества получил позже название *механицизма*. При этом: 1) законы общества в целом считались подобными законам природы, особенно физики; 2) общество рассматривалось как простая сумма равновеликих единиц-индивидов, между которыми действуют силы волеизъявлений людей; 3) как и в механике, эти силы действуют лишь в двух направлениях – притяжения и отталкивания; 4) из свойств индивидов выводились универсальные законы общества; 5) эти идеи давали убеждение, что общество можно перестроить в соответствии с требованиями разума. Понимая эту логику, гораздо легче понять и основные идеи социальных философов не только XVII, но и следующего – XVIII в.

На Западе XVII в. был веком революций и социальной борьбы, поэтому общественная мысль была прикована к проблеме правиль-

ного устройства государства, сохранения порядка, обеспечения нужного баланса интересов между различными социальными силами. Это привело к созданию теорий общественного договора. Существует три теории общественного договора: консервативная, либеральная и социалистическая (она была высказана Ж. Ж. Руссо в XVIII в.).

Консервативная теория общественного договора принадлежит английскому философу Т. Гоббсу (1588–1679). В 1651 г., осмыслив тяжелый опыт ожесточения революции и гражданской войны в Англии, он опубликовал книгу «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», в которой представлял государство в образе библейского великана Левиафана. Формулировка Гоббса о том, что до государства в обществе царил «война всех против всех», стала знаменитой. Общественный и исторический опыт братоубийственных войн в государствах Европы привел Гоббса к заключению, что государство возникло в результате общественного договора с целью положить конец существовавшей до того разобщенности и вражды между людьми, оно призвано поддерживать мир и безопасность граждан. Гоббс фактически исходил из того, что «худой мир лучше доброй ссоры» и «из двух зол выбирают меньшее», поэтому утверждал, что граждане обязаны беспрекословно подчиняться воле государства, а оно, в свою очередь, обязано заботиться о благе народа.

Более взвешенную, либеральную теорию взаимоотношения государства и общества (индивида) создал английский философ Дж. Локк (1632–1704), который, как и Гоббс, осуждал английскую революцию 1640–1660 гг. как безумие, но всячески приветствовал так называемую «Славную революцию» 1688 г., в результате которой в Англии бескровно был свергнут тиран Яков II и затем установлена конституционная монархия с достаточно сбалансированным разделением власти. Локк пришел к выводу, что государственная власть обязана охранять такие «естественные права» людей, как их личную свободу и частную собственность, а если она не выполняет этих обязанностей, то народ вправе свергнуть ее и создать новое правительство.

В целом для историко-теоретической мысли XVII в. были характерны следующие достижения:

1. Переход к «научному» исследованию общества с позиции открытия фундаментальных универсальных *научных* законов его функционирования.

2. Продвижение в области теории истории, включая формулирование новых, нетеологических движущих сил истории; углубление представлений о периодизации истории.

3. Разработка новых теорий происхождения государства и права, разработка исторического взгляда на формирование важнейших институтов общества.

4. Попытки использования общественной науки для реформирования общества. Впервые общественная мысль стала всерьез ставить вопрос рационального переустройства общества.

Другим важным достижением XVII в. стало развитие архивных изысканий и особых методов источниковедческого анализа. Началась регулярная обработка, а затем и публикация обширных серий средневековых документов, что сделало их доступными для изучения. В результате распространилась практика цитирования подлинных документов, прежде всего, конечно, в трудах ученых эрудитов. Особую роль в этих публикациях массы документов сыграли общества – публикаторы религиозных орденов бенедиктинцев во Франции и иезуитов в Антверпене. Они ставили своей целью собирание документов по истории орденов, религиозных движений, житий святых и т. п. Эта деятельность объективно имела определенное научное значение, так как при этом формировались методы установления подлинности документов (их аутентичности, сверки разных вариантов текстов и т. п.), прежде чем они публиковались. Религиозные эрудиты издавали также руководства по датировке и установлению достоверности рукописей.

Постепенно началось развитие вспомогательных исторических дисциплин, таких как дипломатика и палеография. Кроме того, собиратели древностей (антиквары XVI–XVII вв.) заложили основы для введения в оборот изучения неписьменных источников (монет, древних надписей и особенностей писчего материала, печатей и т. п.).

В последней четверти XVII – начале XVIII в. была также проделана важная работа в области периодизации: немецкий историк Х. Келлер (Келлариус, Целлариус) (1634–1706) развил, углубил и систематизировал идеи эпохи Возрождения о трех крупных эпохах истории *древности, Средневековья и Нового времени*. Его периоди-

зация датировала конец древности кризисом Римской империи IV в. н. э., а Новое время – серединой XV в. (падением Константинополя в 1453 г.). Эта периодизация прочно вошла в несколько измененном виде в историческую науку. Однако необходимо иметь в виду, что она была выработана на материалах европейской истории (евроцентризм) и не учитывала особенности развития незападных обществ.

Как известно, XVII в. был временем контрреформации и инквизиции, которая боролась с научными идеями. В то же время впервые борьба теологической и антирелигиозной (научной) мысли шла с применением научных достижений с обеих сторон. Наиболее дальновидные церковные идеологи уже не могли не считаться с результатами научных наблюдений и открытий. Вот почему они активно использовали научную идею первотолчка (которую развивали и физики, в частности Исаак Ньютон), трактуя ее в провиденциалистском смысле, что уже «первым толчком» Бог predetermined все дальнейшее развитие мира согласно собственному замыслу. Такая трактовка указанной идеи содержалась, в частности, в книге епископа Ж. Б. Боссюэ (1627–1704) «Рассуждения о всеобщей истории».

Век Просвещения (XVIII столетие)

В смысле проблематики, общих идей и подходов XVII и XVIII вв. имеют очень много общего, но многие проблемы, только намеченные в работах XVII в., в XVIII в. получают мощное и порой совсем новое звучание. Это время господства рациональности – все начинает измеряться с точки зрения соответствия разумному. Как и в XVII в., развивается стремление найти универсальные и вечные законы истории и общества. Продолжает развиваться механистический взгляд на общество как некий агрегат индивидов (а не как на систему или социальный организм). С течением времени этот взгляд перерос в убеждение о безграничных возможностях рационального переустройства общества.

В эпоху Просвещения начинает складываться философия истории. Важной для этого времени была тема единой и неизменной человеческой природы и поиска вытекающих из этого универсальных законов. Одним из таких законов некоторым просветителям (Тюрго, Кондорсе) виделся закон общественного прогресса. В отличие от единообразно формулируемых законов природы вопрос,

в чем заключается единство человеческой природы и какие следствия для общества отсюда вытекают, решался различными мыслителями по-разному. Например, одни философы видели идеал общества в коммунизме, другие – в индивидуальной свободе.

Внимание мыслителей также привлек вопрос, почему при единой природе людей столь разнообразны государственные формы и порядки. Дж. Вико, например, объяснял эту смену законом циклического развития, А. Барнав (1761–1793) – устареванием законов и отношений в связи с развитием общества. Исходя из этого, он также рассматривал революции как закономерные этапы развития. Монтескье уделял большое внимание различию географических условий. Вольтер указывал на роль выдающихся законодателей.

Главными движущими силами человеческой истории просветители считали разум, просвещение, деятельность выдающихся правителей, а тормозом развития – невежество, предрассудки, суеверие, религиозный фанатизм, ошибки и прямой обман. Важную роль просветители придавали также естественным стремлениям и «интересам» людей, их страстям и идеям. Хорошо выражает такой подход афоризм П. А. Гольбаха (1723–1789): «Мнения правят миром». Реже встречаются (например, у Тюрго, Кондорсе, представителей шотландской философско-исторической школы Робертсона, Фергюсона) идеи о важной роли развития промышленности, торговли, изобретений и иных материальных движущих сил.

Одним из главных достижений философии истории Просвещения стала идея прогресса, которая до сих пор не потеряла своей актуальности во многих философских и исторических построениях. Эта теория связывается главным образом с именами Вольтера, Тюрго, Гердера и Кондорсе. Прогресс они рассматривали как поступательное развитие культуры, нравов, наук и искусств, в меньшей степени – промышленности, техники, торговли. Однако в подходах просветителей к прогрессу чувствуется недостаток историзма, так как он часто трактуется ими как бесконечное поступательное развитие.

Теория прогресса имела разную трактовку у различных ее приверженцев. В одних случаях ее распространяли на все эпохи человеческой истории, начиная с зарождения цивилизации (Кондорсе); в других случаях (Вольтер) прогресс признавали лишь для отдель-

ных периодов (Античность, эпоха Возрождения). Тюрго в прогрессе видел всеобщий исторический закон.

Вместе с теорией прогресса формируется и идея поступательного развития человечества, которая в чистом виде встречается, в частности, у Кондорсе. Но и Вольтер основную задачу всемирной истории видел в том, чтобы показать, «через какие ступени люди пришли от грубого варварства прежних времен к культуре нашего времени». Аналогично подходили к всемирной истории Кант и Шиллер. Немецкие просветители вообще внесли важный вклад в развитие этой идеи. Виднейший представитель философии истории в Германии И. Г. Гердер (1744–1803), в чем-то предвосхищая историзм следующего века, пытался сочетать идею поступательного развития единого человечества с признанием самостоятельного значения сменявшихся в ходе истории эпох и последовательно вступающих на ее сцену народов.

Теория прогресса способствовала и появлению содержательных (концептуальных) периодизаций, которые теперь у отдельных исследователей строились согласно стадиям и этапам прогресса (так, периодизация Кондорсе насчитывает десять стадий). Стала относительно распространенной (Тюрго, Барнав, Фергюсон, А. Смит, Десницкий) и четырехстадийная периодизация по этапам развития хозяйства: охотничье-собирательская, скотоводческая, земледельческая, промышленная (или коммерческая).

Из просветителей идею прогресса разделяли не все. Но даже те, кто ее принимал, иногда одновременно развивали и иные подходы. Например, в некоторых работах Ж. Ж. Руссо изображал историю общества по аналогии с развитием индивидуального человеческого организма: детство, юность, зрелость, старость. Детство человечества, по Руссо, – счастливый «золотой век», когда первобытные люди жили в «естественном состоянии», а современная цивилизация представлялась ему переходом к старости.

Значительно отличается от подходов просветителей теория итальянского мыслителя Дж. Вико (1668–1744). В основе концепции Вико лежат следующие идеи: 1) историческое развитие (процесс) происходит в виде круговорота от зарождения до гибели общества; 2) все народы развиваются по одной и той же схеме согласно вечной природе людей; 3) следовательно, зная историю одних народов, можно реконструировать историю других; 4) новые молодые народы начинают свой цикл уже с более высокого уровня развития (хотя эта идея высказывается им недостаточно четко

и последовательно). Последнее утверждение фактически делает исторический процесс, по Вико, спиралевидным.

Вико различает, кроме первичного «звериного состояния», три эпохи развития общества – божественную, героическую и человеческую. После их прохождения наступает упадок общества, и у новых народов история повторяется вновь. Этот круговорот уже проделан античным миром, и теперь происходит повторение того же круговорота в современной ему Европе. По мысли Вико, соответственно такой Вечной Истории все народы, независимо от расы и географических условий, проходят одни и те же фазы (от зарождения до полного упадка), причем в изменениях форм семьи, собственности, производства, политического строя, языка, мышления у разных народов существует параллелизм. Фактически им была сформулирована циклическая концепция истории цивилизаций.

В XVIII в. складывается национальная историографическая школа в России. Российские историки и публицисты XVIII в. использовали идеи, заимствованные из сочинений европейских просветителей. В. Н. Татищев (1686–1750) в своей «Истории Российской с самых древнейших времен», над которой работал около тридцати лет, активно использовал идею общественного договора – добровольной передачи части естественных прав государству и определенным сословиям. Из нее и из теории Монтескье о влиянии климата на уклад жизни в каждой стране Татищев выводил заключение о необходимости монархического правления для России и неизменности существовавших порядков.

Предтечей славянофильства выступил М. М. Щербатов (1733–1790), автор семитомной «Истории России от древнейших времен», который (трансформируя взгляды Руссо о естественном человеке) считал, что реформы Петра I вызвали в России упадок прежних естественных добродетелей и распространение дурных нравов. Важную роль сыграла дискуссия о происхождении Русского государства. Она развернулась между известным немецким историком, работавшим в России, Г. Ф. Миллером (1705–1783), опиравшимся на позицию своего предшественника Г. З. Байера (1694–1738), также служившего в Российской академии наук, и М. В. Ломоносовым. Немецкие историки выдвинули так называемую норманнскую теорию. Исходя из распространенной идеи о завоевании как исходном моменте возникновения государственности, они интерпретировали призвание варяжских князей Рюрика и его братьев (согласно «По-

вести временных лет») как «завоевание», которое положило начало российской государственности. Ломоносов доказывал древность происхождения славян, считал, что русская история началась задолго до княжения Рюрика, а сам Рюрик имел славянское происхождение (однако в целом эти идеи не подтвердились историческими данными). Полемика по вопросу о норманнском завоевании в российской историографии не закончилась вплоть до настоящего времени.

Первая половина XIX в.

Если между XVII и XVIII вв. не было принципиального различия в подходах к истории и обществу, то *между XVIII и XIX вв. – при определенной преемственности – пролегла довольно резкая духовная грань*. Это во многом объяснялось реакцией на Великую французскую революцию и последовавшие за ней события. Идеи просветителей оказались во многом не соответствующими реальной истории. Стало ясно, что роль рациональности и разума в истории оказалась очень преувеличенной. Существующие институты, отношения и учреждения, какими бы неразумными они ни казались, нередко оправданы, поскольку опираются на определенные исторические реалии, а их изменение должно быть глубоко обоснованными. Волевым преобразованием общества имеет свой предел, переход за который в конце концов ведет к откату назад, к старым институтам. Вышеуказанные выводы активно использовались консерваторами для оправдания роли церкви, религии, аристократии и монархии.

Значительным событием первой половины XIX в. стало появление принципа историзма. *Принцип историзма требует рассматривать всякое явление в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего предполагает поиск корней всех явлений в прошлом.*

Историзм и новый тип историографии в начале XIX в. наибольшее развитие нашел в романтизме. *Романтизмом называют довольно широкое неоформленное течение в философской и исторической мысли, художественной литературе и искусстве первых десятилетий XIX в.* В философии и социальной мысли романтизм выражался во взгляде на общество как на нечто взаимосвязанное и в представлении об историческом процессе как о разумном по-

ступательном развитии, где каждой эпохе отведено свое особое место. Историография стремилась увидеть особенности жизни, психологии и быта каждой эпохи; современное состояние каждого народа объяснялось результатом медленного и длительного развития, а также реализацией изначально присущего этому народу особого «духа». В романтизме выделяют консервативное и либеральное направления. В выработке идейно-политической основы романтической консервативной историографии очень важную роль сыграли англичанин Э. Бёрк, французы-эмигранты Ж. де Местр, Ф. Шатобриан, немцы Ф. Шлегель, К. Л. Галлер, А. Мюллер. Идеи либерального романтизма выработали французские историки эпохи Реставрации (см. ниже).

Идеи романтизма были распространены по всей Европе, включая Россию, но наибольшее распространение они получили в Германии, оказав огромное влияние на всю дальнейшую немецкую историографию XIX в.

С точки зрения романтизма историю нужно изучать и развивать ради того, чтобы знать прошлое, а не ради воспитательных целей. Каждая эпоха имеет неповторимые черты, которые отражаются в языке, обычаях, быте, образе мыслей и т. д. Романтизм предполагает поиск в национальной истории особых черт данного народа, которые составляют его особый национальный дух. Кроме этого, романтизм способствовал введению в науку понятия органического развития (то есть медленного и определенного всем предшествующим ходом истории).

Романтизм стимулировал смещение интереса исследователей от всемирной истории к локальным, национальным историям, а также совпал со становлением национализма. Со временем национализм превратился в одну из наиболее популярных идеологий для развития исторической науки, а история стала частью идеологии национализма. Неудивительно, что романтизм особенно расцвел в Германии (и имел развитие также в России, где шел рост национального самосознания). При этом в Германии романтизм был по преимуществу консервативным (восхвалявшим прошлое), а во Франции, где продолжалась революционная эпоха, он стал либеральным.

Романтизм оказал влияние на развитие ряда известных научных школ, среди которых была историческая школа права. Она возникла в Германии в первой половине XIX в. Ее теоретические основы

были разработаны Ф. К. Савиньи (1779–1861) и К. Ф. Эйхгорном (1781–1854). Данная школа придавала исключительное значение изучению исторических первоисточников и особое внимание уделяла их критике, она сделала много полезного в разных областях. В частности, историки этой школы много сделали для изучения обычного права, чем существенно углубили представления о начальных периодах истории. В основе построений исторической школы права лежит понятие о «народном духе», который дан народу с самого начала, в дальнейшем имеют место лишь проявления этого «духа» народа, соответствующие отдельным ступеням его развития. Вследствие этого основные законы страны медленно вызревают и создаются на протяжении веков. Отсюда у представителей исторической школы права повышенное внимание ко многим сторонам исторической действительности, включая и экономические изменения. В целом ее основные идеи можно считать консервативными, направленными на оправдание действительности (что было вообще свойственно немецкой мысли этого времени).

В известной мере с исторической школой права было связано творчество Л. Ранке (1795–1886). Однако его собственное влияние на историографию было столь велико, что нередко говорят об исторической школе Л. Ранке в Германии. Кредо работы этого историка выражено в его известной фразе, ставшей девизом историков: *историю надо писать так, как это было на самом деле*. Иными словами, его подход выражает идею уважения к фактам. Его работы в основном посвящены политической истории стран Западной Европы XVI–XVII вв. Ранке обосновывал принципы, которые можно назвать геополитическими: развивал идею сильного государства, считал, что внешняя политика преобладает над внутренней, а каждое государство стремится быть могущественным; это приводит к войнам, которые являются вечным законом существования государств. Как и многие другие, Ранке считал, что роль идей (прежде всего религиозных) в развитии общества является решающей.

Другой крупной фигурой был Б. Г. Нибур (1776–1831), крупнейший исследователь Древнего Рима и отчасти Греции. Нибур по праву считается основателем критического метода в изучении истории. Суть метода заключалась в разделении работы с источниками на две части: 1) аналитическую, то есть отделение легенд от достоверных свидетельств; 2) синтетическую, то есть восстановление

реальной картины исторической жизни. При этом историк должен иметь в виду, что в легендах можно встретить разбросанные «следы» реальности. Нибур также разрабатывает теорию исторического метода, показывает, что для правильного анализа необходимо знать историю самого источника и той традиции, в которой он создан.

Важное место в философии истории занимают взгляды Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831). Его воззрения на историю изложены главным образом в работе «Философия истории». Гегель применил новый диалектический метод к историческому процессу. Историческое развитие предстало как борьба противоположных начал, как переход количественных изменений в качественные. Выделив в качестве основного закона самодвижения истории единство и борьбу противоположностей, Гегель показал, каким образом объединяются, «примиряются» и составляют единую систему, казалось бы, такие абсолютно противоположные характеристики, как прогресс и регресс в истории, спокойные и социально бурные периоды, подъем одних обществ и упадок других. В концепции Гегеля противоречия исторического процесса выступали не как аномалия, а как его сущность и движущая сила. В этом Гегель сделал огромный шаг вперед, обнаружив внутренние источники развития, причем источники постоянные.

В гегелевской концепции каждая историческая эпоха является необходимым этапом исторического процесса, а весь процесс есть развитие представлений о свободе. Общество органически и закономерно развивается, причем «развитие является движением вперед от несовершенного к более совершенному» (прогресс). В развитии исторического процесса обнаруживается саморазвитие абсолютного (мирового) духа. Гегель выделял определенные ступени саморазвития абсолютного духа и соответственно этапы мировой истории.носителем абсолютного духа в истории являлось несколько избранных (исторических) народов. Но этот дух проявлялся в них не одновременно, а последовательно.

Ход исторического процесса, по Гегелю, был следующим. «Мировой дух» прошел детский возраст в истории Древнего Востока (в Передней Азии и Египте), юность – в Греции, а его зрелость прошла в Риме. Наконец, в германско-христианском мире он обретает старость, которая, однако, может продолжаться еще очень долго. Прогресс истории Гегелем представлен как прогресс осознания свободы, идущий вместе со ступенями саморазвития миро-

вого духа. На Древнем Востоке общество составляло бесправную массу, а свободен был только один человек – монарх. В Греции и Риме были рабы, а свободной оставалась лишь часть людей. Полной свободы «мировой дух» достигает только в германской Европе, особенно после Реформации. Согласно Гегелю, в современной ему Пруссии «мировой дух» окончательно должен познать свою свободу и осуществить цель своего развития. Тем самым он достигает высшей и последней ступени своего развития.

Концепцию Гегеля отличает преувеличение роли идеального фактора и соответственно занижение материальных факторов. Для Гегеля были характерны провиденциализм, телеология, историзм и финальность истории, по которым исторический процесс развивается согласно свойствам «мирового духа», его цель уже заранее известна; саморазвитие «мирового духа» заканчивается в современной Гегелю Пруссии. Любопытно обратить внимание на то, что даже не в Англии, США или Франции, где имелись демократические институты, а именно в Пруссии, где еще существовала абсолютная монархия.

Если немецкие ученые под влиянием объективной задачи создания единого германского государства больше интересовались политико-правовыми аспектами истории, то французские мыслители под влиянием прошедших и назревающих революционных событий сосредоточивались на социально-политических аспектах действительности. Это выразилось также в разном представлении о ходе исторического процесса в немецкой и французской науках.

Анри Сен-Симон (1760–1825) принадлежит к лагерю социалистов-утопистов, он также оставил весьма заметный след в философии истории, многие его идеи оказали огромное влияние на целую плеяду историков и философов, а также стали одной из составных частей марксистского учения. На мировоззрение самого Сен-Симона оказали особое влияние Французская революция и промышленный переворот. Главные критерии прогресса, по Сен-Симону, – степень эксплуатации (и уровень личной свободы) производителей, а также производительность труда (так, труд крепостного производительнее труда раба; наемного рабочего – труда крепостного).

Сен-Симон считал, что общественно-политическое устройство общества зависит от отношений к собственности, а изменения последних приводят к смене стадий истории и в конце концов неиз-

бежно должны привести к социалистической организации общества. Классовая борьба, по его мнению, играла важную роль в истории. Сен-Симон обосновывал крайне важную для того времени мысль, что будущее – за классом индустриалов.

Исторический процесс, согласно Сен-Симону, осуществляется в виде поступательного движения, нарушаемого резкими кризисами (в том числе революциями). Эти кризисы наступают в результате противоречий между реальным соотношением социальных сил в обществе и формой его политической организации. Это коренным образом отличает его от романтиков, которые делали упор только на медленное (органическое) развитие.

Огюст Конт (1798–1857) был одно время секретарем Сен-Симона и развивал некоторые его идеи. Главной его заслугой является обоснование необходимости создания новой положительной (позитивной) философии, ему принадлежит идея и название новой науки об обществе – социологии. Взгляды Конта были реакцией на те исторические школы, которые увлеклись собиранием фактов и подготовкой к изданию исторических документов. Конт настаивал на том, что исторические факты должны использоваться в качестве исходного сырья для открытия законов социальной жизни. Для решения этой задачи он и предложил создать новую науку – *социологию*, которая должна сначала открыть факты о жизни человека, а затем обобщить эти факты в научные законы. Позитивная философия Конта послужила важным идеологическим стимулом для развития нового направления историографии – позитивизма. Однако с *развитием позитивизма история (как познание индивидуальных фактов) постепенно отделилась от науки (как познание общих законов)*.

Сен-Симон и Конт предложили новые подходы к периодизации, хотя и исходили из разных оснований и критериев. Но важно, что и та и другая являются уже действительно научными периодизациями. Сен-Симон переосмыслил понятия «рабовладение» и «феодализм» в определенные стадии развития. Его схема стадий исторического развития состояла из: 1) первобытной догосударственной стадии; 2) рабовладельческой Античности (греко-римская стадия); 3) крепостнического феодализма (средневековая стадия); 4) «промышленного» общества (современная стадия). Эта периодизация с некоторыми изменениями была фактически заимствована марксизмом.

Вслед за Сен-Симоном Конт также считал основной и главной причиной исторического развития общества прогресс разума. Поэтому Конт в своей периодизации исходит из сформулированного им «великого закона трех фазисов развития знаний – религиозного, метафизического и позитивного». Соответственно всю историю он делит на три стадии цивилизации: религиозную, метафизическую и научную.

В течение 1820-х гг. сформировалась знаменитая либеральная историческая школа эпохи Реставрации (Ф. Гизо, Ф. Минье, О. Тьерри и др.) В ряде моментов эти историки продолжали традиции просветителей, восприняли антифеодальный дух и исторический оптимизм. Но в целом они относились к романтизму и рассматривали исторический процесс как органическое развитие. Сходными с романтическими выглядят их представления о решающей движущей силе истории, которой, по мнению некоторых из них, было Провидение. Они стремились выявить исторические корни важнейших моментов французской истории и современного состояния общества, показать, как в Средние века возникли и развивались юридические и политические учреждения, соответствующие интересам буржуазии и либеральных слоев.

Вслед за Сен-Симоном представители этой школы выдвинули на первый план социальную историю. Особенно важной оказалась идея Сен-Симона о классовой борьбе, которая рассматривалась как важнейшая движущая сила развития. Либеральные историки исследовали классовую борьбу в феодальном обществе и понимали ее как борьбу «третьего сословия» во главе с буржуазией против феодальной аристократии. Разработка теории классовой борьбы стала важным шагом, способствующим углублению понимания одного из ведущих аспектов социальной жизни. Конечно, представления о классах и происхождении последних у них еще были довольно примитивными и неполными. Например, Тьерри объяснял происхождение классов во Франции и Англии результатом завоеваний (то есть в конечном счете представители победившего этноса – франки и норманны – становились аристократией, а побежденные – эксплуатируемым классом).

Ф. Гизо (1787–1874) в «Истории цивилизации во Франции» дал определение трех важных признаков феодализма: 1) условный характер земельной собственности; 2) слияние государственной власти с земельной собственностью (феодал был не только земельным

собственником, но и правителем для тех, кто сидел на его земле); 3) установление иерархии среди земельных владельцев, поскольку в феодальном обществе существовали договорные отношения между сеньорами и вассалами. Эти характеристики развивали понимание феодального строя и не случайно получили широкое распространение.

Нужно сказать несколько слов о русской исторической мысли первой половины XIX в. В этот период развивалась отечественная историография. Наиболее выдающимся трудом была двенадцатитомная «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1766–1826). В основе труда лежала трансформированная на русский лад романтическая концепция консервативного плана о достоинствах монархии и аристократии. Карамзин доказывал преимущества абсолютной монархии для России. Он считал, что процветание и могущество страны имело место только при сильной центральной власти (и был тут, безусловно, прав). При этом, правда, он модернизировал историю, относя к самодержавию строй Киевской Руси при первых князьях. Роль самодержавия в России действительно была исключительно важной, но в XIX в. такая позиция оказывалась все-таки обращенной в прошлое, а не в будущее, что в итоге сделало труд Карамзина охранительным и консервативным.

Т. Н. Грановский (1813–1855) являлся одним из основателей русской школы всеобщей истории, заслугой которой было уже то, что впервые российские историки на научном уровне и вполне самостоятельно писали об истории европейских стран (до этого существовала главным образом историография России).

В 30–40-е гг. XIX в. российские писатели, мыслители и историки так или иначе были вовлечены в идеологические споры о путях развития России, оценке значимости петровских преобразований, отношениях России с государствами Европы. Характерно, что все стороны использовали современные им европейские идеи. Историки, литераторы, философы, относившие себя к славянофилам – А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, – развивали идеи самобытности России. Они считали реформы Петра I роковыми для страны, а пример Европы, которая начинает «загнивать» и погрязла в социальной вражде, неприемлемым. Особенности русского пути они считали православие и русскую сельскую общину. Странники этого течения стремились изучать быт, характер народа, его нравы и обычаи.

Противоположные взгляды отстаивали западники: литераторы и публицисты Н. В. Станкевич, И. С. Тургенев, историки Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин. Западники считали, что Россия пойдет тем же путем, что и Европа, а для преодоления ее отсталости необходимо по возможности использовать западные формы государственного управления, устройства социальной и экономической жизни. В ряде важных вопросов (ограничение крепостного права и самодержавия) славянофилы и западники фактически были довольно близки.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ИСТОРИКИ, ФИЛОСОФЫ И МЫСЛИТЕЛИ РАННЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Флавио Бьондо	1392–1463	Италия	«История со времени падения Римской империи»
Лоренцо Валла	1407–1457	Италия	Трактат «О ложности дара Константина»
Никколо Макиавелли	1469–1527	Италия	«Государь»
Франческо Гвиччардини	1483–1540	Италия	«История Италии»

ПОЗДНЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Себастьян Франк	1499–1542	Германия	«Хроника, летопись и историческая библия»
Жан Боден	1530–1596	Франция	«Метод легкого познания истории»
Томмазо Кампанелла	1568–1639	Италия	«Город Солнца»
Фрэнсис Бэкон	1561–1626	Англия	«Новый Органон, или истинные указания для толкования природы»

ФИЛОСОФЫ XVII в.

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Гуго Гроций	1583–1645	Нидерланды	«О праве войны и мира»
Томас Гоббс	1588–1679	Англия	«Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»
Джон Локк	1632–1704	Англия	«Два трактата о правлении»

ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Джамбаттиста Вико	1668–1744	Италия	«Основания новой науки об общей природе наций»
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ)	1694–1778	Франция	«Опыт о нравах и духе народов и о главных событиях истории»
Дэвид Юм	1711–1776	Англия	«История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 года»
Михаил Васильевич Ломоносов	1711–1765	Россия	«Древняя российская история»
Жан Жак Руссо	1712–1778	Франция	«О причинах неравенства»
Анн Робер Жак Тюрго	1727–1781	Франция	«Рассуждение о всеобщей истории»
Жан Антуан Кондорсе	1743–1794	Франция	«Эскиз исторической картины прогресса человеческой мысли»
Иоганн Готфрид Гердер	1744–1803	Германия	«Идеи к философии истории человечества»

ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Клод Анри Сен-Симон	1760–1825	Франция	«Новое христианство»
Николай Михайлович Карамзин	1766–1826	Россия	«История государства Российского»
Георг Вильгельм Фридрих Гегель	1770–1831	Германия	«Философия истории»
Бартольд Георг Нибур	1776–1831	Германия	«Римская история»
Франсуа Пьер Гийом Гизо	1787–1874	Франция	«История цивилизации во Франции»
Леопольд фон Ранке	1795–1886	Германия	«Немецкая история в эпоху Реформации»
Огюст Конт	1798–1857	Франция	«Курс позитивной философии»

Рекомендуемая литература

Арьес Ф. 2011. *Время истории*. М.: ОГИ.

Барг М. А. 1987. *Эпохи и идеи: Становление историзма*. М.: Мысль.

Гринин Л. Е. 2012. *От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории*. М.: ЛКИ.

Илюшечкин В. П. 1996. *Теория стадийного развития общества: История и проблемы*. М.: Вост. лит-ра.

Кроче Б. 1998. *Теория и история историографии*. М.: Языки русской культуры.

Репина Л. П., Зверева В. В., Пармонова М. Ю. 2004. *История исторического знания*. М.: Дрофа.

Шапиро А. Л. 1993. *Историография с древнейших времен до 1917 г.* М.: Культура.

Глава 3

МАРКСИЗМ

В данном учебнике рассматривается та часть марксистских воззрений, которая относится к теории истории, часть, которая впоследствии стала называться **историческим материализмом**. Вопросы философии в узком смысле и политэкономии будут затрагиваться лишь в связи с основной темой.

Появление марксизма именно в 40-х гг. XIX в. было не случайным. Это был период раннего, «дикого» капитализма, когда ярко проявлялись его разрушительные по отношению к прежнему строю потенции, когда эксплуататорский характер использования наемного труда оказался особенно наглядным и когда неорганизованный еще рабочий класс уже начинал борьбу за свои права (восстания лионских ткачей в 1831 и 1834 гг., чартистское движение в Англии в 1836–1848 гг.). Эти первые вспышки классового антагонизма натолкнули Карла Маркса (1818–1883) и Фридриха Энгельса (1820–1895) на мысль о том, что рабочий класс («пролетариат», как он назывался в некоторых публицистических работах) есть та сила, которая может преодолеть капитализм и установить справедливый строй.

Это была теория, объясняющая становление уже господствовавшего тогда в Западной Европе капитализма и обосновывавшая неизбежность его крушения.

К тому времени возникли также духовные предпосылки формирования этой концепции. В. И. Ленин отметил «три источника» марксистской теории: это немецкая философия (прежде всего, конечно, историософская концепция Г. В. Ф. Гегеля и материализм Л. А. Фейербаха), британская политическая экономия (прежде всего «трудовая теория стоимости» А. Смита и экономический детерминизм Ричарда Джонса [1790–1853]) и французский утопический социализм (Ж. Мелье, Ж.-Ж. Руссо, Г. Бабёф, К. А. Сен-Симон, Ш. Фурье и др.). К этому списку нужно добавить также деятелей эпохи Просвещения, развивавших идеи прогрессивного развития человечества, и взгляды французских историков О. Тьерри, Ф. Минье и Ф. Гизо, обнаруживших классовое деление общества и классовую борьбу (см. выше главу 2 настоящего издания).

Влияние этих историков и британских экономистов К. Маркс признавал и сам: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном сообществе, ни та, что открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов» (Маркс, Энгельс, т. 28: 424, 427). Не мог бы Маркс отрицать и другие перечисленные выше влияния. Марксизм впитал пафос науки XIX века – веру в безграничный прогресс, во всемогущество познания, в познаваемость закономерностей всех происходящих процессов.

Таким образом, это была теория, опирающаяся на наиболее передовые взгляды в западноевропейской исторической, экономической и социологической науках того времени. В ней было мало нового. И тем не менее это был именно оригинальный синтез идей, давший новое качество, теорию, которую невозможно «растворить» в прочей европейской мысли, которой суждено занимать индивидуальную позицию. В марксизме соединяются научная методология изучения общества и политическая доктрина. Сочетание материалистической трактовки истории, классового подхода, простой и на первый взгляд неоспоримой схемы всемирной истории и пророческого провозглашения скорого наступления совершенно нового общества – все это делало марксизм притягательным для широких слоев более или менее образованной публики. Несмотря на весь свой материализм, он сохранил те черты христианской эсхатологии, которые присутствовали в концепции мировой истории Гегеля: представление о неизбежном торжестве Царства Божия на Земле (которое, правда, получило название коммунизма). Все предыдущие события – это лишь «предыстория человеческого общества» (Там же, т. 13: 8)

Сам Маркс так оценивал новаторство своей теории: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*; 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов* (выделено Марксом. – Л. А.)» (Там же, т. 28: 427). Так что В. И. Ленин был в некотором отношении прав, когда утверждал, что только «тот марксист, кто *распространяет призна-*

ние борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата* (выделено Лениным. – Л. А.)» (Ленин, т. 33: 34).

Маркс ошибся в своих предвидениях, которые были основаны на экстраполяции происходящих в его время процессов. Он был уверен, что крупная промышленность окончательно вытеснит мелкую, что произойдет обнищание рабочего класса, в связи с чем его революционность будет нарастать, что капитализм уже погряз в порождаемых им противоречиях, и его крушение не за горами. Его представления о будущем коммунистическом обществе, к которому он призывал, отличались утопизмом. Из его работ явствует, что апофеозом предыстории станет тоталитарно-казарменное общество (Маркс, Энгельс, т. 42: 113–127; Колонтаев 2008).

Учение о классах и классовой борьбе явилось ядром выстроенных над этим постулатом историсофских концепций. Первый раздел «Манифеста Коммунистической партии» (январь 1848 г.) начинается фразой, выражающей существо учения: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (Маркс, Энгельс, т. 4: 424).

К этой фразе в английском издании 1888 г. Энгельсу пришлось сделать примечание: «То есть вся история, дошедшая до нас в *письменных* источниках». Забвение в этой фразе первобытной эпохи, когда, по представлениям тех же Маркса и Энгельса, классов еще не было, Энгельс объясняет именно тем, что в 1847 г. еще практически ничего не было известно о первобытности. Это обстоятельство – отсутствие данных о первом этапе жизни человечества – объясняет то обилие формулировок, которые Маркс употреблял в отношении этого этапа, в частности, «загадку» «азиатского способа производства». Об этом будет сказано ниже.

Авторы «Манифеста» уже в этом произведении выявляют схему истории, имевшуюся в их головах, выделяют этапы, которые потом станут называться «формациями»: «Древний Рим», «Средние века», «современное буржуазное общество». Прослеживаются изменения участников классовой борьбы, постепенное выдвижение буржуазии в качестве господствующего класса, формулируется один из основополагающих постулатов марксистского понимания характера исторического развития: производительные силы развиваются до уровня, когда их дальнейшему росту начинают препятствовать сложившиеся отношения собственности. Тогда эти отношения разбиваются и возникает другое общество. Наконец, выска-

зывается мнение, что современные авторам производительные силы уже готовы разбить буржуазный строй и что орудием этого разрушения старого строя станет пролетариат. «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс» (Маркс, Энгельс, т. 4: 434).

Несмотря на некоторые подвижки во мнениях основоположников марксизма, Энгельс до конца жизни был уверен, что «всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов» (Там же, т. 21: 259). Правда, к тому времени понимание классово-борьбы изменилось. Маркс и Энгельс в 1840-х и 1850-х гг. призывали к насильственной революции и считали насилие «повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» (Там же, т. 23: 761). В 1885 г. Ф. Энгельс признает, что обстоятельства в Европе изменились, что положение рабочего класса улучшилось, что он может отстаивать свои интересы легальными средствами, и призывает германских социал-демократов развертывать парламентскую борьбу, старается удержать их от революционных выступлений (Там же, т. 22: 543–548).

Довольно странно, что в сочинениях Маркса и Энгельса нигде нет определения того, что же такое «общественный класс». Последователи Маркса (по крайней мере, в странах «реального социализма») вынуждены были пользоваться определением класса, которое было дано В. И. Лениным: «...большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (Ленин, т. 39: 15). Это громоздкое определение, страдающее тавтологией, не многим помогло в «классовом анализе» конкретных обществ. «Классовый подход», как правило, сводился к объявлению одного класса «господствующим», а другого – «эксплуатируемым». Какого-либо метода классового анализа конкретного общества, метода, претендующего на полное раскрытие классового состава, никогда не предлагалось.

Почему-то в марксистской литературе нет понятия многоклассового общества.

Из тезиса о постоянной классовой борьбе вытекало и отношение к государству как к орудию в руках господствующего класса для подавления своего антипода. Этот тезис возникает еще в «Манифесте коммунистической партии» (Маркс, Энгельс, т. 4: 426) и довольно настойчиво проводится в одной из последних работ Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Там же, т. 21: 170–171). Ленинское понимание этой проблемы (государство – «машина для угнетения одного класса другим») (Ленин, т. 39: 75) стало основополагающим для отечественной исторической школы в советский период. Принятие этого тезиса фактически блокировало изучение истории института государства как самостоятельной проблемы.

В целом виде концепция Маркса и Энгельса не была создана. Нет такого обобщающего труда, в котором авторы дали бы определения основных употребляемых ими категорий и исследовали их взаимные связи. Наиболее четкие формулировки Марксова понимания истории содержатся в его работе 1859 г. «К критике политической экономии». Это краткое изложение является одновременно и самым пространным. Более полное представление о теории марксизма приходится получать из разбросанных отдельных замечаний, намеков и проговорок. Вот эта формулировка, которая служит объектом бесконечных дискуссий среди марксистов: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является лишь юридическим выражением последних – с отноше-

ниями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. <...> Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. <...> В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, <...> но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» (Маркс, Энгельс, т. 13: 6–8).

В этом отрывке содержатся все категории, необходимые для построения теории: производительные силы, производственные отношения (и, что то же самое (?), отношения собственности), способ производства, базис и надстройка, формация, наконец, представление о взрывчатом характере исторического процесса, о необходимости «социальной революции». Однако все они не раскрыты, лишь названы. В дальнейшем марксисты пытались дать более развернутые определения этих категорий, но мало преуспели, поскольку Маркс и Энгельс в других работах давали противоречивые разъяснения, а также потому, что марксисты пытались согласовать это жесткое логическое построение с многообразием общественных отношений и сложностью человеческой личности.

Категория «производительные силы» задает конструкцию общественной системы и лежит в основе всей концепции смены формаций. Но она же наиболее загадочна. В приведенной выше цитате содержится выражение «материальные производительные силы», что можно понять как орудия труда и иные употребляемые людьми приспособления. Такое понимание опирается также на ряд других высказываний Маркса и Энгельса. Например, «приобретая (у кого? – Л. А.) новые производительные силы, люди изменяют

свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом (выделено мною. – Л. А.)» (Маркс, Энгельс, т. 4: 133). Энгельс также, по существу, сводит понятие производительных сил к орудиям: «Орудия дикаря обуславливают *его* общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия – капиталистическое общество (выделено Энгельсом. – Л. А.)» (Там же, т. 36: 146).

Неудивительно, что последователи Маркса понимали эту проблему аналогичным образом. Например, Н. И. Бухарин писал: «...Исторический способ производства, т. е. форма общества, определяется развитием производительных сил, т. е. развитием техники» (Бухарин 1924: 133, см. также с. 131).

Однако в работах Маркса встречается и иное понимание производительных сил, в частности признание того, что «главной производительной силой» является сам человек (Маркс, Энгельс, т. 46, I: 403), что «всестороннее развитие человека» – это и есть «всеобщая производительная сила» (Там же, т. 46, II: 213–214). Маркс понимает, что «вещные элементы производительных сил» – это «созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания» (Там же, т. 46, I: 215). Однако все эти проговорки не заслонили тех формулировок, где орудия труда или «средства производства» получали как бы самостоятельное существование.

Главным недостатком марксистского понимания своей же основной категории является недооценка человека как личности и, следовательно, как центральной фигуры любого производства. Особенно недооценка творческого труда, творчества вообще, роли изобретений в развитии экономики. «Труд» фигурирует во многих положениях марксизма, но это практически всегда именно физический труд. «Рабочая сила» заменяет в рассуждениях человека с его менталитетом и способностями. В политэкономических работах Маркса делается некоторое различие между «простым трудом» и «сложным трудом», но ведущая роль второго, творческого, не отмечается. Сама трудовая теория стоимости, основанная на понятии «абстрактного труда», исходящая из возможности определения стоимости товара количеством рабочего **времени**, затраченного на его производство, по существу, означает непонимание творчества как важнейшего вида труда.

Непонимание значения творчества и даже враждебное отношение Маркса к творческим личностям видно из следующего пассажа: «Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда». «В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности» (Маркс, Энгельс, т. 3: 393).

Ученики Маркса почувствовали его пренебрежительное отношение к творческому труду. Н. И. Бухарин, например, считал, что «интеллектуальный труд постоянно как бы *вытекает* и затем *обособляется* от материального производства». Он презрительно называл его «нематериальным трудом», «надстроечным трудом» (Бухарин 1988: 44–46; об отношении марксизма к роли личности см. также главу 13).

Работа И. В. Сталина (1879–1953) «О диалектическом и историческом материализме», опубликованная в 1938 г., была воспринята в СССР как последнее слово марксистской теории, окончательно разъясняющее все вопросы. Там было сказано: «**Орудия производства**, при помощи которых производятся материальные блага, **люди**, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному **производственному опыту и навыкам к труду**, – все эти элементы вместе составляют **производительные силы** общества (выделено Сталиным. – Л. А.)» (Сталин 1939: 550). «...Изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего – с изменений и развития орудий производства» (Там же: 552). Эти формулировки стали догмой и глубоко укоренились в сознании советских философов и «истматчиков», так что они употребляются вплоть до сего дня. Например, современный энциклопедист в области истории, антропологии и историософии Юрий Иванович Семенов (р. 1929) пишет: «...человек является производительной силой лишь в том случае, если он знает, как приводить в движение и умеет приводить в движение средства труда, т. е. обладает культурой труда и т. п.» (Семенов 1995: 31).

После смерти Сталина стало возможным дискутировать и по вопросу о том, что такое производительные силы как движущая сила исторического процесса. Прошло несколько дискуссий по

этой проблеме (см., например, Производительные... 1981; Обмен... 1983; см. об этих проблемах также в главах 9 и 11). Дискуссия велась в основном по вопросу о приоритете «объективных» и «субъективных» производительных сил, то есть о роли человека и его интеллекта в этом конгломерате. Так как цитаты классиков противоречили друг другу, некоторые марксистские историософы выдвигали иезуитскую формулу: материально-техническая база – **определяющий** фактор производительных сил, а человек – **главный** фактор (М. Я. Ковальзон, В. Г. Марахов).

На протяжении всего существования марксизма как системы взглядов оставался невыясненным кардинальный вопрос: почему развиваются производительные силы? Особенно трудным был этот вопрос для тех, кто считал орудия труда или средства производства главным элементом производительных сил и движущей силой. Всякому было ясно, что орудия труда не могут совершенствоваться сами по себе, что их должен совершенствовать человек. В свете этого самоочевидного аргумента очень трудно понять, как могло выживать мнение о приоритете орудий труда. Но ненамного легче было и тем, кто считал главной производительной силой человека, потому что надо было объяснить его желание совершенствовать орудия. Этот вопрос не решен до сих пор. Возможно, ответ лежит в области человеческой психологии, т. е. в области, далекой от материалистического понимания истории.

Производственные отношения определяются уровнем развития производительных сил и являются объективными, не зависящими от воли людей. Они «материальны» в отличие от других, «волевых». Но границы между этими двумя видами отношений не ясны. Производственные отношения понимаются либо как отношения, возникающие на конкретном производстве – на фабрике, в поместье и т. д., либо как вся совокупность экономических процессов – собственно производство, распределение, обмен и потребление, с которого начинается новое производство (Маркс, Энгельс, т. 46, ч. I: 25). В последнем случае совпадают понятия «производственные» и «экономические отношения», что размывает данную категорию, поскольку экономические отношения охватывают также, например, отношения господства-подчинения, даннические отношения и т. п. А кроме того, в круговороте от производства до потребления и обратно неизбежно участвуют желания человека, его «воля». Интуитивно ясно, что огромную роль в любом производст-

ве играют личностные отношения, особенно при феодализме. Однако они не признаются марксистами частью производственных отношений.

Осталась неясность также в роли отношений собственности в этом конгломерате. В разбираемом отрывке как будто бы все ясно: отношения собственности – лишь юридическое выражение (форма) производственных отношений. Но Маркс нередко употребляет выражение «формы собственности» как синоним производственных отношений (Маркс, Энгельс, т. 3: 20) или же понимает под собственностью «совокупность общественных отношений» (Там же, т. 27: 406).

Эта неясность привела к тому, что в работах эпигонов и «продолжателей» Маркса нередко производственные отношения стали пониматься как юридические нормы. И. В. Сталин в 1938 г. дал формулировку, которая утвердила такое понимание. «Состояние производственных отношений отвечает <...> на <...> вопрос: в чьем владении находятся средства производства, <...> в чьем распоряжении находятся средства производства» (Сталин 1939: 554), а последовательно рассматривая «типы производственных отношений», он каждый раз утверждает, что «**основой** производственных отношений (выделено мною. – Л. А.)» в них является та или иная «собственность на средства производства» – общественная, рабовладельческая, феодальная или буржуазная (Там же: 556).

Эти положения стали обязательными в советской исторической литературе. Это, в частности, определило юридический, правовой уклон в изучении аграрных отношений в древности и Средневековье.

Способ производства. Производительные силы и производственные отношения вместе составляют «способ производства материальных благ», две его «стороны». Их взаимодействие противоречиво. С одной стороны, производительные силы определяют тип производственных отношений. С другой – производственные отношения могут «давать простор» развитию производительных сил, а могут и тормозить его. И тогда новые производительные силы «взрывают» старый способ производства. Но, во-первых, нет четкого отделения производительных сил от производственных отношений. Например, «способ совместной деятельности» (Маркс, Энгельс, т. 3: 28) или кооперация в процессе труда могут рассматриваться как «производительные силы» (Там же, т. 23: 337). Высво-

бождение человека из общинных уз тоже понимается Марксом как развитие производительных сил (деятельности) (Маркс, Энгельс, т. 46, I: 486).

Как уже говорилось, двигатель исторического процесса в марксизме так и не был определен. Одним из вариантов объяснения этой динамики стало положение о диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений, которые будто бы подталкивают друг друга. «Источник развития общественного производства заключен в самом производстве». «В основе развития человеческой истории лежит **саморазвитие** общественного производства (выделено мною. – Л. А.)» (Семенов 1999: 201).

Переход с этапа на этап и революция. Когда производственные отношения «превращаются в оковы» производительных сил, «наступает эпоха социальной революции». Эту фразу и подобную ей в других сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса их ученики и последователи воспринимали как необходимость политических революций, свержения устаревшего строя. Между тем смысл этого пассажа чуть ли не обратный: «социальная революция» заключается прежде всего в «изменении экономической основы», и лишь затем **«более или менее быстро»** происходит переворот в надстройке, в том числе и политической. Однако же Маркс и Энгельс были также и политическими деятелями, революционерами, призывали к пролетарской революции и ожидали уничтожения власти буржуазии. Развертывание классовой, то есть сознательной, борьбы за переход к «диктатуре пролетариата» они считали своей главной миссией. И в этом тоже заключалось противоречие в теории.

С одной стороны, исторический процесс понимался как «естественно-исторический», идущий независимо от воли людей. Некие безликие «производительные силы» взрывают некие безличностные «производственные отношения», разрушение старого неизбежно, потому что это соответствует неумолимым законам истории. С другой стороны, чтобы это произошло, нужны конкретные усилия, классовая борьба, исход которой заведомо неизвестен нужна сознательная деятельность профсоюзов, партий, вождей и т. п. Такое сочетание уверенности в неумолимом ходе событий и призывов к борьбе уместно, если речь идет о лозунгах типа «С нами Бог!», «Враг будет разбит, победа будет за нами!». Но такое сочетание в рамках единой социальной теории выглядит противоречием. Это противоречие связано с отмеченным выше сочетанием в учении Маркса научной теории и политической доктрины.

Базис и надстройка. Итак, производственные отношения образуют «реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания». Политические, религиозные, социально-экономические и прочие идеи, а также институты, в том числе государство, «надстраиваются» над экономическим базисом, причем над разными базисами все эти «надстройки» обязаны быть разными. «Надстройка» настолько зависит от меняющихся «базисов», что право и религия «не имеют своей собственной истории» (Маркс, Энгельс, т. 3: 64)

Этот постулат опирается на общефилософский принцип: «Общественное бытие определяет сознание». Возникает вопрос: почему «общественное бытие» следует понимать как «производственные отношения» или как «способ производства»? Существует масса явлений и феноменов, не относящихся к экономике (тех же идей, институтов и явлений искусства), которые существуют помимо воли и сознания конкретных людей, являются для них «бытием» и, безусловно, влияют на их сознание.

Немецкая философия XVIII в. излишне остро поставила вопрос о противоположности материального и идеального. Это отразилось и на подчеркнутом «материализме» Маркса. Отсюда и формулировка в советской философской науке: основной вопрос философии – это вопрос о первичности материи или сознания. Но практически разделить идеальное и материальное трудно, если возможно вообще. Например, выдвижение идей, в том числе и производственных, можно вполне отнести к материальному производству. Имущественные отношения пронизывают сферы семейных отношений, искусства и т. п., и в этом смысле они тоже экономические. Власть и престиж часто служат движущими силами деятельности людей. Следует ли отнести их к экономическим интересам? Труд – это **сознательная** деятельность, без участия мозга никакая работа невозможна. Следовательно, это и физическая, и духовная деятельность одновременно.

То, что духовное невозможно отделить от материального, увидел один из ранних марксистов – А. А. Богданов (1873–1928). Он заметил, что «социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая» (Богданов 1904: 50–51)

Ю. И. Семенов пытается обосновать марксистское понимание соотношения *бытия, производства и надстройки*, вводя некоторое усложнение схемы. Во-первых, он употребляет выражение «соци-

ально-экономические отношения» вместо «производственные» и тем несколько расширяет «базис». Во-вторых, он предлагает разделить *бытие* на два «уровня» – социально-экономические отношения, которые образуют *социальную материю*, и другие, тоже объективно существующие, но созданные общественным сознанием общественные отношения, которые он предлагает именовать *социальной постройкой (конструкцией)*. *Социальная материя* определяет *общественное сознание*, а оно определяет «*социальную конструкцию*», которая, напомним, существует объективно, помимо сознания людей (Семенов 1995: 23). От этой трактовки веет искусственностью.

По духу концепции каждой ступени человеческого общества должны соответствовать не только особый способ производства, но и особая надстройка. Скажем, должны были бы разрабатываться такие понятия, как *рабовладельческая идеология*, *феодалная идеология*, а также *рабовладельческое государство*, *феодалное государство* и т. п. Речь идет не о конкретных формах государственности (например, полис или сословная монархия), а о типах, характерных для данной ступени развития. Таких исследований не проводилось. Маркс и Энгельс не имели возможности подробно разрабатывать вопрос о структуре каждой из формаций. Но их последователи имели достаточно времени, чтобы предпринять попытки определить основные типы «надстроек», будто бы образуемых каждым из выделяемых марксизмом «базисов». Однако таких попыток не делалось, несомненно, потому, что это бесперспективное занятие.

Жесткость тезиса о вторичности всей духовной жизни по сравнению с экономикой стала ощущаться к концу XIX в. Энгельс в конце жизни в письме И. Блоху попытался смягчить сей постулат. «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-то искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственным* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные момен-

ты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм (выделено Энгельсом. – Л. А.)» (Маркс, Энгельс, т. 37: 394–395). Энгельс признает отчасти вину свою и Маркса в том, что их поняли так примитивно (Там же: 370). В другом письме, Ф. Мерингу в 1893 г., Энгельс оправдывается в том, что они с Марксом делали «главный упор» на экономический фактор, лежащий «в основе», и не обратили внимания на «обратное воздействие» того или иного вторичного фактора «на окружающую среду и даже на породившие его причины» (Там же, т. 39: 84). Эти признания, содержащиеся в частных письмах, показывают лишь то, что Энгельс хотел бы придать теории своего друга более приемлемое для здравого смысла звучание. Однако эти признания не оказали существенного влияния на дальнейшую эволюцию теории.

Схема формаций. Во всех работах Маркса и Энгельса фигурируют три докапиталистические формации, хотя они иногда носят разные наименования: племенная собственность, античная общинная и государственная собственность, феодальная или сословная собственность (Там же, т. 3: 20–22); азиатский, античный и феодальный способы производства (Там же, т. 13: 7); патриархальный, античный и феодальный строй (Там же, т. 46, I, с. 101); рабство, крепостничество, отношения политической зависимости (Там же, т. 26, III: 415); «первобытное состояние» и «позднейшие общественные отношения, основанные на рабстве и крепостничестве» (Там же, т. 25, I: 194); «рабовладельческие отношения», «крепостные отношения», «отношения дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй)» (Там же: 358).

Множественность характеристик первой формации объясняется тем, что представления о первобытном строе в то время были крайне неопределенными. Маркс воспринял гегелевское членение исторического процесса, который начинался с «примитивного» «восточного общества». В «Рукописях...» он прямо отождествлял «азиатскую общину» с «первобытным коммунизмом» (Там же, т. 26, III: 439). Маркс несколько переосмыслил гегелевскую идею, уделив внимание в соответствии со своими материалистическими

взглядами общине и деспотической власти. При этом предыдущие состояния человеческого общества он просто не считал историей: «Народы, занимающиеся исключительно охотой или рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие» (Маркс, Энгельс, т. 12: 733). История начинается, считал он, со стадии сельской общины, однако общество остается племенным. «В условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности фактически в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно» (Там же, т. 46, I: 463–464).

Из этой цитаты ясно, что Маркс представлял себе первобытную общину в виде индийской, в которой существовала система содержания ремесленников, названная впоследствии системой *джаджмани*. Эта система, описанная британскими колониальными чиновниками в начале XIX в., оказалась Марксу весьма кстати для его трактовки «азиатского общества», поскольку позволяла решить вопрос о роли и судьбе ремесла в «примитивном» социуме, где заведомо не может быть городов как средоточий ремесла и торговли, а есть только «государевы станы», «нараст на экономическом строе в собственном смысле» (Там же: 470).

Формулировка «азиатский способ производства» одно время нужна была Марксу не для того, чтобы подчеркнуть особенность развития Востока в отличие от Европы, а, напротив, для того, чтобы вписать Восток в свою схему формаций на правах ее первого члена. Он считал, что в Европе до Античности существовал именно этот «азиатский» способ производства, о чем он неоднократно прямо говорит (Там же, т. 13: 20; т. 23: 88). Он видел некий период в европейской истории, «когда первоначальная **восточная** общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени (выделено мною. – Л. А.)» (Там же, т. 23: 346).

В 1856–1863 гг. были опубликованы труды Г. Л. Маурера (1790–1872), в которых тот доказывал существование соседской общины в прошлом на территории Германии. Для Маркса это стало большим подарком. 14 марта 1868 г. он пишет Энгельсу, что «штудировал <...> новейшие сочинения старика Маурера» и убедился,

что «выдвинутая мной точка зрения о том, что **азиатские или индийские** формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новое подтверждение (выделено мною. – Л. А.)» (Маркс, Энгельс, т. 32: 36). Русскую передельную общину в 40-х гг. XIX в. открыл барон А. Гакстгаузен (1792–1866). Маркс, узнав об этом, решил, что русская община «ведет свое начало из Индии» (Там же: 541).

В набросках письма к Вере Засулич Маркс явно оперирует данными Маурера и Гакстгаузена. Из этих набросков явствует, что он объединил индийскую общину XIX в., русскую общину того же времени и германскую общину I–V вв. в единый тип, единую стадию развития, в «*последний этап* или последний период архаической формации» (Там же, т. 19: 403), «*новейший тип* архаической общественной формации» (Там же: 404), «последнее слово *архаической общественной формации*» (Там же: 418). Основанием этого примитивного общества служит земледельческая община, но она необходимо дополняется особой формой государственности: «Изолированность сельских общин, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм не повсюду встречается как имманентная характерная черта последнего из первобытных типов, но повсюду, где он встречается, он всегда воздвигает над общинами централизованный деспотизм» (Там же: 414).

Изучая взгляды основоположников марксизма на общину, нельзя объединять рукопись Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и наброски письма В. Засулич, поскольку эти два текста отражают разное понимание Марксом германской общины и, соответственно, общины вообще. В «Формах, предшествующих...» он утверждает, что германская община была лишь «*объединением*», «самостоятельные субъекты которого являются собственниками земли» (Там же: 470), «община существует только во взаимных отношениях друг к другу по случаю войны, для отправления религиозного культа, разрешения тяжб и т. д.» (Там же: 472). Маркс при этом опирался на тогдашнюю немецкую историческую литературу, прежде всего на труды Георга Вайца (1813–1886). В набросках же письма к В. Засулич он полностью перешел на позиции Г. Л. Маурера и исходит из того, что в Германии

некогда существовала община с общим хозяйством, а затем община с переделами земли¹.

Энгельс в работах «Марка» и «К истории древних германцев» также развивает идеи Маурера. Он утверждает, что «речь идет уже больше не о том, как это было в споре между Маурером и Вайцем, – общая или частная собственность на землю, а о том, какова была *форма* общей собственности (выделено Энгельсом. – Л. А.)» (Маркс, Энгельс, т. 21: 139–140).

Открытие Л. Г. Морганом (1818–1881) родового строя было еще одним подарком К. Марксу и Ф. Энгельсу. С этого момента их представления о первобытности приобрели конкретные формы. Этапы «дикости» и «варварства» четко подводили человеческое общество к классовому обществу. Теперь уже Марксу и Энгельсу не требовался «азиатский способ производства» для построения стройной схемы смены формаций. Поэтому в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) рассмотрение ирокезского рода сменяется без всяких опосредующих звеньев «греческим родом» и «возникновением афинского государства» (Там же, т. 21). В проблеме «происхождения государства» Энгельс обошелся без азиатской деспотии.

Это не значит, что взгляды Энгельса (а, возможно, и Маркса) на восточное общество изменились. В «Анти-Дюринге» (1878) мы видим формулировки, которые содержательно непосредственно связаны с Марксовым пониманием общины как первобытного института, над которым воздвигнут деспотизм: «Древние общины, там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда» (Там же, т. 20: 186). В примечаниях к изданию «Манифеста коммунистической партии» 1888 г. Энгельс, упоминая Гакстгаузена и Маурера, тоже довольно ясно излагает уже известные нам взгляды

---

¹ Здесь не место разбирать вопрос об обоснованности различных концепций германской общины, равно как и соответствии историческому материалу бытующих представлений об эволюции сельских общин (см. об этом: Алаев 2000: 86–201). Все же для ясности надо сказать, что более поздние исследования (А. Я. Гуревич) показали, что был прав Вайц, а не Маурер. Общинная, или марковая, теория оказалась построенной на ложных основаниях.

ды: «Постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии» (Маркс, Энгельс, т. 4: 424).

Так или иначе, «пятичленка» с первобытно-общинным строем в качестве первого этапа прочно утвердилась в марксистской мысли к концу XIX в. В этой схеме «азиатский» способ был не нужен. Поэтому неслучайно В. И. Ленин в лекции «О государстве» использует именно эту схему: рабовладельческое, феодальное и капиталистическое государство (Ленин, т. 39: 67).

Естественно, что и в советском марксизме эта схема преобладала в 20-х – начале 30-х гг. После работы И. В. Сталина, которая уже неоднократно упоминалась, она стала обязательной. Дискуссия о том, не следует ли ввести в перечень формаций еще одну, основанную на «азиатском» способе производства (АСП), была насильственно прекращена в начале 30-х гг. по политическим соображениям. Дискуссия об АСП, реанимированная в 1950-х гг., «увяла» сама собой, потому что столкнулись догматическое и творческое отношения к проблеме. Дискуссия «внутри марксизма» постоянно перехлестывала в сферу «вне марксизма». При этом истинное понимание этого термина К. Марксом и его отношение к современному ему Востоку всячески замалчивалось и «замазывалось». Мы вернемся к этому вопросу, когда рассмотрим роль марксистской теории в советской и постсоветской исторической науке. А сейчас обратимся к базовым проблемам марксистской теории истории.

Субъект исторического процесса. Одним из неразрешимых вопросов, стоящих перед сторонниками этой теории, является вопрос о субъекте истории, о том социальном организме, который претерпевает переходы с этапа на этап через «социальные революции». Маркс, безусловно, мыслил в масштабах всего человечества. Во всяком случае, борьбу рабочего класса за «диктатуру пролетариата» он понимал как интернациональный проект. «Пролетарий может существовать <...> только во *всемирно-историческом* смысле, подобно тому, как коммунизм – его деяние – возможно лишь как “*всемирно-историческое*” существование» (Маркс, Энгельс, т. 3: 35). Поэтому он и организовывал «Интернационал», выдвигал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Там же, т. 4: 459), утверждал, что «рабочие не имеют отечества» (Там же: 444). В то же время он возражал против мнения, что он создал «историко-

философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы» (Маркс, Энгельс, т. 19: 120). Но проблемы одновременного существования разных по формационным характеристикам обществ, их влиянии друг на друга, проблемы диффузии идей, изобретений, институтов вообще не ставились в первоначальном марксизме (о диффузионизме см. в главе 12), что оставляло простор для понимания схемы формаций именно как лестницы, по которой все должны так или иначе пройти.

В этом вопросе слабость марксизма как общей теории истории заключается в том, что основоположники теории мыслили исключительно европоцентрично. Для них все народы за пределами Западной Европы были «неисторическими». О том, что основоположники марксизма относили все восточные общества к первичной формации, уже говорилось. Но «неисторическими» они считали и славянские народы Восточной Европы (Там же, т. 6: 293, 294). Это объясняет, почему они не разрабатывали вопрос о разных исторических путях народов. Народы Западной Европы представлялись определенным единством, а народы за пределами этого круга выпадали из истории и не удосуживались отдельного рассмотрения.

Ревизионизм. К концу XIX в. обстановка в Европе изменилась. Капитализм стабилизировался и успешно развивался. Рабочее движение тоже стало более зрелым. В ряде европейских стран утвердились демократические режимы. II Интернационал, основанный в 1889 г., был уже объединением довольно сильных национальных социал-демократических партий, которые играли заметную роль в политической жизни своих стран. Стало меняться и отношение к марксистским идеям. Н. И. Бухарин предложил периодизацию эволюции марксизма, которая представляется вполне здоровой. Он выделял три периода: 1) «марксизм марксовский», революционный; 2) марксизм эпигонов, марксизм II Интернационала, превращение его в «демократически-эволюционное учение»; 3) ленинизм, возврат к революционности (Бухарин 1988: 52–55). Объясняя миролюбие лидеров II Интернационала, он весьма реалистично указывает на стабилизацию капитализма к концу XIX в. и улучшение положения рабочего класса. Причем он даже замечает, что чем развитее та или иная европейская страна, тем больше там «предателей» рабочего движения.

Как уже говорилось, к 1885 г. Ф. Энгельс тоже уже не считал революцию обязательной.

Ряд лидеров II Интернационала, прежде всего Э. Бернштейн (1850–1932), пришли к выводу, что классовая борьба рабочих может ограничиться профсоюзной и партийно-политической, что парламентские методы в новых условиях вполне могут обеспечить экономические и политические права рабочих. Вместо насильственного свержения капиталистического строя они предлагали стремиться к мирному «врастанию» в социализм.

Ленинизм и «советский марксизм»². В России, напротив, марксизм приобрел более воинственный характер, поскольку он оказался созвучен распространенным здесь идеям справедливости, «всеобщего передела», эгалитаристским настроениям, укорененном в сознании многих примате общественного начала над индивидуальным. К тому же Россия в конце XIX – начале XX в. не была благополучной капиталистической страной, как страны Западной Европы. Grimасы раннего капитализма и разложение традиционного общества вызывали брожение как в среде рабочего класса, так и среди крестьянства. В какой-то степени повторилась ситуация 1848 г. Тогда К. Марксу и Ф. Энгельсу показалось, что противоречия капитализма настолько обострились, что наступило время его свергать. Такой же ситуация виделась из России в 1890–1900-х гг.

В. И. Ленин стал разрабатывать концепцию пролетарской революции в России. Его взгляды получили в России и затем в СССР наименование «ленинизм». Считалось, что это марксизм, развитый в соответствии с нуждами новой эпохи, «эпохи войн и пролетарских революций». Создалось стойкое словосочетание «марксизм-ленинизм» для обозначения официальной идеологии Советского Союза.

Основная отличительная черта ленинизма – значительный уклон в сторону разработки тактики классовой борьбы. Ленина интересовали вопросы сочетания агитации и пропаганды, тактики проведения забастовок и демонстраций, возможностей использования парламентских методов, подготовка вооруженного восстания. Можно сказать, что Ленин основал марксистский вариант политологии.

С ленинским этапом эволюции марксизма связаны также некоторые теоретические новшества. В самом начале XX в. марксисты заметили, что наступает некое новое состояние капиталистического мира, которое они назвали «империализмом». Было замечено, что

---

² Понятие «советский марксизм» впервые было употреблено Г. Маркузе (Marcuse 1958).

безудержная захватническая политика европейских держав по всему миру сопровождается также структурными изменениями в самом капиталистическом хозяйстве. В 1902 г. вышла книга Дж. А. Гобсона «Империализм. Исследование», в которой содержалось предупреждение, что Запад в целом вскоре может стать паразитом, процветающим за счет ресурсов всего мира. Эти идеи были развиты Р. Гильфердингом (1877–1941) в книге «Финансовый капитал» (1910). Р. Люксембург (1871–1919) в книге «Накопление капитала» (1913) также отмечала завершающийся раздел мира между державами и обосновывала мысль, что без колоний западный капиталистический мир не сможет существовать. Поэтому освобождение колоний приведет к неминуемому краху капитализма. Н. И. Бухарин также разрабатывал эту тему («Мировое хозяйство и империализм», 1913).

Так получилось, что книга В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», вышедшая в 1915 г., стала последней в этой серии и потому как бы закрывающей проблему. Ленин видел новое качество капитализма в следующих явлениях: 1) концентрация капитала и создание монополий; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание, таким образом, некоего нового вида капитала – финансового; 3) вывоз капитала в колонии и отстающие страны; 4) создание транснациональных корпораций, делящих между собою всемирный рынок; 5) раздел мира между великими державами с перспективой его передела в дальнейшем между ними (Ленин, т. 27: 386–387). Не все из указанных явлений оказались долговременными и фундаментальными, однако их фиксация послужила основанием для объявления этой стадии капитализма «высшей» и «последней», а самого капитализма – «загнивающим» и «умирающим» (Там же, т. 30: 163). Это «канун социалистической революции».

Таким образом, концепция империализма в исполнении Ленина давала теоретическую основу для революции.

Давало такую основу и понимание национальных движений в колониях и зависимых странах как «антиимпериалистических» и потому союзнических по отношению к пролетариату развитых стран. Вообще разработку проблем национальных движений и национализма как идеологии тоже можно отнести к дальнейшему развитию теории. Маркс этими вопросами не интересовался. Лениным, а затем Сталиным за основу категории «нация» было взято

«немецкое» понимание, а именно: нация – это этнос, который «дорос» до идей самоопределения. (В отличие от «англосаксонского» понимания: нация = гражданам государства.) В данном вопросе большевики развивали идеи, высказанные ранее австрийским социал-демократом О. Бауэром (1881–1938), однако развили их «до упора», до выдвигания лозунга «право наций на самоопределение вплоть до отделения», который способствовал развалу Российской империи в период Гражданской войны. В ходе этой войны и после ее завершения большевики вопреки своему лозунгу силой вновь собрали почти всю империю, но в устройство Советского государства тоже был введен потенциально разрушительный тезис о праве республик отделяться от Союза. Эта потенциальная энергия стала кинетической, когда начал разваливаться уже Советский Союз.

Ленину было ясно, что российский пролетариат недостаточен чисто количественно, чтобы совершить переворот во всей огромной стране и затем удержать власть. Отсюда его идея «союза» пролетариата с крестьянством, правда, при «гегемонии пролетариата» в этом союзе. «Диктатура пролетариата» в понимании Ленина – это **особая форма** союза с крестьянством и другими «демократическими» силами.

Надо было внести в идейный багаж правящей партии также другие положения, необходимые для обоснования ее политики. Среди них – положение о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране; об «общем кризисе капитализма», который будто бы начался с Первой мировой войны и Октябрьской революции; о готовности к социалистической революции всей капиталистической системы, что объясняло социалистическую революцию не в самой развитой стране, а в той, которая является «слабым звеном» всей системы; расшифровка «диктатуры пролетариата» как власти, не ограниченной никакими законами. Было ясно, что никаких предпосылок социализма в царской России не существовало. Это подрывало одно из основных положений Маркса, которое уже приводилось выше: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» (Маркс, Энгельс, т. 13: 7). Успех революции стали объяснять особым соотношением классовых сил, невиданной

зрелостью рабочего класса, которая проявилась в том, что он «создал» «партию нового типа». В решениях партии, а также в работах Ленина (Ленин, т. 36: 5–6, 7) и затем Сталина (Сталин 1939: 111–112) было «разъяснено», что фраза о необходимости созревания производительных сил относится только к сменам одних эксплуататорских формаций другими, социалистическая же формация появляется иначе: сначала сменяется «надстройка» (то есть устанавливается власть Коммунистической партии), а потом она «подводит под себя» социалистический базис. М. Н. Покровский (1868–1932), имевший в то время статус «главного» историка-марксиста, на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов в 1930 г. заявил, что российский пролетариат может приступить к строительству социализма **вопреки** «железным законам» «чистой экономики».

Профанация теории, признаваемой одновременно единственно правильной, проявилась также в идее, что некие общества могут «миновать» те или иные формации. Сначала идея «минований» была использована при объяснении того, почему германские и славянские народы перешли сразу к феодализму, «миновав» рабовладельческую формацию. Затем та же идея была использована еще более беззастенчиво – для обоснования того, что отсталая страна может «миновать» капитализм и идти по «некапиталистическому пути» (или иметь «социалистическую ориентацию»). Речь при этом шла первоначально о Монголии (в связи с этим возникла необходимость доказать, что хотя бы феодализм там был – отсюда концепция «кочевого феодализма»), а затем о нескольких странах Азии и Африки, руководители которых заявляли, что «строят социализм».

«Пролетарский интернационализм», столь характерный для марксизма с самого его зарождения, получил в советских партийных документах оригинальную трактовку. Так как СССР – первое в мире социалистическое государство, то долг всех рабочих мира отстаивать интересы этого государства, а не интересы своих стран. Культ революции, характерный для советской историографии 1920-х гг., в 1930-е гг. сменился культом советской власти.

Поскольку после работ Ленина было принято считать, что капитализм вступил в «монополистическую» стадию, то появление государственного сектора в экономике развитых стран стало характеризоваться как «государственно-монополистический капитализм». Дальнейшее «развитие» марксистского учения выражалось

в выработке формулировок о «втором этапе общего кризиса капитализма», «третьем этапе общего кризиса капитализма». Кажется, до четвертого этапа дело не дошло.

Соответственно, нужно было также каким-то образом объяснить, почему социализм длительное время не перерастает в коммунизм. Социализм, по решениям Партии, был в СССР построен «в основном» в середине 1930-х гг. «Полная и окончательная победа» социализма была зафиксирована в 1961 г. А где-то в начале 1960-х гг. СССР перешел на этап «развитого социализма».

Иллюзия развития теории создавалась также тезисом о перерастании «диктатуры пролетариата» во «всемирное государство», хотя характер режима несколько не менялся.

Колониализм в подавляющем большинстве стран был уничтожен не так, как предписывали решения Коминтерна и ВКП(б). По их мнению, народы колониальных стран могли освободиться только под руководством «рабочего класса», то есть коммунистических партий. Но возглавили движение и пришли к власти другие партии, считавшиеся «буржуазными». Вместо того чтобы признать ошибочность догмы, советские руководители выдвинули тезис, что хотя колониализм уничтожен, возник «неоколониализм», и страны Азии и Африки продолжают страдать от «неоколониальной» эксплуатации.

«Классовый анализ» исторических процессов, требуемый теорией, применялся как своего рода «классовая арифметика». Если тех или иных деятелей, партии, движения нельзя было квалифицировать как «буржуазные» или «пролетарские» (под последними понимались исключительно коммунистические партии), то они записывались в «мелкобуржуазные». Эта последняя категория оказалась весьма полезной. «Мелкая буржуазия» была и чем-то близкой пролетариату, поэтому с ней можно было заключать «союз», и в то же время чем-то фундаментально инородным, с чем требовалось бороться и опасаться «заразиться мелкобуржуазностью». «Мелкобуржуазностью» можно было объяснить и народные движения, и реакционные бунты.

Столь же легко были подвергнуты «классовому анализу» движения и явления Средневековья и древности. При этом исследователи были уверены, что отлично знают, какие «интересы» имеет тот или иной класс, и понимают их лучше, чем сам класс. Вполне осуществилась горькая сентенция Ф. Энгельса: «У материалисти-

ческого понимания истории имеется теперь множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы не изучать историю» (Маркс, Энгельс, т. 37: 370)

После 1938 г. советский марксизм обрел окончательную форму, приданную ему работой И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (Сталин 1939: 535–563). Как уже говорилось, четкие и вместе с тем упрощенные формулировки основных категорий, базальтернативное понимание смены формаций, упор на «отношения собственности» на долгие годы определили направления исследований советских историков и философов. Даже после смерти Сталина и удаления его из числа «классиков марксизма-ленинизма» эти формулировки, по мнению академического начальства, не подлежали пересмотру.

После работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), в которой он «открыл» «основные законы» капитализма и социализма, начались лихорадочные поиски «основного закона» феодализма и рабовладения. Поиски свелись к нахождению «безудержной эксплуатации».

Учение о формациях в руках многих «историков-марксистов» превратилось из средства исторического анализа в цель. Задача виделась в подтверждении фактическим материалом истинности этой мыслительной системы. Общие закономерности эволюции человечества оказывались применимыми к любому конкретному обществу.

Советский «творческий марксизм». Все же теоретическая мысль начала постепенно пробуждаться. В последние десятилетия советской власти зажим всякой свежей мысли стал ослабевать, и стало возможно не только противопоставлять одни цитаты другим, но и пытаться наполнить категории марксизма новым содержанием. Возникло явление (не «движение», поскольку каждый действовал в одиночку), которое можно назвать «творческим марксизмом». Его породило сочетание полного доверия к марксизму, воспитанного всей системой советского образования, уверенности в том, что в марксизме сосредоточена полная истина, с желанием осмыслить реальную историю с рациональных позиций

Разработка основных положений теории в советское время была кастрирована превращением марксизма в религию, а работ его основателей – в «Священное Писание», где любая буква становилась неприкосновенной. Даже новые идеи могли возникать и существовать только при условии признания неопровержимости всех

остальных (устаревших) положений. Подобно тому, как религиозные реформаторы, выдвигая идеи, созвучные современности, выдают свои проповеди за возврат к «чистоте» первоначального учения, так же и «творческие» марксисты периода идейного распада советской системы провозглашали «возврат к истинному Марксу».

С этим устремлением сочеталось отношение к произведениям классиков как к источнику неопровержимого знания. Можно было писать целые книги «по истории» на основе пересказа работ Маркса и Энгельса без использования исторических источников и имеющейся литературы.

Сохранялась боязнь отойти от «единственно правильного учения». Любую мысль необходимо было подкрепить той или иной цитатой из «классиков». Если же исследователь приходил к новому пониманию того или иного явления или процесса, он стремился доказать, что это не его мысль, а мысль Маркса, Энгельса или, на худой конец, Ленина. Обратная сторона того же явления: изучение эволюции взглядов основоположников учения стало невозможным, потому что каждый исследователь путем подбора цитат создавал «своего Маркса».

Основные усилия марксисты нового поколения тратили на глубокое, тщательное изучение всех произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, включая письма и рукописи. Они пытались раздвинуть рамки марксистских категорий, сделать их более гибкими, чтобы с их помощью можно было охватить многообразную историческую реальность. При этом оказывалось, что теория теряла свои специфические черты.

Направление «творческого марксизма» было глубоко враждебно официально признанному марксизму, который вел свое происхождение непосредственно от Сталина. Поэтому все попытки каким-то образом расширить возможности теории встречали серьезное сопротивление, осуществлялись через преодоление разного рода препятствий и не становились достоянием широких слоев историков и обществоведов. Например, несмотря на начавшееся обсуждение проблемы «средних слоев» или «среднего класса», «Большая советская энциклопедия» в 1973 г. утверждала, что «на самом деле никакого “среднего класса” не существует» (БСЭ, т. 12: 283).

Категорию «производительные силы» стал разрабатывать В. В. Крылов (1934–1989). Он пришел к выводу, что если учесть все высказывания Маркса, то помимо «материальных производи-

тельных сил» следует учитывать также «социальные производительные силы» (практически те же производственные отношения) и «духовные производительные силы» (то есть культуру). При таком понимании категория «производительные силы» размывалась. Оказывалось, что это «структура всего общества, обусловленная его отношением к природе» (Крылов 1997: 15).

Л. В. Данилова, попытавшись разработать понятие «производственные отношения», тоже пришла к выводу, что это весь комплекс социальных отношений, взятый в аспекте их роли в производстве. Делались попытки заменить «способ производства» более широким понятием: «способ общения» (Л. И. Рейснер), «способ производства общественной жизни» (А. М. Ковалев). Последний понимался как совокупность человеческого потенциала, социальных условий и природной среды. Высказывались мнения, что постепенные изменения могут приводить к качественным изменениям, и для этого не обязательно нужна революция.

Появление феодализма в Западной Европе, которое шло вразрез с теорией смены формаций (потому что «передовая» формация возникала в условиях упадка производительных сил), стали объяснять «синтезом» античного наследия и варварского общинного строя (Б. Ф. Поршнев). Термин «синтез» пригодился также и для объяснения ситуации в современных странах третьего мира (Н. А. Симония).

Очень модным стало слово «многоукладность». Оно годилось для обозначения любого сочетания разнородных способов производства, все объясняло, ничего не разъясняя. Оно позволяло практически забыть теорию формаций, оставаясь, по видимости, в рамках исторического материализма (поскольку термин «уклад» употреблял Ленин). Выдвигалась идея, что государственная власть может опираться на саму себя (*этакратия*), а не выражать интересы того или иного класса (М. А. Чешков). При этом ссылались на страны Востока, однако имели в виду также и советскую систему.

А. Я. Гуревич (1924–2006) пытался примирить схему формаций с исторической реальностью, предлагая считать Марксовы формации лишь идеальными типами, реально в жизни в чистом виде не встречающимися. Однако традиционалисты настаивали, что история полностью подчиняется закону смены твердо установленных формаций.

Выдвигались различные варианты схемы формаций и способов производства. Схему пытались дополнить еще одной ступенью, которая получала разные названия: раннерабовладельческая, полупатриархальная-полуфеодальная, переходная, дофеодальная, азиатская, прафеодальная. Наиболее известной в научной среде новацией из этой серии является идея «азиатского способа производства». Ученые, употреблявшие этот термин, придерживались разных точек зрения. Марксово понимание этой стадии, о котором говорилось выше, большей частью не принималось во внимание, хотя некоторые участники дискуссий об этом писали (Виткин 1972). «Азиатский способ производства» понимался либо как первая классовая формация, предшествовавшая античности, либо как особый путь эволюции Востока, принципиально отличный от пути Европы³.

В 1964 г. в Институте истории АН СССР был создан сектор по разработке методологических проблем истории во главе с М. Я. Гефтером (1918–1995). Этот сектор попытался развернуть последовательную работу по расширению возможностей марксизма как метода исторического исследования. Одной из задач сектора было «раскрыть содержание формулы» «единство в многообразии всемирно-исторического процесса» (Данилова 1968: 5). Во введении к изданному сектором сборнику подчеркивалось, что та или иная эпоха «включает в себя» разные формации, ограниченно-локальные образования, «вмещает отклонения и нетипические пути развития, наконец, его тупиковые разновидности» (Там же: 10).

Этот том («Книга 1») был посвящен докапиталистическим формациям, что позволяло поставить вопрос о том, что экономические отношения определяют все другие только в буржуазном обществе, а на более ранних ступенях развития преимущественное значение имеют другие – социальные и личные – отношения. Но сектор Гефтера был вскоре распущен, и последующие тома серии не вышли из печати.

Однако желательность «добраивания» марксистской теории, неудовлетворенность имеющимися скудными запасами категорий и определений ощущалась всеми, в том числе и теми, кто сознательно выбрал позицию защиты догм. При Отделении истории Академии наук СССР был создан научный совет «Закономерности исторического развития обществ и перехода от одной социально-

³ Различные точки зрения на «правильный» список формаций, выдвигавшиеся советскими «творческими марксистами», рассмотрены в целой серии работ (см., например: Бородай, Келле, Плимак 1972; 1975; Лынша 1995).

экономической формации к другой» во главе с академиком Е. М. Жуковым (1907–1980). Он имитировал теоретическую работу. Душой этого направления был М. А. Барг (1915–1991), который выдвигал привлекательные тезисы, старался, в частности, избавиться от прямолинейной трактовки роли «базиса» в формировании «надстройки», однако был достаточно умен, чтобы не трогать фундаментальных основ теории.

Марксисты испытывали значительные трудности при попытке выстраивания всех обществ в одну линию прогрессивного развития. Например, довольно трудно было показать, что азиатский строй в результате роста производительных сил преобразовался в античный, а тот тоже в результате перерастания производительными силами узких рамок производственных отношений превратился в феодализм. Поэтому предлагались разные варианты многовекторного развития. Так, Л. С. Васильев (р. 1930) и И. А. Стучевский (1927–1989) одно время предлагали считать азиатское, античное и феодальное общества тремя независимыми путями к капитализму. Те же трудности вызывали к жизни концепции противоположного характера – единой докапиталистической классовой формации. Ю. М. Кобищанов (р. 1934) называл ее «большой феодальной», В. П. Илюшечкин (1915–1996) – сословно-классовой с «рентным» способом производства.

Особенно интересен феномен В. П. Илюшечкина. Он выступал с позиций своеобразного марксистского «фундаментализма». Взяв за основу уровень развития производительных сил, он не обнаружил принципиальных различий в этом уровне на Востоке, а также в древней и средневековой Европе. Не обнаружил он и межформационных революций до времени генезиса капитализма. На этом основании он отверг схему формаций, предложенную Марксом, «доказав», что она взята целиком у Сен-Симона. Илюшечкин отвергал также попытки дополнить теорию формаций идеями «синтеза» (античного и варварского начал при возникновении феодализма, а также модернизационного и традиционного на современном Востоке) и «многоукладности». Он справедливо называл такие новации «кустарным конструированием философских теорий историками». В. П. Илюшечкин, по существу, показал, что одни постулаты марксизма противоречат другим, и их не удастся свести в единую теорию.

Серьезные новации внес в марксистскую историософию Ю. И. Семенов. Во-первых, он подробнейшим образом разработал

так называемую «историю первобытного общества» и теорию классовообразования. Методика его работы была традиционной: выстраивание единой линии развития путем состыковки различных состояний «примитивных» народов в разных уголках планеты. Но эта схема, идущая еще от Г. Л. Моргана и Ф. Энгельса, была при этом значительно модернизирована и наполнена богатым содержанием. Ю. И. Семенов, не акцентируя на этом внимания, убрал из своей схемы эволюции первобытного общества те положения Энгельса, которые не подтвердились позднейшими исследованиями: о господстве беспорядочных половых отношений на ранних этапах человеческого общества; об этапе так называемой семьи *пуналуа*; о первичности материнского рода по отношению к отцовскому; о «первом» и «втором» «крупном разделении труда» – сначала выделении пастушеских племен, а затем отделении ремесла от земледелия. Однако его концепция не перестала быть схемой, выражением точки зрения автора на то, как эволюция «должна была» идти.

Ю. И. Семенов безапелляционно «вставил» в схему формаций «азиатский способ производства», назвав формацию, которую он образует, политаризмом. В своих работах он утверждает, что классики марксизма понимали азиатское общество именно как первую классовую формацию и что эта точка зрения будто бы уже прочно утвердилась в науке. Так как для Маркса и Энгельса классовое общество возникает на базе частной собственности, Семенову пришлось переосмыслить обыденное понимание «частной собственности». Это выражение, по его мнению, следует понимать не как «собственность частного лица», а как «собственность части общества». Таким путем государственная собственность на Востоке превратилась в «частную», поскольку государственный аппарат – это часть общества (Семенов 2008).

Семенову удалось успешно преодолеть старый «грех» марксизма – молчание по поводу соотношения общих законов развития человечества и судеб отдельных народов. Он выдвинул идею, что каждая следующая формация возникает не там, где процветала предыдущая, а на ее периферии. Действует правило «исторической эстафеты». Субъектом эволюции и «социальных революций» является не человечество в целом и не каждый из составляющих его «социальных организмов» (*социоров*), а один из них, который тем самым открывает новые горизонты для всего человечества. Но его не услышали.

Ю. И. Семенов считает, что известных истории способов производства больше, чем формаций. Так, он ввел термин «доминантный способ производства» (крупное хозяйство собственника, который использует труд безземельных работников) и «магнатный способ производства» (эксплуатация мелкого хозяйчика, получившего землю от собственника). Впрочем, эти две системы иногда переплетаются, и тогда возникают «доминантно-магнатные» отношения.

В последние десятилетия появились и другие теории, претендующие на объяснение исторического процесса, например, представление об альтернативности или многовекторности путей эволюции (А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Лынша и др.), или так называемый цивилизационный подход (И. В. Следзевский, Д. М. Бондаренко и др.) (см., например: Коротаев, Чубаров 1991; Крадин, Лынша 1995; Бондаренко 1997; 2001; Крадин и др. 2000; Крадин 2008). Однако эти теории уже явно выходят за пределы марксизма, поэтому они рассматриваются в других главах этого учебника.

Современный западный марксизм. Марксизм занимал и занимает заметное место в духовных исканиях интеллигенции во многих странах. Но он делится на несколько направлений, не совпадающих по траектории развития. С одной стороны, до сих пор продолжается разработка «теории пролетарской революции», с другой стороны, коммунисты и сочувствующие переходят на позиции чистого академизма: начинают с материалистических позиций разрабатывать проблемы философии, искусства и т. п. Появился «университетский социализм» и соответственно «университетский марксизм». «Исследования в области культуры и идеологии доминировали в марксистской мысли на Западе» (Андерсон 1991: 89). Язык марксистских работ по эстетике становится все менее понятным простому читателю.

Как и в СССР, марксизм на Западе не получил возможности развиваться самостоятельно. Основное его направление было связано с деятельностью и идеологией коммунистических партий, которые, в свою очередь, зависели, в том числе и материально, от Коминтерна, ВКП(б) и в конечном счете от СССР. Происходила «сталинизация» компартий. После Второй мировой войны, по существу, тот же процесс был назван «ждановщиной»⁴. Партии жили

---

⁴ А. А. Жданов (1896–1948) – советский политический деятель, в 1944–1948 гг. секретарь ЦК КПСС по идеологии.

на устаревшем теоретическом багаже, продолжая готовиться к пролетарской революции, перспективы которой становились все менее ясными. Г. Гроссман и П. Суизи в 1920–1930-х гг. доказывали, что капитализм вскоре падет под тяжестью своих проблем, не выдержав конкуренции с более эффективной советской экономикой. Ученые, пытавшиеся обновить теорию, либо исключались из партий, либо воздерживались от вступления в них.

После XX съезда КПСС (1956 г.) позиции европейских коммунистических партий стали более умеренными, они все более склонялись к эволюционизму, к пониманию марксизма в духе гуманизма. Напротив, беспартийные ученые стали нередко выступать с более радикальных позиций. Луи Альтюссер (1918–1990), который занимал во Французской коммунистической партии особое положение, мог выступать с идеей «очистить Маркса» от позднейших наслоений, выявить, «что же именно Маркс утверждал в действительности». Китайская народная республика в его устах стала идеалом социалистического общества. Что касается проблемы «базиса и надстройки», то он попытался смягчить жесткость Марксовых формулировок, утверждая, что разные «уровни» общественных отношений (экономический, политический и идеологический) имеют свою собственную структуру и свою динамику. В разные периоды каждый из этих уровней может играть доминирующую роль. Ссылаясь на Ф. Энгельса, который, как уже говорилось, писал, что экономические отношения определяют характер общества лишь «в конечном счете», Альтюссер замечал, что этот «конечный счет» никогда не наступит». Капиталистическое государство, по его мнению, не просто инструмент в руках господствующего класса. Оно действует в долгосрочных интересах капитала и капитализма, и потому имеет определенную свободу от тех или иных слоев этого класса.

Взгляды Л. Альтюссера на современное государство разделяли также Н. Пуланзас (1936–1979) и другие. Школу Альтюссера стали называть **«структуралистским марксизмом»**.

У. П. Томпсон резко критиковал «структуралистский марксизм» за его антигуманистическую основу. При «структуралистском» подходе история выглядит как «театр марионеток», где люди – винтики бездушной трехуровневой машины, обусловленной структурой способа производства, приводимой в движение «меха-

низмом присвоения» и поддерживающейся государственным идеологическим аппаратом.

Используя Марксову терминологию («азиатский способ производства»), К. А. Виттфогель (1896–1988) выдвинул концепцию «гидравлического общества», которое воздвигает над собой особый государственный строй, «восточный деспотизм». Он относил к этому типу общества и государства не только деспотии Древнего Востока, но и советскую систему (Wittfogel 1957: 441)⁵.

Схему линейного развития человечества стремился построить канадский историк Л. С. Ставрианос (1913–2004), используя идеи Г. Л. Моргана и К. Маркса, хотя формально и не объявляя себя марксистом.

Высказываются идеи, близкие к советскому понятию «многоукладность». Так, П. Андерсон понимает *формацию* как «конкретную комбинацию конкретных способов производства, организованную при доминировании одного из них».

Стивен Сандерсон предлагает новое орудие исторического познания – «эволюционный материализм». Смысл понятен: отойти от революционности начального марксизма. С другой стороны, он исходит из того, что действительно научная историко-материалистическая теория обязательно должна опираться на достижения эволюционной социобиологии. Жереми Руссо не видит *способа производства* в первобытности, в Античности и в восточных обществах, как они понимаются сторонниками «азиатского способа производства». В этих формациях он видит только способы изъятия прибавочного продукта без контроля господствующего класса над средствами производства.

Западный марксизм занят в основном современными проблемами: что из себя представляет нынешнее капиталистическое общество и каковы возможности борьбы с ним. Но и в этой области серьезным недостатком марксистской мысли остается неразработанность проблемы современного демократического государства. Во времена Маркса демократия в Европе только еще устанавливалась. Он не ощущал проблемы взаимодействия классов в рамках демократической системы. Не уделил должного внимания этому вопросу и Ленин, поскольку перед ним стояла теоретически

---

⁵ Интересно, что Ю. И. Семенов, являющийся убежденным сторонником «истинного марксизма», солидарен с Виттфогелем в этом вопросе. Он называет советскую систему «индустриальным политаризмом».

более ясная задача свержения авторитарного режима. Коммунистические партии Европы «унаследовали» эту «лакуну» от классиков. Марксистская политология, если можно говорить о ее отдельном существовании, не включает вопросов эволюции современного государства.

Что касается теории исторического процесса в целом, то ее разработка в рамках марксизма не имеет больших успехов. П. Андерсон признает, что за 20 лет после Второй мировой войны вклад западного марксизма в развитие теории «оказался нулевым» (Андерсон 1991: 60). Из всех направлений современного западного марксизма только так называемый **«аналитический марксизм»** пытается «достроить» исторический материализм. Дж. Козэн (Cohen 1978) предложил свою концепцию производительных сил, производственных отношений, базиса и надстройки. Он и его последователи (Дж. Элстер, Дж. Ремер) применяют современные методы аналитической философии, методы математического моделирования и т. п.

Марксистские идеи используются в концепциях, которые выходят за пределы классической теории. Наиболее ранний пример такой эволюции – опыт так называемой **Франкфуртской школы**. Это собирательное название, применяемое к определенным ученым: Теодору Адорно (1903–1969), Максу Хоркхаймеру (1895–1973), Герберту Маркузе (1898–1979), Юргену Хабермасу (р. 1929) и др., так или иначе связанным с Институтом социальных исследований, основанным во Франкфурте-на-Майне в 1923 г., а после 1933 г. обосновавшемся в США. Они используют идеи К. Маркса, З. Фрейда, Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта, М. Вебера для обоснования того, что современное общество – это монолитная бесклассовая тоталитарная система, которая может быть разрушена только восстанием маргинальных слоев общества, поскольку рабочий класс не революционен.

Соединение марксистских и фрейдистских идей характерно для направления, именуемого **фрейд-марксизмом**. Оно интересно тем, что пытается рассматривать человека в единстве его биологических, психологических и социальных качеств и характеристик.

Современный марксизм, несмотря на свою размытость, сохраняет определенную привлекательность для специалистов во всех отраслях гуманитарного знания.

Рекомендуемая литература

- Андерсон П. 1991.** *Размышления о западном марксизме.* М.: Интер-Версо.
- Виткин М. А. 1972.** *Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса.* М.: Наука.
- Гуревич А. Я. 1990.** Теория формаций и реальность истории. *Вопросы философии* 11: 31–43.
- Илюшечкин В. П. 1980.** *Система и структура добуржуазной частно-собственной эксплуатации.* Вып. 1–2. М.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955–1981.** *Сочинения.* 2-е изд. Т. 1–50. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. Л. В. Данилова.** Кн. 1. М., 1968.

Глава 4

НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Неоэволюционизм – одно из наиболее влиятельных направлений в зарубежной социальной (культурной) антропологии середины XX в. Он развивался параллельно и во многом независимо от других важных школ исторической науки того времени. Неоэволюционизм оказал огромное влияние на зарубежную антропологию (этнологию) и археологию. Для собственно исторической науки его значимость в первую очередь заключается в том, что он привлек внимание к ранним этапам исторического процесса.

Предшественником неоэволюционизма был классический эволюционизм, который появился в первой половине XIX в. Он появился в первой половине XIX в. Наиболее видными представителями данного направления были Э. Тайлор, Л. Г. Морган, Дж. Мак-Леннан, Дж. Леббок, Э. Бахофен, Г. Мэйн и др. В России наиболее видными приверженцами этой парадигмы являлись М. М. Ковалевский, Л. Я. Штернберг, Н. И. Зибер.

Что же такое классический эволюционизм? Одной из существенных характеристик классического эволюционизма (несмотря на все оговорки) является представление об однолинейном развитии человеческих обществ от простых, «низших» социокультурных форм к сложным, «высшим» формам через ту или иную единообразную последовательность стадий. Отсюда вытекало представление о том, что простые, или иными словами, первобытные («примитивные») культуры отстали в своем развитии от «цивилизованных» сложных обществ, а следовательно, изучение этнографических данных может позволить нам с высокой степенью точности реконструировать всю картину социокультурной эволюции человечества. Для этого нужно лишь расставить все известные науке общества по ступеням единой для всех лестницы «общественного прогресса». Все это, впрочем, задало совсем неплохую программу общенаучного исследования для ранней социокультурной антропологии/этнографии, позволило вполне осмысленно систематизировать тот безбрежный океан эмпирических этнографических данных, который оказался в распоряжении социокультурных антропологов XIX в.

Все более богатые эмпирические данные, однако, с каждым годом оказывалось все сложнее втискивать в прокрустово ложе однолинейных эволюционистских схем. Классические эволюционисты были верными сынами своего века и исходили из общенаучной парадигмы своего времени (эта научная парадигма, впрочем, продолжает по-прежнему вполне устойчиво и последовательно преподаваться и в большинстве современных средних школ).

Однако XIX в. был веком не только интенсивнейшего развития научных теорий. Это был и век не менее интенсивного накопления эмпирических данных – исторических, этнографических и т. д. И к концу XIX в. становилось все более понятно, что накопленный эмпирический материал абсолютно не укладывается в прокрустово ложе подобных однолинейных эволюционистских схем. В действительности существует достаточно большая вариативность между ступенями развития производства, обмена и потребления, типами общественного строя, организации семьи, сословий или классов. Например, африканские охотники-собиратели хадза (или сан/бушмены Калахари), с одной стороны, и охотники-собиратели Центральной Австралии находятся на одной и той же «ступени развития производства, обмена и потребления», однако с точки зрения «организации семьи» они находятся едва ли ни на противоположных полюсах эволюционного спектра. Если семья хадза, или бушменов, характеризуется равноправным положением в ней женщины, то среди австралийских аборигенов положение женщин является исключительно неравноправным, при этом уровень этого неравноправия по многим параметрам превосходит таковой у подавляющего большинства всех известных науке обществ (см., например: Артемова 2010).

Другой пример – средневековые общества «Большой Ойкумены» (пояса развитых цивилизаций Евразии и Северной Африки). Они находились на принципиально одной ступени развития материальных производительных сил. Однако в этих обществах мы находим разные формы связи специализированного ремесла с земледелием – от почти полного господства товарно-рыночных форм в некоторых западноевропейских обществах (Северная Италия, Южная Германия, Нидерланды и др.) до преобладания государственно-дистрибутивных форм (например, в городском ремесле фатимидского Египта) или общинно-реципрокных (в сельском секторе Северной Индии). Это не значит, что развитие по двум данным

параметрам никак между собой не связано. Определенная закономерность здесь, безусловно, присутствует, но проявляет она себя в виде именно не очень жесткой корреляции. Нетрудно показать, что то же самое относится и ко всем остальным постулированным классиками эволюционизма функциональным зависимостям. Во всех случаях речь может идти лишь о не очень жестких корреляциях. Соответственно любые однолинейные модели в таких случаях оказываются в конечном счете абсолютно неприемлемыми (Коротаев 2003а).

Вследствие этого начиная с конца XIX в. эволюционизм потерял свое влияние и пользовался авторитетом только среди сторонников марксизма. Это было обусловлено большим пиететом К. Маркса к работе Моргана *Древнее общество* (1877). Позднее Ф. Энгельс, опираясь на идеи Моргана, написал книгу *Происхождение семьи, частной собственности и государства* (1884). Энгельс рассмотрел на примере ряда обществ, как осуществляется переход от родовой организации через «военную демократию» к классовому обществу и государству. Для марксистской истории и антропологии эта небольшая по объему работа стала на целое столетие настоящей библией. Ее основные положения были канонизированы, с ней были вынуждены сверять результаты своих эмпирических изысканий несколько поколений ученых. К сожалению, Энгельс повторил многие ошибочные идеи Моргана (о матриархате, однолинейной эволюции форм брака и систем родства, военной демократии), из этой работы «выпали» важные более ранние идеи особого пути эволюции восточных обществ и т. д.

Неоэволюционизм возник после Второй мировой войны и совпал с распадом системы колониализма, а также с усилением влияния в послевоенном мире СССР. Причинами его появления стал возросший интерес к марксизму и другим родственным ему теориям, кризис в наиболее популярных антропологических парадигмах в антропологии (историческая школа Ф. Боаса, функционализм). Расцвет неоэволюционизма пришелся на 1960–1970-е гг. Позднее под давлением постмодернистского скепсиса к построению универсалий он потерял свою популярность и был фактически изгнан из антропологии. К сожалению, постмодернистский дискурс нередко далек от научного. Биологи не сомневаются в том, что строение живых видов различается. Муха, например, меньше слона, и строение ее организма примитивнее. Тем не менее многие пост-

модернистские антропологи при сравнении культур считают возможным отрицать различия в сложности, тем самым попадая в методологическую ловушку. Помимо этого, было бы неправильным полагать, что неозволюционизм не имеет никакого влияния в наше время. Даже в книгах и учебниках, авторы которых отрицают эволюцию, присутствуют термины и подходы, разработанные неозволюционистами (бигмен, вожество, раннее государство, стадия цивилизации и т. д.).

Если эволюционизм XIX в. фактически ставил знак равенства между терминами «эволюция» и «развитие», то с течением времени соотношение между этими дефинициями изменилось. Прежде всего следует отметить, что современные антропологи отказались от использования понятия «прогресс». Они рассматривают культурную динамику либо в более нейтральном контексте усложнения культурных форм в рамках двуединого процесса дифференциации и интеграции, либо в плоскости качественной реорганизации общества в иное состояние. В отличие от классических эволюционистов неозволюционисты акцентируют внимание не только на классификации явлений, но и на причинах культурных изменений.

По мнению Р. Карнейро (опирающегося здесь, в свою очередь, на классическое определение Г. Спенсера), культурную эволюцию следует определить как «переход от относительно неопределенной, рыхлой однородности к относительно определенной, последовательной неоднородности посредством последовательной дифференциации и интеграции» (Carneiro 1973: 90). Однако в настоящее время многие исследователи склоняются к тому, что эволюция не имеет заданного направления. Далеко не все пути эволюции ведут к росту сложности, барьеры на этом пути весьма значительны, наконец, стагнация, упадок и даже гибель являются столь же обычными явлениями для эволюционного процесса, что и поступательное увеличение сложности и развитие структурной дифференциации. Главным критерием эволюции является качественная трансформация общества из одного структурного состояния в другое (Claessen 2000; Классен 2000; 2005).

Основоположником неозволюционизма считается американский антрополог Лесли Уайт (1902–1972), заложивший его основы в своих работах 1940–1950-х гг. К этому времени антропология осознала необходимость выхода за пределы локальных эмпирических исследований и приступить к синтетическим обобщениям на-

копленного материала. В отличие от классического эволюционизма XIX в. неэволюционизм представлял гораздо более мощную и в то же самое время более гибкую и динамичную теоретическую парадигму.

Уайт выдвинул энергетическую теорию культуры. Исходя из законов физики, Уайт определяет культуру как способ адаптации человека к окружающей среде, посредством которого человек может получать и абсорбировать из внешнего мира энергию. История культуры – это процесс постоянного увеличения количества энергии в пересчете на душу населения, совершенствования технологии для получения энергии и роста предметов и услуг для удовлетворения различных потребностей. Уайт выделил в культурной эволюции аграрную, топливную и термоядерную «энергетические революции». Он полагал, что в развитии человеческой культуры можно выделить два этапа: «примитивное» общество и цивилизацию (Уайт 2004а; 2004б).

Немалое влияние на развитие неэволюционизма оказал Джулиан Стюард (1900–1975). Он выявил функциональную зависимость между экологической средой, которая определяет разнообразие эволюционных форм, уровнем и характером технологического развития, а также социально-политической организацией. Однако каждая из культур проходит ряд последовательных стадий (их у Стюарда до восьми) – от охоты и собирательства до индустриального общества. Поскольку культуры адаптируются в различных экологических условиях по-разному, их эволюция, по мнению Стюарда, является «многолинейной» (Steward 1955).

Нельзя также не отметить влияние на неэволюционизм британского археолога Вира Гордона Чайлда (1892–1957). Чайлд выдвинул теории двух важных скачков в истории общества – «неолитической» и «городской» революций. В археологии *неолит* (новый каменный век) традиционно выделялся на основе двух главных критериев: 1) техники шлифования камня и 2) наличия керамики. Чайлд пришел к выводу, что появление неолитических культур на древнейшем Ближнем Востоке сопровождалось переходом людей к земледельческо-животноводческому хозяйству. Эти инновации имели для человечества кардинальный, революционный характер. «Городская» революция явилась отражением в археологических источниках процесса возникновения государства и классов.

В настоящее время большинство исследователей отмечают, что данные преобразования имели скорее эволюционный, чем революционный характер. Последствия перехода к производящему хозяйству не были столь однозначными (более тяжелый труд, ухудшение питания, появление заразных болезней и эпидемий и пр.). Во многих регионах мира неолитические культуры продолжали заниматься охотой, собирательством и рыболовством, тогда как на Ближнем Востоке были обнаружены очаги производящей экономики еще до изобретения гончарства (так называемый «докерамический неолит»). В ряде мест было обнаружено, что керамика вообще была изобретена в *палеолите* (древнекаменном веке). Наконец, понятие «города» и других материальных признаков появления государственности стало предметом длительных дебатов в археологии. Тем не менее работы Чайлда оказали большое влияние на последующие поколения исследователей эволюции в археологии.

Большой вклад в развитие неозволюционизма внесло следующее поколение антропологов и археологов – это были М. Салинз (род. 1930) и Э. Сервис (1915–1996), создавшие наиболее популярную схему уровней культурной эволюции. В работах данных исследователей, а также в трудах других неозволюционистов (Р. Адамс, Р. Карнейро, Р. Коэн, Р. Кэррол, М. Фрид, М. Харрис) большое внимание уделено типологии политического лидерства, престижной экономике, эволюции вождества, различным теориям происхождения государства. Американский неозволюционизм оказал влияние на развитие американской социологии (Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, Г. и Ж. Ленски), «новой» («процессуальной») археологии (Л. Бинфорд, К. Флэннери и др.).

В работах М. Салинза и Э. Сервиса было выделено несколько законов эволюции. К их числу относят *закон общей и специфической эволюции*. Как пишет Х. Классен (2000), выводя эту закономерность, они попытались объединить разные взгляды своих учителей – Л. Уайта и Дж. Стюарда, среди которых первый был сторонником однолинейного, а другой – многолинейного эволюционизма. *Общая* эволюция рассматривает этапы и стадии роста сложности, пройденные человечеством в целом. *Специфическая* эволюция объясняет историю отдельных индивидуальных культур и показывает, как и почему возникали разные варианты и исключения из универсальных правил. Другая важная выведенная закономерность – это *закон культурной доминанты*. Согласно ему слож-

ные, технологически лучше вооруженные и организованные культуры вытесняют более простые культуры. Более развитые группы стремятся контролировать большие территории и ресурсы и вытесняют слабых. Этот закон тесно перекликается с предыдущим законом и показывает, что распространение более сложных культур стимулирует инновации и позволяет простым культурам миновать определенные этапы роста.

Закон потенциала развития объясняет, почему в ряде случаев импульсы роста культур происходят не из старых центров, а из периферийных районов. «Чем более специализированы и приспособлены формы в данной эволюционной стадии, тем меньше ее потенциал для перехода к следующей стадии» (Service 1960: 97). В качестве примеров Сервис ссылался на то, что переход к неолиту, сопровождаемый появлением производящего хозяйства, произошел не в Европе, где возникли более специализированные виды охоты, а на Ближнем Востоке. Другой пример объясняет становление античной цивилизации на периферии уже сложившихся древних цивилизаций Ближнего Востока (*Ibid.*: 107–108). Отметим, что в отношении биологической эволюции этот закон был сформулирован еще в конце XIX в. американским биологом Э. Копом как «правило неспециализированного предка» (Гринин, Марков, Коротаев 2008: 66–67). Курьезным образом у американских неозволюционистов «закон эволюционного потенциала» восходит не к тождественному ему по своей сути «правилу неспециализированного предка», сформулированному их соотечественником-эволюционистом, а скорее, к теории «слабого звена» Л. Д. Троцкого – В. И. Ленина. Известно, что троцкизм оказал определенное влияние на неозволюционистов второй волны.

Важным вкладом в теорию неозволюционистов является также тезис о необходимости спуститься с высот генерализирующих обобщений и заняться моделированием эволюционных процессов на примере отдельных регионов и культур (теория «среднего уровня», Л. Бинфорд и др.).

Большой вклад в развитие неозволюционизма внес Дж. Мёрдок. Занимаясь составлением этнографических баз данных (подробнее об этом см. главу 21), он фактически сделал историю и антропологию более точными науками. Кроме того, он фактически доказал на конкретных примерах, что мы можем говорить о культурах разной степени сложности и, следовательно, об эволюцион-

ном развитии. Воспользовавшись своей базой данных и взяв 10 наиболее важных с его точки зрения признаков (тип хозяйства, плотность населения, деньги, технология и др.), он закодировал каждую из переменных по пятибалльной шкале – от 0 до 4. Суммированием данных 10 базовых индексов им был получен общий *индекс культурной сложности*. В его выборке (разработанной им совместно с Д. Уайтом) по 186 обществам наиболее сложные общества (цивилизации) получили наибольшее количество баллов по данному индексу, тогда как простые культуры охотников и собирателей оказались с наименьшими значениями данного показателя (Murdoch, Provost 1973). Параллельно этой проблемой занимался Р. Карнейро (Carneiro 1973). Он ограничился меньшим числом примеров, но расширил список признаков. Выводы оказались примерно идентичными.

В неозволюционизме существует большое число различных направлений. Перечислим некоторые из них:

- политическая антропология – изучает процессы и этапы политогенеза (Р. Адамс, Р. Карнейро, М. Салинз, Э. Сервис, М. Фрид, Р. Козн, Т. Эрл и др.);
- экономическая антропология (М. Салинз, М. Годелье, Т. Эрл и др.);
- «культурный материализм», в реальности – жесткий технико-экологический детерминизм (М. Харрис);
- биологическое направление, согласно которому развитие культуры происходило по тем же законам, что и эволюционировала природа (Р. Нэррол, Р. Бойд, П. Дж. Ричерсон);
- неозволюционизм в социологии (Т. Парсонс, Н. Луман, Г. Ленски, Д. Рибейро);
- процессуальная археология (в США – Л. Бинфорд, Р. Макдамс, К. Флэннери, в Великобритании – Д. Кларк, К. Ренфрю);
- «эволюционная археология», согласно которой культура рассматривается как аналог генетической системы с присущими последней мутациями и дрейфом, а наследственные черты передаются через обучение и подражание (Р. Даннел, С. Шеннан).

Наиболее существенные результаты были достигнуты в изучении эволюции архаических и ранних государственных обществ. Одна из самых популярных схем социально-политической макроэволюции была окончательно сформулирована американским антропологом Элманом Сервисом. Первой формой объединения лю-

дей, по его мнению, были **локальные группы** (*bands*). Они имели эгалитарную (от фр. *égalité* – равенство) общественную структуру, аморфное руководство наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству (земледелию и животноводству) возникают более жестко структурированные **общины** и **племена**, появляются институт межобщинного лидерства, возможно, ранние формы системы возрастных классов (дети, подростки, юноши, мужчины, старики). Следующая стадия – **вождество** (англ. *chiefdom*). Вождество обычно состоит из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь). Здесь существует социальная стратификация, массы отстранены от принятия решений. Позиции правителей вождеств основываются на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием **государства** центральная власть получает монополию на узаконенное применение силы. На этой стадии появляются письменность, цивилизация, города. Сервис понимает государство в духе функционализма: оно возникло вследствие потребности реорганизации управления сложным обществом (Service 1962/1971; 1975).

Эта схема впоследствии неоднократно уточнялась и дополнялась (см., например: Johnson, Earle 1987 [2000]). Из нее, в частности, после нескольких дискуссий было исключено племя как обязательный этап эволюции. В некоторых работах исследователи предпочитают разделять уже сформировавшееся «индустриальное» государство (государство-нацию) и государство доиндустриальной эпохи. Часто для сложных доиндустриальных политических систем вводят термины «архаическое» государство, «раннее» государство и т. д. Разработка теории **раннего государства** велась под руководством голландского политантрополога Хенри Й. М. Классена (род. 1930). В состав участников проекта входили ученые из различных стран Европы и Америки, и в том числе из бывшего Советского Союза (Claessen, Skalnik 1978; 1981).

Концепция другого известного американского исследователя Мортона Фрида (1923–1986) включает четыре уровня: эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества, государство. В **эгалитарных** обществах существуют отношения реципрокации и половозрастная дифференциация. В **ранжированных** обществах появляются редистрибуция и основанная на престиже дифференциация. В **стратифицированных** обществах деление на статусы

дополняется неравенством доступа к основным экономическим ресурсам. Наконец, на **государственной** стадии появляются классы, частная собственность и эксплуатация. Следовательно, государство – это продукт появления конфликтов в обществе. В этом Фрид, несомненно, более близок к марксизму, чем Сервис (Fried 1967).

Еще один ученик и последователь Л. Уайта – Ричард Адамс рассмотрел эволюцию форм власти как последовательное увеличение контроля над энергией. Опираясь на типологию Э. Сервиса и М. Салинза, он создал более глобальную конструкцию, которая включала шесть уровней социальной интеграции: 1) локальные группы; 2) вождества или провинции; 3) государства или королевства; 4) национальный уровень; 5) интернациональный; 6) всемирный. Каждый из этих уровней был разделен на два параллельных потока – **централизованные** и **согласованные** единицы. Централизованные единицы примерно соответствуют уровням интеграции Сервиса – Салинза, а в круг согласованных единиц Адамс включил различные объединения слабой структурированности (от сегментарных линиджей и племен до ООН и Международного суда). Уровни соответствуют друг другу. Например, на третьем уровне в разряд централизованных единиц были включены город-государство и королевство, а в группу согласованных единиц попали альянсы, религиозные объединения и формирования крестоносцев (Adams 1975).

После многочисленных дебатов о критериях вычленения и количестве разных эволюционных стадий более актуальным стал другой вопрос: какие причины приводили к изменениям в культуре и что стало основой для формирования сложных обществ? Еще до появления неозволюционизма выделялись разнообразные факторы общественных трансформаций: географическая среда, рост населения, технологический прогресс, рост производительности и разделения труда, внутренние конфликты, война. Все эти факторы были учтены в исследованиях неозволюционистов.

Возможно, наибольшее число дебатов вызвала так называемая **ирригационная** теория. Ее создатель – известный востоковед и критик советского авторитаризма Карл Виттфогель (1896–1988). Согласно его мнению, первоначальная государственность и развитие власти напрямую связаны с необходимостью строительства для общества крупномасштабных оросительных сооружений (Wittfogel 1957).

Эстер Босерап высказала предположение, что предпосылкой формирования государства является **демографический** рост. Когда осваивается вся территория обитания и население максимально возрастает, возникает необходимость в интенсификации сельского хозяйства. Это предполагает совершенствование организации управления, что сопровождается дифференциацией статусов, увеличением «социокультурной сложности» и генезисом государства (Boserup 1965). Современные сравнительные исследования показывают наличие достаточно прочной корреляции между плотностью населения и степенью политической централизации (Коротаев 1991). Однако не вполне ясно, каков именно пороговый предел демографической плотности, ведущий к перестройке механизмов управления обществом.

Еще один немаловажный аспект, который влиял на адаптивные способности общества в эволюционном процессе, – это способность общества хранить большие запасы продовольствия. Известно, что наличие у общества техники хранения запасов, позволявших справиться с периодическими голодовками, имело важные структурные последствия для формирования в обществе стратификации и постоянных органов управления. Кросс-культурные исследования показывают, что в тех случаях, когда общества с ранним производящим хозяйством умеют запасать продовольствие на длительный срок, они быстрее развивают внутреннюю стратификацию и обладают более развитой политической системой управления (Там же: 166–178, табл. XVIII–XXVIII).

Согласно **стрессовой** теории увеличение размеров социальной системы возможно до определенного порога (Г. Джонсон, Х. Райт). При чрезмерном увеличении нагрузки уменьшается эффективность существующей организации принятия решений. Чтобы справиться с возникшими перегрузками, необходимо ввести организационную иерархию, то есть государство. Поэтому для вождеств максимально была характерна двухуровневая иерархия (несколько простых вождеств, объединенные в сложное), тогда как для ранних государств – трехуровневая (деревни, районные и региональные центры, столица).

Еще одна популярная модель – **торговая**. Ее основная посылка основана на том, что торговля на большие расстояния является важным компонентом усиления власти правителей вождеств и ранних государств. Получая из-за границы своих владений редкие и диковинные товары и распределяя их внутри общества, иерарх контролировал редиистрибутивную сеть, повышал свой пре-

стиж и увеличивал влияние на подданных (М. Уэбб, К. Экхольм, Р. Шнейдер, П. Перегрин и др.).

В этой связи важно отметить большое значение разработки проблематики «экономической антропологии». У истоков этого направления стоял французский антрополог Марсель Мосс (1872–1950). Исследования антропологов данного направления, особенно М. Салинза и М. Годелье, показали, что в архаических обществах дарообмен был универсальным средством установления отношений между индивидами. Субъектами обмена, как правило, выступают не отдельные индивиды, а коллективы, или же такие индивиды, которые выражают интересы какой-либо группы (например, вожди), то есть как бы аккумулирующие в себе силу данной группы. Система обмена дарами связывает коллективы непрерывно циркулирующими связями от группы к группе, от племени к племени и в то же время охватывает все «этажи» и сферы общества. Последнее превращало дарообмен в важный элемент общественных отношений, посредством которого преодолевалась замкнутая автономия экономически обособленных общин и они связывались в сложную систему общественных связей с другими человеческими коллективами.

Символический обмен подарками позволял преобразовывать материальные ресурсы в отношения психологической зависимости и престиж, что, в свою очередь, давало возможность получать новые ресурсы и, раздаривая их, увеличивать престиж еще больше. Таким образом, повышение общественного статуса нередко осуществлялось через механизмы престижной экономики: с одной стороны, через организацию массовых праздников, на которых накопленные богатства демонстративно раздаривались или уничтожались, а с другой – через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответный подарок.

Особенный резонанс из всех теорий факторов вызвала **«ограничительная»** (*circumscription*) теория (другое ее название – теория «стесненности») Роберта Карнейро. Согласно Карнейро, рост численности населения приводил к увеличению конкуренции за ресурсы, а затем к интенсивным военным столкновениям, в результате которых более сильные группы создавали стратификацию и государство (Carneiro 1970; Карнейро 2006). Важную роль в закреплении государственного механизма играла **идеология**. Она узакони-

нивала сложившееся статусное неравенство. По всей видимости, формирование идеологии существующей системы господства являлось столь же важным моментом, что и экономическое или политическое принуждение.

Более поздние сравнительно-исторические исследования показали, что причины эволюционных изменений заключаются в сочетании разнообразных внутренних и внешних факторов: благоприятных природных условий, совершенствования технологий, роста народонаселения, сокращения ресурсов, войн, внешних заимствований, торговли на большие расстояния, идеологических сдвигов и т. д. В то же время их соотношение во многом объясняется региональной спецификой и случайной сочетаемостью природных, временных и иных обстоятельств.

С течением времени конкретно-исторические исследования по различным регионам мира показали гораздо большее количество культурных вариаций, нежели это предполагалось в ранних схемах Э. Сервиса и М. Фрида. Исследования как противников неозволюционизма, так и его сторонников показали значительную вариативность политической и социальной организации человеческих культур разной степени сложности (см., например: Крадин и др. 2000; Коротчаев 2003). Одни из них действительно отличались эгалитарной социальной организацией, равенством всех его членов (африканские бушмены, хадза). Для других обществ (например, аборигенов Австралии) было характерно сосредоточение лидерства в руках взрослых мужчин, развитие внутреннего половозрастного неравенства, наличие у взрослых мужчин монополии на информацию. Впрочем, даже в рамках одной общей модели могли существовать различные модификации (Д. Вудборн; О. А. Артемова, П. Швейцер).

Особенное место занимают высокоспециализированные оседлые рыболовы и охотники на морских животных. В ряде случаев они имеют настолько стабильные источники своего существования (например, лососевых рыб) и методы длительного хранения пищи, что это дает возможность создать сложную неэгалитарную организацию с развитым статусным неравенством, иерархической социальной организацией, наследственной властью вождей (индейцы Северо-Западного побережья Америки – квакиютли, тлинкиты, оседлые рыболовы Флориды, население перуанского побережья, обские угры Западной Сибири накануне присоединения к России и пр.).

Важным достижением неоэволюционизма следует считать теорию вождества. Наибольший вклад в ее разработку внесли неоэволюционисты «второй волны» – Э. Сервис (Service 1962/1971; 1975), М. Салинз (1999) и Р. Карнейро (Carneiro 1981). Последующий прогресс связан с фундаментальными статьями и книгами Т. Эрла (Earle 1997; 2002). Вождество понимается как первая форма общественной иерархии, которая предшествует появлению государства. Э. Сервис определил вождество как промежуточную форму социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей теократического характера и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата. Р. Карнейро считает, что самое простое вождество представляет собой группу общинных поселений, объединенных под постоянным контролем верховного вождя. Т. Эрл, один из авторитетнейших специалистов современности в области теории вождества, полагает, что вождество – это полития численностью как минимум в несколько тысяч человек, в которой имеется политическая централизация и региональная иерархия поселений, общественная стратификация, формирующаяся институализированная финансовая (или квазифинансовая) система.

Вождества известны у многих исторически и этнографически описанных народов мира: в Африке у ашанти, банту, баганда, волоф, зулу, свази, тсвана, в Азии – среди качинов Бирмы, у многих кочевников Евразии (пуштунов Афганистана, бедуинов Северной Африки, казахов, киргизов, монголов), в Океании – на Фиджи, Таити, Тонга, Гавайях, у индейцев Северо-Западного побережья, Гаити, Пуэрто-Рико, у чибя в Андах и т. д.

Если суммировать различные точки зрения на сущность вождества, то можно выделить следующие основные признаки этой формы социополитической организации:

- 1) существование иерархической организации власти, которая по археологическим данным отражается в разных размерах поселений;

- 2) наличие социальной стратификации и ограничение доступа к ключевым ресурсам, имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие; по археологическим данным это отражается в погребальной обрядности;

3) в вождестве существует редистрибуция – перераспределение прибавочного продукта и подарков по вертикали; власть вождя основана на престижной экономике;

4) вождество характеризуется общей идеологической системой и/или общими культами и ритуалами. Некоторые исследователи полагали, что верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, теократический характер.

По степени сложности вождества принято делить на простые, сложные и суперсложные. Для **простых** вождеств характерен один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя – как правило, более крупному поселению. **Сложные** (или составные) вождества состоят из нескольких простых вождеств. Их численность измерялась уже десятками тысяч человек. К числу типичных черт сложных вождеств можно также отнести этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности. В некоторых случаях сложные вождества могли объединяться в суперсложные вождества. Обычно суперсложные вождества в 4–5 уровней иерархии существовали у кочевников-скотоводов (см., например: Крадин 2001; Крадин, Бондаренко 2002). В земледельческих обществах при таком количестве иерархических ступеней обычно возникало государство.

Однако вождество отличалось от государства не только высотой пирамиды власти. По мнению одних исследователей, в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия (идея М. Вебера), тогда как правитель вождества обладал лишь «консенсуальной властью», то есть авторитетом. Однако, по мнению Э. Геллнера, многим государствам (не только ранним) не хватает монополии на использование силы. Поэтому более точно делать акцент не столько на легитимном насилии, сколько на появлении особого аппарата власти. Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Гражданские чиновники ответственны за мобилизацию ресурсов, управление, контроль информационными потоками. Военные ответственны за завоевания и оборону от врагов, а иногда на них воз-

лагается поддержание внутренней стабильности. Религия предназначена для создания общей идентичности и освящения существующего строя.

В последние десятилетия был подвергнут критике тезис, что вождество является универсальным этапом социальной эволюции. Целый ряд исследователей примерно одновременно пришел к выводу, что параллельно с вождествами могут возникать другие не менее сложные формы политической организации. Ю. Е. Березкин убедительно продемонстрировал, что предгосударственные общества Передней Азии не вписываются в модель вождества (Березкин 1995; 2013). М. А. Агларов и А. В. Коротаев показали, что децентрализованные политические системы горских сообществ имеют принципиальное сходство с греческими полисами (см., например: Агларов 1988; Коротаев 1995; Гринин, Коротаев 2009: 351–428). Небольшие размеры предполагали прямое участие всех членов общества в политической жизни, пересеченный рельеф не способствовал укрупнению политий горцев в крупные иерархические структуры, а также препятствовал подчинению горцев равнинным государствам соседей. Схожие выводы были сделаны на примере изучения кельтов (К. Крэмли), викингов (К. Кристиансен), некоторых культур Мезоамерики (Г. Фэйнман, С. Ковалевски) и др.

Важной чертой для жителей небольших (в том числе горских обществ) обществ является высокая степень политической активности («протестности», по Ш. Айзенштадту), тогда как для подданных равнинных аграрных государств (в первую очередь крестьян) характерно более пассивное политическое поведение. Политическая активность граждан блокировала развитие иерархической организации и независимой от масс бюрократии. В этой связи был поставлен вопрос: а являлся ли классический греческий и римский полис периода республики государством (Штаерман 1989; 1990; Берент 2000)? Здесь не найти классических атрибутов государственности. Аппарат исполнительной власти был ничтожно мал. Не было прокуратуры и полиции. Не было ни налогов, ни аппарата для их сбора. Подати с провинций и рента за общественные земли собиралась откупщиками.

Постепенно в зарубежной и отечественной археологии получили распространение концепции билинейности и многолинейности – выделение *иерархической/гемоархической* и *гетерархической* линий социальной эволюции, или в иной терминологии – *сетевой*

и *корпоративной* стратегий (Крадин, Скрынникова 2006; Крадин 2007 и др.), а также других вариантов, например, для кочевников (Бондаренко, Коротаев 2002 и др.). Для **иерархической (сетевой)** стратегии характерны: концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре.

Для **гетерархической (корпоративной)** стратегии характерны: большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества для решения коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни. Необходимо отметить, что отождествление сетевой стратегии с гетерархической признается не всеми исследователями.

Как следует из вышеизложенного, идеи, сформулированные в рамках неозолуционизма, по-прежнему сохраняют большое значение для изучения ранних этапов исторического процесса. Они по-прежнему актуальны для исследований в области археологии и социокультурной антропологии (этнологии).

Рекомендованная литература

- Альтернативные** пути к цивилизации / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М., 2000.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2008.** История и макроэволюция. *Историческая психология и социология истории* 2: 59–86.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.
- Крадин Н. Н. 2011.** *Политическая антропология: учеб.* 3-е изд. М.
- Салинз М. 1999.** *Экономика каменного века.* М.
- Carneiro R. 2003.** *Evolutionism in Cultural Anthropology: A Critical History.* Boulder.
- Claessen H. J. M. 2000.** *Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology.* Leiden.

Глава 5

ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В отличие от большинства исторических теорий, созданных как часть научного знания в XVIII–XX вв. и ориентированных на наращивание познавательных возможностей, представления о цивилизации возникли в несколько ином культурном контексте. Понятие «цивилизация» изначально связано с представлением об *общественном благе, благоустроенном обществе, гражданском идеале*. Его истоки уходят в древний мир и возникают в Древней Греции и Китае (*paideia, wenhua*). У разных народов оно связывалось с разными ценностями. Изначально главным был не положительный смысл этого понятия, а его противостояние другим понятиям – «дикость» и «варварство». Это те *антиценности*, неприятие которых объединяет самые разные представления о цивилизации. В начале европейской мировой экспансии, в XVI в., эти понятия связывались в Испании и Франции с представлением об отсутствии религии, законности, власти короля (*ni foy, ni loy, ni roy*). Соответственно представление о «цивилизации», складывавшееся в XVII–XVIII вв. в Англии и Франции, объединяло представления о культурной роли христианства, благовоспитанном поведении и обходительности, законности королевской власти. Это было, как подчеркивал классик теории цивилизаций француз Марк Блок (1886–1944), не научно-познавательное, а *оценочное* суждение. Оно принадлежит не к области исторической науки, а к области моральной философии (этики). И путь развития цивилизационных концепций, по его мнению, – это путь от представлений об идеале «цивилизации» к описанию и сравнению цивилизаций во множественном числе, являющихся *конкретными реальностями* (Блок 1986: 100–101). В этой современной форме теория цивилизаций представляет собой метод сравнительно-исторического изучения обществ, основанный не на их противопоставлении, а на их *различении* по ряду факторов и с использованием различных исследовательских перспектив. Ее наработки и достижения существуют независимо, а также входят в арсенал глобальной, интернациональной и транснациональной истории.

Цивилизационные представления никогда полностью не сводятся к научному знанию. Они также помогают человеку сориентироваться в мире, идентифицировать себя в нем. Сделать это

можно на *метаисторическом, чисто логическом* уровне, в процессе создания категорий и манипулирования ими (логическая категоризация). Это путь простого противопоставления смыслов, *до* и *помимо* всякого конкретного исторического знания. Познавательная ориентация в отличие от идентификационной связана с наращиванием и обобщением *конкретно-исторического* знания на базе «хороших примеров» и размытого «семейного сходства» (эмпирическая категоризация) (Копосов 2011: 17). Но прибавление знаний далеко не всегда способствует устойчивой ориентации в мире и прочной самоидентификации, особенно необходимым в условиях *кризисов исторического сознания* (подобных современному).

Можно выделить три этапа эволюции цивилизационных представлений, в которых познавательная и идентификационная составляющая соединяются в разных пропорциях: 1) линейно-стадиальные версии теории цивилизаций; 2) теории локальных цивилизаций; 3) современные диалогические теории цивилизаций. В конкретной истории идей повороты в сторону идентификации и логической категоризации многократно сменяются поворотами в сторону познания и эмпирической категоризации. Немецкий историк-компаративист Маттиас Миддель (р. 1961) связывает первые с перекройкой карты мира и потребностью империй в культурной легитимации своей власти в форме линейных исторических схем, противопоставления «цивилизации» и «дикости» (возникновение европоцентристской теории цивилизаций в конце XVIII–XIX в. и теории модернизации в эпоху холодной войны), а последние – с кризисом имперской политики и возникновением новых претендентов на культурное влияние (исторический релятивизм конца XIX – начала XX в., постколониальная критика 1980–2000 гг.) (Middell 2004). Поэтому различные формы теории цивилизаций на деле часто *перемежаются, переплетаются и взаимодействуют*. Научное содержание накапливается в ней постепенно, нелинейно, зачастую теряется и обретается вновь.

Линейно-стадиальные теории цивилизаций

Линейно-стадиальные версии теории цивилизаций родились в середине XVIII – середине XIX в. в работах В. Мирабо (старшего), Н. А. Буланже, Вольтера (Ф. М. А. Аруэ), А. Фергюсона, М. Ж. А. Кондорсе, Ф. Гизо, Г. Т. Бокля и др. В 1766 г. была обнародована концепция француза Николя Антуана Буланже (1722–1759), который выделил

в истории эпохи дикости, варварства, государственности и благопристойного поведения, просвещенной монархии и собственно цивилизации. В последней он видел триумф и расцвет разума не только в политической, но и в моральной, религиозной и интеллектуальной сферах. В 1767 г. англичанин Адам Фергюсон (1723–1816) дал экономическую интерпретацию истории человечества, он связывал дикость с собирательством, варварство – с зарождением скотоводства и земледелия, городов, возникновением частной собственности, а цивилизацию – с развитием разделения труда и преодолением социальных противоречий при помощи права. Главным в этих концепциях было определение *цели* истории и *объяснение причин* исторических изменений.

При этом главная функция образа цивилизации как антитезы варварству не познавательная, а идентификационная. Этот образ строится на *абсолютизации различения*. Понятие «цивилизация» является частью дихотомии «варварское – не-варварское» и поэтому становится логически прозрачным, самоочевидным, вне зависимости от своего конкретного содержания. Оно выражает универсальный идеал данной культуры, воспринимаемый как *цель* исторического процесса. Тем самым история цивилизаций возрождала черты христианской философии истории – финализм и телеологизм. В контексте эпохи Просвещения цивилизация провозглашается *символом рациональности* (антиномия разум – предрассудки). Движение к цивилизации и рациональности (прогресс) рассматривается как главный исторический *закон*, проявление исторической *необходимости*. Феномены развития общества выстраивались в хронологическом порядке, в чем виделось высшее проявление принципа историзма. Однако самоочевидность теории в данном случае опирается лишь на нетерпимость того или иного образа «варварства» для человека определенной культуры. Признание рационализма единственной исследовательской перспективой изначально задавало результат исследования, делало опровержение теории невозможным.

Самоочевидность идеала цивилизации, ставшего в позитивизме высшим научным идеалом (наука – третья, высшая стадия развития цивилизации), привела к тому, что к середине XIX в. он постепенно делается *нормативным* для западной культуры. Макроисторический образ *всеобщей* истории как *истории цивилизации и прогресса* признается единственно значимым в школьном обу-

чении, профессиональном историописании и культуре. Понятия теории *реифицировались*, рассматривались как реальные явления прошлого, а смысловые связки – как причинно-следственные. Отдельные явления прошлого *субстанционализировались*, представлялись как выражающие сущность истории. Язык исторического описания, его концепты и риторические приемы при этом строго отделялись от смысла описанного, как если бы они не могли влиять на «объективность» научного результата. Эти основополагающие принципы закрепляются в трудах классиков позитивизма француза Огюста Конта (1798–1857) и англичанина Герберта Спенсера (1820–1903).

Парадоксом противопоставления цивилизации и варварства является то, что самоочевидность концепции здесь порой прямо противоположна ее научной содержательности и исторической глубине. Важнейшее место в развитии подобных взглядов занимают процедуры *деисторизации* феноменов «дикости» и «варварства», *десубъективации* образа человека иной культуры, превращения его в чистый объект исследования западных ученых и политики культуртрегерства или цивилизаторства (распространения западных форм культуры) западных колонизаторов. Наиболее полно эти взгляды выразил великий немецкий философ Георг Гегель (1770–1831). Предполагалось, что у нецивилизованных народов не может быть подлинной истории. У них нет прошлого, так как они не осознают себя и не фиксируют его. У них нет настоящего, так как это «древние» народы. Они «древние» не потому, что не живут в наше время, а потому что они логически и символически *олицетворяют первобытность*. У них не может быть и собственного будущего, так как их будущее – цивилизация, западный (инокультурный для них) идеал.

Носитель идеала цивилизации в данном случае приписывает своей культуре роль цели исторического развития. Образы всех других народов при этом упрощаются и подвергаются *экзотизации*. Характерный недостаток для таких концепций – *европоцентризм*, редукция смысла мировой истории к сближению с западными культурными и общественными идеалами (рационализм, просвещение, ограничение авторитаризма, разделение властей, свобода торговли). Для обоснования этого в исторические музеи помещались только артефакты культур, созданных европейцами и их предшественниками (греками, римлянами, египтянами, вави-

лонянами). Культурные достижения большинства народов (особенно колониальных) демонстрировались в этнографических музеях, чем доказывалось, что в Африке, Азии и Америке «остановилось время». Постепенно зона «этнографического» в истории расширялась за счет Востока как отсталой (традиционалистской) антитезы Запада, способной лишь на *зависимое развитие*. Так фактически обосновывалось право европейцев на захват и колониальную эксплуатацию этих стран.

Результатом введения такого рода методологии в историческое знание первоначально зачастую было не его расширение и углубление, а его сужение, догматизация и схематизация. Надолго, с середины XVIII в. и почти до конца XIX в., была свернута деятельность по написанию «универсальных историй» человечества, обязательной частью которых являлась история современного Востока. Интерес европейцев к культуре Китая, развившийся в XVII–XVIII вв. и связанный с деятельностью «фигуралистов», наследников итальянского миссионера Маттео Риччи, резко упал на рубеже XIX в., когда Адам Фергюсон отказал Китаю в звании цивилизации. Линейно-стадиальные схемы сделали затруднительным написание местной истории в неевропейских (прежде всего колониальных) странах. Франц Фанон (1925–1961), а затем Эдвард Саид (1935–2003) во второй половине XX в. подвергли цивилизационные представления этого типа глубокой критике. Саид называл такого рода модели имажинативной (воображаемой) историей. Сейчас в истории идей принято различать представления о *цивилизации* (познавательное-ориентированное цивилизационное сознание) и колониалистскую идеологию и политику *цивилизаторства* (агрессивное цивилизационное сознание колонизаторов).

Однако надо учитывать, что степень экзотизации иных культур может быть разной. В историческом сознании оппозиция, противоречие между благом и злом, как правило, релятивизируется, разворачиваясь в череду конкретно-исторических феноменов, определяющих восприятие прошлого. В эту череду могут включаться и локальные цивилизации, которые в данном случае рассматриваются как *стадии цивилизационного процесса*. Подобные линейно-стадиальные и циклические схемы могут быть очень дробными. Например, история цивилизации французского философа Жана Антуана Кондорсе (1743–1794) как история борьбы разума и предрассудков включает десять исторических эпох. Они воплощались

в истории конкретных стран Древнего Востока, Греции, Рима, Западной Европы. Подобная дробность видения картины прошлого приводила к тому, что эпохи «дикости» и «варварства» еще в XVIII в. превращаются в стадии цивилизационного процесса (как начальные состояния цивилизации). Немецкий историк цивилизаций Юрген Остерхаммель называет такие теории протомодернизационными и считает их позитивным наследием XVIII в.

В XIX – первой половине XX в. противопоставление варварства и цивилизации продолжало размываться. Французский журналист и историк Франсуа Гизо (1787–1874) представил синкретичность как преимущество европейской цивилизации и связал ее с процессом взаимодействия ценностей варварского и античного обществ (свободы и порядка) в Средние века. Еще дальше пошел американский этнограф Льюис Морган (1818–1881), который в 1877 г. писал, что в эпоху дикости прогресс человеческого общества был более очевидным, чем в последующую эпоху варварства, а прогресс периода варварства был более значительным, чем во всей протекшей части эпохи цивилизации. Английский археолог В. Гордон Чайлд (1892–1957) представил цивилизацию как результат неолитической и урбанистической революций, которые породили производящее хозяйство и города. В итоге историческая эпоха распространялась на доцивилизационный период, ранее считавшийся доисторическим. Признаки цивилизации стали более многочисленными и многообразными, объединявшими очень широкий круг обществ (наличие городов, классовое расслоение, концентрация власти, дань или налоги, общественное разделение труда, внешняя торговля, письменность, зачатки точных наук, изобразительное искусство, монументальные постройки). В результате границы между этнографией и археологией, с одной стороны, и всеобщей историей – с другой, стирались, основания для идеологии колониализма слабели.

Стадиальные схемы истории цивилизации постепенно меняли свои основания: из идентификационных и моральных они становились познавательными, классификационными. Представление о дистанции между различными культурами перестало напрямую связываться с ценностной иерархией и хронологическим рядом, наряду с однофакторными моделями появились и многофакторные. В них учет действия только одного фактора причинно-следственной цепи (религии, культуры, государства, экономики) сменялся учетом целого ряда факторов. Еще у философа Огюста Конта в середине

XIX в. описание развития цивилизации как перехода от господства религиозных взглядов к доминированию метафизических и научных сопровождалось демонстрацией роли сменявших друг друга военной и промышленной форм организации общества. Это не мешало подобным теориям цивилизаций оставаться финалистскими и телеологическими. Однако у них появилось познавательное преимущество: возможность использования разнообразных объективных (в том числе противоречащих другу другу) данных, что делало историческую картину более объемной.

Но наиболее распространенным в линейно-стадиальных схемах истории цивилизации все же оставался однофакторный подход, в рамках которого надо было объяснить различные исторические явления и процессы (следствия) как продукт воздействия одного-единственного явления (причины). Такому объяснению обычно придавалась сила исторического закона. В середине XIX в. англичанин Генри Т. Бокль (1821–1862) развивал идеи географического детерминизма, объяснив развитие цивилизации (государства, общества и культуры) способом, которым люди добывают средства к существованию, и ценой, которую им придется платить за них. Он различал цивилизации, основанные на потреблении растительной и животной пищи. Хотя при этом были впервые использованы методы математической статистики, это была манипулятивная схема, призванная «научно доказать» закономерность доминирования Англии в мире и колониального положения Индии и Ирландии.

Однофакторный подход продолжал доминировать и в теориях цивилизации, возникших под влиянием теории модернизации, ставшей в годы холодной войны ответом западной науки на теорию социально-экономических формаций и преувеличивавшей роль технико-технологического фактора. Ярким примером была энергетическая теория цивилизации американца Лесли А. Уайта (1900–1975). Он изучал эволюцию цивилизации и писал о последней как об интегрированной системе, выделяя в ней технологическую, социальную и идеологическую подсистемы. При этом главную, первичную роль играет *технологическая* система и прежде всего проблема обеспеченности энергией. Каждая из технологических систем – скотоводческая, земледельческая, металлургическая, индустриальная, милитаризованная – порождает собственные социальные системы и представления. Даже наука проходила у Уайта (как

и у Карла Маркса) по линии идеологии. Однако если у Маркса речь идет об экономических отношениях между людьми и о классовой борьбе, то здесь – о материальной обеспеченности жизни человека и технико-технологическом развитии. Это сближает Уайта и Бокля, с одной стороны, и идеологию общества потребления – с другой (Уайт 2004а; 2004б). Методы Лесли Уайта легли в основу современной «Большой Истории» (Big History) как части глобальной истории. В частности, они развиты в синергетическом духе в работах Дэвида Кристиана (р. 1946) и Фреда Спира (р. 1952), анализирующих параметры энергетических потоков, создаваемых разными технологиями, и их влияние на культуру.

Наиболее развитые и актуальные линейно-стадиальные схемы теории цивилизации удалось создать там, где это понятие изначально не имело достаточно мощной ценностной нагрузки. Например, в Германии оно стояло значительно ниже понятия «духовного просвещения» (*Geistesbildung*). Кроме того, там была сильнее развита герменевтика как толкование текстов и гуманитарная стратегия «понимания» мотивов поведения людей, противопоставленная естественно-научной стратегии объяснения. Неслучайно именно там в 1930-е гг. была создана наиболее известная сейчас теория «процесса цивилизации» Норберта Элиаса (1897–1990). Он представил цивилизацию как особый тип высоко контролируемого поведения людей и связал его возникновение с переходом от средневековой феодальной вольницы к сложным отношениям придворных и короля в период абсолютизма. В сущности, цивилизация в его описании – это процесс *самоприручения* людей, связанный с распространением контроля над поведением на сферы, ранее ему не подчинявшиеся: процессы сна, испражнений, питания и т. п. Вначале, как показал Элиас, этот самоконтроль распространялся лишь на узкий круг придворных, расчетливость поведения в котором имела следствием получение огромных выгод от благоволения короля. Однако постепенно подобные формы самоконтроля распространились на массы людей, и даже нарушение этих норм (такое как поведение болельщиков или спортсменов на стадионах) сейчас введено в определенные рамки, стало формой контролируемого снятия агрессии (Элиас 2001). Подходы и методы Элиаса широко используются в современной глобальной и интернациональной истории для изучения процесса становления таких явлений, как цивилизность (толерантность, корректность) в международных и межкультурных отношениях.

Теории локальных цивилизаций

Колониальные империи, предъявлявшие спрос на идеологию цивилизаторства, оказались недолговечны, рано или поздно их представители вынуждены были признать в соседних империях более или менее *равных* партнеров. Реальные силы стран Запада и Востока, ставшие несравнимыми в ходе промышленной революции, с середины XIX в. постепенно (хотя и неравномерно) сближались. В число великих держав постепенно входили Османская империя, Япония, а затем и Китай. Росло воздействие японской живописи, индийской философии и религии, африканской скульптуры и афроамериканской музыки на западную культуру. На этом фоне все труднее было создавать иерархические исторические модели, выстраивать всю мировую историю в единую линейно-стадиальную схему. Появился запрос на описание человека иной культуры как субъекта со своими мотивами поведения, своим видением прошлого и настоящего. Это создало условия для появления концепции локальных цивилизаций. Первоначально это наименование маркировало общества, претендующие *на особую роль* в мировой истории, создавшие империи и внесшие большой вклад в мировую культуру. Теория цивилизаций была переориентирована с противопоставления и иерархизации культур на поиск общих черт локальных цивилизаций, анализ оснований их местной специфики и универсалистских претензий, причин устойчивости их традиций.

Часто идея локальной цивилизации развивалась внутри линейно-стадиального подхода, как это было у Генриха Рюккерта (1823–1875) и Николая Данилевского (1822–1885). Большое значение уделялось ими роли и истории религий. Г. Рюккерт, сын известного немецкого востоковеда, сохранял верность гегельянской историософской схеме (природа – культура), но при этом резко критиковал колониализм как попытку изменения образа жизни других народов. Ведь каждая культура сформировалась в особых обстоятельствах, у нее имеются собственные ценности и цели. Поэтому эффективная колонизация Китая или Индии, по его мнению, невозможна. Нельзя выделить и единый универсальный источник культуры, так как все цивилизации, и христианские (европейская и российская), и восточные, с одной стороны, конечны, «предназначены к исчезновению», а с другой – равно правомочны, в определенном смысле равны друг другу. Ведь все они обладают способностью к культурно-религиозной экспансии. Поэтому европейская цивилизация не мо-

жет рассматриваться в качестве цивилизации по преимуществу. Она лишь одна из многих, ее доминирование конечно. Вторжение Европы в зону влияния другой цивилизации разрушительно. Так Рюккерт демонтирует основы европоцентризма, впервые создавая наряду с однолинейной схемой исторического развития и многолинейную схему.

Уже Рюккерт предвидел, что Россия может стать преемником Европы в деле активного распространения своих идей и ценностей в мире. Опираясь на эту мысль, Николай Данилевский через десять лет в книге «Россия и Европа»; усилил негативные черты образа Запада, которые появились у Рюккерта, и абсолютизировал их (Данилевский 1991). Признавая плодотворность культурной деятельности Европы, он тем не менее считал ее цивилизацию завершившей круг развития и к тому же недостаточно развитой, уступающей России в деле развития религиозной и общественной жизни, следствием чего являются Реформация и революционное движение. Поэтому он предлагал смотреть на культуру Запада не как на универсальное достижение, а как на «удобрение» для российской культуры, способной создать гораздо более развитую цивилизацию. Так возник образ Запада, который в современной историографии называется *оксиденталистским*, подчеркивающим его негативные черты (по аналогии с колониальным, *ориенталистским* образом Востока). Эта традиция используется в современной постколониальной критике и, в частности, в афроцентристской теории цивилизаций.

Создавая антитезу универсальному образу Запада, Данилевский впервые предложил изучать историю не на основе европейских ценностей и целей, а на основе ценностей российских, среди которых он выделял православие, общину и самодержавие. Именно благодаря им Россия, по его мнению, сможет создать наиболее совершенный тип цивилизации. Его не пугало даже слабое развитие российской культуры и чрезмерная сила власти – все это для него была лишь признаками молодости цивилизации. Если у Рюккерта альтернативные линии развития человечества только обозначены, то у Данилевского одна из них – российская – выписана предельно отчетливо. Ее обоснованием становится биологизаторская версия исторической эволюции и организмическая модель цивилизации, в центр которой ставится не экспансия, как у Рюккерта, а *самобытность* культуры как высшая ценность, а также *охранительность* как политика сбережения самобытности государственной властью.

Однако не следует делать из Николая Данилевского противника колониализма или даже создателя современной теории локальных цивилизаций. Он высоко ценил роль колониальной политики империй, в частности татарского ига как формы сохранения самобытности православной Руси в ее противостоянии с Европой. Он смотрел и на Запад, и на Восток как на объекты российской экспансии. Поэтому Данилевский ставил египетскую, китайскую, вавилонскую, индийскую и иранскую цивилизации ниже, чем колониалист Генри Бокль (как не имеющие самостоятельного значения «подготовительные» культуры). Данилевский ценил в них лишь силу охранительности. Это позволяло ему свободно намечать планы раздела земель Османской империи и мусульманского мира вообще. Он сделал шаг назад от теории цивилизаций к священной истории: абсолютным обеспечением будущего российской цивилизации для него была *богоизбранность* русского народа (Данилевский 1991).

Биологизаторская и эволюционистская тенденции в теории цивилизаций не способствовали повышению меры ее научности и объективности, скорее, они во взаимодействии с провиденциализмом помогали создать наукообразную историческую мифологию. Идея эволюции возрождала представление о культурно-исторической дистанции, укрепляла редуционизм. Если ранее история всего человечества рассматривалась как биография индивида (детство, юность, зрелость), то теперь эта схема прилагается к истории отдельной цивилизации. Но постепенно, с кризисом империй наибольший интерес проявляется к поздним периодам этой «биографии»: старости и смерти цивилизаций. Это связано с дальнейшей деградацией идеала цивилизации, которому противопоставляются идеалы традиции, религии, расы (у Жозефа Гобино). Ими начинают пользоваться не только европейцы, но и индусы (Свами Вивекананда, Ауробиндо Гхош), мусульмане (Мухаммад Джемаль ад-Дин аль-Афгани), китайцы (Лян Цичао, Лян Шумин).

Часто идеал цивилизации подменяется идеалом уходящей империи. Типичный пример – Константин Леонтьев (1831–1891), эстет-аристократ, вслед за Данилевским сосредоточивший исследование российской цивилизации на проблеме государственности и абсолютизовавший значение византийской самодержавной традиции. Его исследование цивилизаций было средством восславить сложность и цветущее разнообразие Востока, подвергнуть критике идеи смешительного (демократического) упрощения Запа-

да, возвеличить эстетику войны и империи, что сближает его с Гоббино и Фридрихом Ницше (Леонтьев 2007). Сходным путем шли и русские евразийцы, создавшие в эмиграции в 1920-е гг. учение о географической обусловленности (а значит, вечности) российских авторитаризма и идеократии. Их поздним наследником был Лев Гумилев (1912–1992), рассматривавший историю цивилизаций с точки зрения географического детерминизма и биологической энергии этносов. Ключевое место в его концепции занимает понятие пассионарности. Это способность к жертвенности индивида во имя суперэтноса, тех экспансионистских сил, которые преобразуют мир и чья деятельность провозглашается единственной основой культурного развития. С этих позиций цивилизация выглядит лишь как «золотая осень» этноса, фаза инерции, а общество потребления – как фаза обскурации, «сумерки» этноса. Агрессивная имперская идеология оказывается единственной основой исторического движения, в то время как критическая «негативная философия съедает этнос» (Гумилев 2001: 476). Избавление от мифов порождает мир без истории.

Причины познавательной ущербности подобных теорий локальной цивилизации – в попытках построить прочную самоидентификацию и сохранить при этом форму всеобщей истории, найти единую для всех цивилизаций универсальную «систему отсчета, при которой все наблюдения будут делаться с равной степенью точности» (Там же: 62). В сущности это попытки восстановить иерархическую линейно-стадиальную модель истории, однако идеальными в ней представлены не культуры и народы как целое, а отдельные эпохи в их жизни. В последнее время такие попытки связываются и с постколониальной критикой европоцентризма, в частности с работами создателя «философии освобождения» аргентинца Энтони Дусселя (р. 1934).

Однако речь идет уже не об одной, а о множестве локальных цивилизаций. В результате образы неевропейских культур, на которые распространяется представление о цивилизации, деэкзотизируются, подвергаются *нормализации*. На место морализаторских вздохов о «диких нравах» приходит *эстетизация* образов чужих культур как прекрасных. Цивилизационные представления остаются во многом метаисторическими, большую роль в их создании играет логическая категоризация явлений истории, но они из монистических становятся плюралистическими. *Многофакторность*

и *многовекторность* исследования из предлагаемых моделей становятся обычными. При этом нормативная модель не возникает или существует недолго, так как приходится учитывать многообразие цивилизаций. Постепенно возникает тема *взаимодействия цивилизаций*, их коммуникации. Появляется внимание к различным языкам описания и самоописания. В условиях господства органического, а затем структуралистского подхода к культуре, предполагающих идеал ее целостности, основное внимание направлено на трудности или даже *невозможность* диалога и коммуникации вообще. Однако даже эта изоляционистская версия имеет позитивные черты, так как позволяет критиковать привычные европоцентристские представления о цивилизации и истории. Она сопровождается критикой универсалистской философии истории. Идеал общего, универсального все больше заменяется в теории цивилизаций *идеалом специфического*.

Это происходит в условиях критики классического рационализма в рамках философии жизни или его реставрации в рамках феноменологии. Для теории цивилизации характерны обе тенденции. Немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) ввел наряду с философско-историческим подходом к истории социологический, а именно – идеально-типический подход, предполагающий конструирование интерпретации исторического явления в свете определенных ценностей. При помощи этого инструментария он впервые попытался обеспечить гибкое взаимодействие содержание научной теории, общественных ценностей и представлений, созданных обществами прошлого. Идеал рациональности тем самым был частично релятивизирован. Возникло представление о возможности *различных форм рациональности*, базирующихся на разных ценностях, которые нельзя подвести под понятие «предрассудки». И хотя европейская культура ставится Вебером заметно выше прочих, он признает как ценность динамики, так и ценность традиции, возможность не только целевой («западной»), но и ценностной («восточной») рациональности; он пишет о сложном взаимодействии потребностей и ценностей, различая движущую силу потребностей и направляющие ее «стрелки» культуры. Вебер впервые пытается соединить в методологии *объяснение и понимание*, объективность и герменевтическую интерпретацию мотивов деятельности.

Тем самым был создан гигантский методологический и эпистемологический аппарат, который был актуализирован в ходе «вебе-

ровского ренессанса» 1970–1980-х гг. и используется в цивилизационных исследованиях до сих пор. В особенности это касается соотношения глобального и локального. Общность человечества обеспечивается у Вебера не только европейской экспансией, но и «эпохой пророков» в I тыс. до н. э., созданием мировых религий, рационализировавших сакральные представления о мире. Это делает мировые религии поддающимися сравнению, более того, сравнимыми рационально. Как инструменты мотивации деятельности религии составляют основу для хозяйственной этики, а значит, могут интерпретироваться прагматически. Представления Вебера о локальных особенностях соединения идей сущего и должного в разных цивилизациях, о различном модернизационном потенциале мировых религий были использованы израильским социологом Шмуэлем Айзенштадтом (1923–2010) для синтеза теории локальных цивилизаций и теории модернизации, разработки представления о множественности модерностей.

Немецкий философ Освальд Шпенглер (1880–1922) еще сильнее дистанцировался от традиционного рационализма и философии истории. Он последовательно критиковал идеи всеобщей истории и объективного исторического знания, указывая на трудности взаимодействия культур. По его мнению, в основе каждой культуры лежат неотрефлексированные исходные образы – эйдосы, на базе которых выстраиваются все нормативные проявления культуры. Поскольку эйдосы неосознанны и нерациональны, то попытки прямого взаимодействия их производных, таких как образы числа, времени, истории, всегда безуспешны и даже опасны. Попытка универсализации собственных представлений в форме всеобщей истории неизменно приводит к самозамыканию и поражению культуры. Именно так ведет себя Запад в отношении колониальных культур, достижения которых остаются для него принципиально непознаваемыми. С этим замечанием связана попытка Шпенглера перейти от историософских схем, порожденных особенностями создавшей их культуры, к изучению «фактов действительной жизни» различных цивилизаций. Для этого он впервые релятивизировал *собственную* картину истории цивилизаций и заявил о множественности всеобщих историй. Эта идея лежит в основе современного отношения к всеобщей истории в глобальной истории и глобальной историографии (Брюс Мазлиш, Георг Иггерс).

Единственно возможным выходом из тупиковой ситуации столкновения эйдетических форм для Шпенглера является поэтическое (символическое) описание культуры, которое позволяет мыслителю восполнить мимолетный образ, фиксируемый историками, до целостного габитуса (связного архетипического образа, воплощающего специфику культуры). Это квинтэссенция исторического опыта цивилизации. В этом подходе, по мнению Шпенглера, проявляется специфика гуманитарного знания, которое по своей природе выше естественно-научного. Безоговорочная вера в символические, порой случайные сближения и метафоры, подмена ими научных моделей нередко подводили философа, обрекая его на критику историков (например, при сравнении буддизма, стоицизма и социализма).

Наиболее убедительным свидетельством правомерности метода было описание Шпенглером (учителем математики, склонным к пифагорейству) восприятия числа в разных культурах, которое развивало знаменитые идеи Иммануила Канта об априорных формах чувственности. Каждая высокая культура, по мнению Шпенглера, создает свои собственные нормативные представления в разных областях науки (в частности, множество «равно возможных геометрий»). Характер этих моделей связан с первообразами культур, способами восприятия ими внешнего мира, прежде всего пространства и времени. Греки знали число только как проявление завершенного и неподвижного осязаемого, телесного мира. В арабской культуре число впервые отрывается от тела, рождая алгебру. И только в европейской культуре появляется представление об актуальной бесконечности, которое грекам казалось неприемлемым, возникает высшая математика. Поэтому, в частности, интерпретация идей Аристотеля в античной, арабской и средневековой европейской культурах ничем не напоминают друг друга. Но именно эта индивидуальность восприятия фактов культур и является ценностью для исторического знания. Ее утрата равнозначна для Шпенглера утрате смысла истории.

Хотя для самого Шпенглера идеалом была целостная, внутренне непротиворечивая и стабильная культура (род организма или системы), он ввел в теорию цивилизации представление о сложных культурах, возникающих на границах цивилизаций в ходе процессов, которые он обозначил геологическим понятием «псевдомор-

фоз» («поддельные» формы, внешнее строение которых не соответствует внутренней структуре). Считая порожденные псевдоморфозом культуры (такие как арабская, византийская или русская) нестабильными, он не мог не восхищаться ими, поскольку они соответствовали его идеалу становящегося, незавершенного (Шпенглер 1993). Этот идеал был развит в современной теории цивилизаций и постколониальной критике в понятиях гетерогенности, гибридности, амбивалентности, мимикрии, метисности, в которых сейчас видят прежде всего творческие предпосылки развития сложных, пограничных культур, возникающих на границах цивилизаций. Отсюда берет свое начало новый идеал исторического образа, связанный не с его целостностью, а скорее, с его мозаичностью.

Но эстетский и изоляционистский характер рассуждений Освальда Шпенглера не удовлетворял историков, стремившихся к более конкретному, логичному и вместе с тем обобщенному знанию о прошлом. Английский историк Арнольд Тойнби (1889–1975) сделал попытку, опираясь на свой опыт изучения истории Древнего Рима и современной внешней политики, вернуться к образу всеобщей истории и рациональным способам ее познания. Он предложил несколько универсальных для всех цивилизаций исторических законов, характеризующих *изоморфизм их структуры и судьбы*. В их число вошли «вызов-и-ответ» (сочетавший идеи необходимости адаптации к природной и социальной среде), «уход-и-возврат» (напоминавший о роли личности в истории культуры и государства), «мимезис» (вариант общественного договора) и др. Такие законы по-разному, в зависимости от конкретно-исторических условий раскрывались им в истории отдельных цивилизаций. Это позволяло ему характеризовать ритмы развития обществ, динамику их укрепления и распада, не прибегая к биологическим метафорам. В метафорах, используемых для анализа цивилизационных процессов, разные народы могли узнать привычные образы из своей истории: пророки (творческое меньшинство), империя (универсальное государство) и т. п. Поэтому теория Тойнби с восторгом воспринималась в странах, не имевших своей традиции философии истории, например в США 1940-х гг. Его последователями стали несколько крупных историков и философов (Кэрролл Куигли, Раштон Колборн, Мэтью Ф. Мелко), а книга «Постижение истории» – бестселлером.

Для Тойнби поначалу оказалось важным показать действие «открытых» им законов и связанные с этим перспективы развития человечества, а не тот контекст, в котором конкретная ситуация «вызова» или «ухода» осознавалась в той или иной культуре. Универсальное явно затмевало конкретно-историческое. Мифопоэтическое, как и у Шпенглера, отгесняло научное. Для Тойнби были важны не явления, а интерпретации, нормативные списки цивилизаций, которые он создавал, проявляя свои персональные предпочтения. За это его критиковали коллеги-историки. Критика дала свои результаты. В послевоенный период Тойнби обратился к анализу локальных особенностей исторического сознания и образам Запада, создававшимся в западных странах. Он тонко чувствовал слабость колониальной системы и проблемы глобализации: экологические, национальные, духовные; старательно учился мыслить глобально, смотреть на западный мир «чужими глазами». Он первым приравнял всеобщую историю Запада к всеобщим историям, созданным в Китае или арабо-мусульманском мире, стал учитывать те претензии, которые предъявляли Западу неевропейские страны, ввел понятие «постмодернизм». Он был одним из провозвестников деконструкции идеи цивилизации, а также критики западной цивилизации, которые развились в постколониальную критику и глобальную историю (Тойнби 1991).

Вопрос об причинах культурной близости великих цивилизаций, поставленный Максом Вебером, был в значительной степени раскрыт немецким философом Карлом Ясперсом (1883–1969), который развивал учение об осевом времени VIII–II вв. до н. э., когда по всей зоне развития цивилизаций (20–40° с. ш.) были созданы схожие религиозные и философские учения, в которых можно найти определенное *структурное сходство*, идет ли речь о Европе или о Китае (Ясперс 1994). Это философское учение было конкретизировано крупнейшим социологом цивилизаций Шмуэлем Айзенштадтом, который стал изучать цивилизацию как систему с взаимодействующими элементами. Наиболее важной для него связью выступало напряжение между трансцендентным (потусторонним, божественным) началом и мирскими (прежде всего социально-политическими и экономическими) порядками. Ему удалось избежать обычного для этого направления консерватизма, приверженности идеалу традиции в ущерб идеалу инновации. Айзенштадт ввел представление о «втором осевом времени» (1500–1800) – эпо-

хе создания универсального научного знания и о множественности путей модернизации и форм современного общества. Так он преодолел противоречие между современным и традиционным, которое было камнем преткновения для развития теории локальных цивилизаций (наиболее остро оно проявилось в конфликте социологов – австрийца Ф. Тённиса и француза Э. Дюркгейма).

Другим путем пошел американский социолог Питирим Сорокин (1889–1968). Он выделил в истории локальных цивилизаций, в системности которых сомневался, периодически изменяющиеся переменные (первые принципы, основные категории мышления, нравственно-правовое сознание, социальные отношения, межгрупповые отношения) и на большом статистическом материале показал смену векторов изменения этих ценностных ориентаций, их циклические колебания между полюсами эмпирически-чувственного восприятия и ориентацией на сверхчувственные, духовные ценности. Важным последствием его исследований социокультурной динамики было перенесение внимания с устойчивости социальных систем, утрированной в американской социологии – к влиянию флуктуаций, периодических колебаний и случайных процессов, что делает бессмысленными рассуждения о внеисторических свойствах локальных цивилизаций, «культурных кодах», «менталитете» и т. п. (Сорокин 2000).

Наиболее глубоко и последовательно взаимодействие профессионально-исторических и структуралистских подходов осуществлялось в ходе развития французской школы журнала «Анналы». Его классиками были Марк Блок, Люсьен Февр (1878–1956), Фернан Бродель (1902–1985). Главной задачей этой школы был уход от спекулятивности, догматичности, нормативности цивилизационных концепций, за которые они резко критиковали Шпенглера и Тойнби. Школа «Анналов» стремилась превратить цивилизационную теорию в метод конкретно-исторического исследования, устранив представления о заданности структур и иерархий. В центре ее внимания – человек и многообразные способы восприятия и репрезентации им мира, *история ментальностей* как взаимодействия интеллектуального и эмоционального, сознательного и бессознательного, традиционного и изменчивого. В результате у Броделя структуралистские макроисторические идеи были вытеснены в область зарождавшегося мир-системного анализа, а идея цивилизации связана с бесконечным многообразием исторического про-

шлого. Она в значительной мере дистанцирована от конъюнктурной, политической, событийной истории и связана с историей *большой продолжительности*, которая в свою очередь разведена с философией истории. В идее *тотальной истории* Бродель соединил историю цивилизации и материальной культуры – техники, экономики, повседневной жизни, не устанавливая между ними отношений детерминизма или иерархии (Бродель 1986–1992).

Материальная цивилизация у Броделя – это огромный кортеж или, скорее, оркестр отдельных историй: языка, литературы, наук, искусства, права, учреждений, чувств, нравов, техники, предрасудков и кулинарных рецептов. Это представление создает масштабное поле для сравнительной истории цивилизаций – сопоставления исторических феноменов, чья структура различна, но эти различия видимы лишь на границах цивилизаций. Поэтому сравнение осуществляется прежде всего на материалах взаимодействия цивилизаций. Продолжалась борьба с европоцентризмом. Бродель обращал особое внимание на роль арабо-мусульманского мира и Африки в истории современного человечества. В его текстах, посвященных прежде всего истории Нового времени, Европа всегда выступает лишь как составная часть формирующегося глобального целого.

Результатом деятельности школы «Анналов» было возрастающее влияние теории цивилизаций на историческое знание. Она помогала создать программы массового сбора и стратегии углубленного исследования исторических источников. В 1920–1930-е гг. начинается издание серий книг по истории цивилизаций, основанных на общих теоретических предпосылках. В них история и этнография постепенно сближаются друг с другом, а конкретно-исторический материал доминирует над историософскими схемами. Во Франции создается первая история мировых цивилизаций под редакцией вдохновителя школы «Анналов» Анри Берра – «История человечества» (в современном английском переводе – 45-томная «История цивилизаций»). В 1950–1960-е гг. на основе исследований школы «Анналов» создается новая серия книг – «Великие цивилизации». Ее особенностью является тесная связь описания мира действительного, материального и мира воображаемого. Особенно отчетливо это проявлялось в исследовании Жаком Ле Гоффом (р. 1924) динамики пространственно-временных структур европейской цивилизации, которые образуют «кадр» любого общества или

культуры. Если раньше этот «кадр» был объектом конструирования историка, то теперь историк должен выяснить, как формировались пространственно-временные представления в прошлом, какую роль в этом играли символические представления, грезы о конце света и потустороннем существовании.

Однако стремление к созданию структуралистских моделей цивилизаций сохраняется и во второй половине XX в. Это проявляется в конструировании центрo-периферийных моделей для разных эпох. В 1958 г. английский историк Филип Бэгби начал анализировать способы взаимодействия центра и периферии (Индии и Непала, Китая и Кореи) выделяя первичные и вторичные цивилизации, ближнюю и дальнюю периферию. Американский социолог Дэвид Уилкинсон развивал представление о «центральной цивилизации», перемещавшейся с Древнего Востока в Древнюю Грецию и Рим, а затем – на Запад (2001). Наряду с уподоблением цивилизаций выделяются факторы, позволяющие противопоставлять локальные цивилизации, а иногда и иерархически выстраивать их по принципам развитости (религии, менталитета, энерговооруженности, степени модернизации). В ряде случаев это вело к архаизации цивилизационных представлений, в частности к возвращению идеала целостности цивилизации и к недооценке роли культурного симбиоза и диалога, что отмечают постколониальные критики.

Однако потенциал сравнительной истории цивилизаций и истории цивилизационных взаимодействий (трансферов) огромен. Юрген Остерхаммель считает переломными в современной теории цивилизаций работы американского историка Уильяма Мак-Нила (р. 1917), который в 1963 г. отодвинул в сторону фантазии по поводу структуры цивилизаций или «списков цивилизаций» и уделил основное внимание описанию их контактов, сосредоточившись на конкретно-исторических знаниях. Он принципиально поставил пределом теоретизирования мнение профессионального сообщества историков, что позволило коренным образом изменить статус цивилизационных исследований, придав им подлинно научный (профессиональный) характер. Хотя его темой было «возвышение Запада», а империалистический взгляд на предмет был ему далеко не чужд, фактически во многом это было исследование растущих противоречий внутри западной цивилизации, претендующей на центральное положение в мире. Мак-Нил писал, в частности, о «варварских корнях» европейской агрессивности и безрассудстве

европейцев, дерзнувших бросить вызов всему человечеству (Мак-Нил 2004). В последующих работах он описал ту роль, которую сыграли в победах европейцев такие никогда не учитывавшиеся ранее внекультурные факторы, как перенос путешественниками и завоевателями неизвестных микроорганизмов, губительных для народов, не обладающих иммунитетом к ним (McNeill 1993).

Но эта тенденция не была устойчивой. В неоконсервативной политологии рубежа XXI в. изучение цивилизаций приобрело прикладной характер, ориентированный на манипулирование ими как политическими символами. Яркий пример такого рода – исследование Сэмюэлем Хантингтоном (1927–2008) феномена «столкновения цивилизаций». Фактически это была попытка транслировать модель холодной войны на проблематику истории цивилизаций. Поэтому Хантингтон выделяет в них не то, что их сближает и позволяет взаимодействовать, вести диалог, а то, что позволяет им воспроизводиться как замкнутые миры (язык и религия). Проблематика цивилизационной самоидентификации выходит на первый план. Это связано с заимствованиями у постколониальных критиков, другие идеи которых (например, о пользе культурных симбиозов, жизни «между» цивилизациями) Хантингтон принципиально отвергает. От них же он воспринял идею «восстания против Запада», которое является ответом третьего мира на неоколониалистскую экспансию последнего после 1960 г. Реальной предпосылкой страха перед «столкновением цивилизаций» у Хантингтона была озабоченность активизацией латиноязычной составляющей североамериканской нации, которая переносила, по его мнению, это «столкновение» внутрь границ США.

Диалогические теории цивилизаций

Идеи Хантингтона показывают, что сравнение локальных цивилизаций само по себе не предполагает диалога, свободной продуктивной коммуникации между ними. Оно не полностью устраняет иерархию. Сохраняющиеся претензии на научность все еще дают преимущество культуре создателя концепции (субъекта) над культурами описываемых цивилизаций (объектами). Это позиция *когнитивного доминирования*, заведомого неравноправия исследующего и исследуемых. Создаваемые модели являются зачастую догматическими, слабо проблематизируемыми. Представители иных цивилизаций часто воспринимали это болезненно (например, опи-

сание Японии американским антропологом Рут Бенедикт в середине XX в.). Поэтому сейчас все большее значение приобретает идея диалога цивилизаций, связанная с провозглашением ООН 2001 г. как «Года диалога цивилизаций» и созданием «Альянса цивилизаций» в 2005 г.

Ситуация диалога коренным образом отличается от идентификационной или чисто когнитивной. Образ *иного* становится не просто терпимым или интересным. Возникает *ответственное отношение* к иному, о котором писал французский философ Эммануэль Левинас (1906–1995). Образ цивилизации в диалоге радикально отличается от образов, созданных «объективным» наблюдателем извне. Это образ их взаимодействия, в котором наиболее определено проявляются как их сходства, так и различия; как способы восприятия инокультурного опыта, так и формы сохранения собственных традиций. В диалоге роль субъекта закреплена за *обеими* сторонами. Роль самоидентификации при этом в значительной степени *утрачивается*, так как ее никто не опровергает. Возникает поле *взаимодействия оппозиций*, в рамках которого каждая культура говорит за себя, а исторические образы *взаимно проблематизируются*. Всеобщая история, написанная с одной фиксированной точки зрения (целостный образ), заменяется множеством историй, написанных со всевозможных точек зрения (калейдоскоп образов). *Малоподвижные* образы цивилизаций как социокультурные сущности высшего порядка заменяют *динамичные* образы цивилизаций как разномасштабных сторон взаимодействия. Поэтому макроисторические модели всеобщей истории, которые доминировали ранее, будь то линейно-стадиальные или циклические, а также региональные модели истории локальных цивилизаций соседствуют теперь с моделями микроистории и часто, как у французского историка Эммануэля Ле Руа Ладюри (р. 1929), переплетаются с ними.

Целью историков становится описание нормативных и возможных форм реакции представителей цивилизации на те или иные культурные воздействия. Для анализа контактов цивилизаций используется стратегия «насыщенного описания» американского социолога и антрополога Клиффорда Гирца (1926–2006), созданная первоначально для интерпретации поведения участников многостороннего межкультурного взаимодействия во Французской Сахаре. При этом предполагается изучение культуры как контекста, в котором могут быть адекватно описаны и интерпретированы

символы, используемые сторонами в процессе диалога. Речь идет не только об описании и понимании другой культуры, но и о герменевтическом понимании межцивилизационного диалога как целого, во всех его странностях и поворотах, обусловленных взаимным недопониманием. Исследование истории цивилизаций выступает как продолжение и развитие такого диалога, связанное с изменением конфигурации герменевтического круга.

На смену структурализму как теоретическое основание исследования цивилизаций приходят феноменология и диалогика. Согласно представлениям итальянского писателя и филолога Умберто Эко (р. 1932), структурализм претендует на объективность описания реальности общественной жизни, овеществление созданных им моделей. Феноменология же описывает скорее «естественные установки», ментальные предпосылки тех или иных форм деятельности, устойчивые образы, характерные для участников диалога. Хотя эти установки закреплены в институтах, современная феноменология в меньшей степени претендует на рационализацию, реификацию и субстанциализацию своих идей и моделей, приписывание им сущностной природы, «задающей» облик той или иной цивилизации. В диалогике изучаются образы и представления, созданные участниками цивилизационного диалога, их ситуативное значение, изменяющиеся контексты и культурные горизонты, внутри которых они создавались и функционируют, способы трансфера (передачи) понятий и смыслов, прежде всего при помощи инструментов языка. Рационализм все в большей мере и все более сознательно дополняется *процедурализмом*, вниманием к процессу диалогического взаимодействия, а не к его возможному результату (который признается вероятностным, а не детерминированным).

В этих условиях принципиально невозможны составление нормативных «списков цивилизаций», произвольное выделение их «сущностных» качеств, иерархичность и конфликтность познавательных моделей. Эта ценностная ориентация исследователей закреплена в идеологии мультикультурализма, остающейся продуктивной при всех ее недостатках, общих для всех производных постколониальной критики (субстанционализм, догматизация образа субалтерна, иного и др.). Возникает резкая критика цивилизационных концепций, связанных преимущественно с задачей самоидентификации. С этой точки зрения цивилизационные представ-

ления в России (равным образом либеральные и консервативные) критикует как националистические и имперские французский историк Ютта Шеррер (р. 1942).

Однако радикальная переориентация со сциентистской на нарративистскую познавательную стратегию, связанная с переходом от логики противоречия к логике диалога, означает и актуализацию некоторых недостатков постмодернизма, в частности *уравнивание различных правдоподобных нарративов* о прошлом. Это усложняет процесс осознания всей совокупности различий и сближений между цивилизациями. Так, японский антрополог-африканист Юнзо Кавада (р. 1934) в рамках важной и продуктивной концепции триангуляции (мультиперспективизации) фактически ставит на одну доску индустриальную революцию в Англии, освоение поливного рисосеяния в Японии и овладение ремеслом по переработке утиля в Буркина-Фасо в Африке. При этом идеи прогресса, интенсивной адаптации и деградации (катагенеза) практически приравняются друг к другу.

Надо подчеркнуть, что идеал цивилизационных представлений и исследований в условиях диалога цивилизаций еще не создан. Трудно сказать, каким он будет. Юрген Остерхаммель (р. 1952) считает, что в условиях диалога цивилизаций можно продолжать развивать сравнительную историю цивилизаций на сциентистской основе и выстраивает ее диалогическую, неиерархическую модель, не упуская при этом идеалы прогресса и модернизации. Для этого он разделяет структурное, тотальное и частичное сравнение цивилизаций (он считает, что частичное сравнение предпочтительно, так как «менее произвольно»). Он также разделяет асимметричное и симметричное, конвергентное и дивергентное сравнение (симметричное и конвергентное сравнение позволяет преодолевать «неосознанное стремление к дихотомизации», особенно присущее раннему этапу развития цивилизационных идей). В этом – сущность и роль современного этапа развития цивилизационных представлений, неотрывного от диалога мировых цивилизаций. Оценка его познавательных возможностей еще впереди.

Все большую роль в развитии теории цивилизаций играют глобалистика и глобальная история. Теория «глокализации» английского социолога Роланда Робертсона (р. 1938) видит предмет изучения цивилизаций во взаимодействии глобального и локального: глобализация порождает процессы роста локального, в том числе

цивилизационного самосознания, и сама является продуктом взаимодействия, взаимопроникновения локальных цивилизаций. В то же время исследование цивилизаций переводится в область исторического и социального сознания, исторической памяти. В программе исследований Фонда Форда (1997) подчеркивается, что цивилизации – это не факты, а артефакты – наших интересов, фантазий, нашей потребности знать, помнить, забывать.

Французские историки Мишель Вернер и Бенедикт Циммерманн сомневаются в перспективах традиционных форм сравнительного изучения цивилизаций и межкультурных трансферов, указывая как на метафизическую и идеологическую нагруженность понятия «цивилизация», так и на несовершенство методологического обеспечения такого рода процедур. Для их проведения важным остается *фиксирование* образов цивилизаций, которое и делает сравнение или исследование трансфера возможными. Но подобная процедура предполагает спекулятивные представления о бинарных оппозициях или единой референциальной сетке, опосредующих исторический анализ. Это предпосылочное знание *входит в противоречие* с фактами взаимной модификации объектов сравнения, многосторонности взаимодействий в процессе трансфера. Тем самым поле методов сравнения и поле объектов сравнения разводятся, они представляют разные традиции и разные способы мышления. Их необходимо так или иначе соотнести между собой. Это тем более важно, что позиция исследователя по отношению к предметам сравнения всегда отчасти смещена, что порождает оптические обманы. Поиск баланса или «золотой середины» поэтому менее эффективен, чем способность исследователя к сознательному маневру.

Как альтернативу Вернер и Циммерманн предлагают интерактивное, высоко рефлексивное, предмет- и процесс-ориентированное исследование, в котором масштаб сравнения, ориентация на синхронию или диахронию, позиция историка не predetermined, а зависят от хода анализа и корректируются им. Это многосторонний диалог на уровнях предмета, методов, логик, ценностей, точек зрения («двойная герменевтика»); исторического свидетельства, естественных установок и профессиональных навыков историка. Методологический аппарат и активность историка *диалогически, а значит и исторически*, согласуются со свойствами предмета, становясь гибкими, динамичными, способствуя оптимизации познавательного процесса на разных его этапах, помогая преодолевать

возникающие препятствия. В сущности, речь идет об использовании диалогических коммуникативных стратегий во имя когнитивных задач, в том числе для исследования транснациональной истории Европы (Вернер, Циммерманн 2007).

В целом основной тенденцией в развитии современных теорий цивилизаций является уход догматических и кажущихся самоочевидными схоластических схем, приписывающих себе рациональность и научность. Это означает все больший учет роли языка и «естественных установок» культуры и личности, процедуры диалога, сближение с конкретным, проблематизируемым, вероятностным историческим знанием. В сущности, это движение от простых способов объяснения цивилизационных явлений ко все более сложным. Если на первом этапе этого процесса философия истории навязывала исторической науке свои онтологические модели («варварство – цивилизация»), на втором этапе историки стремились выделить, а затем и соединить методы объяснения и понимания, развести метафоры и модели, овладеть многофакторным анализом, то на третьем этапе теория цивилизаций как бы растворяется в диалоге с теорией исторического знания. Теперь это один из инструментов историка, которым он должен овладеть наряду с многими другими.

Рекомендуемая литература

Время мира. Вып. 1–2. Новосибирск, 1998, 2001.

Ионов И. Н. 2007. *Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия.* М.

Ионов И. Н., Хачатурян В. М. 2002. *Теория цивилизаций от античности до конца XIX века.* СПб.

Сокулер З. А. 2003. Столкновение или диалог цивилизаций? Современные цивилизационные исследования (Реферативный обзор). *Россия и современный мир* 3(40): 198–220.

Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М., 1998.

Тойнби А. Дж. 1991. *Постижение истории.* М.

Глава 6

ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В современной литературе понятие «модернизация» употребляется в различных смыслах: 1) для обозначения широкого многовекового перехода от традиционности к современности, от аграрного к индустриальному обществу (хронологически совпадающего с переходом от Средневековья к Новому и Новейшему времени); 2) многовариантного процесса, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед; 3) для характеристики преобразований, совершенствований, реформ, внедрения инноваций, которые осуществляются в современных уже современных обществах в ответ на новые вызовы; 4) для объяснения усилий, предпринимаемых странами третьего мира (далее – ТМ) с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; 5) для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Модернизация в первом, широком, смысле слова, как движение от «традиционности» к «современности» (в той или иной степени включающее в себя и все прочие интерпретации), трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий, обусловленный действием в первую очередь факторов внутреннего происхождения (эндогенных), который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций. В ходе модернизации аграрные, традиционные общества трансформируются в индустриальные, современные, что связано с развитием передовой индустриальной технологии, политических, культурных и социальных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этой технологии (Побережников 2006а).

Теоретические предпосылки становления парадигмы модернизации

Наибольшее влияние на формирование модернизационной перспективы оказали эволюционизм и структурный функционализм. В рамках эволюционного подхода XIX в. (Г. Спенсер, Ф. Теннис,

Э. Дюркгейм, Г. Мэн) был детально разработан дихотомический принцип радикального противопоставления традиционного («агркультурного») и современного («индустриального») обществ, который лег в основу модернизационной схемы. Кроме того, классическая модернизационная парадигма усвоила ряд характерных черт эволюционной теории: социальные изменения однонаправлены, то есть человеческое общество безвариантно движется вдоль одной линии, от низших уровней к высшим, от примитивного к развитому, продвинутому государству, то есть судьба социальной эволюции predetermined; движение к финальной стадии в развитии человечества оценивается положительно и означает прогресс, рост производительных сил, гуманизма и цивилизованности; социальные изменения характеризуются как медленные, постепенные, пошаговые, эволюционные, а не революционные (необходимы столетия для завершения процесса перехода от простых, примитивных к сложным, современным обществам).

Многие выдающиеся представители модернизационной перспективы воспитывались в рамках функционалистской теории, в связи с чем их штудии неизбежно приобрели и функционалистскую окраску. Наиболее ощутимо воздействие на модернизационную парадигму структурного функционализма Т. Парсонса (2000; 2002). Ключом к пониманию теоретических построений Парсонса является органическая метафора, то есть уподобление человеческого общества биологическому организму. Органическая аналогия привела Т. Парсонса к формулированию концепта «гомеостатического равновесия». Биологический организм всегда находится в однообразном состоянии; если одна его часть меняется, другие также должны меняться соответствующим образом, чтобы сохранить равновесие и уменьшить напряженность. В обществе, по мнению Т. Парсонса, также имеют место постоянные взаимодействия между институтами с целью поддержания гомеостатического равновесия. Концепт «гомеостатического равновесия» помогал объяснять социальные изменения как цепные реакции на сдвиги, происходившие в одном из общественных секторов.

Возможно, наибольшее влияние на формирование теорий модернизации оказала разработка в начале 1950-х гг. Т. Парсонсом и Э. Шилзом так называемых «типовых переменных» для дифференциации «традиционности» и «современности». «Типовые переменные» структурируют проблемы выбора, которые встают перед

актором (действителем), и классифицируют возможные пути их решения. По Парсонсу – Шилзу, существует пять наборов типовых переменных, характеризующих ориентации традиционного и современного состояния соответственно: 1) аффективность vs аффективная нейтральность; 2) партикуляризм vs универсализм; 3) коллективистская ориентация vs индивидуалистская ориентация; 4) приписка (от английского *ascription* – приписывание) vs достижение; 5) функциональная «диффузность» vs функциональная специализация. Модернизационная парадигма заимствовала из функционалистской теории акцент на взаимозависимость социальных институтов, значимость типовых переменных на культурном уровне и имманентного процесса изменений через гомеостатическое равновесие.

Эволюция модернизационной парадигмы

Модернизационная парадигма была сформулирована в середине XX в. в условиях распада европейских колониальных империй и появления «молодых наций» в Азии и Африке, вставших перед проблемой выбора путей дальнейшего развития. Собственно программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам ТМ в качестве альтернативы коммунистической ориентации. Во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теория, или точнее – теории, модернизации), которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в развитии стран ТМ.

В целом модернизационной парадигме 1950–1960-х гг., которую можно назвать классической (Rostow 1960; Apter 1965; Bellah 1965; Lerner 1965; Eisenstadt 1966; Levy 1966; Black 1975), было присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятия «традиция» и «современность»; оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей.

В рамках созданной модели процесс модернизации рассматривался как всеобъемлющий, связанный с «революционными» по значимости, радикальными трансформациями моделей человеческого существования и деятельности (характеристику классической модели см.: Huntington 1976: 30–31). Модернизации присваивался признак комплексности, что означало несводимость ее к какому-либо одному измерению. Сторонники классической версии теории модернизации признавали, что переход от традиционности к современности вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках данного подхода модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связанное целое факторы и атрибуты модернизации. Модернизация характеризовалась как глобальный процесс, который обеспечивается как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Процесс модернизации изображался как линейный; соответственно все общества можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Представители классической версии рассматривали процесс модернизации как эволюционный, протяженный по скорости осуществления «революционных» изменений. Предполагалась стадийность модернизации, которая должна была осуществляться в рамках определенных стадий или фаз. В контексте классической модели модернизация рисовалась как необратимый и прогрессивный процесс унификации, постепенной конвергенции обществ. Таким образом, классическая теоретическая схема требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости согласно универсальным закономерностям эндогенного характера (метафора эскалатора способствует пониманию смысла данного подхода так же хорошо, как и пониманию классического эволюционизма).

В рамках модернизационной теории параметры традиционного и современного обществ характеризовались как диаметрально проти-

воположные. Предполагалось, что в процессе модернизации должен произойти полный демонтаж традиционного общества, перестройка его институциональных и социокультурных основ. При разработке проблем модернизации осуществлялись попытки идентификации отличительных черт *традиционного* и *современного* обществ. Собственно параметры того и другого и выступают критериями модернизационного процесса. Общество, обладающее характеристиками современного, рассматривается как модернизированное. Соответственно традиционное общество такими параметрами обладать не должно. Сущностное различие между современными и традиционными обществами заключается, как считало большинство теоретиков модернизационной парадигмы, в большем контроле современного человека над своим природным и социальным окружением. В свою очередь этот контроль основывается на более широком внедрении в практику научных и технологических знаний.

Ф. Саттон суммировал параметры «агрикультурного» и «индустриального» обществ. Первое, по его мнению, характеризуется: 1) доминированием аскриптивных (предписанных, а не усвоенных благодаря своим личным качествам способностей), партикуляристских, диффузных моделей поведения; 2) стабильностью местных групп и ограниченной пространственной мобильностью; 3) относительно простой и стабильной «профессиональной» дифференциацией; 4) «почтительной» системой стратификации. «Индустриальному» обществу, как считает Ф. Саттон, присущи: 1) доминирование универсалистских, специализированных, достижительских норм; 2) высокая степень социальной мобильности; 3) высокоразвитая профессиональная структура, изолированная от прочих социальных структур; 4) «эгалитаристская» классовая система, основанная на общих моделях профессионального достижения; 5) превалирование «ассоциаций», функционально специализированных, неаскриптивных структур (Sutton 1963: 67; 1966: 24–25).

М. Леви была продолжена работа по идентификации параметров традиционного (относительно немодернизированного) и современного (относительно модернизированного) обществ. Сравнив те и другие, автор пришел к выводу о том, что они существенно различаются по ряду признаков. Традиционному обществу присущи: 1) низкая специализация организации, компартиментализация (изоляция, замкнутость, отделение) жизни; 2) низкая взаимоза-

висимость организаций (высокий уровень самообеспеченности, самодостаточности); 3) акцент в сфере социальных отношений и культурных норм на традицию, партикуляризм, функциональную диффузность; 4) низкая степень централизации; 5) неразвитость денежного обмена и рынка; 6) превалирование семейных связей, норм; непотизм (кумовство, семейственность, протекция родственникам) как ценность; 7) односторонний поток продуктов и услуг из сельской местности в города.

К характеристикам относительно модернизированного общества соответственно можно отнести: 1) высокую специализацию организации; 2) высокую взаимозависимость организаций; 3) рационализм, универсализм, функциональную специализацию как ведущие социокультурные нормы; 4) высокую степень централизации; 5) высокую степень развития денежного обмена и рынка; 6) изолирование, отделение бюрократии от прочих контактов; 7) обоюдный поток товаров и услуг между городом и деревней (Levy 1965).

Подобный дихотомический подход формировал крайне пессимистический взгляд на перспективы использования интегративных механизмов, существовавших в традиционном обществе, в контексте модернизации. Традиционные институты и ценности рассматривались в качестве барьеров, которые в ходе модернизации должны подвергнуться эрозии, трансформации.

Классическая модернизационная перспектива ориентировалась на опыт западной «атлантической» цивилизации и слабо учитывала многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки. К существенным недостаткам данного подхода необходимо отнести недооценку меняющихся условий международной среды для конкретных обществ, стремящихся модернизироваться. Упрощенным представляется и эволюционистское представление о единой для всех лестнице к высотам современности, исключающее возможности «параллельного» развития или «неразвития» («недоразвития»).

Второй этап развития модернизационной парадигмы (конец 1960-х – 1970-е гг.) протекал в благоприятном международном контексте. Реализация на практике – в странах ТМ – программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Несмотря на то, что элиты «новых наций» в большинстве своем откровенно и настойчиво стремились модернизировать свои страны, институциональные структуры и коллективная ментальность по-

следних зачастую оказывались неадекватными задачам модернизации. Нередко местные элиты, декларируя на словах приверженность программам модернизации, в действительности заботились лишь о собственном обогащении. Все это зачастую приводило к усилению традиционных структур и лояльностей.

Сбои в осуществлении модернизационных программ, идеологические факторы, а также изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и начале 1970-х гг. сопровождалось массовой критикой теорий модернизации, которые на некоторое время (в 1970-е гг.) были отодвинуты в тень другими теориями, в частности теорией зависимости и мир-системным анализом.

Оппоненты обратили внимание на многие ошибочные и некорректные эволюционистские и функционалистские допущения, методологические проблемы и идеологическую тенденциозность модернизационной перспективы: западоцентризм, упрощенчество, наивный эволюционизм, дихотомическое – примитивное – видение проблемы взаимоотношений «традиции» и «modernity» (эпоха Модерна, которую у нас обычно называют Новым временем или стадией индустриального общества), неспособность объяснять реальные социальные сдвиги. Данная критика оказалась полезной для развития и совершенствования модернизационного подхода. Впоследствии его сторонники направили собственные усилия на изживание неприемлемых теоретических посылок, в особенности эволюционного телеологизма и жесткого противопоставления традиционности и современности.

1980-е гг. ознаменовались своеобразным возрождением модернизационной перспективы, которая постепенно дистанцировалась от телеологизма, расширяла диапазон учитываемых факторов исторической динамики, переходила от линейных к многолинейным интерпретациям развития. Динамику развития подхода можно рассматривать в русле избывания первоначальной односторонности теоретических представлений и движения в сторону более панорамного, контекстного и исторического объяснения процессов социальных изменений. В модернизационных исследованиях посткритического периода произошел переход от однозначно негативного отношения к социокультурной традиции к более гибкой и конструктивистской трактовке роли традиций в ходе модернизационного перехода (Gusfield 1973: 333–341; Осипова 1985). Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских

тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным чертам (народные религии, семейственность). Благодаря более внимательному изучению широкого спектра национальных культурных традиций сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития.

Произошли и определенные методологические сдвиги. Вместо типологизирования и ведения дискуссий на достаточно высоком уровне абстракции сторонники модернизационного подхода стали проявлять склонность к рассмотрению конкретных ситуаций. Исследования 1980-х гг. отличались большим историзмом. Вместо того, чтобы иллюстрировать теорию конкретными примерами, специалисты использовали теорию для объяснения уникальных конкретных ситуаций. История возвращалась в работы, дабы продемонстрировать специфичность развития в конкретных странах. Нередко углубленные ситуационные исследования дополнялись компаративной перспективой с целью выяснения, например, почему один и тот же институт играет различные роли в разных странах. Больше, чем прежде, внимание стало уделяться внешним, международным, факторам. Гораздо больше места, чем прежде, стало отводиться феномену конфликтов.

Примером новых модернизационных штудий 1980-х гг. может служить исследование С. Хантингтона, посвященное тенденциям развития демократии в развивающихся странах. В данной работе автор в известном смысле полемизирует с прямолинейными схемами демократизации, распространенными в исследованиях классического периода, в частности с оптимистической гипотезой Сеймура Липсета (Lipset 1963: 27–63), согласно которой экономическое развитие непосредственно ведет к демократии (причина – экономическое благосостояние; следствие – демократия). С. Хантингтоном была предложена более сложная концептуальная схема демократизации, опять же структурного характера, которая расширила спектр факторов, приводящих в конце концов к инсталляции демократических режимов (Huntington 1984: 193–218; Хантингтон 2003a). В дополнение к экономическому росту, уже присутствовавшему у С. М. Липсета, Хантингтон включил в свою модель социально-экономическую структуру, внешнюю среду (таким обра-

зом, здесь учитывалось воздействие экзогенных факторов) и культурный контекст.

Новизна подхода С. Хантингтона состояла также в том, что, борясь против социологических автоматизмов и пытаясь преодолеть ряд противоречий между теориями и реальностью (отсутствие демократии там, где она вроде бы в силу достигнутых экономических успехов уже должна была установиться; или, наоборот, демократизации при дефиците предпосылок), он предложил новую концепцию зоны перехода (транзиции, транзита), в которой по мере экономического развития традиционным политическим институтам становится все труднее обслуживать новые функциональные потребности, что вынуждает общество делать выбор из множества альтернатив по поводу собственного политического будущего. То есть экономическое развитие само по себе не в состоянии детерминировать процесс замены традиционных учреждений определенной моделью политической системы, например демократической; выбор осуществляют люди, в первую очередь элиты, которые демократическому устройству могут предпочесть деспотический режим, авторитаризм, тоталитарную диктатуру, военную хунту и т. д.

Разработка современной версии модернизационных исследований (неомодернизационный анализ) связана с именами Э. Тириакияна, П. Штомпки, В. Цапфа, У. Бека, К. Мюллера и др. (вторая половина 1980-х – 2000-е гг.). Теоретическое ядро современной версии модернизации включает следующие положения (Tiryakian 1985: 131–147; Müller 1992: 109–150; Grancelli 1995; Штомпка 1996; Цапф 1998: 14–26; Инглегарт 1999: 267–268; Бек 2000; Цапф и др. 2002: 19–37 и др.):

1. Возможность национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску.

2. Признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития.

3. Больше, чем прежде, внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту. Модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс (Р. Робертсон). Подобное видение существенно отличается от классического, в рамках которого ученые анализировали пре-

имущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности.

4. Отход от эволюционистского телеологизма. Акцентирование внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства.

5. Инкорпорация в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции». Акцент на пространственно-временной горизонт акторов, в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития.

6. Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации.

7. Осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса. Признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса.

Итак, классическая и современная версии модернизационного анализа существенно разнятся. Модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. Модернизационная перспектива выжила за счет принесения в жертву серьезных посылок, входивших в состав ее теоретического ядра. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) переход от достаточно абстрактного теоретизирования к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в теоретическую мо-

дель фактора исторической случайности; 5) акцент на циклическую природу процесса модернизации.

Механизмы модернизации

Один из механизмов модернизации – рост нормы накопления – был обоснован в классическом исследовании У. Ростоу «Стадии экономического роста» (Rostow 1956; 1960). В своем исследовании он выступил как сторонник либерального экономического детерминизма, уверенный в том, что достижение «высокого массового потребления» автоматически ведет к исчезновению институциональных различий между обществами и направляет их в сторону модели, достигнутой странами ранней модернизации.

По мнению У. Ростоу, существует пять основных стадий экономического развития: 1) традиционное общество; 2) подготовка предпосылок для «взлета»; 3) стадия «взлета»; 4) «зрелость»; 5) «век высокого потребления», – которые начинаются традиционным обществом и завершаются обществом массового потребления. Центральное место в его схеме занимает так называемая стадия «взлета» (*takeoff stage*). Вероятно, что озарение, связанное с выделением данной стадии, посетило Ростоу в то время, когда он сидел в самолете. Действительно, вначале самолет неподвижен, затем он начинает медленно двигаться, разгоняясь на летном поле, и, наконец, взмывает в небо. По мнению Ростоу, развивающиеся страны демонстрируют подобную же траекторию движения в ходе своего развития. Первая стадия – традиционная – характеризуется минимумом социальных изменений. Затем изменения нарастают – появляется группа новых предпринимателей, растет рынок, развиваются новые отрасли промышленности и т. д. Ростоу идентифицирует эту стадию как «подготовительную для толчка». Это действительно стадия подготовки: хотя экономический рост уже начался, однако одновременно наблюдаются понижение смертности и рост численности населения. Это еще недостаточный импульс для самоподдерживающегося экономического роста, поскольку увеличивающееся население потребляет все экономические излишки.

По мнению У. Ростоу, необходим дополнительный толчок, чтобы вывести общество за пределы подготовительной стадии. Таким стимулом может быть политическая революция, преобразующая наиболее важные институты; технологическая инновация, например такая, как внедрение паровой машины в процессе промыш-

ленной революции; благоприятное в плане цен и растущего экспортного спроса внешнее окружение. Далее, согласно Ростоу, после прохождения подготовительной стадии страна, желающая добиться самоподдерживающегося экономического роста, должна создать соответствующую структуру для осуществления толчка: капитал и ресурсы должны быть мобилизованы для того, чтобы поднять удельный вес производственных инвестиций до 10 % национального дохода, иначе экономический рост не сможет догнать рост народонаселения.

Производственные инвестиции могут первоначально поступить в наиболее передовые сектора экономики, а затем быстро распространиться и в других секторах. Как только экономический рост приобретает характер автоматизма, достигается четвертая стадия: движение к зрелости. Последнюю стадию Ростоу определяет как высокое общество массового потребления. Необходимо признать, что идеи У. Ростоу вызвали плодотворные научные дискуссии и таким образом стимулировали развитие подходов в рамках теории модернизации и экономического роста.

Социологический подход при объяснении механизмов модернизации предложил Н. Смелзер (Smelser 1966: 110–121). По его мнению, стержнем модернизации является структурная дифференциация: в процессе модернизации сложные структуры, выполнявшие прежде множество функций, делятся на специализированные структуры, каждая из которых может отвечать за выполнение одной функции; новая совокупность специализированных структур в целом выполняет те же функции, что и прежние структуры, но с большей эффективностью.

Классическим примером структурной дифференциации является институт семьи. В прошлом традиционная семья имела усложненную структуру – она была большой и многопоколенной, включала родственников, живущих под одной крышей. К тому же она была многофункциональной, отвечая не только за репродукцию и эмоциональную поддержку, но и за производство (домохозяйство), образование (неформальная родительская социализация), социальное благополучие (забота о старших), религию. В современных обществах институт семьи подвергается структурной дифференциации. Структура семьи существенно упростилась: она стала небольшой по размерам и нуклеарной. Современная семья утратила множество прежних своих функций. Функция трудоустройства

перешла к корпоративным институтам. Система формального образования обеспечивает школьное обучение детей. Правительство взяло на себя ответственность за обеспечение благоденствия и т. д. Каждый институт специализируется на выполнении одной функции, и в совокупности они выполняют эти функции более качественно, чем это делала прежде семейная структура. Современное общество более производительное, дети обучаются лучше, а нуждающиеся получают лучшее социальное обеспечение, чем прежде.

Модели «пионерной» и «догоняющей» модернизации

Теория модернизации различает органическую и неорганическую модели развития (или «общества-пионеры», «общества-новаторы» и «отсталые общества», различающиеся источниками модернизации, соотношением эндогенных и экзогенных факторов развития). Возможно, более корректным было бы идентифицировать эти модели модернизации как «пионерная» и «догоняющая» (см.: Лейбович 1996: 57–63). Они едины по содержанию, направленности и исторической обусловленности развития, но различаются историческим временем («догоняющая» модернизация – хронологически более поздняя); соотношением системных (достижения продвинутых стран, которые надлежит освоить в процессе взаимодействия) и исторических («индигенные», коренящиеся в самом обществе, вызревшие в нем еще в домодерный период) источников модернизации (в ходе «догоняющей» модернизации превалируют системные источники, в контексте «пионерной», естественно, – исторические); соотношением акторов модернизации (для «догоняющей» модернизации это в первую очередь те социальные слои, которые более тесно связаны с внешним миром: властная элита, интеллектуалы, торговая буржуазия, ориентированная на внешние рынки; для «пионерной» – предприниматели, фермеры, органическая интеллигенция); характером институтов модернизации (рационально-рыночные институты, такие как рынок, конкуренция, образование, – в контексте «пионерной» модернизации; государственный аппарат – в рамках «догоняющей»); возникающими социальными проблемами (в рамках «догоняющей» модернизации создаются условия для специфических конфликтов: среди представителей элиты между государственными чиновниками и сторонниками рынка, добивающимися для себя большей свободы; противостояние традиционалистских сил насаждаемым, обыкновенно импортным, ин-

ститутам, не укорененным в обществе; конфликты между «верхним», элитным, «этактистским» и «низовым», народным, «индигенным», «нонэтактистским» потоками модернизации).

«Общества-пионеры» (органическая модель) осуществляют модернизацию комплексно, опираясь на органически, эволюционно разработанные в недрах собственной истории культурные традиции и социальные институты, решая задачи, сформулированные их собственным прошлым, а «отсталые общества» вынуждены фрагментарно реагировать на внешние вызовы, заимствовать чужой опыт, в том числе технологии, институты, культурные ценности, не всегда совместимые с собственными традициями. Но при этом теория модернизации, признающая трудности «неорганической» модели, все же с оптимизмом смотрит на возможности развития стран, относимых к данному типу, и даже видит определенные плюсы в отсталости, связанные с возможностью использовать опыт ушедших вперед и не повторять сделанных когда-то ими ошибок.

Типы и пути модернизации

Сравнительно-исторический подход в рамках модернизационной перспективы (С. Блэк, С. Эйзенштадт, Д. Растоу, С. М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс и др.) направлен на выявление: 1) общих стадий или фаз, через которые должны проходить общества («вертикальная» классификация); 2) особых путей, которыми могут двигаться общества («горизонтальная классификация»); 3) комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций.

Для понимания закономерностей модернизации целесообразно использовать концепцию «эшелонов развития капитализма» А. Гершенкрона (Gerchenkron 1962). А. Гершенкрон выделяет три эшелона развития мирового капитализма. Для первого (к которому он относит Западную Европу и Северную Америку) характерно длительное спонтанное развитие предпосылок капитализма. Ведущую роль играл частный сектор, развитие которого поощряло государство. Длительные сроки развития первого эшелона позволили ему сформировать предпосылки рыночной экономики постепенно, шаг за шагом.

Для второго эшелона (к которому он относит Восточную Европу, Россию, Турцию и Японию) история не предоставила так много времени. Эти страны были вынуждены догонять очаги пер-

вичного капитализма, поэтому импульс развития рыночной экономики был сформирован не только внутри этих стран, но и под влиянием стран первого эшелона, которые к этому времени заняли ведущее положение в мире. В этой модернизации гораздо большую роль сыграло государство, значение которого по сравнению с первым эшеленом значительно возросло.

Для третьего эшелона (к которому Гершенкрон относит колониальную зависимую периферию, страны Азии и Африки) характерна неорганичность капиталистического развития. Эти государства оказались в роли догоняющих. Их частные компании оказались заметно слабее тех, которые уже существовали в странах Западной Европы и Северной Америки, поэтому им на помощь пришло государство. Его функции заметно расширились, а роль возросла. Однако даже участие государства не компенсировало отставание от передовых эшелонов и не предотвратило зависимое положение на мировом рынке.

Сторонники модернизационного подхода признают возможность различных путей перехода от традиционного к современному обществу, то есть различные национально-страновые последовательности решения в процессе модернизации тех или иных задач, разные варианты соотношения традиционализма и инновационизма и т. д. Это можно проиллюстрировать, опираясь на типологию модернизационных процессов, предпринятую Б. Муром (Moore 1966). Центральным моментом его концепции является констатация сотрудничества или противоборства между различными социальными группами. Характер сотрудничающих между собой групп и само их сотрудничество определяют структуру общества и его развитие. Б. Мур указал на роль буржуазии, крестьянства и коалиций этих групп с дворянством и монархом. Он выделял три модели (траектории) модернизации: 1) под руководством буржуазии (Великобритания, США); 2) под руководством аристократии (Германия, Япония); 3) крестьянскую (Россия, Китай). Следовательно, для каждого модернизирующегося общества существует возможность выбора пути: через строительство, например, либерального капитализма, реакционного фашизма или революционного коммунизма.

Другую типологическую схему предложил С. Блэк (Black 1975: 96–128). В качестве критериев типологизации он предлагает использовать следующие параметры: 1) время перехода политической власти от традиционных к модернистским лидерам относительно других обществ (ранее или позднее); 2) эндогенная или эк-

зогенная природа непосредственного политического вызова современности; 3) непрерывность или кардинальные перегруппировки территории и населения на протяжении эпохи Нового времени; 4) суверенность или продолжительные периоды колониального управления в истории общества; 5) наличие на момент вступления общества в современную эпоху развитых институтов, готовых в значительной степени адаптироваться к функциям эпохи Модерна (эпохи индустриального общества), или отсутствие по существу подобных институтов и необходимость их заимствования от более развитых современных обществ.

Целью типологии на основе выделенных С. Блэком критериев является, таким образом, сопоставление обществ в соответствии с характерными политическими проблемами, с которыми сталкивались модернистские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировка стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем. С. Блэк выделяет «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ.

1. Страны ранней самостоятельной эволюционной комплексной модернизации, отличающиеся ярко выраженной внутренней природой вызова современности, высокой степенью континуитета состава территории и населения в эпоху Нового времени и оптимальной адаптивностью традиционных институтов к модернистским функциям (Великобритания и Франция).

2. «Филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете, для которых были характерны более поздние сроки модернизации, внутренняя направленность модернизационных вызовов, наличие развитых институтов и не обремененной наследием прошлого подвижной социальной структуры, способных адаптироваться к функциям современности, наличие обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, фактор иммиграции, создававший проблему ассимиляции, фундаментальные перегруппировки состава территорий и населения и продолжительные периоды колониальной зависимости на начальном этапе (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия).

3. Разнородная группа стран Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или косвенным воздействием ее импульса, но при этом имела место длительная внутренняя разработка модернистских идей и институтов, составивших вклад фундаментальной зна-

чимости в формирование современного образа жизни, еще в предшествующую эпоху были разработаны институты, способные адаптироваться к функциям современности, наблюдались продолжительные периоды насильственной перегруппировки территорий и состава населения, трудный процесс строительства наций и социальной интеграции (Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, Германия, Италия, Испания, Дания, Норвегия, Швеция).

4. «Филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете, для которых были характерны более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, достижение национальной независимости в неокOLONIALИСТСКОЙ форме, имевшей тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни, численное доминирование неевропейского населения, блокировавшее расширения эффективного гражданства и способствовавшее растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полу- или неевропейского населения (страны Латинской Америки).

5. Также весьма неоднородная группа обществ, сумевших отстоять независимость благодаря длительному опыту централизованного бюрократического управления, своеобразной эффективности традиционных правительств, созданию территориальных и демографических основ своих государств в домодернизационный период, модернизировавшихся самостоятельно и постепенно, под эгидой собственных традиционалистских правительств, но под косвенным влиянием обществ более ранней модернизации, сохранивших в значительной степени изначальный состав территории и населения (Россия, Япония, Китай, Иран, Турция, Афганистан, Эфиопия и Таиланд).

6. Бывшие колонии Азии и Африки, население которых сумело разработать достаточно высоко развитые традиционные культуры (на основе ислама, индуизма и буддизма), ставшие залогом относительно успешного взаимодействия с культурами современных «опекунских» обществ в процессе их адаптации (в целом крайне сложной и незавершенной) к модернистским функциям.

7. Ряд районов Африки к югу от Сахары, бывших колоний, не разработавших собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности, вынужденных в силу этого напрямую заимствовать у более современных обществ модернистские идеи и учреждения.

Проблема различия путей развития широко обсуждается и в литературе 1990-х гг. Так, шведский исследователь Ёран Терборн пишет о четырех «дверях» или «путях в/через модернизацию» (Therborn 1995: 5–7):

- 1) путь эндогенной модернизации в Западной Европе;
- 2) путь, который прошли новые общества Северной и Южной Америки и Австралии, которые сами возникли в результате транс-континентальной миграции;
- 3) путь через колонизацию традиционных обществ европейцами, через навязанную колониализмом открытость (страны «колониальной зоны» – от Северо-Западной Африки до Папуа – Новой Гвинеи);
- 4) модернизация, навязанная извне, под влиянием западной цивилизации (Япония, Россия, Ближний Восток, Турция, Китай).

Типологизируя трансформирующиеся общества, В. Цафф (1998: 16–17) выделяет:

- 1) переход к демократии и рынку в Западной Германии, Японии и Италии после 1945 г. под надзором и при материальной поддержке держав-победительниц;
- 2) «договорный переход» от авторитаризма к демократии в Испании, Португалии, Греции после 1974 г.;
- 3) в известном плане также «договорные переходы» в странах Латинской Америки;
- 4) самостоятельное развитие «в рамках мировой системы капитализма» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия);
- 5) перевод социалистической системы в действующую демократию и рыночную экономику на примере Восточной Германии (1990-е гг.);
- 6) трансформация стран Восточной Европы в 1990-е гг.;
- 7) «социалистическая рыночная экономика» КНР – альтернатива переходу к демократии и рыночной экономике;
- 8) страны исламского фундаментализма – также альтернативный вариант переходу к демократии и рыночной экономике.

Теория модернизации в отечественной науке

С 1990-х гг. модернизационный подход стал широко использоваться отечественными обществоведами для объяснения особенностей российского перехода от традиционного к современному обществу. Интересные результаты в этом плане были получены в работах

специалистов различного профиля: историков, экономистов, социологов, культурологов, философов, политологов – А. С. Ахиезера, А. Г. Вишневого, Н. Н. Зарубиной, С. И. Каспэ, В. В. Керова, В. А. Красильщикова, О. Л. Лейбовича, Б. Н. Миронова, Н. А. Проскуряковой, В. Т. Рязанова, А. С. Сенявского, В. В. Согрина, В. Г. Федотовой, В. Г. Хороса и многих других исследователей.

Среди сторонников трактовки российской истории в модернизационном ключе можно выделить две интерпретационные модификации – оптимистическую и пессимистическую. Согласно первой, нашедшей наиболее яркое и ясное воплощение в работах Б. Н. Миронова (1999), история России трактуется как повторение, но своеобразное, истории Запада, то есть как движение в том же направлении, которым уже прошли Западная Европа и Северная Америка, только с некоторым опозданием. В основе концепции Б. Н. Миронова лежит идея «европейского происхождения» основ «русской государственности, быта и менталитета». Что же касается страновой специфики России, то она, по его мнению, заключалась в расколе культурного пространства на народную и элитарную культуры; в потребительской (минималистской) трудовой этике крестьянства; в широком распространении среди образованного общества антибуржуазных настроений и в слабой секуляризации массового сознания.

Согласно пессимистической модификации модернизационной интерпретации отечественной истории последняя трактуется как субоптимальная, если не катастрофическая, попытка выйти на нормальный западный путь развития: концепции контр- или псевдомодернизации, «околомодернизации», представленные в трудах А. С. Ахиезера (1991), В. Г. Хороса (1996), В. А. Красильщикова и др. (1994). Такой исторический «портрет» подразумевает аритмию и негармоничность развития, неэффективность политико-правовых и социальных институтов, социокультурный раскол в обществе, масштабную маргинализацию значительной части населения. Псевдомодернизация, как полагают сторонники данной концепции применительно к российской истории, приводила к обратным результатам: усилению бремени бюрократического аппарата, понижению уровня жизни и покупательной способности большинства населения, усилению немодерных черт русского общества.

Уральская школа под руководством академика В. В. Алексева разрабатывает конкретно-проблемную методологию изучения пространственно-временных особенностей российских модернизаций, акцентируя внимание на соотношении страновой и региональной

динамики, модернизации и имперского строительства, эндогенных и экзогенных факторов модернизации, цивилизационного своеобразия российских модернизаций (Алексеев и др. 1997; Алексеев 2000; 2004; Артемов 2006; Побережников 2006б; 2009; Алексеева 2007).

* * *

В целом необходимо обратить внимание на творческий характер разработок, осуществленных в русле модернизационного направления. Данная теоретическая перспектива не оставалась неизменной со времени ее первоначального оформления; дальнейшее ее развитие было обусловлено нарастанием сложности реальных модернизационных процессов, развитием теоретического оснащения гуманитарных наук. На протяжении второй половины XX и начала XXI столетия школа модернизации реагировала на модификации реальных процессов развития, расширяла свой исследовательский фокус, включая в орбиту внимания все новые сюжеты, совершенствовала свой познавательный инструментарий, учитывая, в частности, обновление методологии социальных и гуманитарных наук в целом.

Свидетельством влияния модернизационной перспективы может служить тот факт, что многие концепты, получившие детальную теоретическую разработку в ее рамках (традиция, инновация, традиционное и индустриальное общества, структурно-функциональная дифференциация, индустриализация, демократизация, рационализация, профессионализация, стадии роста и т. д.), находят широкое применение в научном дискурсе, в том числе в рамках конкурирующих теоретических направлений.

Рекомендуемая литература

- Алексеев В. В. 2004.** *Общественный потенциал истории*. Екатеринбург.
- Лейбович О. Л. 1996.** *Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории)*. Пермь.
- Миронов Б. Н. 1999.** *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. Т. 1–2. СПб.
- Опыт** российских модернизаций XVIII–XX века / Отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000.
- Побережников И. В. 2006.** *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.
- Хантингтон С. 2003.** *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.

Глава 7

МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

У истоков мир-системного подхода стоял французский историк Ф. Бродель. В его трехтомнике, посвященном генезису капиталистической цивилизации, идет речь о взаимосвязывающей все общества «мир-экономике» или «мир-экономиках» (Средиземноморье, Китай, Индия и др.). Мир-экономики существуют вне политических, религиозных и национальных границ. Они имеют свой центр (со своим «сверхгородом»; в XIII в. им была Венеция, позднее центр переместился сначала в Геную, затем во Фландрию, в Антверпен, после этого в Англию, в Лондон, оттуда в XX столетии за океан в Нью-Йорк), второстепенные, но развитые общества, окраинную периферию. Торговые коммуникации связывают разные регионы и культуры в единое макроэкономическое пространство (Бродель 1986–1992).

Эти идеи были развиты И. Валлерстайном (Wallerstein 1974; 1989; Валлерстайн 2001). Прежде всего, Валлерстайн настаивает на необходимости методологического ревизионизма. Он искренне выступает против сложившегося в Новое время классического деления социальных наук на экономику, социологию, психологию, историю и т. д., а также устоявшихся взглядов на то, что экономика, политика и социокультурная сферы являются самостоятельными подсистемами. Подобное деление запутывает, по его мнению, понимание реальных событий и процессов, а существующие дисциплинарные барьеры ограничивают мышление исследователей. Нужно кардинальным образом переосмыслить сложившееся положение дел (Валлерстайн 1998; 2006).

Валлерстайн по сути дела призывает к междисциплинарному синтезу. И действительно, в мир-системном анализе очень тесно переплетены экономика и антропология, социология и история. Фактически на стыке различных социальных наук произошло формирование новой отрасли знаний. Другое важное нововведение Валлерстайна заключается в смене объекта исследования. Традиционно исследователи, в том числе и историки, избирали предмет своего изучения какую-либо страну. Достаточно посмотреть на тематическую полку любого магазина или библиотеки – «Общественный строй Киевской Руси», «Расцвет и упадок Римской империи» и т. д.

И. Валлерстайн полагает, что такой подход запутывает существо дела, поскольку любое государство или народ существует не изолированно, а в тесной связи с другими странами и культурами. Главной единицей развития Валлерстайн избирает не «национальное государство», а социальную систему. Системы имеют определенную логику функционирования и развития. Они основаны на определенном «способе производства». И. Валлерстайн понимает термин «способ производства» несколько иначе, чем К. Маркс, а именно как особую форму организации трудового процесса, в рамках которой посредством какого-либо разделения труда осуществляется воспроизводство системы в целом. Главным критерием классификации (и одновременно периодизации) способов производства у Валлерстайна выступает способ распределения. В этом он следует идеям выдающегося экономиста К. Поланьи.

Валлерстайн выделяет три способа производства и три типа социальных систем: 1) реципрочно-линейные мини-системы, основанные на отношениях взаимобмена; 2) редистрибутивные мир-империи; 3) мир-экономики, основанные на товарно-денежных отношениях (отметим, что конкретные мир-империи и мир-экономики нередко тождественны системам, которые А. Тойнби называл «цивилизациями»). Это стадийная составляющая мир-системной теории.

Так называемые **мини-системы** – это небольшие по размерам социальные группы, основой которых является родство и *реципрокация* – обмен по горизонтали. Они основаны, как правило, на присваивающей экономике и традиционных нормах, не имеют развитой системы рангов, нестабильны, зависят от природных и демографических колебаний. **Мир-империи** базируются на изъятии прибавочного продукта посредством дани или ренты-налога и его *редистрибуции* (перераспределении по вертикали). Это большие территориальные государства, иерархически организованные, контролирующие внутреннюю и внешнюю периферию. Мир-империи являлись центрами целых континентальных регионов и источниками военной, политической и культурной экспансии. Отличительный признак мир-империй – административная централизация, доминирование политики над экономикой. В качестве примеров мир-империй выступают Китай, Россия, Османская держава и т. д.

Для историков важно отметить, что из типологии Валлерстайна выпала целая серия важных типов политических систем: вождест-

ва, ранние государства, ранние империи. Перечисленные формы являлись важными ступенями на пути к мир-империям. Без них становится непонятным, как локальные мини-системы охотников и собирателей сменились громадными континентальными империями.

Помимо мир-империй, Валлерстайн, следуя Броделю, отмечает существование мир-экономик. Последние, в отличие от мир-империй, интегрировались посредством экономических связей, которые пронизывали политические границы стран. В мир-экономике ведущее место играет разделение труда и неравнозначный обмен между разными частями. До XIV в. мир-экономики, по мнению Валлерстайна, были неустойчивыми формированиями и нередко поглощались мир-империями или погибали. Примерами мир-экономик могут служить Южная Азия до ее объединения в рамках Делийского султаната и Могольской державы (знаменовавшего превращение этой мир-экономики в мир-империю), Китай до его объединения в эпохи Чуньцю и Чжаньго вплоть до его превращения в III в. в мир-империю при Цинь Шихуанди или Средиземноморье в эпоху средневековья.

Впоследствии идея мир-экономик активно обсуждалась в исторической, особенно археологической литературе. Инициатором дискуссии выступил известный английский археолог Колин Ренфрю (Renfrew, Cherry 1986). Он показал, что отношения в античном мире Средиземноморья не могут быть описаны с помощью дихотомии «центр» – «периферия» и предложил ввести понятие равноуровневых обществ (*peer polities*). Затем эти идеи были распространены и на другие исторические периоды и регионы мира. Было также отмечено большое значение для развития мир-экономик городов-государств (тех же Афин, Карфагена, Малакки, Венеции, Генуи, Антверпена, Ганзейского союза и др.).

Особое внимание И. Валлерстайн уделяет **капиталистической мир-системе**. Она сформировалась в Европе на протяжении так называемого «длинного XVI столетия» (1450–1650 гг.) на основе западноевропейской мир-экономики. Эта мир-экономика оказалась уникальной в том, что ей удалось избежать трансформации в мир-империю. Избежав поглощения континентальной империей Габсбургов, она испытала качественную трансформацию и постепенно распространилась по всему свету, превратившись в гегемона мирового развития (капиталистическую мир-систему) и подчинив все другие социальные системы. Эти идеи впервые были сформулиро-

ваны в 1974 г. в первом томе наиболее важной книги И. Валлерстайна *Современная мир-система* (Wallerstein 1974). Во втором и третьем томах Валлерстайн довел описание капиталистической мир-системы до середины XIX в. (*Idem* 1974–1989).

Капиталистическая мир-система характеризуется непрерывным накоплением капитала. Она состоит из трех частей, которые в определенном смысле являются «идеальными типами»: 1) «ядра» (применительно к современной мир-системе это наиболее высоко развитые страны Запада с развитым индустриальным/постиндустриальным производством и сильным государством); 2) «периферии» – страны и районы, специализирующиеся на добыче ресурсов, имеющие крестьянскую экономику и слабое государство (страны третьего мира); 3) «полупериферии» (страны модернизации «второй волны»; в XX в. страны социализма, в настоящее время страны БРИК и т. п.). По мнению Валлерстайна, капиталистическая мир-система основана на неэквивалентном осевом разделении труда и эксплуатации между ядром и периферией. Страны ядра заставляют периферию поставлять сырье по заниженным ценам, что способствует процветанию центра и обнищанию периферии.

Полупериферия (ее Валлерстайн сравнивает со «средним классом») подвижна, она выполняет амортизационные функции и нередко является источником различных инновационных изменений. Это один из наиболее интересных компонентов теории мир-систем. По мнению К. Чейз-Данна и Т. Холла, в доиндустриальный период важные стабилизирующие функции полупериферии могли выполнять торговые города-государства древности и средних веков (города Финикии, Карфаген, Венеция, и др.), милитаристические государства-«спутники», возникавшие рядом с высокоразвитым центром региона (Аккад рядом с шумерским центром в Месопотамии, Спарта и Македония рядом с афинским центром, Австразия и Нейстрия у франков), которые не подвергались прямой эксплуатации центра, а также империи кочевников. Последние являлись ксенократическими «двойниками» аграрных цивилизаций, так как зависели от поступающей оттуда продукции. Динамичная «биполярная» структура политических связей между земледельческими цивилизациями и окружавшими их кочевниками (варвары и Рим, скифы и государства Причерноморья, номады Центральной Азии и Китай и т. д.) циклически повторялась в истории доиндустриального мира много раз (Chase-Dunn, Hall 1997; Холл 2004; Крадин, Скрынникова 2006 и др.).

Важное место в концепции капиталистической мир-системы занимает модель циклических ритмов и вековых трендов. Именно они являются первопричиной кризисов, в том числе и последнего, приходящегося на наши дни. Валлерстайн использует идею кондратьевского долгосрочного цикла (с периодом в 40–60 лет), который состоит из двух фаз: А-фаза (подъем) и В-фаза (спад) (подробнее о кондратьевских циклах/волнах см., например: Коротаев, Цирель 2010; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010: 188–227)¹.

Дж. Арриги выделил четыре цикла «длинных столетий» с четырьмя центрами накопления: генуэзский (1340–1630), голландский (1630–1780), британский (1780–1930), американский (с 1930) (Arrighi 1994).

В капиталистической мир-системе обязательно присутствуют страны-гегемоны, а также меняется наполнение «ядра» и «полупериферии». Таких гегемонов было всего три. Сначала им на короткий срок стала Голландия (1620–1672). В этот период формируется «ядро», в которое, кроме государства-гегемона, вошли Англия и Северная Франция. Роль полупериферии играли страны Средиземноморья. Большинство стран мира находятся вне пределов мир-системы. Затем центр постепенно перемещается в Англию. Пик ее владычества приходится на XIX в. В это столетие фиксируется быстрый рост северных штатов США, Пруссии, Швеции. К концу XIX в. складывается устойчивая конфигурация ядра, в которое входят Великобритания, США, Франция и Германия. В полупериферию входят страны Южной и Восточной Европы, Россия, Турция, Япония, некоторые страны Южной Америки (Чили, Мексика, Бразилия и др.). Периферией в это время являлись европейские колонии и полуколонии в Азии и Африки, большинство стран Латинской Америки. В период между двумя мировыми войнами статус гегемона переходит к США. Пик господства Америки пришелся на 1945–1968 гг.

Придерживаясь сравнительно «левых» взглядов, Валлерстайн достаточно большое значение придает потрясениям рубежа 1960 – 1970-х гг. в западном мире и, возможно, несколько преувеличивает кризисное положение современной Америки. Однако нельзя с ним не согласиться, что главной предпосылкой достижения гегемонии является не бряцание оружием (хотя «дубинки являются главными козырями»), а достижение государством-гегемоном технологиче-

---

¹ Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) – выдающийся российский экономист, основоположник теории длинных экономических циклов.

ского, финансового и торгового превосходства. Решающая фаза борьбы за гегемонию между конкурентами (трансформация рыночных приоритетов в структурно закрепленные позиции) обычно приводит к решающему столкновению, которое Валлерстайн образно называет тридцатилетней войной (нам более импонирует аналогия со «звездными войнами»). Это не столько отдельная генеральная кампания, сколько серия конфликтов, которые в конечном счете заканчивались разгромом одной из сторон.

Валлерстайн выделяет две важные особенности этих войн. Всегда побеждает тот, кто имеет морское/авиационное преимущество – голландское и английское преимущество на море, англо-американское преимущество на море и в воздухе (возможно, здесь стоило бы также вспомнить модель «окраинного преимущества» Р. Коллинза; см. об этом в следующей главе настоящего издания). Всегда динамичная, саморазвивающаяся капиталистическая мир-экономика побеждала тех, кто стремился преобразовать ее в мир-империю. В первой тридцатилетней войне (1618–1648) голландские интересы взяли верх над мир-империей Габсбургов. В наполеоновских войнах (1792–1815) англичане победили французов. В тридцатилетних англо-германских войнах (1914–1945) фактическим победителем второго и третьего рейха вышли США (следовало бы добавить, что за счет жизней русских солдат). Завершение тридцатилетней войны всякий раз приводило к кардинальному переустройству мира – Вестфальскому миру 1648 г., Венскому конгрессу 1815 г., Ялтинским соглашениям и созданию ООН после 1945 г.

Подобный тезис придает мир-системному подходу большой динамизм, а также показывает, почему на политической арене могут меняться актеры, как одни игроки могут пробиться из низшей лиги в «ядро» (то есть «золотой миллиард»), а другие – скатиться на геополитическое дно. Данный аспект представляет собой как раз пространственную, «локально-цивилизационную» составляющую мир-системного анализа.

Один из ключевых вопросов мир-системной теории заключается в том, сколько мир-систем существовало на протяжении человеческой истории. Согласно Валлерстайну, подлинной мир-системой является только мир-система капитализма в течение последних нескольких сотен лет. Однако не все принимают его точку зрения. В 1989 г. Ж. Абу-Луход выпустила книгу «До европейской гегемонии» (Abu-Lughod 1989), в которой завоевания монголов расцени-

ваются как важнейший фактор создания первой по-настоящему глобальной мир-системы XIII в., что впоследствии дало возможность сравнить по значимости эти процессы с «большим взрывом» в истории Вселенной (Adshed 1993: 53). Эта система состояла из пяти независимых «ядер»: 1) Западной Европы; 2) арабского мира; 3) зоны Индийского океана; 4) Китая и 5) Великой степи, объединенной монголами в единое макроэкономическое пространство. Это способствовало установлению стабильных торговых контактов между Европой и Китаем. Значимость этой работы заключается в том, что Абу-Луход первой обосновала единство афроевразийской мир-системы до эпохи гегемонии капитализма (Abu-Lughod 1989). Она также попыталась выделить характерные черты досовременной мир-системы, отличающие ее от капиталистической мир-системы (*Idem* 1990; Абу-Луход 2001). Впоследствии исторический аспект был значительно усилен в работах А. Г. Франка, К. Чейз-Данна и Т. Холла.

Другая влиятельная фигура в рамках мир-системного подхода – Андре Гундер Франк (1929–2005). Он внес большой вклад в критику европоцентризма. С его точки зрения, подход Валлерстайна также страдает этим пороком. По Валлерстайну именно Запад создал капитализм как систему и распространил ее на весь мир. Между тем рыночная экономика возникла и существовала еще до появления современной западной цивилизации. Даже главные триггеры капитализма – порох, компас и печатный станок – были изобретены в Китае гораздо раньше. В многочисленных публикациях Франк убедительно показал, что различные регионы были связаны друг с другом тесными экономическими связями задолго до «длинного XVI века». Он полагает, что мировая система («Мир-Система») всего одна, и возраст ее насчитывает не 500, а 5000 лет. Именно поэтому он использует данный термин в единственном числе и только с большой буквы. Изначально она зародилась на Ближнем Востоке и затем расширялась. По мере расширения менялся ее центр (Gills, Frank, 1992; Frank, Gills 1994; Уилкинсон 2001 и др.). Некоторые исследователи еще больше удревяняют возникновение Мир-Системы, датируя его X–VIII тыс. до н. э. и связывая с Неолитической революцией в Западной Азии, где, по их мнению, и находился древнейший центр Мир-Системы (см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2007; Гринин, Коротаев 2009).

Франк берет за точку отсчета момент возникновения первичных цивилизаций. Он уделяет большое внимание выявлению связей между периодами роста – упадка мировых систем и экономическими циклами. Для доиндустриальной эпохи были характерны, по мнению Франка, более длинные колебательные волны, чем 50–60-летние циклы Кондратьева – от 200 до 500 лет (отметим, впрочем, что большинство других исследователей настаивает на неизменности характерного периода кондратьевских циклов в доиндустриальную и индустриальную эпоху, см., например: Goldstein 1988; Modelski, Thompson 1996). Франк и Джиллс берут за начальную точку бронзовый век и начинают отсчет с 3000 г. до н. э. С момента появления цивилизаций они выделяют четыре больших цикла: доклассический (1700–100/50 гг. до н. э.), классический (100/50 гг. до н. э. – 200–500 г. н. э.), средневековый (200–500 – 1450/1500) и современный (с XVI в.). Внутри каждого из циклов выделены фазы подъема (А) и спада (В). Так, например, в рамках средневекового цикла выделены два самостоятельных субцикла: А-фаза (500–750/800) – расцвет Византии, арабского мира, Китая (Суй и Тан), Тюркского каганата; В-фаза (750/800–1000/1050) – упадок Каролингов, Аббасидов, Тан, гибель уйгурского каганата; А-фаза (1000/1050 – 1250/1300) – завоевания монголов и создание досовременной мир-системы по Абу-Луход; В-фаза (1250/1300–1450/1500) – упадок Афроевразии, связанный с пандемиями (Gills, Frank 1992; Frank, Gills 1994).

В последние годы большие дискуссии вызвала книга Дж. Арриги (1937–2009) «Адам Смит в Пекине». В этой работе было убедительно показано, что Китай имел гораздо большую роль в мировой экономике, нежели это было показано Валлерстайном. Только после периода опиумных войн случился провал, который отбросил Китай назад. Поскольку история пишется победителями, постепенно сложился стереотип, что Европа была всегда впереди. В настоящее время все постепенно возвращается к своему первоначальному состоянию. Сходная точка зрения была ранее изложена А. Г. Франком (Frank 1998).

Таким образом, в настоящее время среди теоретиков мир-системного анализа не существует единства. И. Валлерстайн и его сторонники сфокусировали свои интересы вокруг капиталистической мир-системы и современности. Они твердо придерживаются

мнения, что мир как единая система возник только начиная с XVI столетия. Другая группа исследователей полагает, что единая Мир-Система, которая охватывала уже почти с самого начала более половины населения Земного шара и из которой во II тыс. н. э. выросла современная глобальная мировая система, сложилась гораздо раньше – как минимум 5000 (но, возможно, и 12000) лет назад. Среди приверженцев этого мнения существует два разных подхода – моноцентрический и полицентрический. Сторонники моноцентризма (наиболее влиятельные фигуры А. Г. Франк и Д. Уилкинсон, о последнем см. также главу 5 настоящего издания) исходят из того, что Мир-Система возникла единожды и потом распространялась по миру. Представители полицентризма (К. Чейз-Данн, Т. Холл) полагают, что мир-системный подход применим не только к глобальным процессам планетарного масштаба. Он может быть использован по отношению к любой локальной группе, которая представляет собой и систему, и отдельный открытый маленький мир.

Именно К. Чейз-Данном и Т. Холлом была сформулирована одна из наиболее обоснованных на настоящий момент концепций исторического развития мир-систем. Они предлагают заменить марксово понятие «способ производства» более точным термином «способ накопления». Способов накопления, по их мнению, существует три: 1) основанный на родственных связях (по сути дела речь идет о реципрокном обществе); 2) даннический и 3) рыночный. В соответствии с данными способами производства они выделяют три типа мир-систем с подвариантами:

1) основанные на родстве (бесклассовые и безгосударственные мир-системы охотников, собирателей и рыболовов; классовые, но безгосударственные мир-системы вождеств);

2) даннические (первичные государства, первичные империи, мир-системы со многими центрами [например, Месопотамия или Мезоамерика], коммерциализированные даннические мир-системы [например, средневековая Афроевразия]);

3) капиталистические (с центром в Европе с XVII в. и современная глобальная) мир-системы (Chase-Dunn, Hall 1997; Hall 2000; Чейз-Данн, Холл 2001; Холл 2004 и др.).

Согласно Валлерстайну, о складывании мир-системы можно говорить, когда в ее рамках начинается масштабный обмен массовыми товарами. Однако в целой серии исследований археологов и антропологов было показано, что для доиндустриальных обществ

обмен престижными товарами играл более значимую роль и параллельно являлся важным фактором усиления политической власти. Впоследствии данные идеи были развиты К. Чейз-Данном и Т. Холлом. По их мнению, мир-системная методология применима к системам любого порядка – от глобальной системы современности до мини-систем охотников-собирателей. Мир-системные связи складываются из четырех сетей: сетей циркуляции массовых товаров (*bulk good networks – BGN*), сетей циркуляции престижных товаров (*prestige good networks – PGN*), сетей военно-политических контактов (*political-military networks – PMN*), информационных сетей (*information networks – IN*). Самыми широкими являются сети распространения информации и престижных товаров (Chase-Dunn, Hall 1997: 41–56; Чейз-Данн, Холл 2001: 440–443 и др.). Какое место занимает каждая из сетей в динамике мир-систем, является сейчас одним наиболее актуальных вопросов. Исследования последних лет (Коротаев, Малков, Халтурина 2007; Гринин, Коротаев 2009) показывают, что значимость обмена большегрузными товарами была Валлерстайном несколько преувеличена. На самом деле еще во времена далекой древности существовали контакты между различными цивилизациями и континентами. Таким путем распространялись технологические новации (земледелие, металлургия, колесницы, оружие), идеологические системы, престижные товары и т. д. С этой точки зрения, можно говорить о формировании единого мир-системного пространства не в индустриальную эпоху, а на несколько тысячелетий раньше (см., например: Коротаев 2008).

Важным достижением мир-системного подхода стало открытие «пульсирующего» характера мир-системных процессов. Еще в 1920–1930-е гг. Ф. Теггартом была зафиксирована синхронность ритмов роста – упадка Римской империи и Ханьского Китая. Уже тогда стало понятно, что это не случайное совпадение. В последние несколько десятилетий были проведены исследования, подтверждавшие наличие циклов, которые одновременно происходили в разных частях Афро-Евразии (см., например: Таагарега 1978, 1979). Особенно много было сделано группой К. Чейз-Данна (см., например: Chase-Dunn, Hall 1997; Chase-Dunn *et al.* 2011).

Существует несколько различных вариантов описания природы этих циклов, однако в настоящее время наиболее адекватно описывает специфику этих процессов структурно-демографическая модель Голдстоуна – Нефедова – Турчина. Данная модель включает

такие значимые переменные, как объем аграрных ресурсов, численность производителей, численность элиты, количество изымаемых с производителей налогов. Рост населения приводит к увеличению нагрузки на ресурсы и росту цен. Параллельно с этим осуществляется увеличение численности элиты государственного аппарата (согласно первому закону Паркинсона – для конфуцианского Китая это особенно актуально). Производители не способны платить чрезмерные налоги, что приводит династию к кризису и краху (Goldstone 1991; Turchin 2003; Неведов 2008; Turchin, Nefedov 2009; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010 и др.; подробнее см. в главе 10 настоящего издания).

Наиболее значимую роль в процессах синхронной пульсации разных частей мира играли сети обмена информацией. Это хорошо видно на примере того, как быстро распространялись в мире такие важнейшие открытия, как колесницы, черная металлургия, всадничество, мировые религии, военные технологии и т. д. Очевидно, что тот, кто первым изобретает или овладевает важными технологиями и стратегиями, получает геополитическое преимущество. Вследствие этого необходимо коренным образом пересмотреть понятие «ядра» мир-системы и центр-периферийных связей. Валлерстайн связывал эти отношения главным образом с хищнической эксплуатацией странами капитализма колоний, что, как удачно показал Э. Вулф (Wolf 1982), было большим преувеличением. С нашей точки зрения, более правильным было бы в качестве мир-системного ядра рассматривать ту зону мир-системы, которая выступает в качестве генератора и донора наиболее важных инноваций (подробнее см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2007). Нередко тот, кто создает технологические и военные инновации, получает определенное преимущество для экономического и геополитического роста.

С данной точки зрения, многие исторические события могут интерпретироваться по-иному. Так, например, если в классических работах по философии истории кочевникам отводилась роль уничтожителей цивилизаций (в лучшем случае «санитаров истории»), то в контексте мир-системной теории длительный период времени именно они являлись трансляторами информации между оседлыми цивилизациями. Одомашнивание лошади, распространение колесного транспорта способствовало ускорению темпов распространения информации и товаров престижного потребления. Несмотря на

то, что сами номады изменились не очень сильно с течением времени, они способствовали развитию торговых контактов, распространению религий и географических знаний, развитию информационных сетей и технологических обменов между различными цивилизациями. Кочевники также сыграли важную роль в геополитической динамике подъемов и упадков цивилизаций старого света (Крадин, Скрынникова 2006).

В целом без преувеличения можно сказать, что в настоящее время мир-системный подход является наиболее перспективной методологией для описания крупномасштабных исторических процессов. Более того, данная парадигма имеет все перспективы использовать строгий аппарат точных наук для построения математических моделей систем разного уровня – от мини-систем до глобальной Мир-Системы (см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2008).

И. Валлерстайн не ограничивается описанием того, как возникла и эволюционировала капиталистическая мир-система. В его работах, как и в исследованиях других представителей мир-системного подхода, большое место занимает футурологический аспект. По мнению И. Валлерстайна, в настоящее время завершается кондратьевская Б-фаза (1973–2000 гг.) упадка (кстати, до недавнего времени далеко не все разделяли его мнение о том, что Запад находится в фазе кризиса). За ней должен последовать очередной подъем (2000–2025/2030). Отметим, впрочем, что целый ряд исследователей наоборот считает, что в настоящее время наблюдается переход от восходящей к нисходящей фазе пятого кондратьевского цикла, начало которого отмечено мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. (см., например: Акаев 2010; Акаев, Садовничий 2010; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010: 188–227; Коротаев, Цирель 2010).

Постепенно приоритет в лидерстве, по мнению Валлерстайна, должен перейти от США к Японии, которая также является морской державой. Япония должна превратить Америку в «младшего брата», как это было ранее с Великобританией, ставшей «падчерицей» Америки. Рано или поздно американо-японский дуумвират может схлестнуться в новом «тридцатилетнем» противостоянии с континентальным Евросоюзом. Роль победителя Валлерстайн отдает Японии. Остальные регионы будут примыкать к тому или другому альянсам (Wallerstein 2000: 439). Интересно, что этот не впол-

не правдоподобный сценарий прямо противоположен картине «столкновения цивилизаций» другого Нострадамуса глобальной истории – С. Хантингтона, у которого христианский мир противопоставит исламско-азиатскому альянсу (Huntington 1996; Хантингтон 1997; см. также главу 5 настоящего издания).

И. Валлерстайн рисует ядру капиталистической мир-системы мрачные перспективы. Усиление различий в уровне жизни между периферией и ядром ведет к увеличению мигрантов с «Юга». При этом И. Валлерстайн совершенно недостаточно внимания уделяет наметившейся в последние годы тенденции к сокращению разрыва в доходах на душу населения между центром и периферией Мир-Системы, тому обстоятельству, что темпы экономического роста в большинстве стран мир-системной периферии, где проживает абсолютное большинство ее населения, значительно превышают темпы экономического роста в почти всех странах мир-системного ядра (Коротаев, Халтурина 2009; Коротаев и др. 2010: 60–83). Валлерстайн полагает (на наш взгляд, без каких-либо действительно серьезных на то оснований), что к 2025 г. численность «южан» может составить от трети до четверти населения США, ЕС и Японии. Это приведет (в реальности, по Валлерстайну, уже привело) к потрясениям внутри самой системы. Данные события будут происходить на фоне ухудшающейся глобальной экологической обстановки и сокращения ресурсов, а также в условиях исчерпываемости территориального роста мир-системы за счет включения новых периферийных зон. Это должно привести к замедлению роста прибыли и уменьшению перераспределения доходов. Результатом, по мнению Валлерстайна, явится сокращение среднего класса, рост инфляции, сокращение социальных программ и фактически демонтаж «государства всеобщего благоденствия». Все это, продолжает Валлерстайн, может привести к закату либерализма (который реально был только «для своих» и существовал за счет эксплуатации периферии), к росту протестных настроений, ослаблению роли государства в обществе, межэтническим и межнациональным конфликтам, гражданским войнам. Современная система международной безопасности (ООН) будет ухудшаться. Нельзя исключать опасность массовых пандемий (СПИД, по мнению И. Валерстайна, является только «первым звонком»).

Каковы перспективы Западной цивилизации в новом мировом порядке? Валлерстайн видит три вероятных сценария, которые мо-

гут случиться в период после 2050 г.: 1) создание *неофеодализма* на основе формирования локальных и региональных иерархий, которые могут оказаться вполне совместимыми с миром современных технологий; 2) формирование *демократического фашизма* из двух каст («золотой миллиард» и работающая на него периферия); 3) переход к децентрализованному высокоэгалитарному мировому сообществу. Эта модель представляется наиболее утопичной. Однако выбор зависит от решения самих людей (Wallerstein 2000).

Рекомендуемая литература

- Арриги Дж. 2009.** *Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век?* М.: Институт общественного проектирования.
- Валлерстайн И. 2001.** *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.* СПб.: Университетская книга.
- Валлерстайн И. 2006.** *Миро-системный анализ: Введение.* М. *Время мира.* Вып. 1–2. Новосибирск, 1998, 2001.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы: Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛИБРОКОМ.
- Chase-Dunn Ch., Hall T. 1997.** *Rise and Demise: Comparing World-Systems.* Boulder.

Глава 8

МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛА XXI в.

Историческая макросоциология – междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций.

По объему предметного поля историческая макросоциология (далее – макросоциология) практически совпадает со всеобщей (мировой) историей, но использует в большей мере подходы и методические средства *теоретической истории* как построения и проверки относительно строгих объяснительных теорий исторических явлений (Розов 2001).

Макросоциология отвечает на традиционные для философии истории вопросы о структуре, направленности, закономерностях, ходе истории, но не на философском, а на научно-теоретическом уровне. Познавательные методы и средства макросоциология заимствует из обширного спектра социальных наук: социологии, политологии (особенно сравнительной), геополитики, кросс-культурных исследований, экономической истории, этнологии, исторической демографии и т. д.

В начале своего становления социология не была жестко отделена от истории. Огюст Конт, Алексис де Токвиль, Карл Маркс, Джон Стюарт Милль, Фердинанд Тённис, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Вильгельм Зомбарт, Гаэтано Моска, Макс Вебер, Франц Оппенгеймер, Георг Зиммель, Роберт Михельс, Вильфредо Парето и др. – все они обсуждали проблемы исторического развития, социальной эволюции, взаимодействия между крупными социальными группами, динамики власти и государства (о многих из перечисленных ученых рассказано в предшествующих главах 2–5, см. также главы 9–13 настоящего издания). На этом этапе формулировались законы и определялись этапы исторического прогресса, смены общественных формаций, описывались и изучались принципиальные типы больших социальных групп, обществ, культур и цивилизаций – все это самая типичная *макросоциологическая* проблематика.

С 1920–1930-х гг. социология, особенно американская, стала более узкой, эмпиричной, методичной, сконцентрировалась на эмпирическом изучении групп и слоев отдельного общества-нации, во многом потеряла интерес к большим историческим процессам. При этом довольно много талантливых ученых (Baran 1957; Moore 1966; Шумпетер 1995; Сорокин 2000; Элиас 2001; Поланьи 2002; Уайт 2004a) продолжали макросоциологические исследования, как правило, не оцененные современниками, но получившие большой резонанс именно в последней трети XX в., когда начался новый мощный подъем этой научной традиции.

Становление и основные направления современной макросоциологии

Новый взлет западной (прежде всего американской) макросоциологии имел несколько важных предпосылок. В начале 1960-х гг. появляется книга Уильяма Мак-Нила¹ «Восхождение Запада. История человеческого сообщества» (Мак-Нил 2004; см. также главу 5 настоящего издания). Мак-Нил воспринял от своего учителя А. Тойнби масштабный взгляд на всеобщую историю, интерес к внутренним механизмам динамики, но освободился от аллегоричности, апелляций к мифам, идей замкнутости цивилизаций, что было характерно для трудов Тойнби. Основной упор Мак-Нил делает на роль межкультурных столкновений, как мирных, так и воинственных, на динамику исторического развития обществ и цивилизаций. Одновременно во Франции переживает очередной расцвет школа «Анналов», это дало плоды в блестящих фундаментальных работах Фернана Броделя (см. главу 14 настоящего издания).

С 1970-х гг. на Западе начинается подъем направления *мировой истории*, которое, с одной стороны, противостояло в университетах традиционным сугубо европоцентричным курсам «Истории Западной цивилизации», с другой стороны, было крайне заинтересовано в масштабных объяснениях – макросоциологических концепциях и моделях – огромного и разнородного материала по истории незападных обществ, который стали профессионально изучать специалисты этого быстро расширяющегося направления (о европеоцентризме см. также главы 5 и 6 настоящего издания).

---

¹ В русских изданиях фамилию McNeill транскрибируют по-разному: МакНил, Мак-Нил, Макнил, Макнейлл и т. д.

Одновременно набирает силу дискредитация больших теорий мейнстрима в американской социологии: абстрактной структурно-функциональной концепции Т. Парсонса и теории модернизации (см. главу 6). Отгалкиваясь от схоластики и апологетики капитализма, новое поколение исследователей обратилось к эмпирике, в том числе к богатству исторического материала европейских, азиатских, южноамериканских, африканских обществ. Так появляется веберовская ветвь *исторической социологии* (Р. Бендикс, Ч. Тилли, Р. Коллинз, Т. Скочпол, М. Манн) и марксистская ветвь *миросистемного анализа* (А. Г. Франк, И. Валлерстайн, Дж. Хопкинс, Дж. Арриги; см. предыдущую главу настоящего издания).

Начинается «золотой век макроисторической социологии» (Коллинз 1998б) Наиболее теоретически продвинутыми направлениями, согласно Р. Коллинзу, являются:

- исследования военно-центрированного становления современных государств (Mann 1987; 1993; Мак-Нил 2008; Тилли 2009);
- сравнительное изучение социальных революций и государственных распадов, крушения империй (Skocpol 1979; Tainter 1988; Goldstone 1991; Турчин 2007);
- анализ мировых систем (Бродель 1992; Валлерстайн 2001, 2006; Арриги 2006; см. главу 7 настоящего издания);
- исследования геополитической динамики, долгих циклов гегемонии (Goldstein 1988; Collins 1986; 1999; Коллинз 2001; Модельски 2003).

Р. Коллинз также указывает на направления, пусть не столь развитые, но значительно расширяющие предметное поле макросоциологии:

- сравнительно-исторические исследования семейных отношений, социальная и сравнительная история пола, сексуальности, материальной культуры (школы П. Ласлетта, Дж. Гуди; см. главу 15 настоящего издания);
- изучение эволюции культурных норм, «цивилизующих манер» (Н. Элиас, Дж. Меннел, Й. Гудсблом);
- макроистория болезней и окружающей среды (У. Мак-Нил, А. Кросби; см. также главу 9 настоящего издания);
- макросоциологические сравнения в истории искусства (А. Хаузер, А. Мальро).

К списку Коллинза следует добавить:

- направление исследования Большой истории, объединяющее в единых концептах эволюцию звезд, Солнечной системы, историю Земли, биологическую эволюцию, происхождение человека и традиционную историю (Спир 1991; Spier 1996; Кристиан 2001);

- бурно развивающаяся область изучения социальной эволюции, сравнительной антропологии и этнологии, тесно взаимодействующую со сравнительной археологией, где нередки прорывы к ценным макросоциологическим обобщениям (Классен 2005; Карнейро 2006; Даймонд 2009; см. главу 4 настоящего издания);

- продолжающиеся сравнительные исследования цивилизаций (Ито 2001; Мелко 2001; Уилкинсон 2001, см. главу 5 настоящего издания);

- масштабные сравнительные исследования технологического обмена и диффузии в связи с международной политикой (Bulliet 1975; Headrick 1981; 1991; Pacey 1990; см. главы 11–12 настоящего издания);

- сравнительные и обобщающие работы по межкультурной торговле, появлению и искоренению рабства и работорговли, колониальным отношениям, о последствиях вестернизации и индустриализации в разных уголках планеты (Wolf 1982; Stinchcombe 1995);

- сравнительные исследования демократических транзитов с успехами и неудачами, откатами к авторитаризму, застреванием в режиме имитационной демократии и т. п. (Карл, Шмиттер 1993; Растоу 1996; Collins 1999; Пшеворский 2000).

В западном высшем образовании, прежде всего американском, макросоциология с начала 1990-х гг. стала институализироваться как отрасль социологии. Учебник С. Сандерсона «Макросоциология» (Sanderson 1995) уже выдержал множество изданий, появляются новые учебные пособия, но в основном обучение опирается на современные монографические исследования.

В современной макросоциологии, быстро набирающей обороты, число значимых моделей и концепций исчисляется уже многими десятками. Рассмотрим наиболее оригинальные и яркие концепции, направленные на объяснение становления национальных государств и международной системы, а также анализ внутренних и внешних факторов государственных кризисов и распадов.

Чарльз Тилли: становление современных государств и протестные движения

В книге Ч. Тилли (2009) дается одна из наиболее четких версий так называемой военно-центричной теории происхождения современных национальных государств (nation-states) в Европе. Согласно автору, на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени произошли важные изменения. Постоянные войны не вели к обширным и стабильным завоеваниям, но обуславливали бурный прогресс в военном деле, причем главными сдвигами были развитие и распространение огнестрельного оружия, переход к массовым армиям, часто наемным. Быстро теряли эффективность прежние формы феодальной мобилизации, основанные на клиентарно-патронажных связях. Войны выигрывались крупными регулярными армиями с централизованным обеспечением амуницией (см. также главу 11 настоящего издания).

Все эти новации делали войны все более и более дорогими. Воюющие государи все больше нуждались в деньгах. В результате только государства с достаточным количеством капитала и большим населением могли обеспечивать свой суверенитет и безопасность, выжить в этой агрессивной среде. В то же время в Европе развивались торговые города, росло ремесленное производство, появлялись мануфактуры. Городские элиты обладали капиталом и были крайне заинтересованы в безопасности, поэтому стремились к покровительству тех, кто мог их защитить. Кроме того, вкладывая капиталы в военные кампании, они получали значимые привилегии, а также перспективы расширения рынков, получения доступа к новым ресурсам. Именно альянс воюющих государей и производящих, торгующих городских элит лежал в основе появления нового типа государственности.

Тилли показывает, что основные институты современного государства (прежде всего система налогообложения) были созданы для того, чтобы вести войну. Благодаря концентрации финансовых ресурсов на национальном уровне во многом за счет военных поставок рос первоначальный рынок капиталистических предприятий. Тилли также указывает на воздействие налоговой системы на аграрную экономику, в частности во Франции. Повышение налогов увеличивало потребность крестьян в деньгах, что вынуждало их продавать на рынке все большую часть своего продукта. Когда крестьяне не могли найти достаточно денег, они постепенно теряли

свою землю, которая по сниженной цене переходила к буржуазии. Так, непреднамеренно лишая крестьянство собственности, государство осуществляло освобождение земель для капитала и сопутствующий рост рынка труда (Тилли 2009).

Другими важными темами исследований Ч. Тилли были явления мобилизации и социальных движений, формирования протестных групп, готовых к насилию, революций, иными словами, тех общественных сил и факторов, которые обуславливают или усугубляют кризис государства, могут привести к его распаду. Тилли выступает против традиционных убеждений в «ненормальности», «атипичности» радикальных протестных движений, показывая, как динамика социального протеста связана с политическими, социальными и экономическими условиями. Обычно эти явления возникают из первоначально отнюдь не насильственных политических раздоров.

На богатом историческом материале Тилли показал, что такая форма протеста как социальное движение появилось на Западе после 1750 г. и распространилась по всему миру через торговлю, миграции, колониализм. Согласно Тилли, социальные движения сочетают: 1) упорные организованные усилия по выдвижению коллективных претензий (кампании); 2) комбинации разных форм политического действия (собрания, митинги, торжественные процессии и демонстрации, пикеты, ходатайства, памфлеты и заявления в средствах массовой информации и т. д.; 3) публичные свидетельства таких свойств своего движения, как достоинство (*worthiness*), единство (*unity*), многочисленность (*numbers*), приверженность идеям и обязательствам (*commitment*), что Тилли обозначает в целом как WUNC (Tilly 2004: 53).

Майкл Манн: типы государственной власти и природа массового насилия

Наряду с веберовским различием источников и сфер власти на политическую, экономическую, военную и идеологическую (см. выше) Манн выделяет две формы государственной власти: *дееспотическую* и *инфраструктурную*. Первая выражает способность правящей элиты принимать решения, не считаясь с интересами остальных групп населения. Вторая связана с возможностями государства контролировать собственную территорию через общество и обеспечивать осуществление принятых решений. На этих основаниях Манн разрабатывает систему идеальных типов (табл. 1).

Таблица 1. Типология государственной власти по М. Манну (Mann 1984: 115)

		Инфраструктурная координация	
		низкая	высокая
Деспотическая власть	низкая	Феодальная	Бюрократическая
	высокая	Имперская	Авторитарная

Манн отмечает общий эволюционный тренд роста инфраструктурной власти государств. При этом никаких монотонных тенденций в развитии деспотической власти не наблюдается, здесь масштаб, уровень могущества, жестокость деспотизма имеют скорее волнообразный паттерн. Рост инфраструктурной власти Манн связывает с четырьмя основными факторами:

- 1) поступательные процессы разделения труда, дифференциация функций, что формировало относительно однородные социальные группы, доступные для контроля со стороны государства;
- 2) рост грамотности, что позволило кодифицировать правила и требования;
- 3) развитие денежной системы, а также системы мер и весов, что позволило вести обмен, торговлю, сборы и распределение ресурсов по единым правилам, подкрепленным силой государства;
- 4) рост скорости связи и транспортировки, облегчивший доступ к территориям, контроль и т. п. (Mann 1984: 117).

Манн отмечает также диалектическую связь между разнородными компонентами государственной власти, формулируя следующие тезисы: 1) инфраструктурная власть государства происходит от общественной полезности форм территориальной централизации, которую само население (гражданское общество) не может обеспечить; 2) расширение деспотической власти связано с неспособностью общества контролировать формы территориальной централизации, когда они уже появились (*Ibid.*: 126). Именно поэтому деспотизм демонстрирует в истории волнообразный (циклический) паттерн – рост территориальной централизации и утерю контроля над ней.

Эти общие подходы и принципы М. Манн применил в разных работах. Наиболее полно они воплощены в его фундаментальном двухтомнике «Источники социальной власти» (*Idem* 1987; 1993), где были исследованы общие эволюционные закономерности развития государств, начиная от архаики (Месопотамия, Древний Египет) и до современных обществ, сходства и различия, динамические паттерны

нацистского и советского режимов (Манн 2000), противоречивые эффекты и перспективы глобализации (Манн 1997).

Теория социальных революций Теды Скочпол

Одним из наиболее признанных достижений макросоциологии является исследование социальных революций Тедой Скочпол. Ее книга *Государства и социальные революции* (Skocpol 1979) не только вызвала большой резонанс в научном мире, внимание в политических кругах (к примеру, именно к Скочпол как к главному аналитику обратились для осмысления причин Иранской революции), но и инициировала десятки серьезных исследований революций и революционных движений самого разного рода в странах Европы, Азии, Африки, Южной Америки.

Согласно Скочпол, социальные революции суть быстрые базовые превращения государственных и классовых структур общества; причем они сопровождаются и частично производятся через классовые восстания снизу (*Ibid.*: 4).

Скочпол четко отличает социальные революции от просто мятежей и восстаний (нет структурных изменений государства), от политических революций (нет превращений социальных структур) и от индустриализации (нет быстрых политико-структурных изменений). Далее Скочпол ставит в общем виде проблему объяснения социальных революций и сразу приступает к критике имеющихся теорий и концепций. Ею выделены следующие типы теорий: марксистские теории (К. Маркс, В. Ленин, Н. Бухарин, Л. Троцкий, Мао Цзэдун, Г. Лукач, А. Грамши, Л. Альтюссер); агрегатно-психологические теории (Дж. Гешвендер, Г. Экштайн, Д. Шварц, Дж. Дэвис, Т. Гурр); теории консенсуса систем ценностей (Т. Парсонс, Ф. Уоллэйс, Н. Смелзер, Э. Тирякян, Ч. Джонсон); теории политического конфликта (А. Обершелл, В. Оверхольт, Д. Рассел, Ч. Тилли).

В процессе критики Скочпол формулирует принципы собственной исследовательской программы. *Принцип «структурной перспективы»* означает, что причины социальных революций лежат не в целенаправленной деятельности, интересах, эмоциях, идеях, иных психологических и идеологических явлениях, а в структурных изменениях социальной системы общества. *Принцип «международного и всемирно-исторического контекста»* означает, что при анализе социальных революций необходимо учитывать

международное, прежде всего военно-политическое, положение страны. Принцип «потенциальной автономии государства» означает, что государство является не только и не столько «инструментом господствующего класса собственников средств производства» (марксизм) или «функцией» ценностного согласия-несогласия в обществе, или «ареной» политических конфликтов, массовых психологических процессов (остальные три парадигмы революций), но самостоятельной силой с собственными организационными и силовыми структурами, а также с собственными интересами, не сводимыми к интересам каких-либо иных групп или общества в целом. Государство противостоит не только остальной части общества, но и другим государствам на международной арене (см. предыдущий принцип).

Скочпол начинает с детального обоснования выбора сравниваемых случаев: Французской революции 1789–1794 гг., Русской революции 1917 г. и Китайской революции 1911–1949 гг. Главными чертами сходства являются аграрный характер так называемых Старых Режимов, их традиционность и автохтонность (в том смысле, что государственность во всех трех случаях не была недавним колониальным привнесением), «позитивность» случаев, то есть успешность всех трех революций (не возврат к Старому, а установление некоего Нового Режима), столкновение Старых Режимов с экономически более развитыми военными соперниками. Во всех трех случаях результатом революций стали централизованные, бюрократические национальные государства с вовлечением масс и ростом потенциала великой державы на международной арене. Препятствия этих изменений ассоциировались с дореволюционными позициями высшего класса землевладельцев, который был либо полностью устранен, либо существенно потеснен.

В соответствии с индуктивным *методом сходства* (см. главу 20 настоящего издания) Скочпол представляет единый принципиальный механизм кризиса «верхов» в Старых Режимах Франции, Китая и России.

Раскол между государством и крупными собственниками – другой классовый конфликт. В Старых Режимах главными силами «верхов» были центральная имперская администрация и крупные землевладельцы. И во Франции конца XVIII в., и в Китае, и в России начала XX в. достаточно сильно были развиты промышленность и торговля, но они имели локальный и регионально-

международный, отнюдь не общенациональный, характер. Скочпол утверждает, что эти секторы находились в симбиотической связи с доминирующим крупным землевладением как главным держателем ресурсов. Главная драма разворачивалась между имперским государством и крупными землевладельцами, которые были, с одной стороны, партнерами в эксплуатации крестьянства, с другой стороны, соперниками в дележе, то есть в определении характера изъятия, величины и направления ресурсных потоков (податей, налогов, материальных продуктов, людской силы).

Для раскрытия существа этой драмы Скочпол выделяет важные специфические черты имперского государства. Во всех трех случаях оно было протобюрократическим. Только верхние этажи были построены по функциональному принципу и были более или менее обеспечены системой бюрократических правил, распределением позиций и полномочий. По сути дела, с точки зрения «управляемости» имперское государство было гораздо слабее национального государства, в котором бюрократические структуры распространялись практически на всю толщу общества (ср. с представленной выше типологией Манна).

Ни одно из этих государств ко времени революций не было парламентским. В то же время они не были и чисто бюрократическими. Важная черта отношений между имперским государством и классом крупных землевладельцев во всех трех случаях состояла в наличии привилегированного доступа членов этого класса к государственным постам разных уровней, включая самые высокие.

В модели Скочпол находит свое место и геополитическое напряжение – столкновение имперского государства с сильными внешними противниками, необходимость экстраординарной по скорости и величине мобилизации ресурсов, соответствующих структурных преобразований, которые прямо сталкивались с интересами господствующего класса крупных землевладельцев, имеющих свою «пятую колонну» в самом ядре имперского государства.

Полученные результаты Скочпол сформулировала следующим образом.

1. Государственные организации допускают административный и военный распад, когда подвергаются интенсивному давлению со стороны более развитых стран.

2. Аграрные социополитические структуры, которые способствовали широким крестьянским восстаниям против землевладель-

цев, взятые вместе, были достаточными различительными причинами социально-революционных ситуаций, начавшихся во Франции в 1789 г., России в 1917 г. и Китае в 1911 г. (Skocpol 1979: 154).

Также можно перечислить ключевые факторы социальной революции по Т. Скочпол: геополитическое давление, фискальный кризис, конфликт между государственным классом и держателями ресурсов, локальная мобилизация протестных движений, слабость аппарата принуждения, экономический и продовольственный кризис.

Т. Скочпол учит не бояться отдаленных сравнений. Она неоднократно подчеркивает удивительное сходство между структурными характеристиками имперских государств Франции Бурбонов и Маньжурского Китая перед революциями 1789 и 1911 гг., несмотря на очевидные временные, цивилизационные и прочие различия. Это как раз два классических случая, когда коалиции политически влиятельных и богатых крупных земельных собственников в решающий момент подвергли обструкции мобилизационные реформы государства.

Глубина, сила и выигрышность анализа Т. Скочпол существенно возросли благодаря тому, что она дополнила рассмотрение трех позитивных случаев (успех социальной революции во Франции, Китае и России) негативными случаями отсутствия или неуспеха восстаний в Японии, Пруссии и Англии. Это важное подтверждение большого потенциала объединенного метода сходства и различия Бэкона – Милля (см. главу 20 настоящего издания).

Теория геополитической динамики Р. Коллинза

В основу своей концепции Коллинз положил классическое определение М. Вебером государства как монополии легитимной власти на применение насилия на территории, но смело и остроумно превратил каждое понятие этой формулы в переменную. Действительно, территория может быть большей или меньшей, легитимность власти над ней может быть более высокой или более низкой, каждая часть территории может иметь монополию той или иной власти либо не иметь такой монополии (быть спорной, под совместным протекторатом и т. п.).

Далее идет проблематизация отношений между переменными и проблематизация условий, определяющих изменения в этих переменных: почему растёт или сокращается территория? почему

растет или падает легитимность власти? «Политика работает извне внутрь, и именно внешние, военные отношения государств являются критическими детерминантами их внутренней политики. Это происходит из-за центрального характера легитимности как ресурса в борьбе за власть <...> Вебер предлагает тезис, что легитимность связана с властной позицией государства на международной арене» (Collins 1986: 45).

Гипотезы, касающиеся условий или факторов роста сокращения подвластных территорий, были заимствованы прежде всего из геополитических концепций. Материалом для анализа послужили исторические атласы Среднего Востока, Европы и Китая со времен Древности. В результате Коллинз сформулировал следующие положения.

Принцип I. Величина и преимущество в ресурсах способствуют территориальной экспансии; при прочих приблизительно равных условиях большие, более населенные и богатые ресурсами государства расширяются военным путем за счет меньших и более бедных государств.

Принцип II. Геопозиционное (или «окраинное») преимущество способствует территориальной экспансии; государства с врагами по меньшему числу направлений расширяются за счет государств с врагами на большем числе границ.

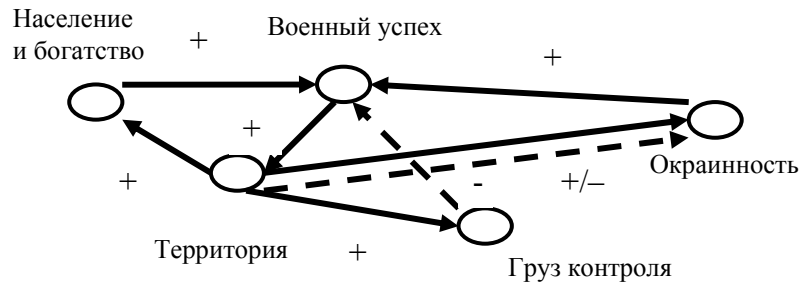
Принцип III. Государства в середине географического региона имеют тенденцию со временем делиться на меньшие единицы.

Принцип IV. Кумулятивные процессы приводят к долговременному упрощению с масштабными гонками вооружений и решающими войнами между немногими соперниками.

Принцип V. Чрезмерное расширение (*overextension*) приводит к ресурсному напряжению и государственному распаду.

Коллинз уточняет последний принцип с помощью двух критериев. Чрезмерное расширение определяется, во-первых, снижением уровня уязвимости (военной достижимости) отдаленных регионов, соответственно сравнительным повышением их уязвимости для геополитических соперников, повышением вероятности отделения провинций. Во-вторых, к чрезмерности расширения приводит захват этнических общностей, не прилегающих к этнической «сердцевинной земле», или «хартленду» завоевателей. Утверждается, что с каждым новым «этническим поясом» резко снижается моральный дух войск завоевателей и, напротив, растет воля к сопротивлению подчиненных народов (*Ibid.*: 191).

Данная теория позволяет делать выводы относительно военных успехов, сдвигов могущества на территориях на основе закономерностей изменения таких взаимосвязанных переменных, как относительная величина геополитических ресурсов (население и богатство), соотношение окраинности/центральности (протяженность и доля опасных границ в сравнении с безопасными), величина логистического груза контроля (рис. 1).

Рис. 1. Модель геополитической динамики по Р. Коллинзу (Коллинз 2000б). Между размером территории и окраинностью – сложное воздействие (двойная стрелка): если территория расширилась до некоторого географического препятствия (пустыни, неприступные горы, морское или океанское побережье, трудно форсируемая река), то окраинность повышается, если же территориальные завоевания приблизили границы вплотную к другой сильной державе, то окраинность понижается

В 1980 г. Коллинз поставил задачу оценить геополитические позиции США и СССР по критериям своей теории. Он пишет: «К моему удивлению, все пять главных принципов теории показали, что Советский Союз прошел пик своего могущества, и предсказывали, что оно будет падать. Результат был не симметричен; большинство тех же принципов предсказывали, что мощь Соединенных Штатов останется относительно стабильной» (Там же: 234). Сбывшееся в 1989–1991 гг. макросоциологическое предсказание Р. Коллинза существенно повысило престиж его теории и подхода. При этом Коллинз анализирует собственные ошибки: в частности, он считал, что СССР распадется на несколько государств, которые будут придерживаться разных версий коммунистической идеологии. Коллинз признает, что надо было перенести веберовский принцип легитимности власти-престижа в зависимости от геополитических побед и поражений на идеологию. Тогда получается, что именно внешний геополитический провал СССР в отношениях с Восточной Европой

и Западом подорвал идеологию социализма-коммунизма, а вовсе не внутренние экономические трудности. Таким же образом провал царской империи в Первой мировой войне подорвал легитимность не только бюрократии и дворянства, но и капиталистов-модернизаторов, ассоциированную с ними либеральную («буржуазную») идеологию.

Долгие циклы в геополитике: концепции Дж. Модельски и Дж. Голдстайна

В концепции Модельски (2003) речь идет об уровне «спроса на порядок» (ось Y), то есть спроса на контроль над применением насилия в международной системе, и об уровне «предложения порядка» (ось X), который обычно предоставляет держава-гегемон (сверхдержава с сателлитами или стабильные отношения между несколькими сильнейшими державами, см. рис. 2).

При низком спросе и низком предложении начинается неконтролируемое насилие (захватнические войны, переделы зон влияния, рост пиратства и т. д.). Резко растет спрос на порядок, но предложение за ним не поспевает и остается низким. Системное решение, консолидация и проверка сил нередко происходят в решающих войнах, хотя возможны и мирные сдвиги в структурах могущества, как в 1989–1991 гг. (фаза 1 – «Глобальная война»).

Рис. 2. Фазовая модель долгих циклов мировой политики, построенная в параметрическом пространстве «спрос на порядок/предложение порядка» (Модельски 2003)

По результатам системного решения и проверки сил происходит выделение гегемона или лидирующей связки великих держав, предложение порядка достигает максимума при сохраняющемся высоком спросе на порядок (фаза 2 – «Мировая держава»).

Политики и народы при смене поколений привыкают к порядку как само собой разумеющемуся, могущество и лидерство державы-гегемона обесцениваются, спрос на порядок резко падает при сохраняющемся высоком предложении порядка (фаза 3 – «Делегитимация»).

Наконец, при малом спросе на порядок политики, бизнес, население сокращают издержки на поддержание порядка, преимущество державы-гегемона и/или лидирующей коалиции резко падает, что возвращает систему к исходному состоянию низкого спроса на порядок при низком его предложении (фаза 4 – «Деконцентрация»).

В концепции Дж. Модельски важнейшей является фаза 1 «Глобальная война», поскольку ее результат затем закрепляется и остается на протяжении остальных фаз, пока особо сильный кризис в фазе 4 «Деконцентрация» не приведет к новому конфликту и переустройству геополитической карты.

Дж. Гольдстейн предпринял попытку скоординировать геополитические циклы с экономическими волнами Кондратьева (о них см. в главе 7 настоящего издания). Первые отражают подъем и упадок великих держав, а вторые – рост и кризисы в экономике. Как правило, после максимального роста производства наблюдается обострение конкуренции и противоречий. Наступает период масштабных войн за передел рынков и источников ресурсов. Чем больше финансовый и военный потенциал соперничающих держав, тем более кровопролитны и масштабны войны. Последние, с одной стороны, приводят к разрухе и экономическому спаду воюющих государств. С другой стороны, происходит мобилизационный подъем, «расчищается место» для новых, обычно более эффективных, укладов и технологий, что ведет к последующему экономическому росту. Важно также, что новые поколения уже забыли об ужасах войн и более податливы к агрессивной пропаганде.

В конце 1980-х гг. Гольдстейн предрекал грядущий глобальный конфликт, обусловленный быстрым экономическим развитием, которое обостряет борьбу за ресурсы и земельные пространства. Он считал, что богатые страны не согласятся снижать уровень потребления, а бедные найдут способы консолидации (Goldstein 1988).

Историческая макросоциология в России

Знаменитые историософские рассуждения П. Я. Чаадаева, славянофилов и западников, идеи А. Герцена, К. Леонтьева, Н. Данилевского, М. Бакунина и др. были попытками ответить на ключевые вопросы макросоциологии средствами имевшихся тогда мыслительных схем и подходов.

Действительно научный характер в этой обширной сфере обретают работы только первой половины XX в. Наибольший вклад в историческую макросоциологию внесли М. Ковалевский (совмещение эволюционизма и диффузионизма, сочетание детальных систематических сравнительно-исторических исследований с учетом универсальных законов и др.), евразийцы, особенно П. Савицкий (комплексный анализ пространственных, временных, антропологических, культурных характеристик России как евразийской целостности), В. Семенов-Тянь-Шанский (широкие смелые идеи о связи географических особенностей регионов со структурами территориального могущества, экономики, демографии и культуры), а также П. Сорокин².

С 1930-х гг. в СССР установилась жесткая политико-идеологическая монополия исторического материализма относительно всех общих социальных и исторических проблем. Подавляющее число работ имели комментаторский, вплоть до начетнического, характер в отношении трудов «классиков марксизма-ленинизма»; догма «пятичленки» не то что не оспаривалась, но редко вообще подвергалась сомнению (см. об этом главу 3 настоящего издания). Только в годы хрущевской оттепели стали высказываться новые оригинальные идеи. Однако эти и последующие десятилетия не были особенно продуктивными для развития макросоциологии в России.

Только с рубежа 1980–1990-х гг. стали появляться работы, авторы которых позволяли себе крупные обобщения, широкий сравнительный и теоретический анализ (В. П. Илюшечкин, Э. С. Кульпин). Особое значение имеет книга И. Дьяконова «Пути истории» (Дьяконов 1994) с явным выделением фаз социального развития, критериев их различения, механизмов и закономерностей переходов и т. д. Неслучайно именно эта книга переведена на английский язык и чуть ли не единственная среди современных отечественных исторических и обществоведческих трудов изучается в западных университетах.

---

² Особенно большой заслугой П. Сорокина в макросоциологии является разработка и реализация масштабной многоаспектной программы сбора и обобщения фактических данных о социальной и культурной динамике обществ в мировой истории, хотя это было сделано уже в американский период творчества (см.: Сорокин 2000).

По многим причинам макросоциология в России весьма далека от признания и институционализации, она все еще «растаскивается» между геополитикой, социальной и экономической историей, социальной философией и философией истории, политологией и политической философией. В то же время в постсоветской России сохранился и продолжает расти интерес исследователей (как правило, с философским, историческим и гуманитарным бэкграундом) к изучению крупных социально-исторических процессов. С 1990-х гг. стали появляться альманахи и журналы, ориентированные на мировой научный контекст («THESIS», «Цивилизации», «Время мира», «Логос», «Космополис», «Прогнозис», «История и математика» и др.), в которых множество материалов посвящено макросоциологической проблематике, пусть и под разными названиями. Есть отечественные работы по геоэкономике, сравнительной экономической истории, миросистемному анализу, теории модернизации. Их выгодно отличает внимание к эмпирическим данным, современным дискуссиям в мировой науке, политическому и культурному контексту экономического развития.

Появляются исследования по исторической динамике и социальной эволюции с широкими обобщениями мировых достижений, теоретическим анализом, с опорой на эмпирический материал, использованием методов математического моделирования (Розов 2002; Нефедов 2009; Гринин 2007; Коротаев, Малков, Халтурина 2007; Назаретян 2008 и др.).

В настоящее время историческая социология находится в стадии «золотого века». Каков будет вклад российской исторической науки в этот процесс, зависит в немалой степени от творческой смелости, трудолюбия, воли читателей этих строк.

Рекомендуемая литература

- Арриги Дж. 2006.** *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени.* М.
- Бродель Ф. 1986–1992.** *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* Т. 1–3. М.: Прогресс.
- Время мира.** Вып. 1–2. Новосибирск, 1998, 2001.
- Розов Н. С. 2009.** *Историческая макросоциология: Методология и методы.* Новосибирск.
- Тилли Ч. 2009.** *Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг.* М.

Часть 2

ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Глава 9

ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР

Роль природного фактора в истории

Общество не может существовать вне природной (или географической) среды. Эта среда представляет собой сложный комплекс различных условий (климата, рельефа, почв, полезных ископаемых и многого другого). Влияние, которое она оказывает на жизнь общества, называется природным (географическим) фактором. Влияние природного фактора на уровень богатства общества, демографический рост, скорость исторического развития в течение всей истории было исключительно сильным. Даже современное общество, решив много важных проблем, не только не сумело уйти от влияния природы, но неожиданно столкнулось с глобальными и очень сложными экологическими проблемами. Поэтому исследование взаимовлияния природы и общества в прошлом и настоящем является одной из важнейших задач, как исторической, так и многих других наук.

На начальных этапах человеческой истории природа была главной движущей силой развития общества. Весь образ жизни зависел от окружающих природных условий. Приспосабливаясь к изменениям климата, осваивая новые территории, люди расселились почти по всей планете. Попадая в новые условия обитания, приспособляясь к холодному климату, человек совершенствовал свои технологии каменных орудий труда, изобрел одежду, заготовку продуктов, научился охотиться на различные виды животных. Примерно 14–10 тыс. лет назад началось потепление, в результате чего крупных млекопитающих стало меньше, что привело к большим изменениям в организации охоты (см. подробнее главу 11 настоящего издания). В целом охотники-собиратели добились относительного благополучия и, согласно теории М. Салинза (1999), даже смогли достичь относительного изобилия, с учетом того, что

они сохраняли мобильный образ жизни и не стремились к накоплению.

С переходом к производству пищи несколько изменился характер взаимоотношения между природой и обществом. Человечество стало активно менять окружающий ландшафт (искусственная ирригация, вырубка и выжигание лесов, осушение рек, распашка целины, террасирование склонов, создание городов и пр.). В ряде случаев это привело к засолению почв, изменению окружающей среды, кризисам и гибели ряда цивилизаций. В доиндустриальный аграрный период значительно расширилось использование природных сил, включая силу животных, ветра и воды (ранее активно использовался лишь огонь). Значительно увеличилось население Земли. Однако темпы его роста были очень низкие, составляя в среднем примерно пять сотых процента в год. Но даже такой темп роста населения привел к огромным изменениям. Если 10 тыс. лет назад на планете проживало всего около 6 млн человек, то в 1750 г. численность населения Земли составила уже 770 млн жителей.

В промышленный период общество преодолело многие естественные ограничения и еще более усилило собственное давление. Люди овладевают силами природы, прежде им вовсе или в основном недоступными (энергией пара и электричества), создают новые материалы (с помощью химии), на основе законов физики создают все новые механизмы, побеждают прежде неизлечимые болезни. Огромные площади используются для городов, дорог, разработки полезных ископаемых. В этот период утверждается идея, что человек покорила природу и стал ее хозяином. Противоречия между хозяйствованием и природой в результате ее хищнической эксплуатации начинают обостряться. Природа отвечает на резкие вмешательства человека глобальными техногенными катастрофами, развитие коммуникаций ведет к распространению пандемий, всерьез обсуждается вопрос о глобальном потеплении климата вследствие антропогенного влияния.

В современный период научно-информационного общества влияние человека на природу стало глобальным. Люди овладели новыми видами энергии (в том числе ядерной), создали огромное количество новых материалов и генетически модифицированных организмов. Объемы добычи полезных ископаемых и загрязнения среды стали колоссальными. В настоящий момент человечество оказалось перед лицом постепенного изменения климата, что мо-

жет повлечь за собой очень крупные проблемы в будущем. Усиление негативного воздействия на природу привело к тому, что отношение к природе стало постепенно изменяться. Появилось экологическое сознание, принимаются меры для сохранения природы (возникли системы заповедников, вводятся нормы выбросов и т. п.)

Развитие идей о роли природного фактора

Образ природы всегда был важнейшим в духовной жизни общества. Однако осмысление этих взаимоотношений на философско-теоретическом уровне возникло сравнительно поздно. Тем не менее у некоторых древних восточных мыслителей и особенно у античных философов и историков можно обнаружить интересные наблюдения о роли географической среды. Среди античных авторов можно особо выделить Аристотеля, Полибия, Посидония, а также географа Страбона и врача Гиппократ. Античные авторы отмечали влияние окружающей среды и особенно климата на физический тип народов, их обычаи и нравы, уровень развития общества и его политические формы, виды занятий, численность населения. При этом природа Греции и Средиземноморья считалась наиболее благоприятной для жизнедеятельности людей.

В средние века проблеме роли географической среды уделялось очень мало внимания в связи с господством теологии истории. Одним из немногих, кто уделил важное значение данному фактору, был выдающийся арабский историк и социолог Ибн-Халдун (1332–1406). Он писал о важном значении климата, окружающей среды, почв на различия между народами. Только работа Жана Бодена (1530–1596) «Шесть книг о государстве» ввела вопрос о роли географического фактора в арсенал теории истории. Он впервые достаточно подробно и систематически рассмотрел вопрос о влиянии природы на общество. По его мнению, обусловленность психического склада народа определяется совокупностью естественно-географических условий, в которых этот народ развивается. Боден разделил народы на северные, южные и обитающие в средней полосе, отдавая предпочтение психическому складу последних. Он считал, что законодательство в огромной степени зависит от географических условий, так как разная природа требует разных социально-политических учреждений. При этом особенности влияния естественных условий, по мысли Бодена, могут быть ослаблены или устранены социальными факторами.

Наиболее известное исследование связи географического и социальных факторов принадлежит выдающемуся французскому мыслителю Шарлю Монтескьё (1689–1755). В сочинении «О духе законов» (1748 г.) он показывает, что природные факторы определяют форму правления и законы. В перечень важных факторов, формирующих характер народа и государства, у него теперь входят почвы, ландшафт, размер территории и др. Жаркий климат и высокое плодородие почв, по мнению Монтескьё, способствуют развитию лени, что в свою очередь приводит к формированию деспотизма как формы правления. Непогодородная же почва и умеренный климат формируют стремление к свободе. Монтескьё прав, указывая на некоторые очевидные взаимосвязи и соотношения (корреляции), например, между размерами общества и формой правления. В самом деле, республика скорее сложится на небольшой территории, а деспотия – на большой, а не наоборот. Но формы правления меняются быстрее, чем природные условия (в XIX в. республики складываются и в крупных государствах). Однако основным недостатком теории Монтескьё считается попытка найти прямые формы воздействия природы (климата, территории) на общество и людей.

Современные взгляды на эту проблему заключаются в том, что имеется два вида влияния природы на общество: *прямое* и *косвенное*. Прямое влияние не опосредуется обществом, оно выражается в генетических изменениях или негативных явлениях: катастрофах, ухудшении климата, эпидемиях и т. п. Косвенное влияние реализуется через общественные отношения, труд, распределение богатства, полученного от использования природы, общественное сознание и т. п. Следовательно, влияние одного и того же природного фактора на разные общества может вызывать разные реакции в зависимости от уровня развития общества, его структуры, исторического момента, ряда других обстоятельств.

Важное значение имеют выводы А. Барнава (1761–1793), согласно которым воздействие географической среды на хозяйственный и политический строй является пассивным (и в определенной мере косвенным), в то время как господствующий вид хозяйственной деятельности активно и непосредственно формирует тип распределения главного общественного богатства. Он отмечал, что географическая среда может ускорить или замедлить переход на новый уровень развития, в частности от земледельческой к про-

мысленной стадии развития. Воззрения А. Барнава можно назвать географическо-экономическим материализмом.

В XIX в. от поиска неизменной природы человека историки и философы перешли к поиску исторических корней современных им явлений, причин, способствующих органическому (и системному) развитию общества. Среди различных факторов («дух народа», развитие права, классовая борьба, экономическое и демографическое развитие) занял заметное место и географический фактор. Одна из главных задач заключалась в том, чтобы объяснить, почему при одних тех же природных условиях разные народы (равно как и один и тот же народ в разные эпохи) демонстрируют разные успехи и формы.

Большой вклад в анализ роли географической среды внесла историко-географическая школа в Германии. Один из ее крупнейших представителей Карл Риттер (1779–1859) в своей важнейшей работе «Землеведение в отношении к природе и к истории людей, или всеобщая сравнительная география» рассмотрел проблему влияния географических условий на историю человечества. Риттер был профессиональным географом, блестяще знающим особенности каждого района Земли. Согласно его мнению, географические особенности определенной местности точно совпадают в своем влиянии на человека с особенностями того народа, который должен населять данную область. Иными словами, каждый народ развивается согласно божественному предначертанию.

Если опустить мистический характер последнего тезиса, важно отметить, что Риттер точно подметил, что при длительном проживании на определенной территории люди очень хорошо приспосабливаются к природе, в частности воспитывают и культивируют те качества характера, которые наилучшим образом подходят к окружающей среде. Но, конечно, речь должна идти не о предустановленной гармонии, а об адаптации, которая всегда – и в животном и в человеческом мире – поражает своим соответствием. Вследствие разнообразия географической среды у каждого народа возникают определенные, ему одному присущие специфические условия и учреждения. Поскольку географическая среда изменяется чрезвычайно медленно, то история народов определяется одними и теми же основными факторами. Медленность и постепенность изменений в географической обстановке, по мнению

Риттера, должны служить основой для медленности и постепенности исторического развития.

Если предшественники Риттера (Боден, Монтескьё и др.) рассматривали влияние климата и рельефа (жары или холода, горной или равнинной местности) на характер того или иного народа несколько прямолинейно, немецкий исследователь анализирует всю совокупность географических условий и чаще говорит о скрытом или косвенном, чем о прямом влиянии. Такой подход был, несомненно, важным шагом вперед и получил развитие в трудах французского географа и историка Элизе Реклю (1830–1905). Он написал 19-томное сочинение «Земля и люди. Всеобщая география», в котором скрупулезно систематизировал данные о многих странах и народах мира, особенностях природы, обычаях и чертах культуры. Как и Риттеру, Реклю была свойственны опора на многочисленные факты, системность в исследовании тех или иных отдельных аспектов. Описывая этнографические особенности различных народов, Реклю стремился показать психологические особенности рассматриваемых наций. Он связывал особенности национальных характеров различных народов с их природными и историческими условиями существования.

Английский историк Генри Бокль (1821–1862), подобно просветителям XVIII в. и представителям географической школы, стремился связать географическую среду с нравами, религией, законодательством, формами государственного устройства. Однако он сделал шаг вперед к тому, чтобы найти механизмы косвенного влияния географической среды на социальную жизнь общества. В своем двухтомном сочинении «Истории цивилизации в Англии» он рассмотрел влияние на человеческую историю таких факторов, как климат, пища, почва и др. Согласно Боклю, «плодородие почв» определяет возможность накопления богатства в обществе (под богатством он фактически имеет в виду объем произведенного продукта). Накопление богатства – во многих отношениях самое важное последствие природного влияния, так как оно определяет возможности роста населения, обмена, формы собственности и распределения в обществе, разделения труда, роста знания, что, в конечном счете, ведет к развитию цивилизации.

Бокль увидел, что влияние географической среды не постоянно, а зависит от уровня развития общества, поскольку при достижении

нового уровня развития человечества ему открываются новые источники природного богатства. Он отметил, что у менее цивилизованных народов приращение «богатства» идет главным образом от внешних природных сил («плодородия почвы»), а у более цивилизованных – от рациональной деятельности, ведущей к накоплению знаний. Первое приращение имеет предел, у второго такой предел отсутствует, что снимает отграничения на дальнейшее ускоренное развитие. Причины неравномерности развития цивилизаций Бокль объяснял разницей плодородия почв и географических особенностей.

В работе «Цивилизация и великие исторические реки» Лев Ильич Мечников (1838–1888) привлек внимание к исследованию такого аспекта географической среды, как крупные реки, на берегах которых возникли первые государства. Он достаточно убедительно связал процессы цивилизационного роста с необходимостью масштабной кооперации и коллективных ирригационных работ в бассейнах великих рек (недооценив, правда, роль завоеваний и конфликтов). В общетеоретическом контексте он полагал, что исторический процесс строится на базе не постоянной, а изменяющейся роли географической среды. Ценность природных условий меняется в течение веков и на разных ступенях цивилизации. Человек постепенно освобождается от абсолютной власти среды. С другой стороны, по мере общественного развития начинают использоваться многие другие компоненты природной среды, которые ранее считались бесполезными. Мечников развил важную идею о том, что природный фактор способен колоссально замедлять или ускорять развитие. По его мнению, характер цивилизации зависит от формы приспособления к условиям окружающей среды, которую практикует данный народ.

Согласно Мечникову, человечество проходит в своем развитии следующие стадии, связанные с его отношением к важнейшему аспекту географической среды – водному: сначала люди переходят к освоению великих рек, ирригационному хозяйству; затем речной период сменяется морским, но люди осваивают только внутренние (средиземные) моря. Третий период – океанический – начинается с периода Великих географических открытий. Хотя такая картина и не отражает разнообразия бытия человеческих обществ, но в ней уловлена одна из наиболее важных линий исторического процесса.

Марксистская школа не внесла большого вклада в изучение географического фактора в истории (можно выделить только Г. В. Плеханова). Основоположники марксизма признавали значение природной среды, но рассматривали ее в контексте своих теоретических воззрений. Маркс указал важнейший канал взаимодействия природы и общества через включение части природной среды (*предмета труда*) в состав производительных сил (в которые входят также средства/орудия труда). *Предмет труда* – это те природные объекты, на которые направлен труд (обрабатываемая почва, месторождения, эксплуатируемые леса и т. п.).

В последней трети XIX – начале XX в. произошли большие изменения в методах и подходах философии, этнографии, истории и других общественных дисциплин в связи в том числе с большими успехами естественных наук. Среди наиболее важных моментов отметим рост успехов биологии и появление биологизаторских интерпретаций обществ по аналогии с биологическими системами. Одним из первых применил такой метод выдающийся английский философ Герберт Спенсер (1820–1903). Стало ясно, что общество как организм, во-первых, постоянно приспосабливается к окружающей среде и ее изменениям, и это внешнее воздействие заставляет общество эволюционировать и меняться. Вместе с работами Г. Спенсера, но особенно с появлением знаменитой книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» возникла также идея «естественного» отбора как фактора социальной эволюции. Она заключалась в том, что в процессе адаптации к природным условиям и в результате борьбы за ресурсы и т. п. выживают наиболее приспособленные общества, а неприспособленные уничтожаются или погибают. Так происходит отбор способных к развитию форм, а в целом идет социальный прогресс. Во многом – особенно для ранних периодов истории – данная закономерность является верной и помогает объяснить как причины, так и направления социального развития. Однако идеи выживания наиболее приспособленных стали неправомерно переноситься на современную борьбу классов и государств (возник так называемый социал-дарвинизм, который использовался для оправдания неравноправия народов и рас, а также социальной эксплуатации). Идеи естественного отбора среди государств и аналогии общества (государства) с организмом повлияли на возникновение новой науки – геополитики, в которой также объединились интересные и плодотворные подходы с реакционными выводами.

Немецкий ученый Фридрих Ратцель (1844–1904) был одним из основателей политической географии. Он продолжал развивать идеи географической школы о влиянии среды на формы и особенности социально-политической организации. По его небезосновательному мнению, например, естественные границы (горы, море) способствуют появлению изолированных социальных групп со слаборазвитой политической властью, а равнины – развитию централизации и сильной власти, которая защищает от набегов кочевников, и позднее становится крупной социально- и культурно-интегрированной государственной организацией.

Ратцель рассматривал государства как социальные организмы, которые действуют в условиях отбора. Выживание государств (наций или культур) связано с их способностью к экспансии и улучшению своего географического положения. Рост государств способствует дифференциации мира на сильные (жизнеспособные) и слабые страны. Весьма новаторским был *анализ проблемы пространственного расположения государств и влияния географического положения на политический статус государства*. Кроме этого, Ратцель исследовал географические переходные зоны, где встречаются суша и море, и выявил их влияние на образование и строение государств. Его работы заложили основы новой науки – геополитики (в числе классиков которой можно упомянуть Р. Челлена, К. Хаусхофера, Х. Маккиндера и др.).

Современные исследования (XX – начало XXI в.)

В XX в. появились различные новые теории, рассматривавшие проблемы влияния природы на общество и общества на природу. При этом попытки напрямую связать изменения в природе и жизни общества не имели успеха. Возможно, наиболее известной в этом отношении является книга физика А. Л. Чижевского (1897–1964), который связывал подъем социальной активности и катаклизмы (войны, революции, эпидемии) с 11-летними пиками солнечной активности.

Другой важный аспект изучения роли природной среды в истории касался анализа того, как данные процессы влияли на возникновение, рост и упадок различных цивилизаций. Одно время были популярны идеи географа Элсуорта Хантингтона (1876–1947). Хантингтон выделял три главных фактора цивилизации, которые взаимодействуют друг с другом: генетическая наследственность; физическая среда, флора и фауна, климат и др; культурное наследие.

Тем не менее в трудах «Цивилизация и климат» (1915), «Движущие силы цивилизации» (1945) и др. при обосновании господствующего положения стран европейской культуры и «белой расы» он отводит природным (прежде всего климатическим) условиям неоправданно высокую роль.

Еще одна известная теория была создана американским востоковедом немецкого происхождения Карлом Виттфогелем (1896–1988). В своей знаменитой книге «Восточный деспотизм» (Wittfogel 1957) он пришел к выводу, что хозяйственно-географические условия древних ирригационных обществ (Египта, Вавилона, Китая, Индии, Мексики, Перу) определили развитие в них деспотизма. Причиной формирования тотальной власти была необходимость организации больших масс людей для ирригационных работ (строительство плотин, дамб, каналов и т. п.) и высоких урожаев.

Роль ирригации в становлении древних цивилизаций была также рассмотрена Джулианом Стюардом (1902–1972). Он считается основоположником такого течения в американской антропологии как «культурная экология» и создателем теории многолинейной эволюции. «Культурная экология – это изучение процессов адаптации общества к окружающей среде. Ее главной задачей является выяснение того, дают ли эти процессы адаптации начало внутренним социальным изменениям эволюционного характера» (Steward 1955: 40). По мнению Стюарда, в каждой культуре имеется особое «культурное ядро» (социальные, политические, религиозные институты, технология и т. д.). В процессе адаптации к природной среде культуры демонстрируют разные способы приспособления. При этом некоторые компоненты ядра трансформируются под влиянием экологических особенностей. Именно это делает социальную эволюцию многолинейной.

В рамках теории цивилизаций выдающийся английский историк и философ Арнольд Тойнби (1889–1975) затронул данную проблему как соотношение «вызовов» и «ответов» в процессе генезиса цивилизаций. Перед обществом время от времени встают сложные проблемы («вызовы»), которые нужно так или иначе решить (дать «ответ»). От того, какой ответ даст общество, часто зависит вся его будущая судьба. Характер вызова порой определяется особенностями географического положения общества. Так, для цивилизации викингов важнейшее значение играл «вызов» морских пространств, а для цивилизации кочевников «вызов» засушливой природной среды степей.

В несколько ином ключе рассматривал историю формирования крупных человеческих общностей («суперэтносов») известный российский историк Л. Н. Гумилев (1912–1992). Он полагал, что характер этносов (особенно в доиндустриальный период) был тесно связан с особенностями климата и ландшафта территории, где данный народ появился и жил. Вместе с тем, Гумилев развивал идеи, что рождение и активность этносов (народов) связаны с действием неясной природы космического фактора, влияющего на возникновение особой социально-психологической энергии (*пассионарность*), выражающегося в самых разнообразных формах активной деятельности.

Вопросу о различии путей развития обществ (и цивилизаций) посвящена и одна из самых известных в мире научных бестселлеров книг – «Ружья, микробы и сталь» Дж. Даймонда (2009). Согласно автору различие между обществами в их уровне развития обусловлены в первую очередь экологическим фактором. Более благоприятные условия Старого Света обеспечили более ранний старт и последующие высокие темпы роста по сравнению с другими континентами. Это заложило предпосылки последующего доминирования и экспансии западных стран. Данные идеи были впоследствии развиты им в другой книге «Коллапс: как и почему одни общества приходят к процветанию, а другие – к гибели» (Даймонд 2012).

Стоит также сказать о попытках значительного количества исследователей обнаружить устойчивые циклы климатических изменений, которые, по их мнению, определяли причины подъемов и упадка обществ и целых цивилизаций. По определению французского историка Э. Ле Руа Ладюри, такой подход оказался бесплодным. И это не случайно: объяснить изменения в столь сложной системе как общество, тем более цивилизация каким-то одним фактором, невозможно. Непосредственным объектом критики Э. Ле Руа Ладюри стала в частности работа шведского историка Густава Уттерстрема «Проблемы колебаний климата и народонаселения в раннем периоде новой истории». В ней были собраны почти все данные о роли климата в средневековой и новой истории, какие только было возможно собрать, однако она показала, что продвигаться дальше с помощью традиционной методики уже нельзя. Уттерстрем пытался доказать, что кризисы XIV и XVII вв. были порождены не особенностями развития европейских обществ, а дол-

госрочными (вековыми) циклическими колебаниями климата, в частности его похолоданием. Кризис XIV в. в Европе был связан с эпидемией чумы (на фоне Столетней войны и крестьянских восстаний), которая привела к тяжелым социально-экономическим проблемам. Кризис XVII в. был связан с социальной нестабильностью (восстаниями и революциями), опустошительными войнами и ухудшением экономического положения в том числе в связи с инфляцией (обесцениванием серебра). В обоих случаях произошло падение численности населения.

Критика Э. Ле Руа Ладюри в адрес автора, который умаляет роль социально-экономических причин в кризисах, была справедливой. Тем не менее, поскольку климат влияет на продуктивность сельского хозяйства, нельзя отрицать и того, что похолодание также внесло свою лепту в оба кризиса. Однако степень такого влияния все еще остается предметом дискуссий. Таким образом, для понимания причин сложных социальных явлений требуется скрупулезный и многофакторный подход, поиск новых методик учета факторов.

Постепенно в XX в. исследования природного фактора изменились. Это было связано с тем, что в исторической науке а) существенно усовершенствовалась техника исторического исследования; б) произошел переход к анализу длительных процессов, протекающих в течение столетий и даже тысячелетий; в) повысился интерес к изучению изменений в обычной хозяйственной жизни крестьян, которая тесно связана с природой. Помимо истории климата, исследовались также изменения почв, морских акваторий, побережий и т. п. на больших временных промежутках. Историков интересовали также формы трансформаций обществ в связи с этими изменениями (например, реакции кочевых обществ на усыхание и увлажнение степей; земледельческих цивилизаций – на похолодание и потепление, первобытных обществ – на изменение флоры и фауны в результате оледенений и потеплений и т. д.). В результате анализа влияния природных факторов на общество многие исторические явления и процессы удалось объяснить точнее. В частности, это касалось проблем подъема и упадка обществ, синхронности ряда явлений в мировой истории, экономических и социальных изменений.

Рассмотрим две известные работы этого направления. Книга Э. Ле Руа Ладюри (род. в 1929 г.) «История климата с 1000 года»

открыла новую страницу в этом направлении (1971). Автор не просто жестко критикует устаревшие подходы, но создает новую методику изучению истории климата. Для того чтобы перейти к научной истории климата, он предлагает, используя уже полученные в других отраслях знания результаты, представить историю климата с точки зрения историка. Для этого необходимо изучать старинные метеорологические наблюдения в самых разных исторических источниках (например, таких, где указываются даты сбора урожаев), и на основе этих документов, критически изученных и количественно обработанных, создать своего рода базу данных. Но при этом обязательно должна быть воссоздана история именно конкретных метеорологических элементов (температуры, осадков и др.).

Общеизвестно, что периодически эпидемии приносили народам страшные бедствия. Однако в качестве объекта исторического исследования они стали изучаться относительно недавно. Одним из первых, кто пришел к выводу что они входят в число «фундаментальных параметров и детерминант человеческой истории», был американский историк У. Макнил (род. в 1917 г.). Его даже причисляют к родоначальникам новейшего бурно развивающегося направления науки – экологической истории. В книге Макнила «Эпидемии и народы» убедительно продемонстрировано, что эпидемии не были вызваны лишь случайными превратностями природы. Макнил показал, что опасность и масштабы распространения эпидемий росли по мере роста урбанизации и контактов между обществами. Скученность и антисанитария средневековых городов при этом оказалась исключительно благоприятной средой для распространения чумы (позже холеры и других эпидемий). Так, благодаря тому, что монгольские завоевания объединили Европу и Азию торговыми и иными связями, чума смогла прийти из Китая в Европу, вызвав в 1346–1351 гг. самую тяжелую эпидемию в истории.

Дж. Даймонд в уже упоминавшейся книге «Ружья, микробы и сталь» продолжает тему роли инфекций в истории человечества. К сожалению, соприкосновение народов имело драматическую составляющую не только в виде войн и порабощения, но и в виде эпидемий. Даймонд приводит множество примеров того, как вместе с открытием земель в Америке, Океании и др. местах и появлением там европейцев на новые земли приходили неведомые до того времени инфекции оспы, ветрянки, сифилиса. Поскольку туземцы

не знали об этих болезнях и не имели к ним иммунитета, смертность от них была ужасающей. Потребовался тяжелый опыт веков, чтобы минимизировать вред от переноса микроорганизмов.

Так или иначе, с течением времени проблемы взаимоотношения природы и общества вышли далеко за пределы исторической и других общественных наук, поскольку стали частью новой идеологии современного общества. Ее формирование было связано с борьбой против усилившегося загрязнения окружающей среды. Важное место в ряду многочисленных исследований заняли глобальные прогнозы, связанные с анализом дефицита природных ресурсов и глобальных проблем. Наиболее известными являются доклады Римскому клубу в 1960–1980-х гг. (см.: Римский клуб... 1997), посвященные пределам экстенсивного роста человечества в связи с ограниченностью ресурсов (Медоуз и др. 1991; 1999; Пестель 1988; Mesarović, Pestel 1974; и др.). В целом общую идею можно выразить словами Э. Печчеи (1985: 295): «Человек... вообразил себя безраздельным господином Земли и тут же принялся ее эксплуатировать, пренебрегая тем, что ее размеры и физические ресурсы вполне конечны». Существует и еще целый ряд направлений исследования взаимодействия общества и природной среды, в том числе через призму рассмотрения природного фактора как части производительных сил общества. Однако, несмотря на это, данная проблема пока изучена недостаточно.

Рекомендованная литература

- Гринин Л. Е. 2012.** *От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории.* М.: ЛКИ (раздел второй, лекция 1).
- Гринин Л. Е., Коротчаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформация Мир-Системы.* М.
- Даймонд Д. 2009.** *Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ.* М.
- Даймонд Д. 2012.** *Коллапс: Как и почему одни общества приходят к процветанию, а другие – к гибели.* М.
- Клименко В. В. 2009.** *Климат. Непрочитанная глава истории.* М.
- Ле Руа Ладюри Э. 1971.** *История климата с 1000 года.* М.
- McNeill W. H. 1993.** *Plagues and Peoples.* 2nd ed. New York.

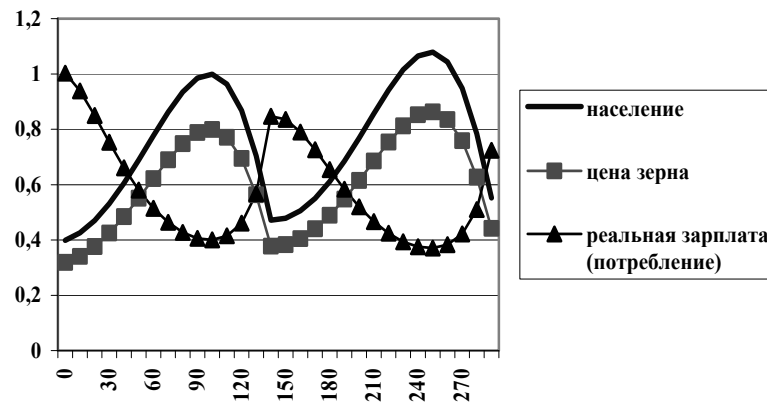
Глава 10

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Влияние демографического фактора на течение исторического процесса отмечалось многими философами, начиная с античных времен. В трудах Платона, Аристотеля, Хань Фэй-цзы рост численности населения связывался с опасностью перенаселения, которое приводило к нехватке пахотных земель, к недостатку продовольствия, бедности, голоду и восстаниям бедняков.

Начало исследования проблемы перенаселения в новое время связано с именем одного из основателей демографической науки, Томаса Мальтуса. Главный постулат Мальтуса заключался в том, что *«количество населения неизбежно ограничено средствами существования»*. Однако великий закон природы состоит «в проявляющемся во всех живых существах стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». Это приводит к нехватке продуктов питания, что в развитых обществах отражается на росте цен и ренты, падении реальной заработной платы и уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет за собой приостановку роста населения или его сокращение до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается – но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения» (Мальтус 1993: 18–22).

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской (Рикардо 1955). Важно, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом (рис. 1).

Рис. 1. Демографические циклы по теории Мальтуса – Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется

Первая мировая война, голод и революции 1917–1922 гг. дали идеям Мальтуса новую жизнь. Выдающийся экономист Джон Мэйнард Кейнс, проанализировав данные статистики, показал, что накануне войны в Европе наблюдались признаки перенаселения, что именно перенаселение в конечном счете вызвало Первую мировую войну и революцию в России.

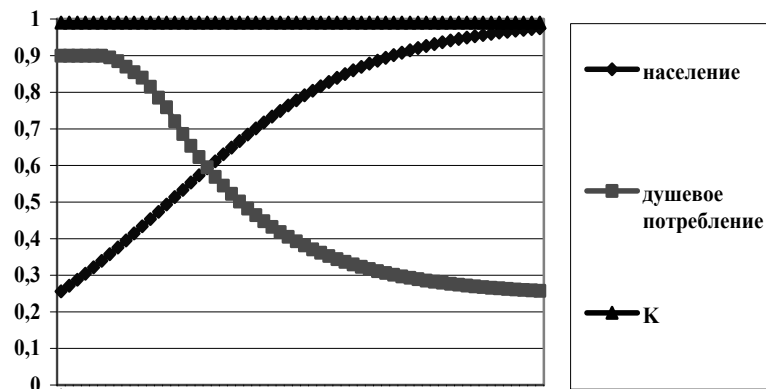
«Население европейской России увеличилось еще в большей степени, чем население Германии, – писал Кейнс. – В 1890 г. оно было меньше 100 млн, а накануне войны оно дошло почти до 150 млн; в годы, непосредственно предшествующие 1914 г., ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона... *Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения, а также прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей...* Таким образом, необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным... являются, быть может, *гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности*

Ленина или заблуждений Николая... Голод, который приводит одних к летаргии и безнадежному унынию, вызывает в людях иного темперамента расстройство нервов и истерию, доходящие до безумного отчаяния. Доведенные до крайности, они могут уничтожить последние остатки организации и саму цивилизацию...» (Кейнс 1924: 6, 124).

Сходных идей о причине Первой мировой войны придерживался известный социолог Питирим Сорокин. Привлекая статистические данные, П. Сорокин показал, что душевое производство зерновых по всему миру перед войной не превосходило 18 пудов, а производство картофеля – 6 пудов, то есть потребление находилось на уровне голодного минимума. Если же учесть неравенство в потреблении, то это означало, что многие миллионы людей жили в условиях постоянного недоедания. «Помочь могло только уменьшение населения. И оно должно было произойти – в результате вымирания от голода и эпидемий, кровопролитных войн или, наконец, в результате всего этого вместе... Невидимый дирижер “господин Голод” сделал свое дело и еще продолжает его делать. Война же вызвана, если и не исключительно им, то все равно *позволяет старику Мальтусу торжествовать: его теория, если и не в деталях, то, по крайней мере, в основных ее тезисах подтверждается*» (Сорокин 2003: 305–306).

Послевоенные годы ознаменовались попытками найти теоретическое подтверждение мальтузианской концепции. Мальтус полагал, что падение темпов роста населения с уменьшением потребления является законом природы, и в 1920-х гг. эта связь была подтверждена биологическими экспериментами. Американский биолог и демограф Раймонд Пирл показал, что изменение численности популяций некоторых видов животных описывается так называемым логистическим уравнением. Решением этого дифференциального уравнения является логистическая кривая (рис. 2).

Рис. 2. Логистическая кривая и кривая душевого потребления

Поведение логистической кривой показывает, что поначалу, в условиях высокого потребления, численность популяции быстро возрастает. При избытке ресурсов рост популяции может какое-то время не сопровождаться падением потребления, но затем проявляется нехватка пищи и потребление начинает падать. Падение потребления приводит к замедлению роста населения, и, в конечном счете, численность населения стабилизируется вблизи асимптоты, соответствующей максимально возможной численности при минимальном потреблении – так называемой емкости экологической ниши. Это состояние «голодного гомеостаза» в действительности оказывается неустойчивым, колебания природных факторов могут привести к резкому уменьшению численности популяции, после чего начинается период восстановления в новом цикле. Таким образом, «логистические циклы» в популяциях животных имели, в принципе, ту же природу, что и мальтузианские демографические циклы. Впоследствии теория популяционных циклов стала одним из важных разделов новой науки – экологии; она привлекалась последователями Мальтуса как один из аргументов, подтверждающих его теорию.

Мальтус пытался выявить постулированные им циклы в реальной истории и, привлекая данные о реальной заработной плате в Англии в XVI и XVIII вв., утверждал, что падение потребления в эти периоды, должно быть, объясняется ростом населения. Однако состояние демографической статистики в XIX в. не позволяло подтвердить теорию с помощью реальных данных о численности

населения в странах Европы. Традиция проведения переписей населения с давних времен существовала лишь в Китае. В 1933 г. работавший в Харбине русский экономист Е. Е. Яшнов опубликовал небольшое исследование «Особенности истории и хозяйства Китая». Ссылаясь на выявленную Д. С. Ли цикличность внутренних войн в Китае, Яшнов объяснил эту цикличность действием демографического фактора и дал первое описание механизма демографического цикла в истории человеческого общества. Голод, эпидемии и войны в конце предыдущего цикла резко сокращают численность населения, поэтому в начале нового цикла крестьяне пользуются относительным земельным простором и сравнительным достатком. В благоприятных условиях численность населения начинает быстро расти, и через некоторое время все заброшенные ранее поля оказываются распаханными, снова обнаруживается недостаток пахотных земель. Размеры наделов уменьшаются, арендная плата растет, крестьянское хозяйство теряет устойчивость, в годы голода крестьяне продают землю ростовщикам и помещикам. В деревне растет помещичье землевладение; разоренные крестьяне пытаются прокормиться ремеслом, уходят в города. Города растут, но вместе с тем растет число голодных и нищих. В конце концов, голод приводит к крестьянским восстаниям, к попыткам передела земель, внутренним войнам. Разрушение ирригационных систем в ходе войн еще более усиливает голод, начинаются эпидемии, и бедствия сливаются в катастрофу, которая губит большую часть населения.

Для европейских стран недостаточно данных о численности населения, однако имелись данные о другом параметре колебательного экономического процесса – ценах. Пионером статистического изучения ценовых колебаний стал французский исследователь Франсуа Симиан. В работе Симиана, опубликованной в 1932 г., было введено понятие «вековой тенденции», цикла, состоящего из фазы роста цен (фазы А или повышательной тенденции) и фазы убывания цен (фазы В или понижательной тенденции). Симиан обнаружил в XVI в. повышательную тенденцию, а в XVII в. – понижательную тенденцию, но он не связывал эти ценовые тенденции с демографической динамикой. Продолжая разработку идей Симиана, Эрнест Лабрусс в 1933 г. опубликовал более детальное исследование динамики цен и заработной платы во Франции – но так же вне свя-

зи с демографией. В 1934 г. немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период «повышательной тенденции» в XIII – начале XIV в., сменившийся затем понижательной тенденцией в XV в. и снова повышательной тенденцией в XVI – начале XVII в. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и – как можно было судить по данным об отдельных областях – относительным ростом населения, периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо, в том смысле, что именно рост населения вызывает рост цен и падение заработной платы, а уменьшение населения вызывает обратные следствия. Однако немецкий историк считал, что падение численности населения в середине XIV в. было вызвано не перенаселением, а случайным и внешним фактором – эпидемией «Черной смерти» 1348 г.

Работы В. Абеля нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Лондонский журнал «Ревю экономической истории» ввел рубрику «Ревизия экономической истории», в которой публиковались статьи, посвященные анализу экономических процессов XIII–XV вв. и связи этих процессов с динамикой численности населения. Надо сказать, что до этого времени вопрос о масштабах потерь, принесенных «Черной смертью», был далеко не ясным (см. об эпидемии также предыдущую главу настоящего издания). В отсутствие статистических данных многие специалисты были склонны приуменьшать эти потери; преобладала точка зрения, что, несмотря на отдельные проблемы, экономика XIV столетия в целом развивалась поступательно. Работы М. Постана, К. Киполлы, К. Хеллинера, Д. Салмарша, Е. Перри, Ф. Лютге, Э. Кельтера и других историков на материале различных европейских стран показали истинные масштабы катастрофы. Прояснилась связь экономической динамики с ростом населения: было показано, что рост населения служил движущей силой роста экономики, что увеличение численности крестьян заставляло их производить распашки и осваивать новые земли; безземельные крестьяне уходили в города, что приводило к росту городов и ремесел. Сокращение численности населения, в свою очередь, вело к запустению деревень и сокращению пахотных земель. Возникло понятие «кри-

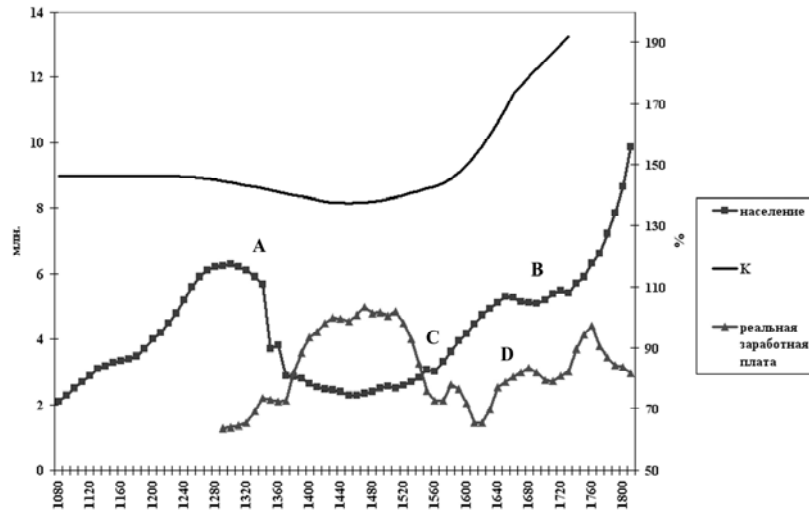
зис XIV века», количество работ, посвященных данной тематике, быстро росло.

Следующий шаг в апробации мальтузианско-рикардианской теории был сделан английским историком Майклом Постаном. М. Постан показал, что катастрофа середины XIV в. не была случайностью, что уже в начале этого столетия сельское хозяйство не могло прокормить растущее население, и голод 1310-х гг. был первым симптомом наступившего перенаселения. М. Постану и Д. Титову удалось доказать, что после 1300 г. наметились рост смертности и замедление демографического роста, которые объяснялись падением уровня жизни, что именно падение уровня жизни и постоянные голодовки подготовили почву для губительной эпидемии (Postan 1973). Позднее было показано, что сокращение численности населения в начале XIV в. (до эпидемии) имело место и в других странах. Таким образом, демографический цикл XI–XIV вв. получил вполне мальтузианскую трактовку, зафиксированную в шестом томе «Новой кембриджской истории средних веков».

Еще одна проблема, стоявшая перед историками, заключалась в том, как судить о численности населения в отсутствие надежных статистических данных. В работе 1950 г. Майкл Постан приводит свидетельства о резком увеличении реальной заработной платы, о падении цен и ренты после 1348 г. и затем делает вывод о больших масштабах демографической катастрофы. Здесь мы впервые видим пример обращения к теории Мальтуса – Рикардо, когда, исходя из поведения экономических показателей, делается вывод о динамике численности населения. Впоследствии этот вывод был подтвержден данными демографии.

В 1950-х гг. исследованием вековых тенденций занималось большое число историков в различных странах. На X Международном конгрессе исторических наук в 1955 г. группа исследователей – М. Молла, М. Постан, П. Йогансен, А. Сапори и Ш. Верлинден – представила новое видение истории позднего средневековья с точки зрения теории вековых тенденций. Одним из крупных достижений этого периода была работа Ф. Брауна и Ш. Хопкинса, построивших временные ряды цен и реальной заработной платы в Англии. График, построенный ими, был сопоставлен В. Абелем и Б. Сликером ван Батом с динамикой численности населения, и в результате получилась картина, близко напоминающая теоретические построения Мальтуса и Рикардо. Мы приводим ниже ва-

риант графика Абея с использованием последних данных о численности населения Англии. На рис. 3 к этому графику добавлена кривая емкости экологической ниши (K), которая равна тому количеству населения, которое может проживать на данной территории при распашке всех пригодных для обработки земель, средней для данного периода урожайности и потребления по минимально возможной норме.

Рис. 3. Численность населения и уровень потребления в Англии XII–XVIII вв. За уровень потребления взят усредненный по 30-летиям уровень реальной заработной платы лондонского каменщика (средний уровень XV в. принят за 100)

В традиционном обществе урожайность и емкость экологической ниши остается постоянной на протяжении многих столетий, и это жесткое ограничение придает демографическим кризисам катастрофический характер. Как показывает рис. 3, первый глобальный демографический кризис (обозначенный на графике буквой А) разразился в середине XIV в., он был ознаменован голодом, страшной пандемией чумы и крестьянским восстанием 1381 г. Кризис привел к гибели более чем половины населения Англии; в результате сокращения населения уровень потребления увеличился почти вдвое. После того как утихли эпидемии и стабилизировалась политическая обстановка (примерно с 1480 г.), население стало расти, и уча-

сток С на графике подобен классической картине демографического цикла: население растёт, а потребление падает.

К 1600–1630 гг. потребление упало примерно на 40 %, до критического уровня, на котором начался предыдущий кризис. Однако в это время начались аграрные преобразования, сопровождавшиеся повышением урожайности и расширением экологической ниши (участок D). Потребление стало увеличиваться – но экосистема все же не успела выйти из зоны неустойчивости, и Англии не удалось избежать кризиса, который ознаменовался гражданской войной середины XVII в. и последующими эпидемиями (этот кризис обозначен на графике буквой В). Однако благодаря расширению экологической ниши катастрофы на этот раз не произошло, имело место лишь небольшое уменьшение численности населения, а затем – длительная демографическая стагнация. За счет продолжающегося увеличения урожайности уровень потребления в этот период значительно вырос и почти достиг уровня, установившегося после первой катастрофы. Увеличение потребления способствовало возобновлению быстрого роста населения после 1730 г. В этот период рост урожайности уже не мог компенсировать рост населения, и уровень потребления стал падать.

В 1950–1960-х гг. XX в. мальтузианская теория циклов нашла подробное отражение в обобщающих трудах Б. Сливера ван Бата, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню (о школе «Анналов» см. главу 5 настоящего издания). В 1958 г., подводя итог достижениям предшествующего периода, редактор «Анналов» Фернан Бродель заявил о рождении «новой исторической науки». «Новая экономическая и социальная история на первый план в своих исследованиях выдвигает проблему циклического изменения, – писал Ф. Бродель, – она заморожена фантомом, но вместе с тем и реальностью циклического подъема и падения цен». В 1967 г. вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках» (см. о труде Броделя также главы 7 и 11 настоящего издания).

«Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, – писал Фернан Бродель, – то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 г., еще один с 1450 по 1650, и еще

один, за которым уже не суждено было последовать спаду – с 1750 г. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной...» (Бродель 1986: 42–44).

Из других наиболее известных изданий 1960-х гг. следует отметить книгу Эммануэля Ле Руа Ладюри «Крестьяне Лангедока», которая является наиболее полным исследованием социально-экономических процессов во французской деревне на основе концепции демографических циклов и вековых тенденций. В 1967 г. вышел в свет четвертый том «Кембриджской экономической истории Европы», в котором теория вековых тенденций представлена в разделах, написанных Ф. Броделем, Ф. Спунером и К. Хеллинером.

В 1970-х гг. теория демографических циклов получает освещение в энциклопедических многотомных изданиях, таких как «Экономическая и социальная история Франции», «История Италии». В это время выходят в свет обобщающие работы М. Постана «Средневековая экономика и общество», «Очерк средневекового сельского хозяйства и общие проблемы средневековой экономики». В 1976 г. известный историк и экономист Рондо Камерон в своем обзоре достижений экономической истории писал о циклах европейской истории как о теории, получившей общее признание (Cameron 1976: 32).

В этот период теория демографических циклов рассматривалась в рамках «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «большими аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо.

Большое теоретическое значение имело появление в 1981 г. исследования А. Ригли и Р. Шофилда «История населения Англии». Авторы восстановили динамику численности населения Англии с 1541 г. и использовали полученные данные как экспериментальный тест для проверки теоретических положений мальтузианской

теории. В результате этого исследования были математическими методами подтверждено наличие постулированной Мальтусом и Рикардо тесной связи между темпами роста населения, ценами и реальной заработной платой вплоть до времен индустриализации. Однако после того как английская индустриализация сделала заметные успехи, и был налажен массовый ввоз продовольствия из других стран в обмен на промышленные товары, эта корреляция исчезла. Таким образом, заключают А. Ригли и Р. Шофилд, *сфера приложения мальтузианской теории должна быть ограничена традиционным допромышленным обществом*. Это важное обстоятельство отмечалось историками и раньше, и в частности, Э. Ле Руа Ладюри называл Мальтуса «пророком прошлого» – в том смысле, что его теория перестала действовать вскоре после опубликования его книги.

Как отмечал Р. Шофилд, важное преимущество теории Мальтуса состояло в том, что она *делала возможным аналитическое описание постулированных закономерностей и построение экономико-математических моделей, описывающих реалии прошлого*. В 1978 г. известный экономист Рональд Ли провел экономико-математический анализ данных Ф. Брауна и Ш. Хопкинса и пришел к выводу о том, что они соответствуют постулатам Мальтуса. Постулаты мальтузианско-рикардианской теории были использованы в ряде появившихся в это время глобальных экономико-демографических моделей, в том числе в моделях Д. Форрестера, Д. Медоуза, М. Месаровича и Э. Пестеля.

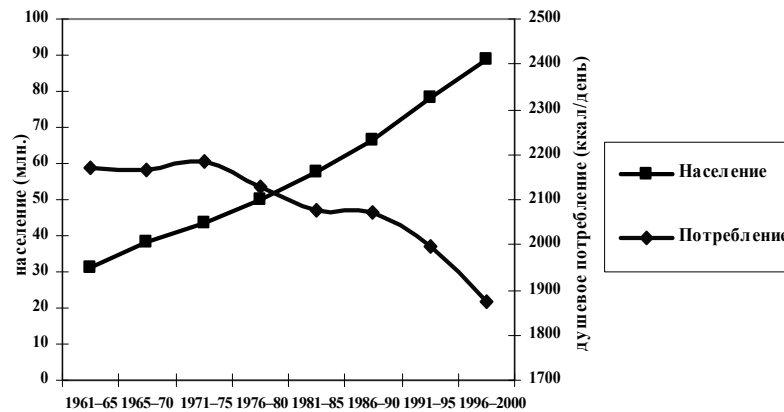
Обостренное внимание уделялось связи мальтузианской теории с проблемой аграрного перенаселения в развивающихся странах. В 1960–1970-х гг. XX в. густонаселенные страны «третьего мира» были охвачены социальными и национально-освободительными революциями, восстаниями и войнами – эти события вновь продемонстрировали, что перенаселение и голод порождают войны и социальные конфликты. Видные демографы У. Фогт, Г. Бутуль, Ж. Стассар доказывали, что нищета и политическая нестабильность являются следствием охватившего «третий мир» «демографического взрыва». В 1966 г. конгресс США обусловил предоставление американской продовольственной помощи принятием мер по контролю за рождаемостью. В течение следующих десяти лет 39 стран, на территории которых проживало более 80 % населения третьего мира, провозгласили мероприятия по контролю за рождаемостью

своей официальной политикой. В 1972 г. Римский клуб – собрание крупнейших ученых Европы – опубликовал подготовленный Д. Медоузом доклад «Пределы роста», в котором на основании анализа математической модели утверждалась неизбежность демографической катастрофы в XXI в. Доклад «Римского клуба» произвел большое впечатление на мировую общественность. В 1974 г. был объявлен ООН «Всемирным годом народонаселения», в этом году был проведен Всемирный конгресс народонаселения и организован Институт наблюдения за миром во главе с известным экономистом Лестером Брауном. Этот институт призван следить за мировой продовольственной безопасностью и формулировать условия оказания продовольственной помощи в целях предотвращения голода и революции. Было произведено обследование уровня и структуры питания населения различных стран мира и определены страны, которым угрожает голод. Уже перечисление двадцати хронически голодающих стран мира – Мали, Эфиопия, Чад, Гаити, Индия, Бангладеш, Непал, Гана, Зимбабве, Ангола, Южный Йемен, Гватемала, Замбия, Мозамбик, Сомали, Афганистан, Камбоджа, Лаос – показало, что между голодом и социальными конфликтами существует взаимная корреляция: половина из этих государств стала впоследствии ареной восстаний и революций. Последователи мальтузианской теории стремились использовать для объяснения этих событий исторический опыт. В капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и XVII вв., исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира (Grigg 1980). Как видно из графика на рис. 4, построенного по данным ФАО, динамика населения и потребления в обширном регионе Центральной Африки во второй половине XX в. имела мальтузианский характер: рост населения сопровождался падением потребления (см. также: Коротаяев и др. 2005).

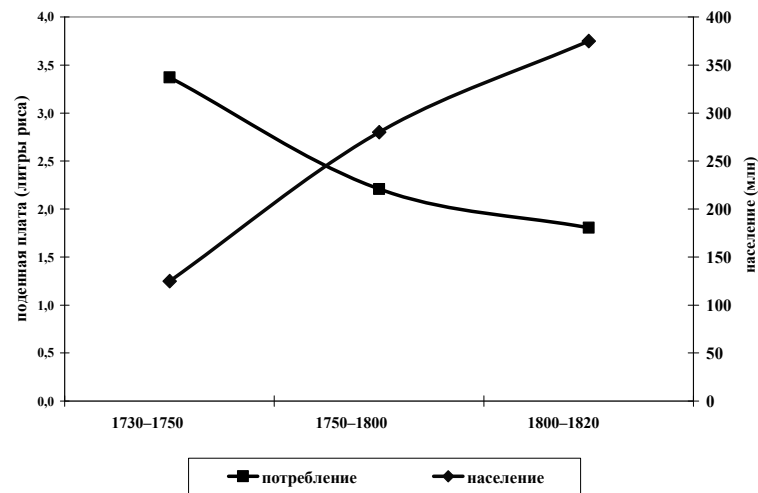
Среди изданий 1980-х гг. мы можем отметить также книгу Ф. Броделя «Что такое Франция? Люди и вещи» и популярный учебник Р. Камерона «Краткая экономическая история мира» – обе эти книги переведены на русский язык. Помимо трех описанных выше демографических циклов, Ф. Бродель и Р. Камерон рассматривали демографические циклы античности и раннего сред-

невековья, таким образом, была сделана попытка представить всю историю Европы в виде чередующихся демографических циклов и объяснить социальные явления, исходя из демографических закономерностей.

Рис. 4. Население и потребление в Центральной Африке

Как отмечалось выше, Ф. Бродель утверждал, что Восток колебался в ритме демографических циклов синхронно Западу. Основанием для этого утверждения было обнаружение турецким историком О. Барканом демографического цикла в Османской империи, синхронного европейскому циклу конца XV – начала XVII вв. Однако Р. Камерон подвергал критике этот тезис Ф. Броделя, указывая на недостаток исследований по этой тематике. До сравнительно недавнего времени изучение этого вопроса ограничивалось работами израильского ученого Елеаху Аштора, исследовавшего циклы цен и заработной платы на Ближнем Востоке в раннее средневековье, а также несколькими исследованиями, с разной степенью подробности, рассматривавшими демографические циклы в Китае. Один из китайских демографических циклов, цикл эпохи Цин, был детально описан в монографии известного российского востоковеда О. Е. Непомнина (2005).

Рис. 5. Население и потребление в Китае эпохи Цин

Новым крупным шагом в развитии концепции демографических циклов стало появление демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна (Goldstone 1991). В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру – «народ», «государство» и «элисту» – анализируя взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается Дж. Голдстоуном, в основном, так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания.

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных вос-

станий и заговоров элиты. Все эти обстоятельства, в конечном счете, приводят к революциям и краху («брейкдауну») государства.

Важным моментом демографически-структурной теории является учет распределения ресурсов и борьбы за ресурсы в структуре «государство-народ-элита». В своем исследовании Дж. Голдстоун обобщил материалы, полученные путем изучения социально-политических кризисов XVII в. в Англии, Франции, Китае, Османской империи, а также кризисов конца XVIII–XIX вв. во Франции, Германии, Китае, Японии. Нужно отметить, однако, что Дж. Голдстоун считал, что демографические циклы имеют экзогенный характер и как рост, так и уменьшение численности населения объясняется благоприятными или неблагоприятными эпидемиологическими и климатическими изменениями. В дальнейших исследованиях анализ Дж. Голдстоуна был расширен путем привлечения дополнительных данных по Западной Европе и исследования демографических циклов в России. Авторы новых работ доказывают эндогенный, мальтузианский характер демографических циклов, и приходят к выводу, что демографически-структурная теория не противоречит мальтузианству, а является его эффективным расширением, позволяющим учесть структурные взаимодействия (Turchin, Nefedov 2009).

В последние годы изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей (см. главу 23). Результаты математического моделирования указывают на принципиально различную демографическую динамику в различные периоды и в сочетании с данными исторических источников помогают выделить фазы демографического цикла.

Первая фаза цикла – это *период внутренней колонизации* (или *фаза роста*). Для этого периода характерны *наличие свободных земель, быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно высокий (но постепенно понижающийся) уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества.*

После исчерпания ресурсов свободных земель наступает вторая фаза, *период Сжатия* – этот термин предложен известным турецким историком Халилом Инальчином. Для фазы Сжатия характерны *отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, вы-*

сокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения, ограниченность демографического роста подъемом урожайности, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях и стихийных бедствиях, стихийное ограничение рождаемости, разорение крестьян-собственников, распространение ростовщичества и аренды, высокие цены на землю, рост крупного землевладения, уход разоренных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, тенденция к увеличению централизации и установлению этактистской монархии, попытки увеличения продуктивности земель, в частности, с помощью ирригации и мелиорации, поощрительная политика в области колонизации и эмиграции, ввоз продовольствия из других стран (или районов), внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления. Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису.

Третья фаза демографического цикла – это фаза **экосоциального кризиса**; для этого периода характерны голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этактистскую монархию.

После третьей фазы в некоторых случаях имеет место период депрессии или интерцикл – период социальной нестабильности, внутренних конфликтов и внешних войн, в течение которого могут наблюдаться повторные экосоциальные кризисы. Новый демографический цикл начинается лишь после того как прекращаются

войны и восстанавливается государственная и общественная стабильность.

Таким образом, анализ демографических циклов с помощью математических моделей, в совокупности с данными источников и исследованиями специалистов, позволяет выделить более 50 характерных признаков различных фаз демографического цикла. Фиксируя эти признаки в реальной истории конкретной страны, мы можем во многих случаях выделять демографические циклы даже при отсутствии данных о численности населения. Этот метод аналогичен методу распознавания образов в математике, когда по частным признакам определяется принадлежность исследуемого объекта или явления к определенному классу. Как отмечалось выше, он впервые был использован М. Постаном, который на основании данных о ценах, ренте и реальной заработной платы сделал вывод о резком падении численности населения Англии в середине XIV в. Использование этого метода позволило исследователям выделить большое число демографических циклов в истории различных стран. Имеют место и попытки выделения демографических циклов в истории России. Согласно версии сторонников неомальтузианской концепции, в истории России имели место два демографических цикла. Первый из них начался в середине XV в. и закончился демографической катастрофой в 1570-х гг. Вслед за катастрофой пришел период социальной нестабильности, интерцикл, завершившийся повторным экосоциальным кризисом – «смутой» начала XVII в. После окончания «смуты» начался период восстановления в новом цикле, который сопровождался освоением присоединенных к России земель Черноземного региона. Внутренняя колонизация продолжалась до середины XIX в., когда вновь стала ощущаться нехватка земли. В конце концов, аграрное перенаселение привело к масштабному экосоциальному кризису – революциям 1905 и 1917 гг. (Turchin, Nefedov 2009).

Рекомендуемая литература

Бродель Ф. 1986–1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв.*: в 3 т. М.

Камерон Р. 2001. *Краткая экономическая история мира: От палеолита до наших дней.* М.: РОССПЭН.

- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005.** *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны.* М.: КомКнига.
- Мальтус Т. Р. 1993.** Опыт о законе народонаселения. *Антология экономической классики* / Сост. И. А. Столярова. Т. 2. М.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России.* Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов С. А. 2010, 2011.** *История России. Факторный анализ:* в 2 т. М.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* London: Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Turchin P., Nefedov S. A. 2009.** *Secular Cycles.* Oxford and Princeton: Princeton University Press.

Глава 11

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Основные этапы технологического роста

Еще с конца XIX в. начали складываться представления о крупнейших переворотах в производстве – производственных революциях. Можно говорить о трех таких качественных фазах: аграрной (неолитической), промышленной и научно-технической (или информационной).

Каждое крупное изобретение, его последующее распространение по планете стало важным вкладом в развитие человеческой цивилизации. Шаг за шагом человек совершал новые открытия – научился использовать различные предметы, изготавливать орудия, «приручил» огонь, сделал другие важные изобретения. Правда, на ранних этапах истории человечества изменения осуществлялись настолько медленно, что вряд ли были заметны для людей, проживавших в ту эпоху. Тем не менее уже в период верхнего палеолита, то есть 45–40 тыс. лет назад, людям было известно более 100 типов орудий. В течение последующих 20 тыс. лет люди интенсивно расселялись и осваивали удобные для жизни места. В этот период создаются важнейшие хозяйственные типы охотников и собирателей, а также первых рыболовов.

В ледниковый период люди уже имели достаточный уровень развития производительных сил и социальных отношений взаимопомощи, чтобы не только выжить в более суровых условиях, но даже благоденствовать на базе получения некоторого излишка продукции. Огромные изменения происходят в разнообразии и количестве орудий труда. В указанные эпохи люди достигают больших успехов в охоте на таких крупных животных, как мамонты, бизоны, туры, лошади, медведи. На отдельных стоянках обнаружены кости многих тысяч животных.

Конец древнекаменного века (палеолита) и начало среднекаменного века (мезолита) 14–11 тыс. лет назад были связаны с началом отступления ледников и сильным изменением климата. В результате потепления и изменения ландшафтов крупных млекопитающих стало меньше. Поэтому происходил переход к индивиду-

альной охоте. Появились (или получили широкое распространение) технические средства (лук, копьеметалка, ловушки, сети, гарпуны, топоры и т. п.) для поддержания автономного существования более мелких групп и даже отдельных семей. Несколько позже наступил новый каменный век (неолит), который связан с большим прогрессом в технике обработки камня.

Аграрная революция началась приблизительно 12–9 тыс. лет назад на Ближнем Востоке. В течение VI–IV тыс. до н. э. шло образование новых очагов земледелия, распространение сельскохозяйственных культур из Передней Азии в другие регионы. За тысячи лет людям удалось одомашнить большинство известных сейчас домашних животных и птиц. Аграрная революция привела к очень значительному росту населения и наметила отделение земледелия от скотоводства, а ремесла и торговли – от сельского хозяйства. В период V–IV тыс. до н. э. делаются важнейшие открытия: колесо, плуг, гончарный круг, упряжь (ярмо), выплавка меди, которые затем совершенствуются и широко распространяются.

В период с середины или конца IV тыс. до н. э. и в течение III тыс. до н. э. происходит переход к интенсивному (ирригационному) земледелию в Египте, Месопотамии и некоторых других местах. На базе мощного роста урожайности и населения растут города, появляются первые государства и их аналоги, формируются первые империи в Египте и на Ближнем Востоке. В III–II тыс. до н. э. широко распространяется бронза, которая способствовала развитию ремесла, улучшению обработки земли, но особенно росту военных технологий. Но еще более способствовал прогрессу переход к железу и распространение его технологии в конце II – I тыс. до н. э. Это привело к появлению интенсивного (плужного) земледелия в местах, где ирригация была невозможна (в частности в Европе), возникновению там цивилизации, государств и империй. В этот период наблюдался расцвет ремесел, городов, торговли.

В последующий период также, несмотря на нередкие хозяйственные кризисы, войны и уменьшения населения, в целом шел хотя и медленный процесс развития производительных сил. Расширялись обрабатываемые площади, улучшались способы обработки земли, росли специализация и разделение труда, были сделаны многие важные изобретения, торговля и денежное хозяйство поднялись на более высокий уровень. В конце концов на базе роста городов, ремесла и торговли в Европе в XIII–XV вв. н. э. возникли первые очаги

промышленности и предпосылки для начала промышленной революции.

Первый этап промышленной революции можно датировать второй третью XV–XVI в. Большие изменения в хозяйственной жизни Европы совпали с началом великих географических открытий. К этому времени было сделано очень много важных изобретений: различные прессы, подъемники и механические пилы, которые работали от энергии воды с помощью верхнебойного колеса, новые способы литья металлов и т. п. В отдельных местах (например, в горном деле при добыче серебра) сложилась хотя и примитивная, но уже промышленность с применением техники. Тем не менее на первых порах самые значительные изменения происходили там, где можно было получить наибольшую прибыль, а именно в торговле, финансовых операциях и новом колониальном хозяйстве. Все это было бы невозможным без изобретения новой технологии дальнего кораблевождения, сделавшего важнейший вклад в освоение человеческой Ойкумены. В XVII – первой трети XVIII в. было сделано много других значимых изобретений, но особенно важно, что промышленность и новые формы торговли широко распространились в мире, а в некоторых странах (Голландия и Англия) стали ведущим сектором экономики.

Второй этап промышленной революции начался во второй трети XVIII в. в Англии в хлопчатобумажной отрасли. Промышленная революция привела к созданию машинной индустрии и переходу на энергию пара. Промышленный переворот в Англии в основном завершился в 30-е гг. XIX в. К этому времени индустриализация началась уже и в ряде других стран. Все быстрее развивалась тяжелая промышленность (выплавка металлов, добыча угля, машиностроение), пока наконец она не стала ведущей.

Победа и распространение машинного производства в период с 1830-х гг. до конца XIX в., а также переворот в транспорте и позже распространение телеграфа и телефона привели к грандиозным переменам в жизни общества: бурному росту населения и урбанизации (что способствовало росту образования науки и культуры), формированию современных наций; социальным изменениям в структуре общества: главными становились общественные классы буржуазии и наемных рабочих, а роль старой аристократии сократилась. В целом в европейских и некоторых неевропейских обществах начались процессы модернизации (см. главу 6).

В конце XIX – начале XX в. начинается новая волна технических изменений, которая была связана с развитием химической, нефтяной, электротехнической, автомобильной и других отраслей промышленности, массовым использованием электрической энергии, двигателей внутреннего сгорания и т. п. Стали складываться предпосылки для новой производственной революции.

Начало научно-информационной революции принято отсчитывать с 40–50-х гг. XX в. Эта революция имела целый ряд направлений: в энергетике, в создании искусственных материалов, автоматизации, в освоении космоса, сельском хозяйстве. Но особенно важные изменения произошли в информационных технологиях, а также в создании, распространении и использовании информации. Создание сначала ЭВМ, а потом и персональных компьютеров, распространение их практически во все сферы экономики, управления, культуры и быта революционизировало очень многие процессы. В огромной степени этому способствовало также бурное развитие Интернета и мобильной связи. Изменения в обществе за этот период были огромными. Большинство населения в развитых странах стало работать в сфере услуг (в том числе финансовых), а не в промышленности и сельском хозяйстве. Повысился уровень образования. Развитие медицины привело к возможности планировать семью и в итоге начался второй этап демографического перехода. Основные результаты этой революции еще впереди. Возможно, что наши поколения станут свидетелями новых принципиальных качественных изменений.

Развитие идей о роли производственного фактора в истории

Технология и организация производства играют важную роль в жизни общества на любом этапе его истории. Никто не решится отрицать важнейшую роль таких открытий как изобретение гончарства, ткачества, металлургии, письменности, огнестрельного оружия, автомобиля, самолета, радиосвязи, компьютеров и Интернета, а также других важнейших технических инноваций в истории человечества. В последние столетия и десятилетия темп внедрения технологических инноваций стал стремительным, почти непрерывным. Такое быстрое развитие технологии и объемов производства в итоге открыло возможности для процессов глобализации в мире, а также привело к многочисленным изменениям в уровне и образе жизни, часть из которых происходит на наших глазах.

Однако так было далеко не всегда. Как мы уже говорили, в древности изменения происходили очень медленно и обычному человеку казалось, что течение жизни практически не изменяется. В этот период сельское хозяйство и ремесло были основными занятиями населения. При этом осмысление роли производственного и технологического факторов возникло сравнительно поздно и длительное время не занимало важного места в теориях философов. Тем не менее в трудах древних (особенно китайских и античных) мыслителей прослеживаются идеи – основанные на политическом и обыденном опыте, – что благополучие государства зависит от того, насколько успешно крестьяне и ремесленники ведут хозяйство, и что война, непомерные налоги, отсутствие в обществе защиты от притеснения сильных разоряют его и т. п.

Лукреций Кар (ок. 99–95 гг. – 55 г. до н. э.) в философской поэме «О природе вещей» основу прогресса общества видел в необходимости трудиться из-за нужды, что приводит к изобретениям. Он, как и некоторые его предшественники в Греции, выдвигал идею о том, что человеческое общество в своем развитии последовательно прошло три этапа: от охоты и собирательства к скотоводству и затем к земледелию. Так была намечена принципиально новая периодизация истории, которая в XVIII в. станет популярной. Аристотель (384–322 гг. до н. э.) высказал первые систематизированные идеи, относящиеся к области политической экономии, в частности показал, что все товары имеют единую меру стоимости – деньги.

В Средние века экономическая мысль была полностью подчинена теологическим идеям и постулатам христианской морали, а технология развивалась медленно. На этом фоне гениальными догадками выглядят прозрения Роджера Бэкона (около 1214 – после 1294), английского философа и естествоиспытателя. Роджер Бэкон призывал к опытному изучению природы, к разработке оптики, механики («практической геометрии»), астрономии. Целью всех наук считал увеличение власти человека над природой. Он предсказывал, что в будущем механизмы будут играть большую роль и, по мнению современных исследователей, предугадал ряд открытий (телефона, самодвижущихся повозок, летательных аппаратов, кораблей без гребцов и др.). Надо отметить, что в XII–XIII вв. в Европе наблюдается подъем хозяйства. Появился целый ряд механизмов.

В эпоху раннего Возрождения роль технологии и производства по-прежнему не была понята и замечена социальными мыслителями. Тем не менее в связи с достаточно быстрым развитием механизации, в частности развитием архитектуры и применением при крупных стройках механизмов, ряд интеллектуалов стал придавать технологии и производству больше значения. В этой связи можно упомянуть художника, архитектора и инженера Леонардо да Винчи (1452–1519), который оставил целый ряд чертежей удивительных по тем временам механизмов (в том числе велосипеда и летательного аппарата).

Только в XVI–XVII вв. вместе с подъемом веры в новую науку появились и первые прозрения о роли производительных сил. Прежде всего в связи с этим нужно упомянуть английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), придававшего огромное значение науке как движущей силе общества («знание – сила»), возможности с ее помощью овладеть силами природы. Но в целом развитие философско-исторической мысли о значении производственно-технологического фактора существенно отставало от бурных изменений в области механизации производства, изобретательства и многого другого. Частично это компенсировалось появлением зачатков таких новых наук, как статистика, демография, политическая экономия. Среди наиболее заметных экономистов необходимо указать француза Антуана де Монкретьена (1576–1621), впервые предложившего термин «политическая экономия», и англичанина Уильяма Петти (1623–1687).

В XVIII в. были сделаны отдельные глубокие догадки об особой роли производительных сил в общественном прогрессе (А. Тюрго, А. Барнав, А. Фергюсон и др.). В результате получила заметное распространение указанная выше античная идея о трех стадиях в развитии обществ: охотничье-собирательской – пастушеской – земледельческой. Но XVIII в. был веком коммерции и начала промышленного переворота, поэтому такие ученые, как А. Тюрго и А. Барнав во Франции, А. Фергюсон, А. Смит и др. в Англии, С. Е. Десницкий в России, превратили эту концепцию в четырехстадийную, добавив стадию, которую называли «коммерческой» или «торгово-промышленной». Отметим, что, за исключением необходимости объединить скотоводческую и земледельческую стадии в единую, такой подход даже сегодня вполне соответствует ходу истории. Новым и важным было и представление, высказан-

ное, в частности, А. Тюрго, что каждой из ступеней развития производства свойственны свои формы и масштабы социальной организации, обусловливаемые господствующими способами добытия средств существования.

Дальше всех в обосновании концепции четырехстадийной эволюции общества продвинулся А. Барнав (1761–1793). Однако его труд «Введение во Французскую революцию» остался неизвестным современникам, а был опубликован только через 50 лет после казни автора на гильотине. Основную причину перехода от одной стадии общественной эволюции к другой, более прогрессивной, Барнав усматривал в том, что на известной ступени развития господствующий вид хозяйственной деятельности и соответствующий ему вид собственности на средства производства перестают соответствовать росту численности населения и его материальных потребностей.

Первые десятилетия XIX в. были временем рождения новой промышленности, и в этой связи особенно следует отметить работы французского мыслителя А. Сен-Симона как теоретика и создателя термина «индустриальное общество». В XIX в. появились важные труды по экономической истории, включая историю цен, промышленности и экономических кризисов (Т. Тук, К. Жюгляр и др.); достигли огромных успехов политэкономия и экономическая статистика. Но все же перелом в вопросе о роли производительных сил в историческом процессе связан с работами К. Маркса и Ф. Энгельса, которые оставили богатое наследие в области терминологии, в плане характеристики структуры производительных сил и их связи с природой.

Маркс, Энгельс и их последователи утверждали, что главным элементом в обществе являются производительные силы, и коренная смена уровня развития производительных сил неизбежно ведет к изменению всех остальных сфер общества, причем такая смена происходит не автоматически и не сразу, а вследствие разрешения структурного и системного кризиса в обществе. Тем не менее наиболее популярная марксистская периодизация истории основывается не на уровне развития производительных сил, а на определенных формах собственности, которые соответствовали различным способам производства и формациям (подробнее см. главу 3 о марксизме). Фактически это привело к догматическому пониманию исторического процесса, совершенно не соответствующего реальной

истории многих обществ. В то же самое время марксизм выдвинул вперед экономический и технологический факторы, что сильно стимулировало различных ученых к исследованию законов и истории развития экономики и производства.

В результате в конце XIX – начале XX вв. наблюдается весьма бурное исследование проблем мировой экономической истории, ее узловых пунктов и этапов развития в разных школах (из многих исследователей укажем (из многих исследователей укажем М. Вебера, К. В. Бюхера, В. Зомбарта, П. Манту; из россиян – М. И. Ростовцева, М. М. Ковалевского, Д. Н. Петрушевского, М. И. Туган-Барановского и др. [Манту 1937; Вебер 1990; 2001a; 2001б; Зомбарт 1994; Петрушевский 2003; Туган-Барановский 2008 и др.]).

Дальнейшее развитие идея технологических производственных революций получила в трудах английского археолога В. Г. Чайлда (1892–1957). В ряде своих работ он раскрыл процесс перехода к производящему хозяйству на Ближнем Востоке. Поскольку эти изменения совпали с началом *неолита*, который характеризуется появлением шлифованных каменных орудий и керамики, Чайлд назвал аграрную революцию *неолитической*. Позднее выяснилось, что во многих регионах мира археологический неолит появляется раньше производящего хозяйства. Поэтому Р. Брейвуд предложил называть данные изменения «революцией производящего хозяйства» (*food-production revolution*). Правда, в последние десятилетия точность археологической периодизации все больше и больше ставится под сомнение. В частности, в ряде регионов мира (Дальний Восток, Центральная и Восточная Европа) обнаружилось, что керамика появилась еще в эпоху палеолита. Тем не менее во многих популярных и учебных изданиях термин *неолитическая революция* закрепился в качестве синонима аграрной революции.

Чайлд также ввел идею *городской революции* как одного из самых крупных переломных моментов в мировой истории. Она также произошла на Ближнем Востоке, а именно в Южной Месопотамии, где в середине – конце IV тыс. до н. э. впервые в истории возникает множество городков и городов-государств. Города хорошо фиксируются по данным археологии. Согласно Чайлду, урбанизация идет параллельно с возникновением классов, государства и цивилизации (Чайлд 1956). Несколько позже городская революция происходит и в других регионах, тем самым создавая новые условия для развития технологии, торговли, культуры и политической жизни. Идеи

Чайлда разрабатывались на протяжении всех последующих десятилетий. Тема городской революции привлекла множество археологов и историков, в том числе таких, как Р. Адамс, К. Ламберг-Карловски, К. Ренфрю, М. Смит и др.

Не меньшее внимание исследователей привлекала промышленная революция. Так, в книгах «Индустриальная революция в мировой истории» (Stearns 1998) и «Индустриальная революция 1700–1914» (Cipolla 1976) показано, как она распространялась по всему миру и влияла на все остальные сферы общественной жизни. Выяснилось, что, помимо промышленного переворота XVIII–XIX в., необходимо говорить о ранней промышленной революции (или революциях), начало которой разные исследователи относят к XIII–XVI вв.

Выдающимся событием в изучении данных процессов стал выход книги знаменитого французского историка Ф. Броделя (1902–1985) «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (Бродель 1986; 1988; 1992). В работе охвачено развитие капитализма в XV–XVIII вв. во всем мире. Эта книга стала важным источником формирования таких известных направлений исследования, как мир-системный анализ и глобальная история (*global history*). Труд Броделя является уникальным хотя бы потому, что в нем органично совместились теоретические подходы к истории и скрупулезность историка, уважающего каждый факт и источник. Исследование проводится в трех аспектах, что соответствует томам русского перевода. Первый том назван «Структуры повседневности. Возможное и невозможное». Он посвящен различным сферам материальной жизни.

Во втором томе трилогии – «Игры обмена» – историк исследует различные уровни коммерческой и финансовой деятельности. В развитии капитализма Бродель особое значение придает движению крупных капиталов и высоких финансов, посвятив много внимания исследованию истории крупной торговли, государственных займов, бирж, банков. Он не считает, что рыночная экономика, значимые элементы которой были и при феодализме, есть эквивалент капитализма. Капитализм, по его мнению, торжествует, когда действует в союзе с государством (своим или чужим), как это было в Генуе или Голландии. Поэтому одна из главных задач Броделя – сопоставление рыночной экономики и капитализма, определение точек их соприкосновения, степени независимости и характера противоборства.

В третьем томе «Время мира» Бродель излагает мировую экономическую историю, по-новому располагая ее во времени и пространстве. В его работе она предстает как чередование господства нескольких региональных экономик (фактически мир-систем), объединенных перекрещивающимися временными ритмами и формирующимся единым центром в Европе. Бродель рассматривает причины подъема и упадка этих миров, показывает, как формировались национальные рынки, в чем состояли региональные особенности промышленной революции (см. также главы 7 и 14 настоящего издания).

Экономический и технологический аспекты истории привлекали не только историков, но и экономистов. В качестве примера в этой связи упомянем работу английского экономиста, нобелевского лауреата Джона Ричарда Хикса (1904–1989) «Теория экономической истории» (1969, рус. пер. Хикс 2006). Сам Хикс считает, что важная функция экономической истории заключается в том, чтобы эта дисциплина служила «местом встречи» и дискуссий экономистов, политологов, юристов, социологов и историков – специалистов по истории событий, идей и технологий. Хикс ставит очень важную проблему: как строить теорию экономической истории. Проблема заключается в том, чтобы максимально совместить теоретический анализ процессов и тенденций развития экономики на протяжении длительного времени и ход истории. Хикс исходит из того, что теория и реальная история являются в значительной мере «противоположностями или, в лучшем случае, альтернативами». Поэтому, с одной стороны, он решительно против прямого подчинения исторического материала жесткой теоретической конструкции, а с другой – его интересуют прежде всего теоретические моменты, а не конкретный извилистый путь истории. Как и Бродель, Дж. Хикс уделяет большое внимание становлению рыночной экономики, промышленной революции и пытается наметить магистральные пути развития мировой экономики. Но в отличие от французского историка он нередко «спрямляет» историю. Яркая дискуссионная книга Хикса вызвала много критики, но для историка она важна как пример сложности совмещения теоретических и фактологических подходов, оптимизация которых является важнейшей задачей теории и методологии истории.

В 50–60-е гг. XX в. появились различные теории типологии обществ и стадий его эволюции, исходящие из уровня развития

производства. Отметим теорию единого индустриального общества (Дж. Гэлбрейт, П. Друкер, Р. Арон, Ж. Фурастье и другие), которая рассматривала различные системы экономики (капитализм, социализм, госкапитализм и др.) как варианты индустриального общества. Это был важный ответ на вызов марксизма, который «хоронил» капитализм и утверждал, что социализм является новой, более высокой стадией развития. Кроме того, эта теория демонстрировала принцип многолинейности развития обществ. В эти и последующие годы также разрабатывались теории модернизации и вестернизации (см. подробнее главу 6).

По мере развертывания научно-технической, или, точнее, научно-информационной, революции, ее исследованию в целом или в ее отдельных крупных направлениях посвящено множество работ, среди которых необходимо назвать автора термина «научно-техническая революция» Дж. Бернала (Бернал 1956; см. также Venson, Lloyd 1983; Sylvester, Klotz 1983), теоретиков так называемого постиндустриального общества, о которых сказано ниже, Д. Белла (1919–2011), Э. Тоффлера (род. 1928), а также А. Турена (род. 1925), Г. Канна и других. Этот период стал переломным, когда исследования технологического, экономического и производственного аспектов развития общества из периферийных становятся одними из важнейших. По мнению французского исторического демографа А. Сови, этому особенно способствовали книги британско-австралийского экономиста К. Кларка, в частности его «Условия экономического прогресса» (1940), и французского социолога Ж. Фурастье (1907–1990), в частности «Великая надежда XX века» (1949).

Работы К. Кларка (1905–1989) исследовали современное общество с точки зрения изменения в нем доли секторов экономики. Именно Кларк впервые отметил рост сектора услуг (и особенно финансовых услуг) и предсказал, что в дальнейшем он будет расти ускоренными темпами, что блестяще подтвердилось. Фурастье акцентировал внимание на выделении двух основных стадий в истории человечества: период традиционного общества и период индустриального общества и их коренные различия. При этом Фурастье сделал многое для анализа экономики и распределительных отношений в первобытном и аграрном обществах. В более поздних работах он рассматривал экономическую историю общества с точки зрения прогресса техники как смену первичной (аграрной) «циви-

лизации» вторичной (индустриальной), которую сменяет третичная (сфера услуг), а вслед за ней идет четвертичная (духовное производство). Работы Кларка и Фурастье внесли свой вклад в появление теорий постиндустриального общества.

Постепенно среди исследователей многих школ различных стран сложились представления о трех стадиях и этапах технологического роста. Несмотря на разные термины, используемые для обозначения данных стадий, никто не отрицает качественную важность перехода к производящему хозяйству, промышленной и научно-технической революциям. Первый этап аграрной революции – переход к примитивному ручному (мотыжному) земледелию и скотоводству – начался примерно 12–9 тыс. лет назад, а второй – переход к ирригационному или плужному неполивному земледелию – примерно с периода 5,5 тыс. лет назад. Первый этап промышленной революции начался в XV–XVI вв. мощным развитием техники и механизации на основе водяного двигателя, а второй этап – промышленный переворот XVIII – первой трети XIX в. – связан с внедрением различных машин и паровой энергии.

В 1960–1980-е гг. получили теоретическое осмысление огромные перемены, которые произошли в США и Европе в результате научно-информационной революции. Важнейшим достижением научной мысли можно считать теории постиндустриального общества, идущего на смену индустриальному. Главной причиной перехода к новому типу общества в истории выступали изменения в производстве и экономике. Наиболее известными стали работы Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (1973, рус. пер.: 1999) и Э. Тоффлера «Третья волна» (1980, рус. пер.: 1999). Белл делал особый упор на такой характеристике нового общества, как развитие сектора услуг, который становится ведущим, как по ценности произведенного, так и по количеству людей, в нем занятых. Это было ошеломляющим, так как все привыкли к тому, что главный сектор – это промышленность. Тоффлер много внимания уделил анализу того, какие изменения в настоящем и будущем несет развитие новых, в том числе информационно-компьютерных, технологий. На основе анализа развития экономических укладов возникли и новые периодизации исторического процесса, которые включали в себя три или четыре крупных периода, а именно: доаграрное – аграрное – индустриальное и постиндустриальное общества. В другом своем произведении «Шок будущего» (1970, рус.

пер.: 1997) Тоффлер поставил очень важную проблему, актуальность которой только растет. Тоффлер указывал, что бесконечные изменения в жизни людей (среди которых наиболее частыми являются технологические) ведут к сложности их адаптации к этим изменениям, а это создает страх перед будущим.

В связи с успехами научно-информационной революции разными исследователями был сделан прогноз о вероятности второго ее этапа. По одной из версий, он может начаться в 2030–2040-х гг. Судя по сегодняшним научным открытиям и достижениям (в генетике, медицине, био- и нанотехнологиях) второй этап этой революции, возможно, начнется с радикального роста возможностей влияния на изменение биологической природы самого человека. В целом же эта революция может стать *революцией «управляемых систем»*, иными словами, широким развитием способности планируемо влиять и в целом управлять самыми разными природными и производственными процессами.

В последние два десятилетия особое значение получили теории глобализации. Глобализация принесла колоссальные изменения практически во все страны. Это дает основания для развития теорий, согласно которым современные технологии и финансовые потоки формируют глобальный рынок, ищут наиболее выгодные возможности для приложения, развивают международное разделение труда, используют те или иные преимущества разных стран, тем самым постепенно выравнивая уровни развития этих государств. Противники глобализации считают, что она ведет к усилению неравномерности, что выгоды от нее достаются только западным странам, что развивающиеся государства от нее лишь беднеют. Так или иначе, развивающиеся страны в последние десятилетия имеют гораздо более высокие темпы роста и уровень жизни их жителей увеличивается достаточно быстро. Однако глобализация – очень сложный процесс, который по-разному отражается на разных странах и группах населения, поэтому дать однозначную ее оценку невозможно. Тем не менее в последнее десятилетие стало более видно, что именно благодаря этому процессу многие развивающиеся страны сделали мощный рывок вперед как в развитии экономики, так и повышения уровня жизни.

Глобальный финансовый кризис, однако, показал, что у бесконтрольной экономической и финансовой глобализации есть свои большие минусы, что необходимо думать об объединении усилий мирового сообщества в плане выработки правил и норм, которые

позволили бы уменьшить риск экономических катаклизмов, повысить отдачу от международной кооперации и более справедливо распределить ее выгоды и издержки.

Роль военных технологий в истории

Как уже сказано, глобальные общественные трансформации, вызванные аграрной революцией, породили традиционное общество земледельцев, а промышленная революция обусловила переход от традиционного к индустриальному обществу. Что касается менее значимых трансформаций внутри традиционного общества, то их нередко связывают с военно-техническими достижениями, то есть с фундаментальными открытиями в военной сфере. В свое время Макс Вебер обратил внимание на то, что появление в Греции вооруженной железными мечами фаланги гоплитов привело к переходу власти в руки состоятельных граждан-землевладельцев. Аналогичным образом Линн Уайт и Брайан Даунинг объясняют становление феодализма появлением стремени, которое сделало всадника устойчивым в седле и обусловило господство на поле боя тяжеловооруженных рыцарей (White 1966; Downing 1992).

Отталкиваясь от этих положений, известный востоковед И. М. Дьяконов создал теорию военно-технологического детерминизма, в которой каждая фаза исторического развития характеризуется изменениями в военной технологии. Согласно этой теории там, где нет металлического оружия, не может быть классового общества, и первые две фазы развития соответствуют бесклассовому первобытному строю. Появление бронзового оружия открывает путь к переходу в третью фазу («ранняя древность») и созданию примитивного классового общества. Распространение железного оружия вызывает переход к четвертой фазе («имперская древность»). В этой фазе появляются большие империи с регулярным налогообложением и развитой бюрократией. Пятая фаза – это Средневековье, в котором «воин на защищенном панцирем коне, сам закованный в броню... может обеспечить эксплуатацию крестьянина, который в предшествующую эпоху и поставлял основную массу воинов». Появление огнестрельного оружия открывает шестую фазу – фазу «стабильно-абсолютистского постсредневековья» (Дьяконов 1994).

Близкую схему связи между военной техникой и политическим режимом обосновывает известный французский социолог Доминик

Кола (2001). На материале Древней Греции и Центральной Африки XVII–XIX вв. он доказывает, в частности, что боевые колесницы в собственности государства порождают деспотию, кавалерия, принадлежащая знати, – аристократию или выборную монархию, а огнестрельное оружие – централизованную власть.

Наиболее разработанной из теорий военно-технологического детерминизма является созданная Майклом Робертсом теория «военной революции». Эта теория до сих пор малоизвестна российской исторической общественности, поэтому будет уместно кратко изложить ее основные положения и выводы. Основная идея М. Робертса состоит в том, что на протяжении последних трех тысячелетий в мире произошло несколько военных революций, каждая из которых была началом нового этапа истории. «Это – историческая банальность, – писал Робертс, – что революции в военной технике обычно приводили к широко разветвленным последствиям. Появление конных воинов (точнее, колесничих. – *Авт.*)... в середине II тыс. до н. э., триумф тяжелой кавалерии, связанный с появлением стремени в IV веке христианской эры, научная революция в вооружениях в наши дни – все эти события признаются большими поворотными пунктами в истории человечества» (Roberts 1967: 195).

М. Робертс подробно проанализировал лишь одну из военных революций – революцию середины XVII в. Она была связана прежде всего с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки стволов пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Шведский король Густав Адольф (1611–1632) осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья – и приступил к целенаправленным работам по созданию легкой полевой артиллерии. Эти работы продолжались более десяти лет, и в конце концов в 1629 г. была создана легкая «полковая пушка», “*regementsstycke*”. Полковую пушку могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты – и таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. Полковая пушка стала «оружием победы» шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Создание полковой пушки и одновременное появление облегченных мушкетов вызвали революцию в военной тактике и стратегии. Происходит постепенный отказ от плотных боевых построений, «баталий» или «терций», и замена тактики пехотных колонн линейной тактикой.

После изобретения полковой пушки в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие, но нужно было создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института – всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности, в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин, и срок службы был установлен в 20 лет. Таким образом, была создана первая в Европе регулярная армия. Однако содержание постоянной армии требовало огромных затрат, и решающим шагом на пути решения финансовой проблемы стало проведение первого в Западной Европе земельного кадастра и введение поземельного налога – то есть радикальная налоговая реформа. Введение новых налогов вызвало сопротивление шведских сословий, но Густаву Адольфу удалось его преодолеть. Налоги стали постоянными – в финансовом отношении король оказался независимым от риксдага, и это был решающий шаг на пути к абсолютизму.

Решение финансовой проблемы позволило Густаву Адольфу создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную полковыми пушками и облегченными мушкетами. Создание регулярной армии породило *волну шведских завоеваний*. В ходе Тридцатилетней войны шведы стали хозяевами Центральной Европы, в своих походах шведские армии достигали южных областей Германии, Польши и даже Украины.

Громкие победы шведской армии вызвали заимствование шведских военных и социальных инноваций, прежде всего в государствах, терпевших поражения в борьбе со Швецией, – в германских княжествах, империи Габсбургов, Дании, России. Государства, не сумевшие перенять оружие противника, как показывает опыт Польши, в конечном счете ждала гибель. Как полагал Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означало значительное усиление центральной власти и становление режима, который известный историк Брайан Даунинг называет *«военно-бюрократическим абсолютизмом»*. Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм пере-

распределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. Могущество средневековой рыцарской аристократии было основано на средневековой военной технике, на господстве рыцарской кавалерии. Военная революция лишила аристократию ее оружия; новое оружие стало оружием массовых армий, состоявших преимущественно из простолюдинов и руководимых абсолютными монархами. После «военной революции» дворянству приходится искать свое место в новой армии и новом обществе, и абсолютизм указывает дворянству его новое положение – положение офицерства регулярной армии. Однако вместе с тем абсолютизм открывает дворянское сословие для офицеров-простолюдинов и вводит «табели о рангах», определяющие порядок выдвижения не по знатности, а по заслугам.

С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания. Тридцатилетняя война, в ходе которой на поле боя впервые появились массовые армии, потребовала от государств огромного увеличения военных расходов. Монархи оказывались вынужденными увеличивать налоги и нарушать привилегии сословий, что стало причиной Фронды, восстаний в Испании и Италии и других социальных движений, ассоциируемых с так называемым «кризисом XVII века».

Во второй половине XX в. теория «военной революции» стала общепринятым инструментом при анализе социально-экономического развития различных стран Европы в раннее Новое время. Однако, как отмечал М. Робертс, военная революция XVII в. была лишь одной из многих военных революций и, в принципе, созданная им теория может распространяться и на ранние периоды истории. В известной монографии Уильяма Мак-Нила «Восхождение Запада» (Мак-Нил 2004) проанализированы последствия «военных революций» Древности и Средневековья. Важно отметить, что У. Мак-Нил говорит о тех же военно-технических открытиях, что и М. Робертс: об изобретении боевой колесницы в середине II тыс. до н. э., о появлении стремян в IV в. н. э. и т. д., и описывает вызванные этими военными революциями последствия, в частности распространение порожденных ими волн завоеваний. В более поздней монографии, «В погоне за мощью», У. Мак-Нил (2008)

описывает «военную революцию» XVI–XVII вв., ссылаясь при этом на исследования М. Робертса, Г. Паркера и других теоретиков «военной революции». В последнее время появились работы российских историков, рассматривающих последствия «военных революций» в Восточной Европе и прилагающих эту теорию к изучению истории Второй мировой войны.

Рекомендуемая литература

- Бернал Дж. 1956.** *Наука в истории общества.* М.
- Бродель Ф. 1986, 1988, 1992.** *Материальная цивилизация, экономика и капитализм.* Т. 1–3. М.
- Гринин Л. Е. 2006.** *Производительные силы и исторический процесс.* М.
- Гринин Л. Е., Коротчаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформация Мир-Системы.* М.
- Мак-Нил У. 2008.** *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках.* М.
- Нефедов С. А. 2008.** *Факторный анализ исторического процесса. История Востока.* М.
- Тоффлер Э. 1999.** *Третья волна.* М.

Глава 12

ФАКТОР ДИФФУЗИИ ИННОВАЦИЙ

Одна из центральных тем истории – постоянный поиск человеком возможностей улучшения условий жизни, расширения границ деятельности и обитания. Это стремление реализуется через появление и внедрение в разных обществах новых идей и технологий. Развитие взаимодействующих культур в ходе выработки, передачи и усвоения нововведений – важнейший исторический феномен. Инновации, возникшие в одном обществе, трансформируются по мере их адаптации другой социальной средой (конечно, меняя и ее саму), становятся основой для последующей иррадиации новых знаний и умений. Можно сказать, что вся история – это непрерывный процесс «устаревания нового», а инновации являются универсальным ключом к изучению любых переходов, в том числе эпохальной и цивилизационной значимости (от традиционного общества к индустриальному, от средневековой Руси к России нового времени и т. д.). Базируясь на этом подходе, можно определить **инновации** как *новые идеи, объекты, действия, благодаря возникновению, распространению и адаптации которых прошлое трансформируется в настоящее*. Выявление возникших где-либо передовых технологических, социокультурных и прочих инноваций, решение вопроса оптимизации их социального восприятия актуально для власти в любом обществе, так как определяет жизнеспособность социума и траекторию его развития.

Проблема взаимодействия различных культур и цивилизаций рассматривалась целым рядом блестящих исследователей: Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, А. Дж. Тойнби и многими другими. **Особенностью диффузионистского направления** является нацеленность на выявление *центров возникновения инноваций; исследование распространяющихся из этих центров культурных кругов и их разнообразных элементов; раскрытие процессов и результатов проникновения и адаптации заимствований в другой социальной среде*. Подобно фундаментальной роли диффузионных процессов в природе (проникновению кислорода в ткани, питанию, дыханию живых организмов) диффузия инноваций является основой межкультурной коммуникации, развития и функционирования обществ. Неудивительно, что уже более ста лет это направление про-

дуктивно разрабатывается в исследовательской практике этнологов, антропологов, археологов, социологов, экономистов, историков и других представителей гуманитарного знания, расширяющегося за счет смежных направлений.

В философском измерении суть концепции диффузионизма становится ясна при обращении к принципиальному вопросу – как развиваются общество, культура: преимущественно благодаря собственной эволюции или в ответ на внешнее воздействие? Исходящий из физического единства человечества эволюционизм подразумевает наличие у людей одинаковых потенциальных способностей к инновациям, независимость изобретений, слабое влияние их заимствования на культурное развитие других обществ. Диффузионисты, напротив, утверждают, что изначально существовало очень ограниченное число мест, из которых важнейшие черты человеческой культуры разошлись по всему миру. Согласно их взглядам, уникальные, единожды сотворенные образцы культуры (в широком смысле этого слова) распространяются из инновационных центров от одного общества к другому, детерминируя их развитие (о сочетании диффузионизма и эволюционизма см. также главы 3–5 настоящего издания) (Семенов 2003).

Предтечи диффузионизма и формирование его концепции.

Диффузионизму как научному направлению, сложившемуся в конце XIX – начале XX вв., предшествовали высказывавшиеся многими мыслителями более ранних эпох идеи о значимости распространения различных достижений из одних стран в другие. В основе их лежит понимание естественного порядка вещей, сформулированное еще в древнеиндийской философии. «Бхагавад-гита», записанная в I тыс. до н. э., гласит: «В этом мире – что делает лучший, совершать начинают другие: он являет пример делами, а они ему все подражают». Эта идея в той или иной форме отражена у многих мыслителей от древности до Нового времени.

Начало систематическому изложению идей диффузионизма в широком социальном аспекте положил Ж. Г. Тард (1843–1904) – французский социолог, юрист, который, заинтересовавшись закономерностями распространения нововведений в обществе, назвал их законами подражания. Двигателем социальной эволюции Тард полагал человеческий изобретательный ум и его достижения, которые благодаря совместному проживанию людей распространяются лучеобразно из центров возникновения, заимствуются и адаптиру-

ются. Основная мысль его книги «Законы подражания», изданной в 1890 г. во Франции, – «общество – это подражание» (Tarde 1890). Процесс перенимания, заимствования инноваций Тард описывал как подражание, сопротивление, принятие. Он сформулировал два основных закона: подражание распространяется изнутри вовне (сначала копируются идеи, цели, потом действия и формы) и сверху вниз (высшие социальные слои являются примером для подражания низшим, победители – для побежденных). В широком географическом и хронологическом контекстах Тард рассмотрел процессы подражания применительно к языку, религии, правительству, законодательству, обычаям, нравственности и искусству.

В своем классическом виде – в концептах культурных кругов и центров распространения элементов культуры – диффузионизм сложился в трудах немецких этнографов, антропологов конца XIX – начала XX вв. Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера и других исследователей. Однако близкие идеи были сформулированы известным отечественным историком несколькими десятилетиями ранее, в 1840-е гг. Профессор Московского университета М. П. Погодин в статье «Петр Первый и национальное органическое развитие» писал: «Россия есть часть Европы, составляет с ней одно географическое целое, и, следовательно, по физической необходимости, должна разделять судьбу ее и участвовать в ее движении, как планета повинуетя законам своей солнечной системы. Может ли планета перескочить из одной сферы в другую? Может ли Россия оторваться от Европы? Волей и неволей она должна была подвергнуться влиянию Европы, когда концентрические круги западного образования, распространяясь непрерывно дальше и дальше, приблизились к ней, и начали ее захватывать. <...> Можем ли мы теперь отказаться от употребления машин, железных дорог? <...> Не можем... Точно так же прежде Петра Великого, мы не могли отказаться от пороха, от огнестрельного оружия: иначе были бы побиты на первом сражении и нас бы не стало... И все народы в мире подвергались влиянию один другого: в древности – греки влиянию египтян, римляне влиянию греков... а в новом мире вся римская и германская Европа подчинилась Риму, потом христианству. Таков закон истории для всех государств. Мы пришли позднее всех, и, как младшие братья, понесли сугубое и трегубое иго: норманны, греки, монголы, немецкие и прочие выходцы, родоначальники наших дворянских фамилий, действовали последовательно на Россию до Петра» (Погодин 1863).

В этом тексте на примере российской истории М. П. Погодиным сформулированы главные «диффузионистские» идеи: универсальность для всех исторических периодов и государств закона распространения технологического и культурного влияния из центров возникновения инноваций на периферию; принцип концентрических кругов диффузии инноваций; жизненно важное значение обладания современными технологиями и прежде всего оружием для сохранения государственного суверенитета; большая роль переноса передовых знаний, образования в обновлении общества; нахождение России в орбите европейского технологического и культурного влияния; смена культурных кругов, воздействовавших на отечественную историю от Рюрика до Петра.

Диффузионистские идеи наиболее полно оформились в конце XIX в. в лоне антропогеографии, этнографии, проникли в археологию (в которой сосуществовали с миграционизмом), получили широкое распространение среди ученых разных стран, активно разрабатывались на протяжении нескольких десятилетий (особенно до начала Второй мировой войны), а с помощью норвежского исследователя Т. Хейердала вышли за пределы исключительно научной среды. Характерной чертой начального этапа развития диффузионизма было сосредоточение интереса на архаическом этапе развития человечества. Основные положения классического диффузионизма (учитывая наличие в нем несколько течений: культурно-исторической школы, гелиолитической школы, теории культурных ареалов) можно сформулировать следующим образом. Главным фактором развития культуры народа является восприятие достижений других народов. Каждый элемент культуры имеет географическую привязку и возникает лишь однажды в одном регионе, распространяясь из него отдельно или вместе с другими элементами культурного круга по миру (Токарев 1978).

Как всякое научное течение, диффузионизм подвергался критике, преимущественно она связывалась с отрицанием ранними диффузионистами эволюционных закономерностей в развитии общества и культуры, стремлением его наиболее радикальных сторонников свести всю историю к заимствованиям и переносам культур. Эта концепция встречала сопротивление традиционной академической среды также из-за того, что, открывая миру поразительные примеры межкультурного взаимодействия, она дезавуировала привычный европоцентризм. Несмотря на критику, идеи диффу-

зионизма вошли в исследовательский арсенал широкого круга этнологов, археологов, антропологов Старого и Нового Света, продолжили развиваться во второй половине XX в. Они были подхвачены, расширены социологами, экономистами, историками, причем в каждой из общественных наук, использующих диффузионистские идеи в качестве методологического инструмента, имеется своя специфика их понимания и применения.

Разработка теории распространения инноваций в обществе оказалась чрезвычайно востребованной в послевоенном мире, где турбулентные потоки социальных перемен и экономических подъемов, несших обществу обновление, сталкивались с тормозящими эффектами политических ограничений и кризисов, ограничивавших спрос. Огромный потенциал для распространения и восприятия инноваций открылся в связи с деколонизацией стран третьего мира, в повестке дня которых остро стоял вопрос модернизации. Национальные правительства стран Азии, Африки, Латинской Америки были озабочены тем, как внедрять нововведения в области государственного управления, промышленности, сельского хозяйства, планирования семьи, образования, культуры и других сферах общественной жизни. Неудивительно, что во второй половине XX столетия академический «этнографический» диффузионизм уступил место бурному развитию этих идей в практическом направлении. «Практически-ориентированный» диффузионизм преимущественно сосредоточивался на распространении инноваций внутри общества, в то время как антропологи (в широком значении) чаще изучали межкультурное взаимодействие.

Исследуя процессы появления и распространения различных экономических нововведений (новых видов продукции, технологий, организационного опыта и т. п.), шведский географ Т. Хагерстранд в 1953 г. опубликовал книгу «Диффузия инноваций как пространственный процесс». Начав с конкретного изучения процессов диффузии на примере нововведений в сельском хозяйстве Швеции, Хагерстранд смог построить первую теоретическую модель диффузии инноваций с помощью имитационного подхода. Основные ее понятия – расстояние, поле, контакт, информация.

В 1962 г. Э. Роджерс предложил общетеоретическую модель распространения нововведений, которая стала применяться для исследования в самых разных отраслях (маркетинг, социология, экономика и т. д.). Его монография «Диффузия инноваций» катализировала широкий исследовательский интерес. Ко времени выхода

в свет четвертого издания книги в 1995 г. число публикаций по диффузионистской тематике достигло 4 000 (Rogers 1995). Согласно теории, разработавшейся Э. Роджерсом, диффузия – это процесс распространения инноваций по определенным каналам в течение какого-то времени среди членов определенной социальной среды.

Э. Роджерс уделял особое внимание фактору времени в процессе диффузии инноваций. Во-первых, во времени разворачивается принятие решения об инновации. Этот процесс подразделяется на пять этапов: от ознакомления с новшеством (1) через формирование отношения к нему (2), решение о принятии или непринятии (3), к внедрению (4) и, наконец, окончательному решению о дальнейшем использовании нововведения или отказу от него (5). Во-вторых, временной фактор задействован в процессе восприятия инновации членами социальной системы. По оценкам Э. Роджерса (основанным на анализе нескольких сотен современных ему решений по принятию инноваций разными обществами), примерно 2,5 % людей относятся к категории тех, кто привносит инновации; 13,5 % вскоре их подхватывают; 34 % составляют большую часть людей, которые приняли нововведения еще на раннем этапе их внедрения; 34 % относятся к «позднему» большинству; наконец, на долю запаздывающих приходится еще 16 % (Rogers 1995). В-третьих, время важно для определения скорости принятия инновации, измеряемой числом членов системы, принимающих инновацию в определенный период.

Диффузионизм второй половины XX столетия представляет существенный интерес для служителей Клио, поскольку его идеи распространились не только на архаику и современность, но и на связующую их историю цивилизованного общества. В 1960-е гг. свой «диффузионистский бестселлер» появился не только у экономических географов и социологов, но и у историков. Попытка создать полную картину истории цивилизованного человечества с позиции концепции взаимопроникновения культур была предпринята американским историком У. Мак-Нилом в обширном труде, носящем название «Восхождение Запада. История человеческого сообщества». На огромном историческом материале – от эпохи культурного доминирования Среднего Востока (3100 г. – 500 г. до н. э.) до середины XX столетия – патриарх американской исторической науки показал, что какой-либо народ может вырваться вперед,

только воспользовавшись самыми передовыми достижениями, которые концентрируются в мировых центрах процветания и могущества (Мак-Нил 2004). В самой известной из своих 20 книг американский историк рассматривает мировую историю в контексте влияния различных цивилизаций друг на друга, диффузии техник и идей. Большое внимание уделено воздействию западной цивилизации на другие общества за последние 500 лет (о Мак-Ниле см. также в главах 5 и 9 настоящего издания).

Авторская концепция, учитывающая действие географического и биологического (распространение инфекций) факторов, акцентирующая внимание на культурных взаимовлияниях, оказала большое воздействие на историческую теорию, в том числе на последующее развитие теории мир-систем. Книга существенным образом повлияла на исторический дискурс, пошатнув взгляд на цивилизации как дискретные сущности, развивающиеся от подъема до заката, обосновывавшегося в трудах А. Тойнби и О. Шпенглера. Название книги Мак-Нила ("The Rise of the West") намеренно контрастирует со шпенглеровским «Упадком Запада» ("The Decline of the West").

У. Мак-Нил показал значение распространения ирригации, религиозных представлений и форм, письменности, колесных транспортных средств, судоходства, бронзовой и железной металлургии, обожженной керамики и гончарного круга, изобретения боевой колесницы, появления верховой езды, стремян, земледельческих орудий и т. д. – то есть фундаментальных открытий – из центров их возникновения в другие общества. Обозначая вектор диффузии инноваций на раннем этапе, Мак-Нил писал, что процессы заимствования происходили в одном направлении – от цивилизованных центров к периферии земледельческого мира. Распространение цивилизаций Месопотамии было скачкообразным: они «перепрыгивали» на сравнительно большие расстояния, перемещаясь из одной орошаемой долины в другую (Мак-Нил 2004: 116–117). В более поздней монографии «В погоне за мощью» (1982) им анализируется взаимосвязь военной технологии и общественно-политических структур, в том числе последствия появления и распространения пороха, огнестрельного оружия, различных моделей военной организации, коммерциализации военного производства (Он же 2008; см. об этом также в главе 11 настоящей монографии). Таким образом, ключевыми концептами исследований Мак-Нила являются

контакты с иноземцами как основной двигатель исторических перемен, фактор технологических инноваций (особенно в военной области), оказывающий определяющее влияние на общественное развитие и историческую динамику. У. Мак-Нил на многочисленных примерах показывает, каким образом новая технология обеспечивает преимущество для системы жизнеобеспечения, войны или торговли, влечет за собой организационные и социальные перемены, распространяется вооруженным или мирным путем на другие общества, детерминируя их исторический путь.

Третью веку спустя – в 1997 г. – аналогичным образом интерпретировал судьбы человеческих сообществ американский исследователь Дж. Даймонд. Обращение к всемирной истории за последние 13 тысяч лет в поисках ответа на вопрос: почему на разных континентах история развивалась так неодинаково, почему именно западноевропейские общества достигли столь непропорционального могущества и ушли далеко вперед по пути инноваций, приводит его к необходимости учета географического, биологического и диффузионистского факторов. Рассматривая ключевые события, происходившие на всем отрезке существования человеческой цивилизации на разных континентах земного шара, Дж. Даймонд последовательно показывает роль важнейших инноваций, воспринимаемых различными обществами в результате вынужденного или добровольного заимствования. В качестве отправной точки он берет доместикацию наиболее ценных диких видов растений и животных, пригодных для одомашнивания. Они были сосредоточены всего лишь в девяти небольших областях планеты, которые и стали первыми очагами сельского хозяйства, распространившегося затем по большей части земли. «Тем самым древние обитатели очаговых регионов получили фору в развитии и первыми встали на исторический путь, ведущий к ружьям, микробам и стали». Подчеркивая значение первообладания этим преимуществом, Даймонд пишет: «Языки и гены этих народов, как, впрочем, и их домашний скот, растительные культуры, технологии и системы письма, заняли доминирующее положение в мире уже в древности и сохранили его в современную эпоху» (Даймонд 2009). Американский историк признает возможность возникновения фундаментальных инноваций в нескольких разных центрах, повторной, независимой доместикации растений и хозяйственных млекопитающих. Исследуя географические, культурные, экологические и технологические

факторы, приведшие к доминированию западной цивилизации во всем мире, Дж. Даймонд называет экспансию одних человеческих групп, у которых есть ружья, микробы и сталь (или более ранние технологические и военные преимущества), за счет других групп главным процессом, определяющим последние десять тысяч лет всемирной истории. Эта экспансия исчерпывает себя «либо когда первые полностью замещают вторых, либо когда новые преимущества уже есть у тех и у других» (Даймонд 2009: 544–547). Иными словами, в описываемой модели культурной диффузии главное – конкуренция между человеческими сообществами, предполагающая либо заимствование новейших технологических и аграрных достижений, либо проигрыш.

Современный диффузионизм. Всплеск интереса исследователей к диффузионистской проблематике представляется закономерным в эпоху подлинной глобализации, бурного развития знаний и технологий, широчайших возможностей для распространения информации о них. Концепция диффузии инноваций находит практическое применение во множестве современных дисциплин. Она стала основой тысяч научных работ в таких областях, как социология, экономика (особенно маркетинг), социальные коммуникации (в том числе массовые коммуникации – в условиях современного периода истории часто именно СМИ имеют решающее значение в процессе распространения знаний и новых идей) и т. д.

В последние десятилетия эта теория активно применяется в исследовании истории России. С 2000 г. диффузионизм как самостоятельное и результативно развивающееся направление оформляется в Институте истории и археологии УрО РАН. Его особенностью является широкий охват самых разнообразных аспектов и уровней диффузии: изучаются не только европейские, но и азиатские взаимовлияния; проникновение и адаптация инноваций рассматривается на российском и региональном (уральском) материале; исследуется как эвристический потенциал теории диффузионизма, эволюция и специфика этой методологии, так и конкретная история распространения разнообразных инноваций (в том числе, технологических) в России и регионах: их появление в России и за ее рубежами, проникновение на территорию страны и региона, восприятие, адаптация (Алексеева и др. 2011). Внимание историков в большей степени сосредоточено на имперском периоде отечественной истории, но им не ограничивается – их труды характеризу-

ются большим временным охватом – с XVII по XX в. Проведению научных исследований способствует созданный совместно с библиографами сетевой ресурс «Россия и Запад: взаимосвязи и взаимовлияние (IX – начало XX в.)» (<http://i.uran.ru/ruswest>).

В трудах уральских историков выявляются основные факторы и механизмы как внутренних, так и внешних импульсов, детерминировавших социокультурное, институционально-политическое и социально-экономическое развитие России. Такого рода исследования способствуют определению места страны в мировом процессе цивилизационной и модернизационной динамики. Они охватывают широкий круг теоретико-методологических и конкретно-исторических проблем распространения феноменов и факторов генерированного Европой модернизационного развития в российском цивилизационном пространстве. В круг изучаемых проблем включен исторический опыт взаимодействия российской и западноевропейской цивилизаций в XVIII – начале XX в. (Алексеева 2007). В серии работ, посвященных исследованию длительных трендов мировой и отечественной истории, выстраивается трехфакторная модель исторического процесса, в которой последовательность демографических циклов периодически прерывается волнами нашествий и диффузий (сопровождаемых социальным синтезом), вызванных чередой военно-технических революций. Предлагается диффузионистская трактовка истории Московской Руси конца XV–XVI вв., проведен анализ реформ середины XVII в. с точки зрения внешних заимствований, выделены европейские диффузионные волны, влиявшие на историю России в XVII–XIX вв. В соответствии с идеями диффузионизма результаты исследований разных эпох мировой и отечественной истории резюмируются в следующей модели: государство, подвергнувшееся удару инновационной волны и стремящееся выжить, должно полностью или частично трансформироваться по образцу победоносного противника. В ходе этой трансформации сначала заимствуется оружие противника, затем – военная организация и военная промышленность. Далее круг заимствований расширяется, охватывая другие области социальной организации (Нефедов 2008; 2010; 2011).

Таким образом, изучение истории в ракурсе диффузионизма имеет значительный потенциал. «Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального про-

гресса, повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям» (Побережников 2006а: 20).

Механизмы, каналы, агенты диффузии инноваций. Ключевая роль в распространении инноваций и их укоренении в обществе принадлежит механизмам диффузии. *Механизмы диффузии инноваций* – системы организованных взаимосвязей, осуществляющих проникновение инноваций и содействующих их внедрению в практику. К их числу можно отнести: государственный и административный аппарат, законодательство, систему образования, воспитания, медицинского обеспечения, производство (производственные предприятия), армию, среду проживания, миграцию, коммерцию, пропаганду (в том числе и моду), спорт, выставки, ассоциации, общества и т. п. Как ни парадоксально, но механизмом распространения инновации может стать заимствованная традиция, в этом случае инновация посредством культурной традиции сама становится традицией. Ярче всего этот путь прослеживается на примере ныне традиционной новогодней елки – культурного феномена, прошедшего путь от чуждого, заимствованного западного обычая до символа самого близкого и любимого традиционного национального праздника.

Частью механизма диффузии инноваций являются *каналы* – пути проникновения нововведений. Их можно подразделить на межличностные (передача информации от человека к человеку непосредственно) и опосредованные (новыми объектами, знаковыми и техническими средствами передачи информации и т. д.). Живые межличностные контакты (профессиональные и личные) представителей разных сред – совместная работа (мастер и ученик, инженер и т. п.); совместное проживание (семья, гувернантка, учитель, сосед); поездка и т. п. более эффективны в плане формирования и изменения отношения к нововведениям, так как большинство людей больше доверяют собственному восприятию, положительным отзывам знакомых, чем призывам властей. Наиболее действенны (с точки зрения внедрения в местную среду) те каналы диффузии, в которых участвуют властные (или влиятельные в своих областях) субъекты и профессионально ориентированные лица.

Каналы распространения инноваций можно типизировать: по числу агентов диффузионного процесса (индивидуальные – массовые); по периоду осуществления контактов (длительные, постоянные – краткосрочные, эпизодические); по характеру агентов (офи-

циальные лица – частные лица); по реализуемым целям (нацеленность на восприятие нововведений – спонтанность переноса инноваций).

Наиболее значимыми из каналов получения, распространения и практического применения новых знаний о модернизирующемся мире в Российской империи в институционально-политической, хозяйственно-экономической и социокультурной сферах были: торговые связи, обучение, деловые поездки, путешествия, семейные узы, переписка, дипломатические контакты, военные действия, печатные и рукописные средства информации, профессиональные встречи, искусство (Алексеева 2007). Этот список расширялся по мере развития технического прогресса в XIX в., что обострило проблему внешнесредового влияния, которое способно вызвать прямо противоположные эффекты, выступая катализатором как развития, так и гибели государства. Следовательно, прямой функцией государственной власти является фильтрация поступающих через соответствующие каналы инносистемных элементов.

Распространение инноваций невозможно без *агентов* («*доноров*» и «*реципиентов*») *инновационного процесса*. Применительно к отечественной истории ими выступают иностранцы на родине и в России, россияне на родине и за рубежом. Агентов инновационных процессов можно дифференцировать по трем категориям. Прежде всего – власть. К ней относятся представители правящей, государственной, чиновной элиты. Очень важна и следующая категория – специалисты, которыми могут выступать: инженеры, коммерсанты, военные, медики, деятели искусства, ученые, преподаватели, студенты. И, наконец, третья группа – обыватели (например, путешествующие дворяне, гувернантки).

Посредством диффузии в обществе распространяются следующие *основные типы инноваций*: новые технологии; культурные, ментальные, религиозные, идеологические ценности; формы социальной организации. В процессе диффузии экзогенных инноваций происходит их трансформация и адаптация к местной среде.

Исследуя диффузионные процессы, нельзя забывать, что они отличались сложностью и многофакторностью: распространение инноваций сопровождалось традиционалистской реакцией, то есть частичным отторжением заимствованных нововведений, адаптацией – видоизменением привнесенных идей, технологий, вещей под влиянием местных традиций и условий; стимулировало собственную инновационную деятельность.

Модели диффузионных процессов. В настоящее время сформулированы и разрабатываются детерминистские, регионалистские модели, модели вертикального влияния, «центр – периферия», размножения центров и др. Чаще всего, изучая процесс диффузии инноваций, исследователи в качестве рабочей модели используют образ расходящихся из центра культурных кругов. Между тем очевидно, что эти концентрические круги являются лишь частью реципрокной, взаимосвязанной сети узлов – инновационных центров, соединяющих множеством связей разные страны, производства, всевозможные органы управления, людей на всех уровнях их взаимоотношений. Всплеск инновационной активности в одном из центров порождает колебания во всей нейроноподобной сети, заставляя реагировать даже отдаленные от источника возмущения звенья. Для прохождения информации по такой сети требуется время, по мере ее распространения в социальной, технологической среде инновационные импульсы видоизменяются: часто они слабеют и гаснут либо, приобретая собственную динамику, посылают сети обратный импульс. Применяя эту модель, можно исследовать механизмы и результаты возникновения, распространения и взаимного воздействия инноваций в сети зарубежных – российских – региональных взаимосвязей.

Инновационное поле в обществе-реципиенте локализуется не равномерно, а образуя кластеры относительно высокой плотности в сосредоточениях властной, военной, экономической функций, которые, в свою очередь, становятся центрами дальнейшей диффузии заимствованных новшеств в отечественной среде. Процесс распространения нововведений должен исследоваться с учетом их востребованности обществом, препятствий к восприятию (людей, организаций, среды, недостатков самой инновации), традиционалистской реакции (например, движение луддитов), способов, результатов адаптации новшеств в инокультурной социальной среде и трансформации самого общества.

Согласно диффузионизму, при взаимодействии нескольких социальных мегасред (государств) в ходе истории выявляются и определенное время доминируют один или несколько акторов – лидеров цивилизационного развития. Прочие участники взаимодействия в целях сохранения своего полнокровного бытия вынуждены реагировать на новейшие тренды развития, обеспечивающие обще-

ствам-лидерам их конкурентные преимущества. Цель не-лидеров – удержать систему в квазистабильном состоянии или изменить ее конфигурацию в свою пользу. Адекватная реакция, таким образом, заключается либо в перенимании и адаптации ключевых факторов прогресса, присущих динамично развивающимся субъектам, либо в создании собственных преимуществ. Поскольку мировые центры выработки инноваций подвержены флуктуации, каждая из социальных мегасред, не являющаяся сама в данный период инновационным центром, должна постоянно отслеживать успехи развития других социальных общностей. Успешное выполнение этой задачи, а также своевременное внедрение прогрессивных инноваций в собственную социальную практику с учетом особенностей национального развития – ключ к эффективному, суверенному, поступательному движению государства по пути истории.

Особенности российского исторического процесса. История России знала этапы норманнского, византийского, тюркского влияния, а в XVII–XX вв. в значительной мере формировалась под воздействием диффузионных волн, исходивших от различных стран Запада и вызванных масштабными технологическими и военнотехническими инновациями. Военное и экономическое могущество государств-лидеров вызывало в России стремление к овладению передовыми технологиями, военные столкновения подталкивали российское правительство к модернизации технологической базы, постоянно шла разработка собственных изобретений.

Применяя диффузионистскую интерпретацию к истории России, необходимо учитывать факторы, обуславливающие особенности российского развития. К ним относятся географически детерминированные северность, сопредельность восточному и западному мирам; территориальная протяженность (определявшая неравномерность распространения и функционирования западной и восточной моделей бытия). Эти факторы оказывали сильное влияние на адаптацию заимствований, в том числе на реакцию отторжения нововведений. В пространственной системе координат стратегически диффузионные потоки направлялись векторами Запад – Восток и Восток – Запад (великое переселение народов, распространение христианства, татаро-монгольское нашествие, модернизация по западному образцу). Длительность существования в сочетании с полиэтничностью требует специального изучения адаптив-

ности российской цивилизации как в процессе взаимодействия России и других (внешних) миров, так и внутри, между российскими народами, то есть межсоциальной и внутрисоциальной трансляции заимствований.

Итак, концепция диффузии инноваций имеет свои корни в этнологии и антропологии, а современные исследователи используют ее в самых разных областях: бизнес, образование, социология, политология, история и др. Процессы накопления собственного опыта и заимствования тесно связаны между собой. При всей значимости ориентации на созданные каким-то народом достижения простого их заимствования недостаточно, без внутреннего развития не было бы эволюции общества.

Многоликая История – это (в том числе) процесс превращения новаций в традиции. Инновационная деятельность человека – труднопрогнозируемая, но важная движущая сила исторического развития. Нововведения изменяют общество, обнаруживают для него новые возможности. Поскольку в социуме архетипически устойчивы и одинаково значимы две противостоящих тенденции: сравнение с другими, стремление к обретению их достижений, обновлению, с одной стороны, и сохранение своей идентичности, традиций – с другой, то изучение инновационных процессов актуально для всех исторических периодов и требует разработки общих, теоретических подходов к их анализу. Фактор диффузии инноваций – один из важнейших, во многом определяющих развитие человеческих обществ и ход истории в целом. Появление инноваций создает потенциал для перемен, но только процесс диффузии преобразует этот потенциал в изменение социальной практики, отлагающейся в истории. Основными элементами процесса диффузии в истории являются инновация, механизмы и каналы коммуникации, взаимодействующие социальные системы.

Интерпретация истории с помощью диффузионизма (конечно, в совокупности с другими методами) представляется реально действенным способом не только для лучшего понимания прошлого, но и для обоснованного прогнозирования перспективного развития. Выявление ряда прорывных технологических инноваций, существующих на данный момент в «эмбриональном состоянии», вероятностная оценка «пика» их разворачивания и влияния с учетом особенностей создающей и воспринимающей социальных сред – основа социальной прогностики.

Рекомендуемая литература

- Алексеева Е. В. 2007.** *Диффузия европейских инноваций в России (XVIII–начало XX вв.)*. М.
- Даймонд Д. 2009.** *Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ*. М.
- Мак-Нил У. 2004.** *Восхождение Запада: история человеческого сообщества*. Киев: Ника-Центр; М.
- Мак-Нил У. 2008.** *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках*. М.
- Нефедов С. А. 2008.** *Факторный анализ исторического процесса. История Востока*. М.

Глава 13

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Роль личности в истории как философско-историческая проблема

Осмысление хода истории неизбежно вызывает вопросы о роли в ней той или иной личности: изменила ли она ход истории? было ли неизбежным такое изменение или нет? что было бы без этого деятеля? и т. п. Из очевидной истины, что именно люди делают историю, вытекает важная проблема философии истории о соотношении закономерного и случайного, которая, в свою очередь, тесно связана с вопросом о роли личности. В самом деле, жизнь любого человека всегда соткана из случайностей: родится он в тот или иной момент, вступит в брак с тем партнером или другим, умрет рано или будет жить долго и т. п. Это давно известный исторический парадокс Блеза Паскаля о «носе Клеопатры»¹. С одной стороны, мы знаем огромное число случаев, когда смена личностей (даже при таких драматических обстоятельствах, как череда убийств монархов и переворотов) не влекла решающих перемен. С другой стороны, бывают обстоятельства, о которых сказано далее, когда даже мелочь может стать решающей. В любом случае важно понимать, что случайность, совершившись, перестает быть случайностью и превращается в данность, от которой порой в большей или меньшей степени зависит будущее. Поэтому когда какая-то личность появляется и закрепляется в определенной роли (тем самым затрудняя или облегчая приход других), «случайность перестает быть случайностью именно потому, что налицо данная личность, которая накладывает отпечаток на события, определяя, как они будут развиваться» (Лабриола 1960: 18).

Современная наука в целом отвергает идею предопределенности (предзаданности) исторических событий. Выдающийся французский социолог и философ Р. Арон в частности писал: «Тот, кто утверждает, будто индивидуальное историческое событие не было бы иным, если бы даже один из предшествующих элементов не был тем, чем он в действительности был, должен доказать это утвер-

---

¹ «Будь он чуть покороче – облик Земли стал бы иным» (Ларошфуко и др. 1974: 147). То есть если бы нос этой царицы был иной формы, Антоний не увлекся бы ею, не проиграл битву Октавиану, и римская история развивалась бы иначе.

ждение» (Арон 1993: 506). А раз исторические события не являются предопределенными, то и будущее имеет множество альтернатив и способно измениться в результате деятельности различных групп и их лидеров, оно также зависит от действий самых разных людей, например, ученых. Следовательно, проблема роли личности в истории для каждого поколения всегда актуальна. И она очень актуальна в век глобализации, когда влияние на весь мир определенных людей может возрасти. Человек способен оказать значительное воздействие не только действиями, но и бездействием, не только прямо, но и косвенно, как в период своей жизни, так и после смерти, а заметный след в истории и дальнейшем развитии обществ может быть не только положительным, но и отрицательным, а также – достаточно часто – однозначно и навсегда не определяемым, тем более, что оценка личности зависит от политических и национальных пристрастий.

С позиций провиденциализма (см. главу 1), то есть если признавать реальной некую внеисторическую силу (бога, судьбу, «железные» законы и т. п.) вполне логично считать личности орудиями истории, благодаря которым просто реализуется некая предначертанная программа. Однако в истории слишком много событий персонафицировано, и нередко поэтому роль личности оказывается исключительно значимой. «Роль личностей и случайностей в исторических событиях является первым и непосредственным элементом» (Арон 1993: 506). Поэтому, с одной стороны, именно действия лидеров (а иногда даже и некоторых рядовых людей) определяют исход противоборства и судьбу разных тенденций в критические периоды. Но с другой, нельзя не заметить обусловленность роли личностей общественным устройством, а также особенностью ситуации: в одни периоды (нередко длительные) мало выдающихся людей, в другие (часто весьма короткие) – целые когорты. Люди титанического склада характера терпят неудачу, а ничтожества оказывают гигантское влияние. Роль личности, к сожалению, далеко не всегда пропорциональна интеллектуальным и моральным качествам самой этой личности. Как писал К. Каутский, «под такими выдающимися личностями не обязательно нужно подразумевать величайших гениев. И посредственности, и даже стоящие ниже среднего уровня, а также дети и идиоты могут стать историческими личностями, если им попадает в руки большая власть» (Каутский 1931: 687).

Г. В. Плеханов считал, что роль личности и границы ее деятельности определяются организацией общества, и «характер личности является “фактором” такого развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Плеханов 1956: 322). В этом есть немалая доля истины. Однако если характер общества дает простор произволу (случай в истории очень распространенный), то плехановское положение не работает. В такой ситуации развитие нередко становится очень зависимым от желаний и личных качеств правителя или диктатора, который и станет концентрировать силы общества в нужном ему русле.

Развитие взглядов на роль личности в истории

Рассмотрим представления о роли личности в истории до середины XVIII в. Историография возникла не в последнюю очередь из потребности описать великие деяния правителей и героев. Но поскольку теории и философии истории долгое время не было, то проблема роли личности в качестве самостоятельной не рассматривалась. Лишь в нечетком виде она затрагивалась вместе с вопросом о том, имеют ли люди свободу выбора или все предопределено заранее волею богов, судьбою и т. п. Так, древние греки и римляне в большинстве своем смотрели на будущее фаталистично, так как считали, что судьбы всех людей предопределены заранее (см. главу 1). В то же время греко-римская историография была в основном гуманистической, поэтому наряду с верой в судьбу в ней вполне заметна идея, что от сознательной деятельности человека зависит очень многое. Об этом свидетельствуют, в частности, описания судеб и деяний политиков и полководцев, оставленные такими античными авторами, как Фукидид, Ксенофонт и Плутарх.

Иначе и в определенной мере более логично (хотя, конечно, неверно) проблему роли личности решили в средневековой теологии истории. Согласно этому взгляду, исторический процесс недвусмысленно рассматривался как реализация не человеческих, а божественных целей (см. главу 1). История, по представлениям Августина и более поздних христианских мыслителей (и периода Реформации XVI в., таких как Жан Кальвин), осуществляется по изначально имеющемуся божественному плану. Люди только воображают, что действуют согласно своим воле и целям, а на самом деле Бог избирает некоторых из них для реализации своего замысла.

ла. Но поскольку Бог действует через избранных им людей, то понять роль этих людей означало отыскать намеки на замысел Божий. Вот почему интерес к роли личности в истории в определенном аспекте приобретал особую значимость. И объективно поиск более глубоких причин, чем желания и страсти людей, способствовал развитию философии истории.

В эпоху Возрождения гуманистический аспект истории вышел на первый план. Это стимулировало интерес к вопросу о роли личности в рассуждениях гуманистов. Интерес к биографиям и деяниям великих людей был очень высоким. И хотя роль Провидения по-прежнему признавалась ведущей в истории, но важнейшей движущей силой стала признаваться и деятельность выдающихся людей. Это видно, например, из работы Н. Макиавелли «Государь», в которой он говорит о том, что от целесообразности политики правителя, от его способности использовать нужные средства, включая самые аморальные, зависит успех его политики и в целом ход истории. Макиавелли был одним из первых, кто подчеркнул, что в истории важную роль играют не только герои, но нередко и беспринципные деятели.

В период XVI и XVII вв. растет вера в новую науку, в истории также пытаются найти законы, что было важным шагом вперед. В итоге постепенно вопрос о свободе воли человека решается более логично на основе деизма: роль Бога полностью не отрицается, но как бы ограничивается. Иными словами, Бог создал законы и дал Вселенной первотолчок, но поскольку законы вечны и неизменны, человек свободен действовать в рамках этих законов. Однако в целом в XVII в. проблема роли личности не была столь важна. Рационалисты не формулировали свой взгляд на нее достаточно определенно, но с учетом их представлений о том, что общество есть механическая сумма индивидов, они признавали большую роль выдающихся законодателей и государственных деятелей, их способность преобразовать общество и изменить ход истории.

В эпоху Просвещения возникла философия истории, согласно которой естественные законы общества базируются на вечной и общей природе людей. Господствовало убеждение о том, что общество можно перестроить согласно этим законам на разумных началах. Исходя из этого признавалась высокой и роль личности в истории. Просветители считали, что выдающийся правитель или законодатель мог сильно и даже радикально изменить ход истории.

Например, Вольтер в своей «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» изображал Петра I как некоего демиурга, насаждающего культуру в совершенно дикой стране. Просветители не осознавали того факта, что личность не может возникнуть ниоткуда, она должна в какой-то мере соответствовать состоянию общества. Однако в смысле развития интереса к теме роли личности просветители сделали много. С периода Просвещения она становится одной из важных теоретических проблем.

В первые десятилетия XIX в., в период господства романтизма (см. главу 2), происходит поворот в трактовке вопроса о роли личности. Представления об особой роли мудрого законодателя или основателя новой религии на пустом месте сменились подходами, которые ставили личность в соответствующее историческое окружение. Если просветители пытались объяснить состояние общества законами, которые издавали правители, то романтики, наоборот, выводили правительственные законы из состояния общества, а изменения в его состоянии объясняли историческими обстоятельствами. Романтики и близкие им направления мало интересовались ролью исторических личностей, так как основное внимание они уделяли «народному духу» в разные эпохи и в его различных проявлениях. Для развития проблемы роли личности немало сделали французские историки-романтики времен Реставрации (Ф. Гизо, О. Тьерри, А. Тьер, Ф. Минье, Ж. Мишле). Однако они ограничивали эту роль, считая, что великие исторические деятели могут только ускорить или замедлить наступление того, что неизбежно и необходимо. И по сравнению с этим необходимым все усилия великих личностей выступают лишь как малые причины развития. Фактически такой взгляд был усвоен и марксизмом.

Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) в отношении роли личности высказывал во многом сходные с романтиками взгляды (о различиях см. в главе 2). Исходя из своей провиденциалистской теории, он считал, что «все действительное разумно», то есть служит осуществлению необходимого хода истории. Согласно Гегелю призвание «всемирно-исторических личностей заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа» (Гегель 1935: 30). Вот почему он считал, что великая личность не может сама творить историческую реальность, а лишь раскрывает неизбежное будущее развитие. Дело великих личностей понять необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее

осуществление свою энергию. Однако так ли «необходимо», а главное, «разумно» было появление, например, Чингисхана и последовавшие за этим разрушения, гибель стран? Или приход к власти Гитлера, возникновение Германского нацистского государства и развязанная им Вторая мировая война? Словом, в таком подходе многое противоречило реальной исторической действительности.

Попытки увидеть за канвой исторических событий глубинные процессы и законы были важным шагом вперед. Однако на длительное время зародилась тенденция преуменьшать роль личности, утверждая, что в результате закономерного развития общества при потребности в том или ином деятеле одна личность всегда заменит другую.

Едва ли не сильнее Гегеля идеи провиденциализма выразил Л. Н. Толстой в своих знаменитых философских отступлениях в романе «Война и мир». Согласно Толстому, значение великих людей только кажущееся, на самом деле они лишь «рабы истории», осуществляющейся по воле Провидения. «Чем выше стоит человек на общественной лестнице, ...чем больше власти он имеет..., тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка», – утверждал он.

Английский философ Томас Карлейль (1795–1881) был одним из тех, кто вернулся к идее выдающейся роли личностей, «героев» в истории. Одно из самых известных его произведений, оказавших очень сильное влияние на современников и потомков, называлось «Герои и героическое в истории» (1840). Согласно Карлейлю, всемирная история есть биография великих людей. Он и сосредоточивается в своих работах на тех или иных личностях и их роли, проповедует высокие цели и чувства, пишет целый ряд блестящих биографий. О массах он говорит гораздо меньше. По его мнению, массы нередко только орудие в руках великих личностей. По Карлейлю, существует своего рода исторический круг, или цикл. Когда героическое начало в обществе ослабевает, наружу могут вырваться скрытые разрушительные силы массы (в революциях и восстаниях), и они действуют, пока общество вновь не обнаружит в себе «истинных героев», вождей (таких как Кромвель или Наполеон).

В последней трети XIX – начале XX в. идеи личности-одиночки, способной совершить благодаря силе своего характера и интеллекта невероятные вещи, в том числе повернуть ход истории, были очень популярны, особенно среди революционно настроенных мо-

лодых людей. Это сделало актуальным вопрос о роли личности в истории в формулировке Т. Карлейля: взаимоотношений «героя» и массы (в частности стоит отметить «Исторические письма» революционера-народника П. Л. Лаврова). Существенный вклад в развитие этой проблемы внес Н. К. Михайловский (1842–1904). В своей работе «Герои и толпа» он формулирует новую теорию и показывает, что под личностью необязательно понимать выдающуюся личность. В принципе важную роль могла сыграть любая личность, которая волей случая оказалась в определенной ситуации во главе или просто впереди массы. Михайловский в отношении исторических личностей не развивает подробно эту тему. Его статья скорее имеет психологический аспект. Смысл идей Михайловского состоит в том, что личность вне зависимости от ее качеств может в определенных моменты резко усилить своими эмоциональными и иными действиями и настроениями толпу (аудиторию, группу), отчего все действие приобретает особую силу. Словом, роль личности зависит от того, насколько ее психологическое воздействие усиливается восприятием массы. В чем-то похожие выводы (но существенно дополненные за счет его марксистской классовой позиции и касающиеся уже более или менее организованной массы, а не толпы) позже сделал один из видных теоретиков марксизма К. Каутский.

Марксистский взгляд наиболее систематически изложен в работе Г. В. Плеханова (1856–1918) «К вопросу о роли личности в истории». Хотя марксизм порвал с теологией и объяснял ход исторического процесса материальными факторами, он многое унаследовал от объективной идеалистической философии Гегеля в целом и в отношении роли личности в частности. Маркс, Энгельс и их последователи считали, что исторические законы инвариантны, то есть реализуются при любых обстоятельствах (максимум вариации: немного раньше или позже, легче или тяжелее, более или менее полно). В такой ситуации роль личности в истории представляла небольшой. Личность может, по выражению Плеханова, лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий, ускорить или замедлить реализацию исторического закона, но не в состоянии ни при каких обстоятельствах изменить запрограммированный ход истории. И если бы не было одной личности, то ее непременно бы заменила другая, выполнившая ровно ту же историческую роль.

Такой подход фактически базировался на идеях неизбежности осуществления законов (действующих вопреки всему, с «железной необходимостью»). Но таких законов нет и быть не может в истории, поскольку в мировой системе общества играют разную функциональную роль, которая нередко зависит от способностей политиков. Если посредственный правитель промедлит с реформами, его государство может попасть в зависимость, как например, случилось в Китае в XIX в. В то же время правильно проведенные реформы способны превратить страну в новый центр силы (так Япония в это же столетие сумела перестроиться и сама стала совершать захваты).

Кроме того, марксисты не учитывали, что личность не только действует в определенных обстоятельствах, но когда обстоятельства позволяют, в известной мере творит их согласно собственным пониманию и особенностям. Например, в эпоху Мухаммеда в начале VII в. арабские племена чувствовали потребность в новой религии. Но какой она могла стать в своем реальном воплощении, во многом зависело уже от конкретной личности. Иными словами, появившись другой пророк, даже при его успехе религия была бы уже не исламом, а чем-то другим, и сыграли бы тогда арабы столь выдающуюся роль в истории, можно только гадать. Наконец, многие события, включая социалистическую революцию в России (именно ее, а не вообще революцию в России) надо признать результатом, который мог бы и не осуществиться без совпадения ряда случайностей и выдающейся роли Ленина (в известной мере и Троцкого).

В отличие от Гегеля в марксизме во внимание принимаются уже не только положительные, но и отрицательные деятели (первые могут ускорить, а вторые замедлить реализацию закона). Однако оценка «положительной» или «отрицательной» роли существенно зависела от субъективной и классовой позиции философа и историка. Так, если революционеры считали Робеспьера и Марата героями, то более умеренная публика рассматривала их как кровавых фанатиков.

Итак, ни детерминистско-фаталистические теории, не оставляющие творческой исторической роли личностям, ни волюнтаристские теории, которые считают, что личность может изменить ход истории, как ей угодно, не решали проблему. Постепенно философы отходят от крайних решений. Давая оценку господствующим течений философии истории, российский философ Х. Раппопорт пи-

сал в конце XIX в., что, помимо двух вышеуказанных, есть и третье возможное решение: «Личность есть как причина, так и продукт исторического развития... это решение, в его общей форме, кажется наиболее близким к научной истине...» (Раппопорт 1899: 47).

Близким к промежуточной позиции оказался подход известного русского социолога Н. И. Кареева, изложенный в его объемной работе «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1890; 2-е изд. 1914). В целом это был верный подход. Поиск некоей золотой середины позволял увидеть разные аспекты проблемы. Однако все же такой средний взгляд многого не объяснял, в частности, когда и почему личность может оказывать крупное, решающее воздействие на события, а когда нет.

Возвращаясь к проблеме отношений лидера и масс, важно отметить, что Михайловский и Каутский верно уловили этот социальный эффект: сила личности возрастает до колоссальных размеров, когда за ней идет масса и тем более, когда эта масса организована и сплочена. Но диалектика взаимоотношений личности и массы все же существенно сложнее. В частности важно понять, является ли личность только выразителем настроений массы или, напротив, масса инертна и личность может направлять ее.

Отвечая на этот вопрос, политологи выделяют в изучении лидерства две разные группы теорий – теории черт лидера и теории последователей. По этой причине ясно, что сила личностей нередко напрямую связана с мощностью организаций и групп, которые они представляют, а наибольших успехов при этом добивается именно тот, кто лучше спланирует своих сторонников. Но это вовсе не отменяет факт, что именно от личных особенностей лидера порой зависит, куда повернет эта общая сила. Поэтому роль лидера в такой ответственный момент (сражение, выборы и пр.), степень его соответствия роли имеет, можно сказать, определяющее значение, поскольку, как писал А. Лабриола, само сложное переплетение условий приводит к тому, что «в критические моменты определенные личности, гениальные, героические, удачливые или преступные, призываются сказать решающее слово» (Лабриола 1960: 183).

Сравнивая роль масс и личностей, мы видим: на стороне первых – численность, эмоции, отсутствие персональной ответственности. На стороне вторых – осознанность, цель, воля, план. Поэтому можно сказать, что при прочих равных условиях роль личности

наибольшей будет тогда, когда преимущества масс и лидеров соединятся в одну силу. Оттого расколы так уменьшают мощь организаций и движений, а наличие соперничающих лидеров может вообще свести ее к нулю. Итак, несомненно, что значение деятелей определяет много факторов и причин. Таким образом, развивая эту проблему, мы уже перешли к анализу современных взглядов.

Заметным шагом вперед в развитии рассматриваемой темы стала книга С. Хука «Герой в истории. Исследование пределов и возможностей» (Hook 1955 [1943]). Эта монография до сих пор является одним из наиболее часто упоминаемых трудов в данной области. Хук приходит к важному выводу, который существенно объясняет, почему роль личности может колебаться в разных условиях. Он отмечает, что, с одной стороны, деятельность личности действительно ограничена обстоятельствами среды и характером общества, но с другой – роль личности существенно повышается до состояния, когда она становится независимой силой в случае, если в развитии общества появляются альтернативы. При этом он подчеркивает, что в ситуации альтернативности от качеств личности может зависеть и выбор альтернативы. Хук не дает классификацию таких альтернатив и не связывает наличие альтернатив с состоянием общества (стабильное – нестабильное), но ряд приведенных им примеров касается наиболее драматических моментов (революций, кризисов, войн).

В главе 9 своей книги Хук делает важное различие между историческими деятелями по степени их воздействия на ход истории, деля их на людей, влияющих на события, и людей, создающих события. Хотя Хук четко не разделяет личности по объему их влияния на отдельные общества или на человечество в целом, тем не менее В. И. Ленина он относил к людям, создающим события, поскольку в определенном отношении тот значительно изменил направление развития не только России, но и всего мира в XX в. Хук придает большое значение случайностям и вероятностям в истории в отношении к роли личности, но в то же время он резко против попыток представить всю историю как волны случайностей.

Современные взгляды на роль личности

Во второй половине XX – начале XXI в. среди многих авторов, так или иначе касающихся этих вопросов, следует назвать философов

У. Дрея, К. Гемпеля, Э. Нагеля, К. Поппера, экономиста и философа Л. фон Мизеса и др., причем между некоторыми из них в конце 1950 – начале 1960-х гг. велись интересные дискуссии вокруг проблем детерминизма и законов истории (Hook 1963; Кон 1977). В частности, высказывались интересные мысли о мотивах поступков исторических деятелей и соотношении мотивов и результатов.

В середине XX в. окончательно сформировался системный подход, который потенциально открывал возможность по-новому взглянуть на роль личности. Появились также теории, которые пытались использовать для решения проблемы роли личности законы входившей в моду биологии, особенно дарвинизма и генетики (например, американские философ У. Джеймс и социолог Ф. Вудс).

Однако более важными здесь оказались синергетические исследования. Синергетическая теория (И. Пригожин, И. Стенгерс и др.) различает два главных состояния системы: порядка и хаоса. Эта теория потенциально помогает углубить понимание роли личности. В отношении общества ее подходы можно интерпретировать следующим образом. В состоянии порядка система/общество не допускает существенной трансформации. Зато хаос, несмотря на негативные ассоциации, часто означает возможность для нее перейти в другое состояние (как на более высокий, так и на более низкий уровень). Если скрепляющие общество связи/институты ослаблены или разрушены, оно какое-то время находится в очень неустойчивом положении. Это особое состояние в синергетике получило название «бифуркация» (развилка). В точке бифуркации (революции, войны, перестройки и т. п.) общество может повернуть в ту или иную сторону под влиянием различных, даже незначительных в целом причин. Среди этих причин почетное место занимают те или иные личности.

Интересные замечания о том, что роль личности проявляется по разному в устойчивые и неустойчивые переломные периоды жизни общества можно найти в трудах А. Грамши, А. Лабриолы, Дж. Неру и других мыслителей. Соответственно, чем менее прочно и устойчиво общество и чем сильнее разрушены старые конструкции, тем большее влияние может оказать на него отдельная личность. Иными словами, роль личности нередко бывает обратно пропорциональна стабильности и прочности общества.

В современной общественной науке выработано и специальное понятие, которое объединяет воздействие всех типичных причин – «фактор ситуации». Он складывается из: а) особенностей среды,

в которой действует личность (общественный строй, традиции, задачи); б) состояния, в котором находится в определенный момент общество (устойчивое, неустойчивое, идет на подъем, под уклон и т. п.); в) особенностей окружающих обществ; г) особенностей исторического времени; д) происходили ли события в центре мировой системы или на ее периферии (первое увеличивает, а второе уменьшает влияние определенных личностей на другие общества и исторический процесс в целом); е) благоприятности момента для действий; ж) особенностей самой личности и потребности момента и обстановки именно в таких качествах; з) наличия конкурентных деятелей. Чем больше из указанных пунктов благоприятствует личности, тем важнее может быть ее роль.

Можно предположить, как личность оказывает влияние на исторический процесс в различных фазах динамики общества. В течение относительно спокойного периода развития общества (первая фаза) роль личности хотя и существенна, но все же не слишком велика (хотя в абсолютных монархиях все, что касается монарха, может стать очень важным, особенно во второй фазе). Когда строй начинает клониться к закату, а решение неудобных для власти вопросов оттягивается, возникает кризис (вторая фаза). С ним появляется много личностей, стремящихся к насильственному их разрешению (переворот, революция, заговор). Возникают альтернативы развития, за которыми стоят различные социально-политические силы, представленные персоналиями. И от особенностей этих персон в той или иной степени зависит теперь, куда может повернуть общество. В тот момент, когда строй гибнет под влиянием революционного напора, возникает «точка бифуркации», переломный момент, после которого появляются альтернативные сценарии дальнейшего развития событий (третья фаза). Общество никогда не имеет заранее однозначного решения. Какие-то из тенденций, конечно, имеют больше, а какие-то меньше вероятностей проявиться, но это соотношение под влиянием разных причин может резко измениться.

В такие переломные периоды лидеры иногда, подобно гирькам, способны перетянуть чашу исторических весов в ту или иную сторону. В эти бифуркационные моменты сила личностей, их индивидуальные качества, соответствие своей роли и т. д. имеет огромное, часто определяющее значение, но в то же время итог деятельности (а следовательно, и истинная роль) личности может оказаться со-

всем иным, чем она сама предполагала. Бывает и так, что, получив влияние, лидеры под воздействием самых разнообразных личных и общих причин приводят общества к совершенно непредсказуемым результатам.

После закрепления у власти какой-либо политической силы борьба нередко происходит уже в стане победителей (четвертая фаза). Она связана как со взаимоотношениями лидеров, так и с выбором дальнейшего пути развития. Роль личности здесь также исключительно велика: ведь общество еще не застыло, а новый порядок может определенно связываться именно с каким-то конкретным человеком (вождем, пророком и т. п.) Чтобы окончательно утвердиться у власти, нужно расправиться с оставшимися политическими соперниками и не допустить роста влияния конкурентов со стороны соратников. Эта продолжающаяся борьба (длительность которой зависит от многих причин) напрямую связана с особенностями победившей личности и окончательно придает облик обществу.

С течением времени структура застывает и уже во многом новые порядки формируют лидеры. Афористично выразили это философы прошлого: «Когда общества рождаются, именно лидеры создают институты республики. Позднее институты производят лидеров». Несомненно, что проблема роли личности в истории далека от своего окончательного решения.

Рекомендуемая литература

- Гринин Л. Е. 2008.** О роли личности в истории. *Вестник РАН* 78(1): 42–47.
- Гринин Л. Е. 2011.** Личность в истории: современные подходы. *История и современность* 1: 3–40.
- Плеханов Г. В. 1956.** К вопросу о роли личности в истории. *Избранные философские произведения*: в 5 т. Т. 2, с. 300–334. М.
- Карлейль Т. 1994.** *Теперь и прежде. Герои и героическое в истории*. М.
- Михайловский Н. К. 1998.** *Герои и толпа: Избранные труды по социологии*: в 2 т. Т. 2. СПб.
- Hook S. 1955.** *The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility*. Boston.

Часть 3 НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 14 ШКОЛА «АННАЛОВ» И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Историческая антропология – условный термин, которым обозначали начиная с 1970-х гг. историографическое течение, ориентированное на систематическое использование историей методов антропологии (этнографии, этнологии, культурной антропологии), что выражается в стремлении взглянуть на происходящие процессы с позиций их участников, а также на изучение всех видов социальных практик (тотальная история, история повседневности). Так получилось, что термин «историческая антропология» чаще всего ассоциируют со школой, или, точнее сказать, *движением «Анналов»*. Однако в действительности эти явления не вполне сопоставимы, поскольку историческая антропология не совпадает с национальными и институциональными границами Франции, а пресловутая школа «Анналов» хронологически и тематически распространяется гораздо шире исторической антропологии.

Начало историографического движения «Анналов»

Движение «Анналов» берет начало в 1929 г., в г. Страсбурге, и связано с деятельностью Люсьена Февра (1878–1956) и Марка Блока (1886–1944) по изданию журнала «Анналы экономической и социальной истории». Основатели журнала мечтали о радикальном обновлении исторической науки в условиях, когда большинство историков предпочитали работать «по старинке», не принимая во внимание ни травмирующий опыт мировой войны, ни социальные сдвиги, ни поистине революционное изменение научной картины мира.

Хотя в мировой историографии утвердился образ Февра и Блока как полных единомышленников, их идейные и жизненные предпочтения ощутимо различались. Л. Февр чтит традиции французской географической школы, но в еще большей степени его увле-

кала историческая психология, которую он продвигал, создавая индивидуальные портреты исторических личностей в контексте эпохи. Февр создал ряд ярких индивидуальных портретов: Лютера, Рабле, Маргариты Наваррской. Так, в книге «Проблема неверия в XVI в.: религия Рабле» (1942 г.) Февр спорил с представителем французского традиционного «раблеведения» А. Лефранком, описывающим своего героя как носителя атеистических и рационалистических воззрений, характерных скорее для мышления Нового времени. Февр усмотрел в этом явную модернизацию XVI в., в ментальном укладе которого еще не было интеллектуальных и социальных установок для возникновения воззрений такого типа. Индивидуальная психология Рабле характеризовалась в монографии как средоточие современной ему ментальной атмосферы.

Марка Блока в большей степени привлекали структуры коллективного сознания, проявляющие себя в определенных групповых практиках. Его книга «Короли-чудотворцы» (Блок 1998 [1924]) была посвящена верованиям в магическую целебную силу королевского прикосновения. Почти незамеченная современниками, впоследствии эта книга стала основополагающей для развития исторической антропологии. Гораздо больший успех снискали исследования Блока в области аграрной истории, которые увенчались обобщающим трудом «Феодальное общество» (*Idem* 2003 [1939]), где предпринимается попытка создать целостный образ средневековой социальной системы, и где особое место занимает глава «Феодального общества»: «Способ мыслить, способ чувствовать».

Редакторы «Анналов» стремились стать идейным средоточием обновленной исторической науки, отстаивая междисциплинарный профиль профессиональных дискуссий. Впервые в исторической периодике они создали практику тематических номеров, специально подобранных вокруг определенной центральной проблемы, зачастую имевшую выход на проблемы современного мира. В творчестве Февра внимание к текущим проблемам исторической науки проявилось в амплуа плодотворного критика: за свою жизнь он написал свыше двух тысяч рецензий. Некоторые из них приобретали характер методологических манифестов. Определенная часть этих рецензий позже была включена автором в сборник «Бои за историю» (Февр 1991 [1953]).

В период немецкой оккупации «Анналы» понесли невосполнимую потерю: летом 1944 г. в застенках гестапо героически погиб

Марк Блок. В послевоенной Франции общественная значимость движения «Анналов» возросла.

«Вторые Анналы». Э. Лабрусс и Ф. Бродель

Послевоенное время, отмеченное настроением обновления и реконструкции, вызвало расцвет социальных наук во Франции. Новые возможности для создания научных проектов предоставляло государство, стремившееся создать на руинах старого мира эффективные и рациональные механизмы управления. От социальных наук требовали конкретных и полезных знаний. В послевоенную Европу поступали не только инвестиции по «плану Маршала», но также мода на все американское, включая методы и технологии исследования американских социальных наук.

В 1946 г. «Анналы социальной истории» отреагировали на веяния времени введением подзаголовка «Экономики, общества, цивилизации», стремясь воплотить в жизнь проект синтеза между различными социальными науками, где историки были бы координаторами. Именно историкам удалось захватить лидерство в создании новой Шестой секции Высшей практической школы, замысливаемой как междисциплинарный центр обновления социальных наук. У истоков нового института со стороны историков стоял Шарль Моразе – представитель редакции «Анналов», специалист по экономической истории, который фактически сумел удержать начинание под контролем историков и его реализовал. Американский фонд Рокфеллера, также привлеченный усилиями Шарля Моразе, участвовал финансовыми дотациями.

Февр мечтал об исследовательских лабораториях, о грандиозных коллективных проектах, которые должны были прийти на смену индивидуальному виду работы. Такого типа «руководителя команды» он увидел в Фернанде Броделе (1902–1985), который с 1947 г. возглавил «Анналы». В следующие два десятилетия Бродель показал себя блестящим организатором, превратившим Шестую секцию в самостоятельную «Высшую школу исследований по социальным наукам» и создавшим «Дом наук о человеке», миссией которого стало продвижение междисциплинарных и интернациональных проектов. Но Ф. Бродель известен миру прежде всего как автор оригинальных исторических произведений (о теоретическом вкладе Броделя см. главы 5, 7, 10, 11 и др.). Его диссертация «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»

(2002–2004 [1949]) представила диалектику пространства и времени в виде нескольких режимов исторических длительностей, каждый из которых имеет свой предмет и задачи исследования: «На поверхности – событийная история, которая вписывается в короткое время, ...посередине – конъюнктурная история, которая следует более медленному ритму...; в глубине – структурная история большой длительности (*la longue durée*), которая охватывает века».

Монументальный трехтомный труд Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» (1986–1992 [1967–1979]) развивает тему глобальной «геоистории», также разделяя свой предмет на три уровня исторической действительности. Автор по отдельности подвергает анализу материальную цивилизацию, обретающую форму в структурах социальной повседневности, рыночную экономику, основанную на конъюнктурных циклах «игр обмена», и сферу капитализма, образующую «время мира».

Было бы несправедливым недооценить вклад в развитие французской исторической науки в духе «Анналов» Эрнеста Лабрусса. Именно он начал разработку понятия “*longue durée*”. С 1946 г. он стал преемником Марка Блока на посту заведующего кафедрой экономической истории в Сорбонне, существенно изменив за четверть века своей педагогической практики рельеф историографического пространства во Франции.

Защитив в 1932 г. диссертацию по экономике о движении цен и доходов во Франции XIX в., Лабрусс обратился к истории Французской революции. Его целью было связать события в долгосрочной перспективе, исследовать эволюции структур и найти революционному разрыву времен научное объяснение. Он стремился открыть и поставить под строгий контроль новые источники, конструируя серии статистических данных, почерпнутых из многочисленных фискальных документов и свидетельств о движении рыночных цен. Именно Лабруссу принадлежала идея разделить исторический материал на три уровня: экономический (быстрого времени), социально-политический (среднего времени) и уровень общественного сознания (время большой длительности). Как видим, такая система, хорошо согласующаяся с марксистскими представлениями о «базисе» и «надстройке», существенно отличалась от трех уровней исторического времени у Броделя, но именно она послужила основанием для появления у «Анналов» нового подзаголовка: «Экономики, общества, цивилизации».

В отличие от Броделя, никогда не имевшего возможности преподавать, у Лабрусса за четверть века педагогической деятельности было много талантливых учеников, обеспечивших впоследствии славу школе «Анналов». Они восприняли, воспроизвели и развили метод Лабрусса: создание однородных цифровых серий, характеризующих экономические и социально-политические процессы. Этот метод был успешно применен в многочисленных (более двадцати) диссертациях по региональной истории.

Необходимо упомянуть также о рождении исторической демографии, которая оказала колоссальное влияние на развитие французской квантитативной истории и в немалой степени способствовала утверждению «матрицы Лабрусса». Ученики Лабрусса – исследователи региональной истории активно внедряли «метод Флери – Анри». Его изобрел демограф Л. Анри, профессор Политехнической школы Парижа, который, пытаясь понять ритм прироста населения в XX в., задался вопросом, как восполнить нехватку источников тех периодов истории, когда переписей еще не проводилось. С помощью архивиста М. Флери Анри открывал для себя церковные приходские книги. Новый источник и техника его статистической обработки стали незаменимым подспорьем для целого поколения историков, положив начало жанру исторической демографии.

Образцовый ученик Лабрусса Пьер Губер начал свою работу о Бовези с публикации в «Анналах» статьи о демографических проблемах региона. В его работе «Бове и бовезийцы с 1600 по 1730 гг.» (1958 г.) приходские книги стали основным источником. «Метод Анри» позволил анализировать жизнь народных масс, которые классическая историография, замороженная великолепием Версальского двора, полностью игнорировала. Использование приходских книг подчас приводила к удивительным открытиям, таким, как практика позднего брака во Франции Старого Порядка. Вопреки свидетельству литературных источников, относительно поздний – 25–27 лет для девушки – возраст вступления в брак был решающим средством контроля рождаемости, повышая планку репродуктивного периода.

Таким образом, «второе поколение Анналов» достигло несомненного успеха, создав собственные институты и получив международный престиж. Для иностранных, в первую очередь американских, историков школа «Анналов» становится «визитной карточ-

кой» французской исторической науки. Историкам этого направления удалось занять ключевое место среди социальных наук, потеснив структурную антропологию Леви-Стросса (1985), претендовавшую на лидерство в системе гуманитарного знания.

Историк, согласно Леви-Строссу, имеет сугубо эмпирический план наблюдения и потому, не имея доступа к тем глубинным структурам общества, которые почти аннулируют диахроническое измерение истории, не способен к моделированию. И только антрополог (этнолог) может распознать глубинную бессознательную основу социальных практик. «...история организует свои данные по отношению к сознательным формам, этнология – по отношению к бессознательным условиям социальной жизни».

Упреки Леви-Стросса, парировал Бродель, справедливы только по отношению к традиционной истории, тогда как проект обновленной «тотальной» истории, используя множественные режимы исторического времени, способен лучше антропологии выявить глубинные структуры общественного бытия, которые всегда имеют свое хронологическое измерение. При этом Бродель постулировал необходимость открывать границы между дисциплинами, выступая сторонником свободного обмена идеями при объединяющей и главенствующей роли истории. Ответ Броделя структурной антропологии позволил истории удержать во Франции монопольное положение среди гуманитарных наук. Однако он имел и непредвиденные последствия. История сохранила центральное место в социальных науках, но ценой метаморфозы, повлекшей за собой радикальные перемены. Под воздействием научных работ, выполненных в жанре структурной антропологии, история трансформировалась «изнутри». Она сделалась антропологической, а антропология – исторической.

Становление истории ментальностей

Уже в 1960-х гг. все чаще появляются книги историков, посвященные «этнологическим» сюжетам. Все чаще предметом исследования становится сфера коллективного сознания, для характеристики которого используется слово «ментальность». Не все авторы подобных изысканий изначально принадлежали движению «Анналов», но эти новаторские работы, как правило, обсуждались на страницах журнала. Так, широкий резонанс вызвала книга Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» (1999

[1960]). В исследовании, посвященном ребенку, он представил идею детства как особого возраста, отличного от возраста взрослых, как относительно недавнее (с XVIII в.) изобретение.

Позднее, изучив закономерности и эволюцию западной культуры, значимые для жизни, Арьес исследовал вариации поведения перед лицом смерти, основанные на бессознательном коллективной практики. В книге «Человек перед лицом смерти» (1992 [1970]) он выделил пять идеальных «возрастов» в восприятии смерти: 1) смерть в античности и на заре Средневековья, воспринимаемая как закономерный этап коллективной судьбы; 2) «смерть себя» среднего и позднего Средневековья, финал биографии без трагических переживаний; 3) «смерть долгая и близкая», характерная для Нового времени и рассматриваемая как страшная неотвратимая угроза; 4) «смерть тебя» XIX – начала XX вв., – трагическая потеря дорогого существа в культуре, ориентированной на семейные ценности; 5) «перевернутая смерть» второй половины XX в., которая рассматривается как феномен возмущающий, вытесняемый из сознания.

Филипп Арьес сформировал популярный образец истории ментальностей, использующий в качестве основных источников памятники литературы и искусства. В дальнейшем многие положения были оспорены, в первую очередь самими историками «Анналов», но сама постановка исторической проблемы, затрагивающая новые для историка области человеческого существования, была новаторской.

Историк-медиевист Жорж Дюби создал первый теоретический манифест истории ментальностей в сборнике «История и ее методы» (1961). История ментальностей, по Дюби, изучает символический универсум в его целостности, историк не должен изучать историческую реальность, разводя ее по этажам экономического, социального и культурного. Еще в 1950-х гг. Дюби ввел в научный оборот понятие «феодалной революции», парадоксальным образом определяя феодализм как средневековую ментальность, то есть особого рода мыслительный инструментарий. Именно понятие ментальности позволяет ему в книгах «Общество XI–XII вв. в провинции Маконнэ» (1953 г.), «Время соборов» (1966 г.), «Бувинское воскресенье» (1973 г.), «Рыцарь, женщина и священник» (1981 г.) гармонично связать воедино изменение экономических, социально-политических и семейных структур.

Наиболее ясно иллюстрировала представление Дюби о ментальностях его книга «Три сословия или средневековое воображаемое» (1978 г.; рус. пер.: «Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе» [Дюби 2000]). Прилагая древний индоевропейский миф – управление, война, производство – к исторической конкретике европейского Средневековья, автор показывает, что формирование трехсословной общественной системы стало и результатом, и движущей силой феодальной революции. После распада империи Каролингов установилась новая система социального разделения труда, новая легитимная модель подчинения, выражаемая знаменитой формулой: *oratores, bellatores, laboratores*, – одни правят, другие сражаются, третьи работают. Идеологическая система, призванная предотвращать внутренние войны, обеспечивать защиту «святых мест» и поддержание мира, насаждалась клириками, но закрепляла господство сеньоров – рыцарей. Таким образом, структурирование трех сословий, по Дюби, проходит путь, обратный алгоритму, обозначенному Марксом, от идеологического к социальному.

Сторонником истории ментальностей выступал также Робер Мандру, человек из команды «Анналов», единомышленник Люсьена Февра, ратовавший за создание союза психологии и истории. В 1961 г. Мандру опубликовал свою новаторскую книгу «Введение в современную Францию: 1500–1640 гг. Эссе психологической истории», замысел которой подсказал Л. Февр. Диссертация Мандру была посвящена изменению судебных практик в отношении феномена колдовства, произошедшему в XVII в. В книге «Магистраты и колдуны» (1968 г.) автор отслеживал медленное, занявшее почти столетие, разрушение традиции «охоты на ведьм». Если в начале века судьи, без колебаний обличая козни Сатаны, выносили обвинительные вердикты, то в конце века этот тип приговора все чаще отвергался. Мандру усматривал суть подобной перемены в изменении самой структуры сознания судей и даже шире, в изменении приоритетов элитарной культуры, отмеченной нарастающей рационализацией мышления.

Чаще всего в нашей стране историю ментальностей и историческую антропологию связывают с именем Жака Ле Гоффа (р. 1924). В обобщающей работе «Цивилизация средневекового Запада» (1992 [1964]) автор дает целостную картину развития средневеко-

вого общества, раскрываемую через характеристики материальной культуры, социальной структуры, экономических изменений в неразрывной связи с эволюцией ментального инструментария. Восприятие средневековым человеком времени и пространства, системы ценностей, представлений о структуре общества, бедности и богатстве, духовного опыта – все это оказывается у Ле Гоффа системообразующим фактором, без понимания которого изучение средневекового общества невозможно. Жак Ле Гофф выбирает предметом истории ментальностей «уровень повседневного и автоматического», внеперсонального и ускользающего от понимания отдельных людей, «то, чем являются Цезарь и последний солдат его легионов, Святой Людовик и крестьянин его вотчины, Христофор Колумб и моряк с его каравеллы».

Жак Ле Гофф является одним из самых известных представителей «третьих Анналов». Его книги «Интеллектуалы Средневековья» (1957 г.), «Другое Средневековье» (1977 г.), «Цивилизация Средневекового Запада» (1992 [1964]), «Рождение чистилища» (2009 [1981]), «Средневековое воображаемое» (1985 г.), «Святой Людовик» (1996 г.), и др. были переведены на многие языки, включая русский. Но не менее известными стали его теоретические манифесты. Так, например, в трилогии «Заниматься историей» (1974 г.) Жак Ле Гофф писал об истории ментальностей как об истории многозначной, дающей свободу сблизиться с этнологией, социологией и социальной психологией, поддерживать множество отношений, имеющих стратегическое значение. Всеобъемлющий характер гибкого понятия «ментальность» позволял свободно трудиться на ниве других социальных наук.

Наряду с этими историками к проблемам ментальностей и исторической антропологии обращались практики так называемой «сериальной истории». Они продолжали пользоваться методом экономической истории Лабрусса, завоевывая сферы других измерений прошлого. «Третьим уровнем» сериальной истории, по выражению Пьера Шоню, после уровней социального и экономического стала широкая область ментального и социальной психологии, в том числе истории религиозных практик, книги и грамотности. Это движение «от подвала к чердаку» дома истории происходило с опорой на статистику и компьютерные технологии. Именно в этот момент ряд «новых историков» решили, что компьютер является инструментом подлинной научности, который посчитает в истории все, что только может быть посчитано.

П. Шоню, известный своими исследованиями трансатлантической торговли XVI–XVII вв., создает из своих учеников творческий коллектив для фронтального обследования Центрального архива нотариальных актов Парижа, чтобы выявить максимальное количество завещаний, содержащих благочестивые формулы (упоминания святых покровителей, количество заупокойных месс). На основе полученных данных выстраивались серии, которые должны были показать динамику изменения отношения человека к смерти. Результаты коллективного исследования были в итоге обобщены в книге «Смерть в Париже. XVI–XVII вв.» (1978 г.). Это был своего рода ответ на вызов, брошенный Ф. Арьесом, который опирался на отдельные литературные примеры.

К дискуссии с Арьесом в работе «Барочное благочестие и деchristианизация Прованса в XVII в. Поведение перед лицом смерти по материалам завещаний» (1978 г.) присоединился и Мишель Вовель, историк-марксист, специалист по Французской революции. Он учитывал демографические и социально-экономические факторы, характеризующие индивида и семью в «ожидании смерти». Анализируя «дискурс о смерти», автор восстанавливал ткань связанных с нею идеологий, места института Церкви и светских властей. Меж этих двух полюсов располагался ментальный опыт «пережитой смерти», всегда имеющий социальные различия. Исследовав двадцать тысяч завещаний, сделанных в XVIII в., Вовель пришел к выводу о радикальном изменении ментальностей в эпоху Просвещения, переставшей соблюдать «ритуалы эпохи барокко». Вполовину реже заказывались посмертные мессы, похоронный обряд не занимал больше центрального места в завещании. Выясняя факторы подобной эволюции, Вовель отверг схему противостояния народа и элиты, утверждая решающую роль городской буржуазии в этой десакрализации ментальностей, которая контрастировала с защитной реакцией знати.

Так историки, воспитанные в духе «вторых Анналов», занимали новую территорию историка – историю ментальности. В этом отношении характерным примером совмещения различных традиций служит творчество Эммануэля Ле Руа Ладюри (р. 1924; о его творчестве см. также в главах 9 и 10 настоящего издания). Уже в его диссертации «Крестьяне Лангедока» (1966 г.), написанной в лучших традициях методологии Лабрусса, чувствовались некоторые новые веяния, не без удивления отмечаемые рецензентами.

Автор уделял непривычно много внимания различного рода фобиям, коллективным психозам, и отсюда выработался его интерес к ментальностям. С другой стороны, он отмечал наличие очень жестких рамок, заявляя в духе Броделя, что крестьянское существование – это история «почти неподвижная», но подверженная всевозможным превращениям – климатическим изменениям (и отсюда происходит его интерес к истории климата), эпидемиям, чреватым демографическими катаклизмами (и отсюда его увлечение историей народонаселения), истощению почв (и отсюда репутация Ле Руа Ладюри как одного из столпов неомальтузианства).

В начале 1970-х гг. Ле Руа Ладюри выступает с методологическим манифестом о «неподвижной» истории, произнося сакральную фразу о том, что «историк завтрашнего дня будет программистом или его не будет вовсе». Отдельный человек и событие не представляют интереса для такой истории, ее целью являются глобальные эпохи, отражающие исторические изменения планетарного масштаба. В парадоксальном несоответствии собственным заявлениям он выпускает в 1975 г. книгу «Монтайю, окситанская деревня». Опираясь на давно известный историкам источник – инквизиционные протоколы допросов жителей горной пиренейской деревушки начала XIV в. по делу о катарской ереси, автор вместо привычного для политической истории рассказа об инквизиции выступает в роли этнолога, создающего описание экзотической культуры. Автор воссоздает все стороны жизни простых людей: структуру семьи, особенности материального быта, верования, повседневные практики, взаимоотношения враждебных крестьянских кланов, представления о социальном и небесном порядке, распространение еретических взглядов (в том числе – веры в переселение душ) и даже разговоры деревенских кумушек, занятых доверительной беседой, пока одна вычесывает паразитов в голове у другой. Эта объемная книга получила неожиданный общественный резонанс, превратившись в бестселлер, переведенный на многие языки мира. «Монтайю» становится классикой исторической антропологии, хотя сторонники микроистории считают эту книгу образцом своего жанра (Ле Руа Ладюри 2001).

Вскоре последовала монография «Карнавал в Романе» (1979 г.), которая рассказывала об истории кровавого праздника, устроенного в 1580 г. в городе Романе знатным сословием, чтобы устранить лидеров народной партии – потенциальных мятежников. Социальные позиции ряженых на празднике символически выражались об-

разами животных: знатных – летающими, с различением полов, нижестоящих – земными и бесполоыми. Анализируя игровые формы карнавала, автор нашел в нем все черты традиционных итальянских праздников, воплотивших в себе мифологемы народного сознания.

Триумф исторической антропологии. «Третьи Анналы»

Таким образом, в 1970-х гг. параллельно с развитием истории ментальностей утвердился жанр исторической антропологии. Официально Высшая школа исследований по социальным наукам объявила о введении направления исследований по исторической антропологии в 1976 г. Она была сразу представлена «двенадцатью семинарами и семнадцатью преподавателями». Еще годом ранее Жак Ле Гофф переименовал свой курс «истории и социологии средневекового Запада» в «историческую антропологию средневекового мира».

Произошли изменения и в редакции «Анналов»: с 1969 г. на смену единоличному верховенству Ф. Броделя пришло коллегиальное управление Ж. Ле Гоффа, Э. Ле Руа Ладюри, М. Ферро. Наступил период «Третьих Анналов». Отдавая дань моде, «Анналы» публикуют специальные номера, посвященные антропологическим темам: «Биологическая история и общество», «История и структура», «Семья и общество», «История и сексуальность», «За антропологическую историю», «История потребления», «Вокруг смерти», «Антропология Франции», «История и антропология андских обществ», «Исследования об исламе. История и антропология».

Антропологическое измерение проникало в разнообразные сферы исторического знания, став благодатной почвой для реального, а не только декларативного осуществления исторического синтеза. Оно оказалось удобным ракурсом для историков, воспитанных в «лабрусссовской» парадигме исторического знания, отождествлявших себя с социальной историей. Так, например, в книге «Культура внешности. История одежды в XVII–XVIII вв.» (1989 г.) Даниэль Рош совместил виртуозное знание истории быта и материальной культуры (того, как, из каких материалов шили наряды, как одевались разные слои населения, как продавали новое и поношенное платье, и даже куда воровки сбывали украденные носовые платки) с обращением к культурным кодам цивилизации, поскольку, по словам автора, «за нарядом действительно можно обнару-

жить ментальные структуры». В «портновском театре эпохи» выбор одежды выражал претензии на определенный социальный статус, но происходившая «революция в одежде» была сродни «Великой Французской революции», поскольку мода перестала быть исключительным достоянием привилегированного класса.

В 1970-е гг. движение «Анналов» переживало свой «золотой век», если считать мерилom успеха все возрастающую, приобретающую мировой масштаб аудиторию почитателей, которые открывали для себя многочисленные произведения наследников легендарной традиции. Это обширное историографическое производство сами анналисты без ложной скромности называли «Новой историей» (*Nouvelle histoire*). Настаивая на новизне своих начинаний, «третьи Анналы» подчеркивали революционный по размаху обновлений характер исследований и преемственность с первыми полемическими манифестами Февра, противопоставивших традиционной истории свое видение «новой исторической науки», основанной на междисциплинарном сотрудничестве и конструировании гипотез, предшествующих работе с источниками. Энциклопедия «Новая история», выпущенная под редакцией Ж. Ле Гоффа в 1978 г., подтверждала свою преемственность по отношению к «первым Анналам», заявив о неприятии «трех идолов» историка: политического, индивидуального и поиска истоков, то есть стремления объяснять явления и события прошлого их происхождением, несколькими общеизвестными причинами. Дело дошло до того, что в энциклопедии отсутствовала статья о политической истории.

Для понимания ориентиров «Новой истории» необходимо принимать во внимание социальный и идейный контекст эпохи. Не случайно события, последовавшие за студенческими волнениями 1968 г., порой называют «второй французской революцией», по причине существенных перемен, произошедших в организации французского общества и переворота в умах французов. Стремительные изменения переживали, казалось, незыблемые французские ценности: представления о семье и гендерных ролях, роль религии и политических партий, отношения между работниками и патроном и даже издавна характерная для французов приверженность рационализму все чаще подвергались сомнению. Все это дало возможность говорить об «антропологическом кризисе», поразившем Францию. С другой стороны, все больший интерес вызывали другие цивилизации, их способность сопротивляться структу-

рам и идейным константам западного общества. Экзотика образа Другого, осознание многообразия ценностных ориентаций человечества подтачивали привычные европоцентричные схемы, неслучайно в эти годы разразился кризис существующих теорий модернизации.

Возвращаясь в метрополию, профессиональные этнологи с удивлением обнаружили в сознании и быте западного общества свои «внутренние колонии», «островки дикости», неподвластные переменам, которые, как считалось, свойственны лишь «холодным обществам». Свежесть и острота этого восприятия, позволяющего обнаружить сгустки прошлого в современной жизни, экзотизм внутри самих себя быстро покорили историю. Появились новые междисциплинарные проекты, руководимые историками, требовавшие привлечения народной памяти. Характерным примером является исследование в бретонской деревне Плозеве, возглавляемое Андре Бюргером, где местное население изучалось коллективом представителей различных социальных наук.

Мировой экономический кризис, разразившийся в 1973–1974 гг., положил конец вере в идеологию экономического и социального прогресса, столь характерную для историков предшествующего периода «Славного тридцатилетия», когда Европа переживала бурный рост. Запад открыл для себя потаенный шарм древних времен, ностальгию о потерянном веке, о той прекрасной эпохе, что была раньше Второй мировой войны и «тридцати славных лет». Заимствуя у этнологов инструменты анализа, историки пытались выведать у прошлого самые сокровенные тайны, традиционно не обсуждаемые в историографии. Носителями смысла стали «изгнанные» объекты, воскресшие в исследованиях девиантные социальные группы средневековых маргиналов, волшебников, сумасшедших. Пытаясь приобщиться к доиндустриальным культурам, историки игнорировали эпохи больших перемен и сосредотачивались на повседневной памяти «маленьких людей». Вместе с тем новые исследования стремились выявить историческую глубину происходящих общественных трансформаций, занимаясь вопросами функционирования семьи, социальной роли и образа ребенка, воспитательных и карательных механизмов в обществе, методов регулирования рождаемости (см. об этом также в следующей главе настоящего издания). Новая свобода поведения, быстро получившая ярлык «сексуальная революция», расширила границы исследо-

вания за счет истории тела, запахов, гигиены, любовных отношений. Процессы урбанизации, в считанные годы уничтожившие традиционный крестьянский уклад, подъем регионального и экологического движений в 1970-е гг. возродили интерес к средневековью и традиционному обществу Франции.

Вызванная к жизни множественными причинами, историческая антропология представляется скорее многовекторным движением, чем четко выраженной доктриной. Несмотря на это, предпринимались и предпринимаются попытки дать формальное определение исторической антропологии, провести водораздел между нею и историей ментальностей, или новой социальной историей, то есть превратить историческую антропологию в академическую дисциплину, которой можно обучать. В этом можно усмотреть парадокс, впрочем, довольно часто наблюдаемый в историографии: поколение ниспровергателей-революционеров само превращается в носителей своеобразной ортодоксии. Апогей влияния исторической антропологии и «третьего поколения Анналов» пришелся на середину 1970-х – начало 1980-х гг. Но триумф исторической антропологии был ограничен во времени.

После исторической антропологии. «Четвертые Анналы»

Школа «Анналов» по определению не могла останавливаться на каком-то достигнутом уровне, пусть даже весьма высоком. Тем более что во Франции 1980-х гг. нарастала волна критики в отношении исторической антропологии. Прежде всего, как и все структуралистские течения, это направление вызывало критику по следующим основаниям: невнимание к факторам, обеспечивающим историческую динамику; недостаточная научная доказательность «через удачный пример»; злоупотребление простыми обобщениями. Для большинства историков отказ от изучения событий, декларируемый «Анналами», оказался неприемлем, ведь события – это основа истории и исторического нарратива.

«Первым звонком» для школы «Анналов» стала публикация в 1980 г. почти одновременно появившихся статей Л. Стоуна и К. Гинзбурга, в которых постулировался провал проекта «научной истории» и возврат к традиционной, проблемно-хронологической, «нарративной» манере изложения уникальных событий. Эти упреки были тем более опасны для «Анналов», что они исходили не от традиционалистов, а от заведомых новаторов. Надо отметить, что

хотя стиль «третьих Анналов» был чаще всего подчеркнута неакадемичен, изобилуя «пиротехническими эффектами», призванными заинтересовать читателя-неспециалиста, сами анналисты считали себя сторонниками идеала «строгой научности». Тем неожиданнее был для них призыв вернуться к истории-рассказу. Но сложно было отрицать тот факт, что попытки заменить школьные учебные курсы «несобытийным» изложением в духе «исторической антропологии» потерпели фиаско.

Трудности поджидали «Анналы» и с другой стороны. Прокламируемое ими безудержное расширение «территории историка» неизбежно привело к распылению предметного поля истории. Вскоре французский историограф Ф. Досс охарактеризовал ситуацию, сложившуюся во французской историографии, возглавляемой «Анналами», как «историю в осколках» (1987 г.). А язвительная книга Дж. Ллойда «Демистифицируя ментальности» (1990 г.), во французском переводе звучащая еще зазорнее: «Чтобы покончить с ментальностями», подвела итог эпохи злоупотребления этим, в сущности, неоперациональным понятием.

Растущее влияние идей Мишеля Фуко, успехи философско-деконструктивистов, а позже и критические ремарки сторонников «лингвистического поворота» – все это было весьма чувствительно для представителей «Новой истории» и исторической антропологии, все еще осознававших свою связь с социальной историей.

«Анналы» достойно держали удар. Лишь немногие представители школы игнорировали разразившийся кризис. Своеобразным ответом стало обращение «третьих Анналов», вопреки манифестам «Новой истории», и к историческим событиям, и к жанру биографии (Ж. Ле Гофф начинает работу над монументальной биографией святого Людовика), и к сфере политического. В 1987 г. новая «История Франции», написанная при участии Ж. Дюби, Ф. Фюре, М. Агюлона, Э. Ле Руа Ладюри, была выполнена сквозь призму политической проблематики. Последний из авторов также реконструировал с позиций исторической антропологии жизнь Версальского двора. Несмотря на необычайно пышное празднование 60-летнего юбилея «Анналов» в 1989 г. (происходившего в перестроенной Москве), журнал публикует ряд статей под маркой «Критического поворота», пересматривающих парадигму «Анналов».

Критической мишенью стали излишний экономический сциентизм, невнимание к человеку, проблема реификации исследовательских категорий – рассмотрения абстрактного понятия как реального существующего в истории объекта. Итогом этих дискуссий стала смена подзаголовка «Анналов» «Экономики, общества, цивилизации» на «История, Социальные науки», что означало новый альянс с социологией и экономикой. Таким образом начиналась история «четвертых Анналов», ассоциируемая с именами Б. Лепти, Р. Шартье, Ж.-И. Гренье. При этом ветераны «третьего поколения» остались в редакции, причем некоторые из них приняли живейшее участие в методологическом обновлении (в особенности Ж. Ревель и А. Бюргер). Последнее обстоятельство, а также то, что критике подвергались скорее представители «вторых», а не «третьих Анналов», мешают некоторым исследователям выделять время, наступившее после 1989 г., как особый период в жизни этого историографического движения. Но трудно не признать, что ряд сильных историографических проектов конца XX в., таких как культурная история социального, «прагматический» поворот, культурная история политического и др., заслуживает самостоятельного звучания. Интеллектуальная рамка обновленных «Анналов» определялась иными идейными авторитетами: М. Фуко, П. Бурдьё, М. Болтански, Л. Тевено, П. Рикёром, М. де Серто.

Какова же судьба исторической антропологии во Франции сегодня? Некоторые историки продолжают связывать себя с этим понятием (такие как А. Бюргер, Ж.-К. Шмит). Но для большинства характерна ситуация, описанная Морисом Эмаром, бывшим директором Дома наук о человеке: «Сегодня трудно найти историка, который не использовал бы методы и достижения исторической антропологии. Но еще труднее найти того, кто отождествляет себя лишь с исторической антропологией» (персональное сообщение П. Ю. Уварову, декабрь 2002 г.).

Судьбы исторической антропологии в России

Можно спорить о том, насколько широко оказалась представлена историческая антропология за пределами Франции. У этого направления были сторонники и популяризаторы во многих странах (Натали Земон Дэвис в США, Питер Берк в Англии, Томас Ниппердей и Ханс Медик в ФРГ, Хулио Каро Бароха в Испании). Но еще большим было число исследователей, которые вполне само-

стоятельно шли своим, параллельным курсом, хотя иногда и сверяясь с работами коллег из «Анналов». В расширительном смысле этого слова к исторической антропологии можно причислить и представителей «истории повседневности» и «истории снизу» в Германии, и сторонников итальянской «микроистории», и многочисленных англоязычных авторов, активно применяющих методы культурной антропологии. Именно такой, расширительный подход к исторической антропологии представлен в учебнике М. М. Крома (2004). Он, безусловно, имеет полное право на существование, поскольку все вышеперечисленные направления могут быть названы подвидами мощного течения, по-разному называемого в зависимости от обстоятельств – «Новой социальной», «Новой социально-культурной», «Новой культурной» или просто «Новой историей».

В России так же, как и в большинстве европейских стран, у исторической антропологии при желании можно отыскать немало предшественников: от ученых-филологов XIX в. Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, до дореволюционных историков Н. И. Кареева, Л. П. Карсавина и А. С. Лаппо-Данилевского, призывавшего принять «принцип чужой одушевленности». Но все эти параллели порождены стремлением современных российских гуманитариев, воодушевленных успехом французской исторической антропологии, показать, что и наша наука шла тем же путем. В какой-то мере это верно, поскольку и движение «Анналов» возникло не в безвоздушном пространстве, но было порождено развитием науки своего времени, развивавшейся по схожим принципам и во Франции, и в Германии, и в России. Но важно, что догадки российских «предтеч» не привели в то время к созданию новой парадигмы развития национальной исторической науки.

Это не означает, что искания российских и в особенности советских ученых никак не повлияли на создателей исторической антропологии. В работах авторов «Третьих Анналов» часто цитировались популярные у структуралистов работы В. Я. Проппа (1895–1970), в особенности – «Морфология сказки», переведенная на английский язык в 1950 г., и еще чаще – книга М. М. Бахтина (1895–1975) о карнавальной культуре («Франсуа Рабле и народная культура Средневековья», англ. перевод – 1968 г.). Примечательно, что в свое время эта книга явилась ответом на работу Люсьена Февра «Франсуа Рабле и проблема неверия в XVI в.», теперь она прочно вошла в арсенал исследователей ментальностей, и Э. Ле Руа Ладюри

называл Бахтина главным вдохновителем его книги «Карнавал в Романе».

Несмотря на существование «железного занавеса» и языковой барьер, советские и французские историки не были полностью изолированными друг от друга. Удостоенная Сталинской премии книга Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой» (1949 г.), в которой он среди прочего писал о замалчивании массовых народных движений французской «буржуазной историографией», была переведена на французский язык с предисловием Р. Мандру и стала предметом оживленной дискуссии в самом начале 1960-х гг., как тогда писали, поделив французских историков на «поршневи́стов» и «антипоршневи́стов». Но в результате дискуссии французские исследователи всерьез занялись народными восстаниями, и вскоре помимо анализа их социально-политических аспектов перешли к изучению различных фольклорных особенностей «ритуалов насилия», то есть к излюбленному предмету «исторических антропологов». Но и Б. Ф. Поршнев, ранее писавший в основном о «политэкономии феодализма», под влиянием общения с Р. Мандру обратился к историко-психологической проблематике, написав книгу «Социальная психология и история» (1966), и создав в Москве семинар по исторической психологии.

Пример эволюции взглядов А. Я. Гуревича (1924–2006) заслуживает особого внимания. В 1950-х гг. он изучал процессы феодализации в странах Северной Европы и постепенно вполне самостоятельно пришел к пониманию того, что общество лучше описывать в его собственных категориях, не отбрасывая, как это делали ранее, различные «экзотические» элементы из правовых документов, эпоса и исторических хроник, но, наоборот, обращая на них самое пристальное внимание. Например, тот факт, что англосаксы при письменном оформлении прав земельного участка клали грамоту на землю или вместе с полем передавали чистый лист пергамента, легко находил объяснение в трудах этнографов. А ключ к пониманию института королевских разъездных пиров – «вейцлы», ставшего специфическим путем феодализации скандинавского общества, следует искать в трудах Марселя Мосса и его последователей, описывающих этнографические институты дара и потлача. Сейчас это кажется само собой разумеющимся, но в советской историографии середины 1960-х гг. воспринималось с настороженностью. По собственному признанию Гуревича, в эти годы на него произвело большое впечатление знакомство с «Цивили-

зацией средневекового Запада» Ж. Ле Гоффа. Подход, при котором не только агрикультуре и сеньориальным отношениям, но и картина мира средневекового человека придавался структурообразующий характер, был созвучен наблюдениям советского историка.

В 1970 г. Гуревичем было подготовлено учебное пособие «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе», имеющее целью показать возможные пути создания «другой истории», истории, пропущенной сквозь призму представлений современников. Неудивительно, что книга была принята официальной наукой враждебно (с нее был снят гриф учебного пособия), поскольку ее выводы шли вразрез с постулатами советской медиевистики. Сам термин «собственность на землю» вообще объявлялся для Средневековья неприемлемым, вместо него говорилось о “dominium”, бывшем одновременно и собственностью, и властью, и господством. Провозглашалось, что для понимания раннесредневекового общества межличностные связи куда важнее связей вещных. И вообще наши привычные термины – «собственность», «богатство», «свобода», «государство», «индивид» и проч. не помогут нам ничего понять в средневековом обществе. Только дешифровка культуры дает ключ к восприятию раннесредневековых обычаев, ритуалов, поступков, иррациональных с нашей точки зрения, но образующих достаточно строгую систему. Это не означало отказа от изучения средневековой экономики, которая оставалась в центре внимания историка, но важно было осознать, что она функционирует не сама по себе, а лишь будучи насыщена человеческим содержанием. Для этого нужна экономическая антропология, ключ к которой надо искать с помощью культуры. Причем под культурой А. Я. Гуревич понимал не столько шедевры готики или философские трактаты, а нечто неотрефлексированное, разлитое в сознании любого члена данного общества.

Так А. Я. Гуревич вполне самостоятельно подходил к необходимости изучения истории «менталитета», как предпочитали говорить у нас. Следующим шагом стала его книга «Категории средневековой культуры» (1972), в которой речь шла о представлениях о времени и пространстве, об отношении средневекового человека к бедности и богатству, к праву и власти. Затем последовал ряд блестящих исследований о народной культуре Средневековья. Значило ли это, что Гуревич встал под знамена «Анналов», став представителем этого движения в Москве, а то и вовсе его эпигоном?

Нет, поскольку путь его был самостоятельным, он опирался на англо-саксонский и скандинавский материал, в ту пору малознакомый французским историкам. Его статьи публикуются в «Анналах» с 1972 г., а книги, начиная с «Категорий», регулярно переиздаются на Западе. Но, конечно, А. Я. Гуревич весьма способствовал популярности работы историков школы «Анналов», в особенности третьего их поколения, публикуя реферативные обзоры и рецензии (порой вполне критические) на их издания. Впрочем, здесь он был не одинок – Ю. Л. Бессмертный, В. М. Далин, А. Д. Люблинская, В. Н. Малов, А. Л. Ястребицкая много делали для того, чтобы российские историки были в курсе достижений французских представителей «Новой исторической науки».

С творчеством представителей «школы Анналов» советские историки могли ознакомиться также из работ, выдержанных в духе поощряемого в СССР жанра «критики буржуазных теорий», призванных показать разложение буржуазной науки и триумф метода исторического материализма. Но, как это не раз бывало в истории, критика давала читателям шанс составить представление о взглядах критикуемых. Если в книге М. Н. Соколовой «Современная французская историография» (1979) критике подвергались представители разных поколений анналов без разбора – Мунье, Бродель, Фюре, Лабрусс, Ле Гофф, Ле Руа Ладюри), – то в работе Ю. Н. Афанасьева акценты были расставлены иначе. Несмотря на весьма боевое название – «Историзм против эклектики. Французская историческая школа “Анналов” в современной буржуазной историографии» (1980), где под историзмом понимался марксизм, а под эклектикой – «школа Анналов», автор вполне четко отделял «вторые Анналы» Броделя и Лабрусса, не утратившие свой прогрессивный характер, и «третьи Анналы», противопоставившие себя марксизму.

В дальнейшем, однако, взгляды Ю. Н. Афанасьева претерпели значительное изменение, а идеи «Анналов» становились все более популярными в СССР. Когда наступила перестройка, к их методологическому арсеналу обратились многие историки, призывавшие к обновлению исторической науки. Ю. Н. Афанасьев обеспечил перевод и публикацию «Материальной цивилизации и капитализма» Броделя, медиевист Ю. Л. Бессмертный работал над книгой по исторической демографии – «Жизнь и смерть в Средние века» (1991) во многом созвучной идеям Ф. Арьеса и его оппонентов. А. Я. Гу-

ревич все чаще публиковал методологические манифесты, ратующие за историческую антропологию.

Правда, выяснилось, что в отечественной науке уже существовало направление, имевшее точно такое название. В русской традиции «антропологией» именовался раздел биологии, изучавшей происхождение человека и особенности его физического облика. Антропологи измеряли параметры строения тела представителей различных рас и народов, населяющих землю. А исторические антропологи занимались тем же применительно к черепам и скелетам, добытым археологами (такими наиболее известными результатами являются скульптурные реконструкции М. М. Герасимова – неандертальского мальчика, Андрея Боголюбского, Тамерлана и других персонажей). Академик В. П. Алексеев, антрополог, еще в 1979 г. опубликовавший книгу под названием «Историческая антропология», поддержав исследовательское направление, за которое ратовал А. Я. Гуревич, предлагал называть его «исторической психологией», чтобы не создавать путаницы. Однако несмотря на то, что с 1987 г. А. Я. Гуревич воссоздал в Институте всеобщей истории семинар по исторической психологии, он настаивал именно на термине «историческая антропология» как на наиболее удачном лозунге преобразований советской исторической науки. При этом часто цитировались слова Ж. Ле Гоффа о том, что «историческая антропология представляет собой общую глобальную концепцию истории. Она объемлет все достижения новой исторической науки, объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропология».

1989 г. был «годом великого перелома» для исторической антропологии в нашей стране. По инициативе А. Я. Гуревича, Ю. Л. Бессмертного и Л. М. Баткина начал выходить альманах «Одиссей. Человек в истории», получивший прозвище «русских «Анналов»» и завоевавший большую популярность как рупор исторической антропологии. В том же 1989 г. в Москве усилиями Ю. Н. Афанасьева, Ю. Л. Бессмертного, А. Я. Гуревича была проведена масштабная конференция, посвященная юбилею школы «Анналов», собравшая со всего мира цвет «новой исторической науки». Советские историки обсуждали пути синтеза лучших традиций отечественной науки с достижениями школы «Анналов».

Ю. Н. Афанасьев, возглавивший только что созданный Российский государственный гуманитарный университет, на рубеже 1991–1992 гг. открывает в нем Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока, призванный стать форпостом нового подхода к истории, идущего на смену «обветшавшей традиции советского марксизма». В 1991 г. на русский язык переводят «Цивилизацию средневекового Запада» Жака Ле Гоффа, а затем и остальных классиков французской исторической антропологии. А. Я. Гуревич с коллегами работает над альтернативным школьным учебником по истории Средних веков, написанным в духе исторической антропологии. Затеваемый «Словарь средневековой культуры», где лучшие специалисты должны были дать описание Средневековья с позиций исторической антропологии, обязан был, по мнению авторов, показать, что изучать и преподавать историю по-старому станет невозможно.

В первой половине 1990-х гг. историческая антропология переживала апогей своего могущества в нашей стране. Даже в лексикон депутатов Государственной думы прочно вошел термин «менталитет». Могло сложиться впечатление, что историческая антропология вполне способна стать осью нового исторического знания в нашей стране, где большинство исследователей и преподавателей все еще были уверены, что истинно научный метод должен быть всегда один-единственный.

Но и движение «Анналов», и историческая антропология оказались вовсе не приспособленными для такой роли. Прежде всего из-за отсутствия жесткой понятийной структуры и строгости в определениях и даже общепринятой системы ценностей. Выяснилось, что традиции школы «Анналов» каждый склонен понимать по-своему, и между вчерашними единомышленниками возникли серьезные трения. Так, Ю. Н. Афанасьев и А. Я. Гуревич резко разошлись в оценке роли Ф. Броделя, творчество которого последний считал досадным отступлением от традиций Блока и Февра, затормозившим развитие исторической антропологии. Разногласия в редколлегии «Одиссея» привели к созданию альманаха «Казус» (под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова), осмысляемого как альтернатива не только традиционной истории, но и исторической антропологии. Понятие культуры как надличностной системы, налагающей на человека готовую сеть смыслов, постепенно сменялось представлением о культуре как о пространстве свободы, даю-

щей индивиду возможность выбора. «Период исканий», характеризовавший во Франции переход к «четвертым Анналам», затруднял обращение к готовым матрицам и схемам исторической антропологии (никогда, впрочем, не существовавшим) с целью их переноса на российскую почву. Выяснилось, что ни культурная, ни социальная, ни политическая антропологии, внедряемые в программы университетов, не походят на антропологию историческую в ее французском звучании. Попытки представить историческую антропологию неким монолитным учением, четко противостоящим другим исследовательским школам, оказались не более успешными, чем стремление создать историко-антропологическую специализацию в университетах. В итоге выяснилось, что исследователи предпочитают говорить не об исторической антропологии, но об «антропологически ориентированной истории».

Успехи, достигнутые в нашей историографии с опорой на наследие «третьих Анналов», неоспоримы. Среди прочих можно буквально наугад взять несколько имен ведущих медиевистов (таких как М. А. Бойцов, С. И. Лучицкая, М. Ю. Парамонова) или специалистов по русской истории (М. М. Кром, Е. С. Сеньявская, Е. Б. Смелянская, А. Л. Юрганов), и в творчестве всех эти историков, как и многих других, увидеть влияние исторической антропологии (хотя сами авторы с этим не согласятся). Но привести их работы к какому-то общему знаменателю, объединить под каким-либо общим определением крайне сложно. Это означает, что наблюдение, сделанное Морисом Эмаром, вполне справедливо и для нашей страны.

Рекомендуемая литература

- Блок М. 2003. *Феодальное общество*. М.
- Ле Гофф Ж. 1992. *Цивилизация средневекового Запада*. М.
- Гуревич А. Я. 1972. *Категории средневековой культуры*. М.
- Гуревич А. Я. 1993. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. М.

Глава 15

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Что значило быть мужчиной или женщиной в разные времена? Как и почему происходит воспроизводство социального порядка, основанного на социально-половом неравенстве? Как проявления этого неравенства изменяются в разные эпохи, от одной культуры к другой? Возможно ли преодоление такой социальной асимметрии? Все это вопросы, которые обсуждаются сторонниками данного направления в науках о прошлом, которое развивается и обогащается в течение более чем 30 лет.

Женские и гендерные исследования в исторических науках ставят в центр изучения проблему социального конструирования половых различий, взаимосвязь и влияние этих процессов на общую картину исторического развития человечества. В центре изучения историков-гендерологов – анализ представлений о каждом из полов в разные исторические времена, самопредставлений каждого пола, изучение неравного распределения материальных и духовных благ, власти и престижа между полами, а также институтов социального контроля, регулировавших это распределение. Гендерологи изучают возникавшие в связи с этим социальные иерархии – как в масштабе всего общества, так и класса, социальной, этнической, родственной или иной группы.

Однако существуют определенные расхождения в терминологическом аппарате, поэтому необходимо привести наиболее важные определения, относящиеся к предмету исследования данной главы.

Женские исследования прошлого – направление в гуманитарном знании, предметом изучения которого является история изменений женского социального статуса и функциональных ролей, это история, увиденная глазами женщин, написанная с позиций женского опыта.

Гендерные исследования в исторических науках – направление в исследованиях прошлого, предметом изучения которого является система отношений и взаимодействий, стратифицирующей общество по признаку пола.

Гендерная история включает в себя историю женщин (историческую феминологию), историю мужчин (историческую андро-

логию), историю квир-сообществ¹ и отчасти историю сексуальной культуры.

Предпосылки складывания нового направления в науках о прошлом

Социально-политический контекст возникновения направления. До конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. для историков всех стран казалось очевидным, что прошлое (как и настоящее, и будущее) – есть нечто общее для всех, без различия пола. Позиции этой научной парадигмы казались неоспоримыми; они коренились в стереотипном восприятии отношений полов как заданных биологически и потому неизменных. Но в конце 1960-х гг. социологи и социопсихологи, лингвисты и политологи ряда стран в буквальном смысле «заметили» пол, заинтересовались им и тем, как он влияет на жизнь индивида и личности. Чуть позже, в 1970-е гг., «невидимая революция» захватила и историков.

«Заметить» пол, поставить вопрос о возможности рассмотрения его как одного из «социальных определителей» (подобно классу и расе) ученых заставили события и процессы конца 1960-х гг., которые ныне именуют «бурными», «ниспровергающими». Вторая половина XX в. была отмечена сразу тремя важнейшими социальными процессами, сходными с революционными (Corbin *et al.* 1989: 18, 26). Во-первых, вопрос об отношениях полов был поставлен на повестку дня молодежными движениями, знаменитой «студенческой революцией 1968 г.», поставившей под сомнение всю систему ценностей и ориентиров старшего поколения. Не только научное сообщество, но и социум как таковой оказались подготовленными к восприятию новых концепций. Во-вторых, важным фактором оказалась сопровождавшая молодежные движения сексуальная революция, позволившая смело говорить о проблемах пола и открывшая для обсуждения в средствах массовой информации (а не только в научной литературе) ряд ранее табуированных тем (скажем, вопрос о сексуальной удовлетворенности женщины в браке или о толерантности к трансвестизму и операциям по смене пола)².

¹ Квир (англ. *queer* – чуждой, странный) – термин для обозначения всего отличного от гетеронормативной модели поведения. К квир-сообществу относят геев, лесбиянок, трансвеститов (кроссдрессеров) – то есть лиц, носящих одежду не своего пола, транссексуалов, бисексуалов и т. п.

² Сексуальная революция, бесспорно, дала больше именно женщинам: изменение взглядов на сексуальность было связано с революцией в области контрацепции, с появлением гормональных таблеток – впервые в истории вопросы «рожать или не рожать», от кого рожать

Связанным с вышеназванными революциями оказался третий фактор – оживление феминизма. В научной литературе это оживление и обновление женского движения именуют «второй волной феминизма». Первая волна, феминизм XIX в., был «феминизмом равенства». Он ставил вопрос о равном доступе женщин к труду и образованию, высокой зарплате и профессиональной самореализации. Век спустя, в 1960-е гг., когда равенство прав обоих полов оказалось задекларированным в законах многих стран, встал вопрос о равенстве возможностей их реализации (весьма ограниченных повсеместно). Поэтому обновленный феминизм XX в. стал именоваться «феминизмом различий». Женщины потребовали во имя действительного равенства признать отличие их социального опыта от опыта мужского, а следом – добиться аффирмативных³ (позитивных, конструктивных) действий, направленных на принятие во внимание их пола и обеспечение действительного равенства жизненных возможностей (Evans 1978).

Главной целью «шестидесятниц» XX в. стало создание и признание социумом свободной, автономной женской личности. Споры о том, достижима ли такая цель, втянули в исследования «женской темы» генетиков, психологов, антропологов, этнологов, философов, историков, социологов, филологов. На этом этапе речь шла об углублении понимания того, как иерархическая половая структура закрепляется в глубинных структурах культуры и общества, в научных дискурсах, в религиозных представлениях, в особенностях индивидуальных и коллективных ментальностей, восприятиях и ощущениях.

Научно-теоретический контекст возникновения нового направления. Главными теоретическими источниками нового направления считаются либеральная мысль, социалистическая традиция и психоанализ. Из дискурса Просвещения и либерализма феминистки 1960-х заимствовали представления об эмансипации, равенстве, автономии, прогрессе (Riley 1988: 6–11). Из социалистической традиции – подход к осмыслению отношений между полами как особого социального механизма господства и эксплуатации. Значимость психоанализа определяется тем, что это одна из

и как часто, стали решаться женщиной, а мужчины лишились сильнейшего рычага своей власти (Кон 2009).

³ Аффирмативный (от англ. *affirm* – утверждать, торжественно заявлять) – заявлено конструктивный, положительный.

немногих теорий, в которых осмысляются социально-культурные основы формирования половой идентичности.

Однако исходной точкой рождения интереса к проблемам пола стали все-таки лишь 1960-е гг., когда (благодаря опять-таки феминисткам) было признано, что все в науке – от выбора тем до структуры академических институтов и учреждений – несет на себе «печать сексистской окраски»⁴.

Сильнейшим теоретическим импульсом к дискуссиям по этому поводу стал кризис марксизма. Он так и не дал ответа на вопрос, почему неравное положение полов сохраняется в современном обществе. Стремление к «усреднению» и отбрасыванию всех погрешностей, не уместяющихся в схему, заставляло классиков марксизма рассматривать прежде всего классический вариант развития западного общества, ведущей движущей силой которого (в марксистской терминологии – гегемоном) следовало считать пролетария, борющегося против своих угнетателей. Тех, кто не вмещался в схему – крестьян, интеллигенцию и... женщин, в том числе жен пролетариев, – теоретики марксизма либо старались подтянуть под эту схему, либо оставляли «за бортом» своего рассмотрения. Понимая, что все жизненные аспекты одной экономикой не объяснишь, марксисты (во имя «чистоты схемы») просто отбрасывали то, что невозможно было объяснить экономикой, в том числе и проблему личностного становления женщин, проблемы женского самосознания, идентичности. Не тема женского самосознания, но тема женского труда была в центре многих европейских научных и публицистических дебатов XIX – начала XX в.

Существование частной собственности и классовой структуры общества – **основные**, согласно Ф. Энгельсу, причины дискриминации индивидов по признаку пола. Эти положения были сформулированы в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Маркс, Энгельс 1955–1981, т. 21). Изменение производственных отношений в условиях ликвидации частной собственности, ликвидации классового деления – главный и, по сути, единственный путь спасения женщин от векового неравенства. Энгельсова концепция не объясняла, почему – несмотря на то, что рабство как формация в течение некоторого времени изжила себя, – рабство женщин в семье продолжало существовать веками. Почему

---

⁴ Сексизм – дискриминация человека по признаку пола, практики (в том числе скрытые) такой дискриминации.

мужчина даже в самой бедной семье присваивал и присваивает через семью как социальный институт часть времени, труда, сил женщины (Пушкарева 2002: 34–51).

Взгляды классиков марксизма отражали *мужской взгляд* на мир, который не принимал во внимание женские социальные потребности и женский опыт, центрировались на приоритете экономических классовых интересов, не учитывая возможности объединения индивидов по половому признаку.

Пытаясь найти объяснение тому, как придали статус научности теории биологической предопределенности, теоретики феминизма обратили внимание на модернистские концепции в социологии. Структурный функционализм Т. Парсонса (2002) заставлял увидеть в обществе цельную социальную систему, имеющую свою структуру, механизмы взаимодействия элементов, которые находятся в неустойчивом равновесии, обеспечивающем – в случае баланса – «социальный порядок» (о взглядах Парсонса см. также в главе 6 настоящего издания). Оба пола были представлены в концепции постоянно включенными в него – исполняющими свои структурно-функциональные роли. От теории конструирования социальной реальности (теории П. Бергера и Т. Лукмана [1995], в которой общество понимается как процесс непрерывного конструирования: значений и символов, лежащих в основе человеческой деятельности), теоретический феминизм легко сделал шаг к теории социального конструирования половых различий.

Помимо этих основных теорий большое значение имела также концепция ситуативной драматургии или символического интеракционизма И. Гофмана. Гофман отождествил элементы сценического действия и социального взаимодействия, ввел понятия конвенциональной (условной, «договорной»; от англ. *conventional* – обусловленный) социально-половой (теперь говорят: гендерной) роли и ее проявлений (дисплея) – в стереотипах (образах), нормах (предписаниях) и идентичностях. Социально-половой дисплей у И. Гофмана – это набор ритуализованных действий, совершаемых индивидом в ситуации взаимодействия с другим индивидом.

В итоге использования модернистской социальной теории в создании собственных подходов к объяснению существования социально-половой асимметрии теоретики феминизма были поставлены перед необходимостью найти собственные объяснения того, как идее о биологической предопределенности жизни человека его полом придали статус научности.

Особую роль в поисках ответа на этот и схожие вопросы сыграли в то время модернистские и психологические теории, опровергнувшие многие постулаты фрейдизма и поставившие на повестку дня обсуждение таких вопросов, как относительность истины, возможность типизировать индивидуальное, проявлять интерес к роли «случайного» в судьбе человека

Наиболее заметные труды психологов-модернистов 1960-х гг. относят к так называемой *гуманистической психологии* (или *движению за человеческий потенциал*). Они представлены именами К. Роджерса, А. Маслоу и других. Суть концепции Роджерса – в том, что *ядро человеческой природы* по сути *позитивно* (он категорически разошелся в этом с З. Фрейдом). Человек постоянно развивается, считал К. Роджерс (опять-таки в противовес Фрейду, который считал наиболее существенные компоненты личности постоянными), *целью его является самоактуализация*, он испытывает постоянную потребность в позитивной оценке – уважении и принятии со стороны других людей. Главный принцип гуманистической психологии А. Маслоу – *признание права каждого человека быть самим собой*, пестовать свою уникальность, неповторимость, не подстраиваться, сопротивляться давлению среды, ее ограничениям права на свободу выбора решений и права ответственности за этот выбор. Все это оказалось очень созвучным феминистским идеям.

Социально-демографические предпосылки. Гуманитарные науки во второй половине XX в. заметно феминизировались практически во всей Западной Европе. Во всем мире число представительниц интеллектуальной элиты быстро росло: в жизнь вступило поколение, рожденное после войны, не знавшее препоны в получении образования, связанных с дискриминацией по признаку пола. Правда, в основном это были женщины, пришедшие в систему «научного обслуживания»: доля исследовательниц с должностями и званиями увеличивалась очень медленно. Вот почему обращение к опыту предшественниц оказывалось основой для пробуждения социального женского самосознания и коллективных действий. «Личное» становилось «профессиональным», а следом и «политическим». Женщины-ученые задумались о причинах и особенностях неравенства в их профессиональной среде (Пушкарева 2006).

Возникновение «женских исследований» (Women Studies)

Вместе с возникновением в 1970 г. во Франции «Движения за освобождение женщины» там были основаны и первые феминист-

ские журналы. Аналогичный процесс начался и в США, где в короткие сроки добились больших тиражей такие издания, как “Signs”, “Feminist Studies”, “Women's Studies Quarterly”. Взлет неофеминизма повлиял на интеллектуальную сферу: ученые в Европе и США стали избирать объектом своих изысканий женщину – в семье, на производстве, в системах права и образования, в науке, политике, литературе и искусстве. Первый спецкурс по истории «женского движения» был прочитан в Сиэтле в 1965 г., а в конце 1960-х такие спецкурсы уже читались и в Вашингтоне, Портленде, Ричмонде, Сакраменто.

В 1969 г. исследовательница из Корнелльского университета Шейла Тобиас предложила обобщающее название для этих спецкурсов – Female Studies. В 1970 г. возглавленная ею команда преподавателей социальных наук (психологов, социологов, историков) прочла в указанном университете междисциплинарный курс «Женская персональность» (“Female Personality”), после которого зачетный экзамен сдали более 400 человек. В том же 1970 г. в университете Сан-Диего была учреждена своя «женская» программа обучения студентов и та же Ш. Тобиас организовала там специальное издание “Female Studies”, которое взялось за публикацию программ курсов, списков литературы и «ридеров» по женской теме. Тогда же в Балтиморе Ф. Хоу и П. Лоутер учредили издательство “Feminist Press”, сыгравшее огромную роль в пропаганде научного знания о взаимоотношениях полов.

Постепенно в рамках многих традиционных академических дисциплин уже в десятках университетов США и Европы появилось «изучение женщин». Этим занимались сами женщины-ученые, к тому же открыто заявлявшие о своих феминистских взглядах. «Женские исследования» того времени могли именоваться “Female Studies”, что казалось слишком биологизированным ученым-феминисткам; “Feminist Studies”, что отвергалось многими по причине идеологизированности, “Women’s Studies”, что было объявлено не слишком политкорректным, так как подчеркивало «объектность» женщины или женщин как предмета изучения. После долгих споров и дискуссий направление получило название “Women Studies” («Женские исследования») – так определялись исследования любой проблемы, написанные на «женскую тему» и чаще всего самими женщинами (Boxer 1988).

В 1975 г., объявленном ООН «Всемирным годом женщины», американская исследовательница Нин Коч сконструировала термин

«феминология», получивший впоследствии распространение в России. Под *социальной феминологией* стали понимать междисциплинарную отрасль научного знания, *изучающую совокупность проблем, связанных с социально-экономическим и политическим положением женщины в обществе, эволюцией ее социального статуса и функциональных ролей* (Kerkhoff 1987: 38–61).

Главными отличиями «женских исследований», или «феминологии», как научного направления от всех предшествующих штудий, касающихся социально-половых ролей, этнографии, психологии и социологии пола, были: 1) ориентация на критику наук, ранее не «видевших» женщин; 2) нацеленность на критику общества и потому связанность с женским движением; 3) развитие на пересечении научных дисциплин в форме междисциплинарной исследовательской практики (Хасбулатова 1998).

Рождение исторической феминологии (женской истории)

В среде историков на появление нового направления откликнулись прежде всего – как это произошло и с другими гуманитарными дисциплинами – ученые-феминистки. С точки зрения феминистской теории нельзя объяснить социальную действительность, не поняв механизмов воспроизводства общественного неравенства, основанного на разделении людей по полу. Феминистки и феминисты, изучающие прошлое, принялись исследовать изменения опосредованной полем действительности «в пространстве» и «во времени» (то есть с учетом географической, этнокультурной и хронологической составляющих). Формированию «женской истории» как особой субдисциплины в системе исторических наук благоприятствовал особый контекст: это было время быстрого увеличения числа «отдельных историй», плюрализации исследовательских направлений.

Неслучайным был интерес к ней тех, кто изучал *проблемы массовых движений*. События конца 1960-х гг. способствовали усилению позиций феминизма, а он – в свою очередь – способствовал тому, чтобы немалое количество специалистов в области Women's Studies вышло как раз из исследователей рабочего, крестьянского движений, в которых (в отличие от истории партий и тайных обществ) всегда присутствовали оба пола. В исследовании создания первых женских организаций, в истории феминизма и суфражизма эти специалисты увидели ключ к пониманию острых вопросов со-

временности: что следует понимать под пресловутым «угнетением женщин», всегда ли оно существовало, как и когда возникло, каковы были причины его появления, формы, методы и пути преодоления неравенства.

Возникновение «женской истории» было поддержано *медиевистами*, и это не случайно. Возросшие трудности исторического познания (расширение числа источников, диверсификация прежних итогов и результатов), устаревание методов анализа и методологических ориентиров – все это превратило медиевистику и историю раннего Нового времени в «испытательный полигон» новейших аналитических экспериментов.

В рождении исторической феминологии сыграло свою роль и резко *возросшее значение исторической антропологии*, позволившее ей выделиться в отдельное направление социальной истории, стать ее частью (об исторической антропологии и ее тематике см. предыдущую главу). В рамках «*новой социальной истории*» самостоятельными направлениями изучения стали «история повседневности» индивидов и социальных групп, «история детства», «история сексуальности», «старости», скажем, «вдовства» и т. п. Без «истории женщин» здесь было, конечно, не обойтись.

Самостоятельной и самоценной частью «социальной истории» стала *историческая демография*, пережившая в конце XX в. буквально второе рождение. Выводы историков-демографов, обратившихся впервые (благодаря включению в методы исторического исследования математических приемов обработки массовых источников, прежде всего городских кадастров и церковных метрических книг) к изучению демографической ситуации эпохи Средневековья, позволили выделить феномен, до этого не учитывавшийся исследователями. Речь идет об устойчивом дефиците лиц женского пола практически во всех социальных и возрастных группах, но в особенности в детском и зрелом возрасте. Почему он возник, какие следствия имел? Все эти и многие другие вопросы предстояло решить, обратившись непосредственно к «истории женщин». История повседневности и частной жизни сделала предметом изучения – в отличие от традиционной этнографии – не просто вещи, не только материальные формы существования человека, но и «обычаи, формы и практики» повседневного быта, прежде всего отношения людей и вещей, людей к вещам и явлениям повседневности, социальный и семейный «облик человека», формировавшийся в зависимости от форм его деятельности и самовыражения.

К середине 1980-х гг., когда социальная история уступила пальму первенства *истории культурной и интеллектуальной* (в известном смысле близкой так называемой культурно-исторической антропологии, возникшей на рубеже веков), в центре внимания специалистов по интеллектуальной истории оказалось изучение изменений социальных и культурных категорий. Особое значение для них приобрела историческая и социальная психология, возникла так называемая «психоистория», история чувств (эмоций), в научный оборот оказался «вброшен» новый термин «история ментальностей», история представлений и образов (имагология) (см. также предыдущую главу).

«История ментальностей» неизбежно подвела исследователей к выводу о необходимости изучения разных «историй», в том числе – истории переживаний не только победителей, но и побежденных, маргиналов – больных, заключенных, гомосексуалистов, беспомощных стариков, нищих и люмпенов, «не-героев» прошлого. Тематизация «истории переживаний» совпала с развитием в системе психологических наук интереса к «особенному», «относительному», «временному», «обусловленному» (в то время как в недалеком прошлом предлагалось всегда от этого абстрагироваться). История в очередной раз сблизилась с психологией, и этот союз оказался успешным, в том числе и для «женских исследований».

В рамках появившихся «женских исследований» история женщин пережила невероятный бум. Публикации по этой тематике получили свою постоянную рубрику в десятках научных журналов. Ежегодно стало выходить в свет множество исследований по всем периодам и регионам, а в обобщающих работах разного уровня освещались практически все вопросы, имеющие отношение к жизни женщин прошедших эпох. Так сформировался ***предмет истории женщин (исторической феминологии) – это история изменений женского социального статуса и функциональных ролей, это история глазами женщин, написанная с позиций женского опыта.***

Энтузиастки-первопроходчицы «перелопатили» сотни архивных дел, находя источники, проливающие свет на положение женщин в разные эпохи; они описывали отдельные судьбы и анализировали опыт женских общностей (например, в монастырях и первых женских союзах), старались пересмотреть в свете новых данных даже хронологию. Сторонницы нового направления чаще

всего говорили о желании преодолеть «безусловное господство старой истории», «переписать ее». Дело дошло до готовности заменить слово *history* (который феминистки прочитывали как *his-story*, дословно: «Его история», история мужчины) новым термином, характеризующим новый подход к изучению прошлого, а именно термином *herstory* (то есть «Ее история», история женщины) (Davin 1988: 60–78). Так или иначе, но в представлениях о прошлом случился настоящий переворот, закрепленный созданием на конференции в Белладжио (Италия), а затем конституированием в рамках Международного конгресса исторических наук в Мадриде в 1990 г. Международной федерации исследователей женской истории.

Историческая феминология «вернула женщин» (прежде всего – выдающихся, хотя не только их) общим курсам истории. Задача восстановления исторической правды, выявления женских имен, забытых или вычеркнутых из официальной, «мужской» историографии, была решена: в учебниках появилось много женских имен. Полученное ранее «единое и полное» знание о прошлом перестало выглядеть таковым, в исследованиях доказывалось, что женщины имели во все эпохи свое мировидение и свою систему ценностей, порой не совпадавшую с мужской.

Вместо описания того, как оба пола взаимно дополняли друг друга (как это делала традиционная наука, этнография), внимание было обращено на их различия. Так был внесен важный вклад в подрыв стереотипа о «природном предназначении» женщины (вынашивание детей, продолжение рода, ответственность за семью и домашний очаг). История женщин придала иной смысл изучению истории повседневности, еще раз убедила в историчности разделения социальной жизни на публичную и приватную сферы. Факты постоянного нарушения границ между ними показали историческую обусловленность этих границ и невозможность однозначно определить направление, в котором развивается их взаимодействие.

Изучив исторически сложившиеся отношения господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатных структурах классовых обществ, историки женщин увязали «женскую историю» с историей общества. Чаще всего это делалось, однако, в духе неомарксизма, и половое неравенство объяснялось его укорененностью в неравенстве экономическом. Многие факты, со-

бранные «историками женщин», подорвали мужское мифотворчество в социальной истории, поставив под сомнение оценку важнейших эпох и процессов.

Однако постепенно историко-феминологические штудии становились все более кастовыми. Из «истории женщин» историческая феминология медленно превращалась в «историю подавления женщин». Исследования феминологов создавали впечатление, что роль женщины как жертвы является исторической константой. То и дело со страниц феминологических исследований проступали мизоандринные (мужененавистнические) настроения, «доказательства» женской исключительности, утверждения о том, что история, написанная женщиной, точнее и объективнее, чем написанная мужчиной, «так как знание угнетенного точнее и глубже знания угнетателя». Как ответ на подобный подход к прошлому в мировой исторической науке появилась «история гомосексуальности», а также «история мужчин и мужественности» (историческая андрология, History как His Story). Так история женщин своим появлением *заставила и мужчин задуматься над отсутствием «их собственной истории»*, заставила стать видимыми и их (подробнее см.: Gilmore 1990).

Методические трудности реконструкции «истории маскулинности» оказались большими, чем «истории женственности», так как мужчины (в отличие от женщин) считались той «непроблематизированной нормой», которую не стоило и описывать (она подразумевалась). Ограничений вследствие принадлежности к своему полу мужчины не испытывали, так что подразумеваемое трудно подавалось исторической реконструкции.

«Мужские истории», историческая андрология испытали те же сложности признания и тот же скептицизм, что и история женщин. «Истории отцовства», «истории мужской чести», «истории маскулинности» доказывали, что до последнего времени не было создано не только объективной истории Женщины, но и истории Мужчины, культуры мужской. ***Предметом «мужской истории» стала история изменений социального статуса мужчин и их функциональных ролей, это история глазами мужчин, написанная с позиций осознанного мужского опыта.***

К концу 1970-х гг. раздельное существование историй полов – «мужской» и «женской», отсутствие собственной истории сексуальных меньшинств (ныне эта часть гендерной истории именуется

квир-историей) грозили стать методологическим тупиком. Изменился и общий социально-политический контекст. Идеи противостояния, которые владели умами с 1968 г., как в мировой политике, так и в науке к началу 1980-х гг. стали уступать место идеям баланса, терпимости, неагрессивности и допущения за другим права на существование. Границы дисциплин к концу XX в. стали расплывчатыми, идея междисциплинарных исследований обрела огромную популярность.

«Гендер – полезная категория исторического анализа»

К концу 1970-х гг. в исторических исследованиях стран Европы и США стало все чаще мелькать слово «гендер», дословно переводимое с английского как *род* имени существительного (от лат. *genus* – род).

До середины 50-х гг. XX в. лексема “gender” употреблялась только в английской лингвистике. Но в 1955 г. выдающийся сексолог Джон Мани, которому при изучении гермафродитизма и транссексуализма потребовалось отграничить общеполовые свойства от сексуально-генитальных, сексуально-эротических и сексуально-прокреативных, ввел понятие «гендер». Во множестве современных работ слава первооткрывателя новой дефиниции приписана, однако, не Дж. Мани, а Роберту Столлеру. В 1958 г. в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе открылся центр по изучению гендерного самосознания и транссексуализма и его сотрудник, психоаналитик Роберт Столлер, стал пользоваться термином «гендер» для обозначения понятия «пол в социальном контексте». С предложением активнее пользоваться этим понятием он выступил и в 1963 г. на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме, сделав доклад о понятии социополового (или – как он назвал его – гендерного) самосознания (Stoller 1968).

Выстроенная на разделении природного (сущностного, эссенциального) и культурного, гендерная концепция разделила «пол» и «гендер». «Пол» стал соотноситься лишь с биологией и физиологией (гормоны, гены, нервная система, морфология), а «гендер» – с явлениями культуры, социальной психологии, социологии и социальной антропологии.

Научная риторика, использующая новый термин, прочно утвердившись в других гуманитарных науках, особенно в психологии

и социологии, довольно быстро проникла и в труды историков. Вопросы, поставленные «женскими» и «мужскими» исследованиями в истории, и прежде всего вопрос о причинах воспроизводства социально-полового неравенства, могли быть теперь проанализированы по-новому. Ранее женские (да и мужские) исследования в истории стремились к автономии, сплоченности во имя представления именно женского или мужского социального опыта, были ориентированы на получение знания об обществе и истории, альтернативного существующему. Это вело к отделенности, «геттоизации», и такая обособленность подчас отпугивала других представителей научного сообщества, желавших хотя бы считаться политически не ангажированными, объективными. Концепция гендера давала такой шанс. Она была способом преодолеть самозамыкание, даря изучению столь связанных с политикой и женским движением тем академическую респектабельность. Центральным предметом исследований постепенно стала провозглашаться уже не обособленная история женщин или мужчин, а история их отношений как одного из важнейших аспектов социальной организации, история выстраивания социальных асимметрий и иерархий, связанных с половой принадлежностью, история соотношений полов.

Важнейшим шагом в рождении гендерной истории традиционно считается статья американского историка Джоан Уоллах Скотт «Гендер – полезная категория исторического анализа», опубликованная в 1986 г.

Начинавшая как типичный историк-феминист, изучавшая общественные движения во Франции XIX в., обладавшая широтой исследовательского видения и научной смелостью, Дж. Скотт предложила положить конец противопоставлению «мужской» и «женской» истории. Свой призыв она обратила к самым признанным представителям своего профессионального цеха, выступив в декабре 1985 г. с докладом на Собрании Американской исторической ассоциации. Она говорила о спорах вокруг историзма и эмпиризма, о переходе от содержательно-событийного подхода к освещению прошлого к текстуально-интерпретирующему, размышляла о будущем науки, которая должна найти основания для союза «событийности» и «текстуальности». Местом встречи ею и была предложена «гендерная история». Статья «Гендер: полезная категория исторического анализа» была переработанным вариантом вышеупомянутого доклада (Скотт 2001).

Зафиксировав необходимость преодоления внеисторичности господствующих интерпретаций пола в истории, она предложила продуктивную схему анализа исторического материала сквозь призму нового понятия и четырех групп социально-исторических подсистем или направлений изучения:

1. Комплекса символов и образов, характеризующих мужчину и женщину в культуре (*гендерных стереотипов*), бытовавших в разные времена, типических и идеальных образов, в том числе ставших паттернами, моделями (Адам, Ева, Мария), мифологических представлений о порочности, осквернении или чистоте, формы их репрезентации и трансформаций в разных исторических контекстах и многих аналогичных сюжетов.

2. Комплекса норм – религиозных, педагогических, научных, правовых, политических (*гендерных норм*), который предполагал работу со сложившимися в культуре нормативными предписаниями. Как в процессе борьбы альтернативных концепций, закрепленные в разных доктринах, они содействовали выработке понятия «правильного» или даже «единственно возможного» в отношении мужчин и женщин?

3. При анализе комплекса проблем самовыражения, субъективного самовосприятия и самоосознания личности (*гендерной идентичности*) требовалось рассмотрение особенностей самоидентификации мужчин и женщин в различные эпохи. Пристальное внимание предлагалось уделять своеобразию так называемых «гендерных конфликтов», когда субъективная гендерная идентичность могла не совпадать с культурно предписанными и социально заданными образами (приведем российский пример с «кавалерист-девицей» Надеждой Дуровой, даже именовавшей себя «он» – и это в XIX столетии).

4. Последний комплекс паттернов включал в себя анализ роли полового различия в функционировании социальных *институтов*, которые участвуют в формировании гендера (это семья, система родства, домохозяйство, рынок рабочей силы, система образования, государственное устройство и т. д.) Как воспроизводятся социальные асимметрии, связанные с полом, как функционируют институты социального контроля и за счет чего осуществляется распределение и перераспределение власти, материальных и духовных благ, собственности и престижа в масштабах всего общества, класса, группы и т. д. – все эти вопросы выдвинулись на первый план.

Дж. Скотт назвала гендер «*первичным способом определения властных отношений*», а «*историоризацию различий*» между полами – главным направлением исследований гендерной истории. Из ее доказательств вытекало, что социально-половая (гендерная) иерархия является исторически первой формой социального неравенства. Гендерные статус, иерархия и модели поведения предписаны институтами социального контроля и культурными традициями, воспроизводство гендерного сознания поддерживает сложившуюся систему отношений господства и подчинения, а гендерный статус – один из конституирующих элементов социальной асимметрии и системы распределения власти, престижа и собственности.

Этой и последующими своими работами Дж. Скотт призвала преодолеть очевидный раскол между традиционной и новыми (женской, мужской, квир-) историями. Часть историков-феминологов, чувствовавших свою обособленность в ученом мире, проявили готовность пойти навстречу этому призыву, сменить вывеску «женской истории» на наименование «гендерная история» и тем самым в известном смысле преодолеть маргинальность положения «женской истории» в системе гуманитарного знания. Они довольно решительно заявили о смене познавательных ориентаций: «женскую историю» объявили лишь этапом, переходным феноменом, который был необходим для процесса осознания и доведения до признания (научной и вообще широкой общественностью) значимости исследований истории отношений полов. Во всех работах, даже в тех, что были посвящены исключительно женщинам, было предложено учитывать «мужской фактор», дабы «уничтожить половинчатость науки о полах».

Готовность отказаться от решения «женскими исследованиями» в истории последовательно феминистских задач расширила социальную базу нового направления. В сообществе гендерологов появились мужчины, которые ранее смотрели на развитие женских исследований не без иронии. Следом развернулась широкая дискуссия по поводу определения понятий «пол», «мужественность», «женственность» в разные исторические эпохи, и ее участники пытались выяснить, как эти концепты пересекаются с другими дискурсивно созданными идентичностями (классом, поколением, возрастом, вероисповеданием, региональной и этнической принадлежностью).

Однако с предложением Дж. Скотт согласились далеко не все исследователи женской истории. Решительно настроенные против засилья «мужской истории» историки феминистской ориентации развернули широкую дискуссию о возможности не только находок, но и ущерба на пути превращений «женских исследований» в «гендерные». «Женская история – это не просто что-то отличное от общепринятой истории; это явление критическое, очевидно направленное против “мужской истории”», – писалось тогда. А гендерная история того и гляди могла позволить женщинам вновь проявить готовность быть «невидимыми» в декларируемом равенстве освещения истории обоих полов, опять «раствориться» в ней. Среди серьезных потерь называлось потенциальное скатывание гендерных исследований (как исследований обоих полов) к очередным обоснованиям «естественности» их взаимной дополнительности. А это, доказывалось феминистками, приведет к стремлению опровергнуть «особость» женского опыта и женских интересов, приведет к стиранию грани между традиционной наукой (этнологией, социологией, психологией пола) и критически нацеленными на них гендерными исследованиями.

Буря споров о соотношении феминизма, феминологии и гендерной истории затронула в основном Новый Свет. Европа, менее «пострадавшая» от радикального феминистского движения, не без иронии смотрела на «перегибы» феминисток США. Европа оказалась более толерантной к «вторжению» мужчин и “Men's Studies” в исследования истории полов. Гендерные центры и лаборатории комфортно разместились в европейских академических институтах и университетах. Европейские сторонницы развития гендерной истории поставили задачу не столько «устранять половинчатость прежней науки о полах», сколько писать новую всеобщую историю, в которой подобающее место должен был занять анализ механизмов иерархизации (Hausen, Wunder 1992: 10).

Некоторые аспекты гендерных взаимодействий нашли отражение уже в ранних публикациях. Их авторы пытались сравнивать отношение мужчин и женщин к одному и тому же вопросу (скажем, к возрасту вступления в брак или повторной женитьбе/замужеству со вдовыми), рассматривать неодинаковые последствия для мужчин и женщин одних и тех же социальных явлений и трансформаций. В них изучался, например, гендерный аспект понятия «цехового единства» (и в связи с этим – «мужской солидар-

ности», вытеснившей женщин из цехового производства в раннее Новое время). Необычайно плодотворными и убедительными были исследования разного понимания *чести*, которое для женщин имело всецело гендерное звучание, а для мужчин – определялось общечеловеческими «свойствами» – храбростью, верностью, добросовестностью, профессиональным мастерством (Kollmann 1987).

Развитие же гендерной истории оказалось связано и обусловлено ее взаимодействием со структурализмом (который был важен для развития женских исследований в изучении прошлого) и в особенности с различными постструктуралистскими течениями, участием в целом ряде «поворотов», произошедших в гуманитарном знании на рубеже XX и XXI вв.

В тематике гендерной истории выделились ключевые для нее темы, на первый взгляд вполне простые и ясные: «труд в домашнем хозяйстве», «работа в общественном производстве», «право», «политика», «семья», «религия», «образование», «культура» и т. п. Но каждая из этих тем отныне рассматривалась с точки зрения путей обеспечения воспроизводства социального порядка, основанного на гендерных различиях, и неравного распределения материальных и духовных благ, власти и престижа в историческом социуме. Особое место занял анализ опосредованной роли гендерных представлений в межличностном взаимодействии, выявление их исторического характера и динамики. Отношения между полами – как выяснилось – составляют сердцевину любой социальной системы наряду с классовыми и межпоколенческими отношениями, отношениями между общественными слоями, способами производства и отношением человека к природе. Гендерные исследования пронизали собой – пусть и неравномерно – почти все области исторической науки (Pomata 1993: 1019–1026).

Исследования гендерных историков развернулись в ситуации постмодерна, главным «открытием» которого стало недоверие к большим идеологиям – к тому, что французские философы называли метанарративами (метанарративу прогресса, рационального обустройства общества, революционного переустройства, модернизаций). Другим ощутимым изменением в науках о прошлом, которое произошло в прямой связи с распространением постмодернистских концепций и феминистской критики историзма и эмпиризма, стала ликвидация иерархии «важности» исследовательских проблем. Еще 20 лет назад все, что связано с женщиной, женским

социальным опытом, историей сексуальных меньшинств или историей сексуальности, могло быть объявлено не «главными темами». В эпоху постмодерна иерархия важности проблематики была ниспровергнута. Темы, казавшиеся ранее «мелкими», оказались вписанными в большую историю: история прислужничества и найма кормилиц, история домашней работы, вынашивания детей и родовспоможения.

Категория «пол» была признана одним из структурообразующих экономических принципов. Гендерные исследования исторического прошлого показали себя как объединяющее научное поле, как концепт, который подтверждал полицентричность окружающего мира, плюральность типов мышления, множественность методов и подходов, с помощью которых можно познавать и прошлое, и настоящее.

Гендерная история. Предмет и значение

Начало интенсивного развития гендерной истории относится к 1990-м гг. и совпадает с изменением предмета исторических наук. Вместо «структур большой длительности» интерес ученых обратился к конкретным судьбам обычных людей на ограниченном временном отрезке; вместо историко-демографических штудий, напичканных цифрами и графиками, стали публиковаться историко-литературные эссе, авторы которых размышляли о том, какое воздействие способен оказать индивид на ход истории (см. также главу 13 настоящего издания). Вместо утилитарного подхода к источникам личного происхождения (из которых ранее брались лишь общезначимые факты социально-политической истории) стал практиковаться «биографический метод», где во главу угла оказалась поставлена реконструкция одной или нескольких судеб и влияние на них социально-экономических и политических катаклизмов. Изменилось и отношение к «социальному полу», гендеру: категория принадлежности к нему наравне с принадлежностью к определенному этносу (расе) и классу (социальной страте) стала одним из критериев идентификации общего – гендер, этнос и класс в некоторых работах стали именовать «святой троицей». Наконец, без интереса к языку и внеязыковым дискурсам трудно представить работы по культурной и интеллектуальной истории. Они заставили сместить центр исторического повествования с вопроса «Что было?» на вопрос «Как записано?», с вопроса о реалиях – на вопрос об опосредованиях (*agency*) и опосредователях реалий.

Все эти перемены и позволили сформироваться и развиваться действительно *гендерной истории*, которая была призвана *объединить историю женщин, историю мужчин, историю сексуальности и историю квир-сообществ*. Объединительная сущность гендерной истории очевидна, но не проста. К этому этапу развитие направления прошло четыре стадии: 1) внимания к «истории борьбы» женщин против мужского миропорядка; 2) интереса к новому пониманию власти; 3) призывов изучать не «подчинение»/«подавление», а «различия», чтобы, наконец, прийти к новой 4) стадии признания необходимости обновления методологии.

Предмет гендерной истории – это история складывания и функционирования отношений и взаимодействий, стратифицирующих общество по признаку пола, история представлений о «мужском» и «женском» как о категориях социального иерархического порядка, история самопредставлений мужчин, женщин, сексуальных меньшинств. «Гендерная история – это история того, как общества прошлого и живущие в них мужчины и женщины относились к дифференциации полов, как они описывали эту дифференциацию, какое значение они ей придавали», – считает германский историк Г. Бок (1994). Американские (и феминистски ориентированные российские) историки подчеркивают именно властную составляющую в этой дифференциации, указывая на необходимость не столько описания дифференциаций, сколько изучения иерархий – как в обществе, так и внутри каждого из полов.

Представления об особенностях аналитических *методов*, характеризующих общий подход гендерной истории, или, точнее, гендерной экспертизы социально-исторических явлений, в западной и отечественной историографии еще не согласованы. Среди признанных аналитических процедур – прежде всего этнографический метод *включенного наблюдения* (когда исследователь, анализируя то или иное явление, одновременно ведет наблюдение за рассказчиком и, в феминистской методологии, за самим собой – иными словами, «инсайдерство», позиционирование себя внутри исследуемого явления). Сторонники гендерной истории, изучающие хорошо обеспеченные источниками исторические периоды, предпочитают *качественную методологию* формально-количественному описанию, анализ биографий и интервью – цифрам и графикам, которые, с точки зрения некоторых ученых, скорее типичны для официальной, традиционной науки, ориентированной на муж-

скую систему ценностей и систему доказательств (андроцентричную). *Отказ от «дизайна объективности»* в пользу исследований эмпатических, то есть наполненных чувствами и сопереживанием, – еще один методический подход сторонников гендерной истории. Они уделяют большое внимание авторским интерпретациями событий и явлений. Как это типично для историографии постмодерна, сторонники гендерной истории предлагают перемещение *от субъектов к дискурсу*, от конкретных событий – к фону, который их создавал и опосредовал, считая нужным изучить не столько «как оно было», сколько «как об этом было рассказано» (и кем).

Поскольку гендерная история родилась под влиянием женских исследований и женского движения, сторонники ее используют все способы коллективной совместной работы: организуют большие международные проекты, проводят конференции. Они считают такую *коллективность* противовесом «маскулинистской историографии», в которой господствует конкуренция, стремление каждого отдельного исследователя стать главой направления, создав свою научную теорию, и навязать свою точку зрения.

Развитие женских и гендерных исследований прошлого в России

«Женская тема» присутствовала в отечественной историографии около двух веков. О выдающихся россиянках писали многие русские и советские историки, от В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина до М. В. Нечкиной и В. Т. Пашуто (Пушкарева 2002). К началу 1980-х гг. историография женской истории России насчитывала около 6000 названий, но самостоятельным направлением изучения науками о прошлом не признавалась.

Рождение направления «женской истории» как особого способа рассказать о прошлом (дискурсивной практики) совпало в России с периодом восприятия и освоения нашими науками о прошлом ряда западных концепций в годы перестройки. Заимствование этих концепций не было бы столь быстрым, если бы носители новых идей и подходов не имели уже накопленного фактического материала, в области истории полов в том числе. Еще до прихода в российское культурное поле концепции гендера в нашей науке было несколько историков, которые даже в условиях господства марксистского единомыслия спорили с общепризнанными тогда в советской науке постулатами – об униженности и бесправии женщин

Отечества досоциалистической эпохи, об их якобы вечной социальной пассивности, необразованности, темноте (Г. А. Тишкин, Э. А. Павлюченко, Н. Л. Пушкарева).

Своеобразие контекста, в котором происходило знакомство российских исследователей с новой риторикой и новыми идеями, привносимыми женскими и гендерными исследованиями, состояло не только в одновременности получения знаний – и о женской истории, и о гендере, и о связанной с этим концептом новой методике работы с материалом. В отличие от Запада, где типическим было противопоставление мужественности и женственности (мужской и женской истории), рождение «женской истории» в СССР было реакцией не на мачизм⁵, не на сексизм и мужской шовинизм, а на унификацию половых различий, типическую для советского общества. Как отдельные аспекты общей темы те или иные стороны истории женщин (особенно участие женщин в освободительном движении) изучались, но «особость» социального опыта женщин, их системы ценностей не признавалась. Так что рождение направления проявилось не в форме борьбы с мужским доминированием, а в виде восстановления различий полов, о которых предпочитали не вспоминать создатели концепции «личности коммунистического завтра».

Интерес к женской истории был формой протеста против типичного для русской традиции замалчивания вопросов пола в общественных дискуссиях, против прагматизма советской идеологии с ее концептом «работающей матери» (женщины, которая обязана работать наравне с мужчиной и обязана рожать), а также осмеяния феминисток в советской историографии. Основными носителями идеи и практики дискриминации женщин в СССР выступали не мужчины как социальная группа, а государство, демократическое лишь по провозглашаемым лозунгам, но тоталитарное по сути – и это тоже отличает российские особенности рождения женской и гендерной истории в России.

Таким образом, истории гендерных исследований и гендерной истории в отечественной историографии около 20 лет. За эти годы возникло сообщество специалистов по женской и гендерной истории, объединенное в Межрегиональное общественное объединение «Российская ассоциация исследователей женской истории» (РАИЖИ,

---

⁵ Мачизм (от исп. *macho* – настоящий мужчина) – сознание мужского превосходства.

www.rgrwh.ru), создан Российский национальный комитет в составе Международной федерации исследователей женской истории (www.ifrwh.com). Большую роль в институционализации направления сыграли не столичные, а региональные научные центры и лаборатории в университетах и вузах Иваново, Твери, Самары, Мурманска, Петрозаводска, Набережных Челнов, Воронежа, а на русскоязычном пространстве – Минска и Харькова. Интеллектуальная (и финансовая) поддержка западных фондов, направленная этим исследовательским объединениям, сыграла неоспоримую роль в формировании направления гендерных исследований прошлого и гендерной истории.

Побуждением к созданию вышеназванных объединений (в которых историки составляли незначительную часть по сравнению с социологами и психологами) был не запрос «снизу», а влияние «сверху», в том числе и проникновение в русскоговорящую интеллектуальную среду теоретических идей феминизма как императива современной западной культуры. В Европе и США феминистские лозунги были составной частью концепции гражданского общества, российские активистки попытались идти тем же путем.

Финансовые вливания в «женскую тему» пробудили интерес сотрудников РАН к новообразующимся центрам и направлениям работы, заставили российских чиновников заметить рождение организационных структур, именованных «центрами гендерных исследований», поскольку они получали финансовую помощь с Запада. Система грантовой поддержки очень помогла индивидуальным грантополучателям, большинство из которых обратили все силы на распространение знаний и убеждений по гендерной истории (феминистских в том числе). В то же время проектные группы, получающие помощь от западных организаций, отвечали запросам иностранных фондов подчас больше, чем нуждам русской науки.

Возник феномен «ложного активизма»: под объявленные программы писались проекты, которые хотели видеть грантодатели. Последние, в свою очередь, очень неохотно поддерживали изучение женской истории периода Средневековья и раннего Нового времени, феминистскую антропологию, гендерную археологию и были ориентированы на те проекты, в которых просматривалась нацеленность на решение современных задач, а не накопление фундаментальных знаний. Между тем деньги давались под общественную деятельность, поэтому исследователи вынуждены были

политизировать свои тексты. Проектная схема финансирования по грантам не была рассчитана на длительную, систематическую поддержку преобразований. Для получения нового финансирования необходимо было демонстрировать успехи по предыдущим проектам. Внедрение гендерной истории шло по верхам.

Тем не менее число проектов и публикаций по гендерной истории все-таки росло, но было бы преувеличением считать, что они значительно влияли на интеллектуальную ситуацию в России. Они сделали свое дело в 1990-е гг. Благодаря им возник интерес и к женской истории, и к гендерным исследованиям прошлого (Жеребкина 1998). При этом интеграция последних в «большую науку» России – включение тематики, связанной с историей полов, в основное русло общественного и научного дискурса, появление соответствующих рубрик в журналах и ежегодниках, специальных секций на конференциях – происходит очень медленно. Сами термины (гендер, гендерный) приняты в научный дискурс, а идеи, разработанные западным женским движением и их порождением – гендерными исследованиями, – нет.

Если под гендерными исследованиями в истории и гендерной историей иметь в виду иные методические приемы работы с материалом, другой ракурс исторического видения, то такому определению отвечают лишь отдельные статьи в сборниках и периодических изданиях. Особо выделяются в этом плане альманахи гендерной истории «Адам и Ева» (Москва), ежегодник «Социальная история» (Москва), рецензируемый ваковский журнал «Женщина в российском обществе» (Иваново). Монографий по гендерной истории, тем более содержащих не обзоры изданного за рубежом, а серьезную аналитику архивных данных, почти нет. Теоретические подходы гендерной истории, какой она является в Западной Европе, сложны, требуют комплексного переосмысления материала, а целевая аудитория таких работ неясна. Наиболее близки к западному пониманию гендерной истории те из исследований, которые относятся к истории женского движения и женского социального активизма в XIX–XX вв. (Юкина 2008). Публикующиеся в перечисленных выше журналах и ежегодниках авторы стараются ставить под сомнение сложившееся распределение гендерных ролей в прошлом и настоящем. Они по-иному подходят уже к сбору эмпирического материала, поскольку вопросы, которые они перед собой ставят, предполагают феминистскую рефлексивность.

Дистанцировавшиеся от центров гендерных исследований специалисты, разрабатывавшие частные вопросы женской истории в контексте изучения истории и этнологии семьи, права, культуры, религии, образования, истории труда и повседневности, общественных движений и истории социальной работы, хотя и остаются подчас разрозненными и немногочисленными, продолжают скрупулезную работу в архивах и библиотеках. По сути, они вносят ежедневный вклад в развитие не столько гендерных исследований прошлого, гендерной истории, сколько истории женской. Сторонники и сторонницы этого стиля изучения «истории женщин» не именуют себя приверженцами феминистских идей, но это не умаляет сделанного ими.

Философы, социологи и психологи «открыли» гендер, поставили вопрос о том, как гендерная идентичность преломляет взгляд человека на мир, обнаружили различия в женском и мужском социальном опыте, представшем особым источником знания. Историки, применяя гендерный подход к анализу социально-исторических явлений, показали, как женский опыт соотносился с мужским в прошлые столетия и в какой мере это взаимодействие формировало культурные стереотипы, нормы и идентичности. Эти новые знания о прошлом влияют на тех, кто их получает, а вместе с ними меняют и действительность. Именно потому в гендерной истории заложен революционный – в отношении к старой науке – смысл.

Рекомендуемая литература

- Введение** в гендерные исследования / Отв. ред. И. М. Жеребкина Т. 1. СПб., 2001.
- Гендер** и общество в истории / Отв. ред. Л. П. Репина, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. СПб., 2007.
- Мид М. 2004.** *Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире.* М.
- Пушкарева Н. Л. 2007.** *Гендерная теория и историческое знание.* СПб.
- Репина Л. П. 2004.** *Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого.* М.

Глава 16

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЕЙ И МИКРОИСТОРИЯ

История повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – *«реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира»* (Бергер, Лукман 1995: 38), комплексное исследование этой реальности (жизненного мира людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события).

В центре внимания истории повседневности комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения. В русском языке синонимы слова «повседневность» – будничность, ежедневность, обыденность – указывают на то, что все, относимое к повседневному, привычно, непримечательно и происходит каждодневно изо дня в день.

Мы все живем в повседневном мире; повседневные, а потому малозаметные в своей привычности явления окружают нас, и каждый из нас полагает, что может точно судить о них и о предмете в целом. Однако реконструкция повседневности не так проста. Во-первых, эта сторона действительности очень широка, всеохватна. Во-вторых, у историка часто нет источников (или слишком много, что одинаково осложняет дело), относимых именно и только к ней. В-третьих, эмоциональные реакции на бытовые и малозначимые факты зачастую восстановить куда трудней, чем сами факты. В-четвертых, разные аналитики понимают свои задачи по-разному. Однако в главном они сходятся: повседневность – первична, безусловна для всех людей, везде и всегда, хотя и неоднородна, неодинакова по содержанию и значению.

Возникновение направления «история повседневности» и его истоки

Возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого – одна из составляющих так называемого историко-антропологического поворота. Он начался в конце 60-х гг. XX в. вместе с революцией «новых левых» и ниспровержением всех старых объяснительных концепций. Из пророков-теоретиков исследователи превратились в обычных участников общественной жизни, не имеющих права ни определять, что истинно, а что ложно, ни планировать, каким должно быть будущее (см. также главы 14 и 15 настоящего издания).

Но еще задолго до этой «революции духа» мировая философия стала задумываться о значимости того, что окружает индивида изо дня в день. Такая категория, как «общий здравый смысл», пришла от Аристотеля, Цицерона, Сенеки и Горация в философию эпохи Возрождения (Николай Кузанский, Эразм Роттердамский), а затем в понимание мира Ф. Бэконом, Р. Декартом и Т. Гоббсом, которым принципы здравого смысла виделись основанием всего философствования. Свой вклад в понимание этого предмета внесли и прагматики XIX в. (У. Джеймс, Ч. Пирс), так что к началу XX в. в «здравом смысле» стали видеть «мнения, чувства, идеи и способы поведения, предполагаемые у каждого человека». Что же касается именно термина «повседневность», то «Психопатология повседневной жизни» (1904 г.) З. Фрейда была едва ли не первой научной книгой, в заголовок которой было вынесено понятие «повседневная жизнь» (Милютин 1973: 29 – 30).

Если на протяжении столетий обычные мнения, чувства, идеи и способы поведения считались всего лишь началом для высокого теоретического мышления, то в XX в. в западной философии акцент постепенно стал смещаться в пользу «обыденного». Э. Гуссерль, «отец» феноменологического направления, одним из первых обратил внимание на значимость культурологического осмысления «сферы человеческой обыденности», которую он назвал «жизненным миром». Младший современник Э. Гуссерля А. Шютц предложил отказаться от восприятия «мира, в котором мы живем» как изначально заданного и сосредоточиться на процессе складывания картины этого мира у людей, исходя из их стремлений, фантазий, сомнений, реакций на частные события, воспоминаний о прошлом и представлений о будущем.

Незадолго до Второй мировой войны социолог немецкого происхождения, работавший в Амстердаме, основатель «социогенетической теории цивилизаций» Н. Элиас обратил внимание на то, насколько изучение общества оторвалось от изучения индивида (2001). В знаменитой статье «О понятии повседневности» он показывал, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной структуры, но является составной частью структуры определенного социального слоя». За Н. Элиасом признают первенство в рассмотрении общества и отдельных людей «как нераздельных аспектов одного сложного и постоянно меняющегося набора взаимосвязей». По мнению современных интерпретаторов его идей, ученый ввел в мировую гуманитарную науку видение прогресса как переплетения – на уровне повседневной жизни – разнообразных практик воспитания, познания, труда, власти и способов их упорядочивания, закрепленных различными институтами. Изучение этих практик стало ориентиром для социальных наук уже в послевоенное время. Н. Элиас и его последователи специально изучали процессы «оцивилизовывания» разных сторон повседневности индивидов – их внешнего вида и манер поведения, намерений, чувств и переживаний, речи, этикета. Соотечественник Н. Элиаса Б. Вальденфельс, продолжив подобные размышления, пришел к выводу: повседневная жизнь не может существовать сама по себе. Она возникает в результате *оповседневливания*, которому противостоит процесс *преодоления повседневности* (Гудков 1993).

Одновременно на рождение истории повседневности оказало влияние превращение в самостоятельное философское течение герменевтики (от греч. *hermeneuein* – толковать, разъяснять). Идеи М. Хайдеггера и его последователя Г. Г. Гадамера, стали методологическим основанием, которое придало смысл изучению прошлого во всей его совокупности, в том числе и всего сугубо простого, неяркого, невзрачного.

В росте интереса к изучению повседневности свою роль сыграла критическая теория общества, созданная неомарксистами так называемой Франкфуртской школы 1930–1940-х гг. (несколькими яркими философами, работавшими во Франкфурте-на-Майне – Т. Адорно, М. Хоркхаймером и др.), чье отношение к социальной реальности отличали выраженный акцент на роли общественной практики, гуманизм и стремление понять истоки появления тоталитарных форм организации общества. Представители Франкфурт-

ской школы, стремившиеся понять истоки тоталитаризма, указали на организующую роль идеологий в структуре общественной жизни (Давыдов 1977). Один из последних представителей третьего поколения этой школы Г. Маркузе показал, как современная западная культура с ее достоинствами комфорта, технической оснащенности, удобства бытия, безопасности существования рождает опасную терпимость всех членов общества, «толстокожесть», «одномерность» и проинтегрированность во все общественные отношения. Работы Г. Маркузе нацелили историков и социологов на анализ механизмов манипулирования сознанием на уровне повседневных практик (Маркузе 1994).

Особым шагом к выделению исследований повседневности в отрасль науки было появление в 1960-е гг. критической социологии модернистского толка. Одной из ее составляющих была теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана (1995). Эти социологи первыми ввели в язык социологии понятие «повседневный мир», поставили вопрос о языке «повседневных встреч» (социальных взаимодействий), о путях «заучивания типичных повседневных действий», тем самым дав толчок концепциям социального конструирования идентичностей, пола, инвалидности, психиатрии и т. п. (Бергер, Лукман 1995). В те же годы американские социологи Г. Гарфинкель и А. Сикурель показали, сколь перспективным могло бы быть изучение не просто действий индивидов в социальных процессах, но и роль их переживаний и мыслей. Это позволило им создать основы социологии обыденной жизни (или этнометодологии), нацеленной на обнаружение методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий через анализ существующих в обществе правил и предубеждений, истолкования «одними» людьми речей, поведения, жестов «других». Продолжатель идей Г. Гарфинкеля И. Гофман в одном из своих основных трудов – «Представление себя в повседневной жизни» – выявил повседневное как то обычное, что всегда проходит незамеченным, что индивиды автоматически соблюдают, не придавая тому значения (Бекк-Виклунд 1992).

Помимо социологов на рождение истории повседневности оказали влияние идеи культурологов и антропологов. Поскольку любая культура предстает как иерархия символов и знаков, указывающих на определенные общественные структуры, постольку исследователь, чтобы приблизиться к пониманию этих структур, пы-

тается расшифровывать эти символы и знаки, составляющие повседневные, типизированные людские практики. Интерпретация, а не просто собирательство найденных фактов, – цель этнографически ориентированной науки. Основатель, такой «символической» или «интерпретативной», антропологии, развивающей в этом плане подходы герменевтики, стали американский антрополог К. Гирц (2004) и французский культуролог А. Лефевр. Последний в своих работах «Критика повседневной жизни» и «Повседневная жизнь в современном мире» показал, насколько продуктивным может быть сопоставление субъективного переживания конкретной житейской ситуации с общими моделями, а также ожидаемого с действительным.

Лефевровскому пониманию роли повседневности близко понятие «габитуса» – совокупности предрасположенностей поступать, думать, оценивать, чувствовать определенным образом. Термин этот был введен младшим современником и соотечественником А. Лефевра П. Бурдьё. «Габитус» у него – универсальный посредник между социальным миром и индивидуальной человеческой практикой, в нем сконцентрированы, по его мнению, прошлые опыты, «осевшие в теле индивидов», а потому габитус (как и повседневность) самодвижим и самовоспроизводим (Бурдьё 1998).

Отношение к обыденному и повседневному в российской философии

В российской философии интерес к обыденному оказался «западывающим», как и вся история российской модернизации.

В термине «повседневное» десятилетиями виделось просторечное выражение, а не философская категория. Закалка российской духовности оказалась слишком крепкой: «нравственный идеализм» неизменно противопоставлялся (скажем, философом Серебряного века С. Л. Франком) «болоту буржуазной обыденщины и пошлости». В будничной жизни русским философам-идеалистам начала XX в. виделись все больше «тоска», «болото», нечто, не достойное серьезных размышлений.

Однако достаточно было в их кругу появиться М. М. Бахтину, чтобы российский философский мир задумался над «диалогом сознаний» – способов видения мира, над интеллектуальными процессами внутри предметной, практической деятельности, увидеть

в событиях «кванты» жизни, а в задаче философа – умение почувствовать «полифоничность мышления». Сама жизнь в советской России, постоянно выживавшей, а не жившей, требовала осмысления возможности этой полифоничности, вписывания в нее и в иные науки того, что выходило за ее рамки – войн, восстановительных периодов, социальных ломов и потрясений.

«Реабилитация» темы повседневного состоялась в годы хрущевской оттепели (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) вместе с ростом интереса к понятию «здорового смысла». В рамках навязанного тогда всем диалектического материализма обыденное сознание именовали «заурядным», «доморощенным», «самодовольным», обвиняли его в гносеологической неполноценности (по сравнению с высоким, теоретическим). Лишь к концу 1980-х гг. в философские словари попало определение бытовых отношений как «очень значительных», играющих «немаловажную роль» в жизни человека. В связи с допущением дебатов о темпах модернизации российские философы опубликовали тогда немало работ по теме соотношения «обыденного» и «теоретического» сознания. Переоценка обыденного была связана с кризисом «тотализирующих» теорий (марксизма и структурализма), полагавших повседневность и переживания отдельных людей чем-то, чем можно пренебречь.

В середине 1980-х гг. в публикациях Е. И. Кукушкиной обыденное сознание впервые было названо универсальной предпосылкой всех форм познавательной активности. Так был сделан важнейший шаг к рождению истории повседневности (Кукушкина 1986). Полное признание обыденного и повседневного в отечественной философии состоялось в 1990-е гг., но, пользуясь термином «обыденность» («повседневность»), ученые вкладывали в него разное содержание. Например, в книгах и статьях по социальной философии, написанных Н. Н. Козловой, «повседневность» – это поле создания и функционирования различных систем символов (Козлова 1992). Другие видят в «повседневности» «волевою интерсубъективность», то есть полагают необходимым изучать прежде всего возникающие в повседневье межличностные отношения, коммуникации. И. Т. Касавин и С. П. Щавелев представляют повседневность как «баланс между рутинным благополучием и риском»: «В спутывании моментального состояния и длящейся жизненной формы, – пишут авторы, – состоит парадокс повседневности» (Касавин, Щавелев 2004: 90).

Общечеловеческие (этологические, социальные) черты будничного тонут под грузом различий, привязанных к эпохе, региону, конфессии, профессии, политической системе государства. Темпы и ритмы жизни, формы труда, отдыха, досуга диктуют разные подходы в попытках интерпретации повседневности представителей одного и того же культурно-исторического типа: то, что одному кажется будничным, для другого предстает как праздник.

Смысловая наполненность «повседневного» может интерпретироваться в прямой зависимости от ощущений индивида. Изучение личностного смысла социального – вот предмет изучения повседневноведения, если опираться на работы российских философов. Именно он направляет изучение повседневного от описательности этнографов к постижению ментальных смыслов поступков, характерных для социальных психологов.

История изучения обыденного в науках о прошлом

Две научные школы, два подхода в исследовании повседневного

Историки в числе первых обратились к проблемам изучения повседневной жизни. Еще во второй половине XIX – начале XX в. в России были опубликованы работы А. Терещенко, Н. Костомарова, И. Забелина, а в Европе – книги Э. Виолле-ле-Дюка, Э. Фукса, П. Жиро, посвященные различным аспектам истории быта. Эти работы имели преимущественно описательный характер, что не умаляло их значения как исследований, в которых впервые были обозначены и раскрыты темы, ставшие в дальнейшем традиционными для исследований повседневности.

Перспективность «антропологического подхода» в изучении прошлого задолго до модернистских концепций «прочувствовали» французские историки М. Блок и Л. Февр. Именно они сформировали *исторически первую научную школу*, адепты которой ставят задачу восстановления истории в ее всеохватности и целостности (тотальности), не ограничиваясь одной лишь политико-событийной, экономической, военной или какой-то другой, отдельной стороной. Подобный историко-антропологический подход стал основой работ М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя – представителей известного направления, группировавшегося вокруг созданного в 1950-е гг. журнала «Анналы». Для Броделя, как и для многих представителей Франкфуртской школы, повседневность была одной из нитей узора

истории, ткань которой соткана также из демографических, производственно-технических, экономических, финансовых, политических, культурных и других процессов. История повседневности выступала в трудах французских историков-«анналистов» частью **макроконтекста** жизни прошлого или, как они сами именовали его, *тотальной истории* (см. подробнее главу 14 настоящего издания).

Рассказывая о «прозрачных» (трудно улавливаемых) реалиях экономики – механизмах производства и обмена, ярмарок и рынков, бирж и банков, мастерских и лавок, Ф. Бродель увидел в прошлом медленное чередование периодов «большой длительности» (“*long dure*”), в которые была включена и повседневно-бытовая составляющая. В экономике любого общества он предложил видеть два уровня структур: структуры жизни материальной (предметной) и жизни нематериальной (непредметной), охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Этот второй уровень и был назван им «*структурами повседневности*».

К ним он отнес то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, потребности (в жилище, питании, одежде, лечении больных), возможности их удовлетворения (через технику и технологии). Для такого всестороннего изучения был необходим анализ взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и правил, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума.

Характерной чертой реконструкции повседневной истории в духе Ф. Броделя на первых порах было предпочтение, отдаваемое изучению возможно более массовых совокупностей явлений, выбор больших временных длительностей для обнаружения глобальных социальных трансформаций. Много внимания уделялось и тому, как официальная культура воспринималась низами. Продолжавшие «линию Броделя» французские историки второго поколения школы «Анналов» скрупулезно изучали взаимосвязи между образом жизни людей и их ментальностями, бытовой социальной психологией.

Важнейшим завоеванием броделевской школы стал особый принцип историописания. Еще М. Блок утверждал, что исследование историка начинается вовсе не со сбора материала, как часто думают, а с постановки проблемы, с разработки предварительного

списка вопросов, которые исследователь желает задать источникам. Ф. Бродель и медиевисты его школы, не довольствуясь тем, что обществу прошлого, скажем средневекового, заблагодарасудилось сообщить о себе устами хронистов, философов, богословов, – убедили научный мир: историк путем анализа терминологии и лексики сохранившихся письменных источников может и должен уметь заставить эти памятники «сказать» больше. Инициаторы применения новых методов апробировали их сами и передали другим, научив ставить «чужой», ушедшей культуре такие новые вопросы, какие она сама себе не могла помыслить («мы ищем ответы на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам...» [Гуревич 1986: 196]).

Новый подход к восстановлению прошлого поставил и новый для тогдашней исторической науки вопрос о том, как влияли на рутину и обыденность человеческие чувства – взрывы отчаяния и ярости, безрассудство, внезапные душевные переломы. М. Блок и Л. Февр в истории чувств и образа мышления видели свои «заповедные уголья» и увлеченно разрабатывали эти темы. Использование такого подхода в историографиях ряда стран Центральной Европы (Польши, Венгрии, Австрии), начавшись в середине – второй половине 1970-х гг., осмыслялось как интегративный метод познания человека в истории и «духа времени». Оно получило наибольшее признание у медиевистов и специалистов по истории раннего Нового времени и в меньшей степени практикуется специалистами, изучающими недавнее прошлое или современность.

Продолжатели традиции первых двух поколений школы «Анналов» (в России, например, А. Я. Гуревич) поставили в центр своих исследований общую реконструкцию «картины мира» определенной эпохи, социума, группы. Они изучают в повседневности прежде всего ее ментальную составляющую (общие представления о нормальном, как и общие страхи, общие тревоги и одержимости). Их работы пишутся более в содружестве с социальной психологией, нежели, например, с этнологией.

Другое понимание истории повседневности превалирует в германской, скандинавской и итальянской историографии.

Германский сборник «История повседневности. Реконструкция исторического опыта и образа жизни», вышедший в конце 1980-х гг., был сразу замечен за рубежом, но сдержанно принят в самой Германии представителями традиционной науки. «От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных струк-

тур и процессов обратимся к малым жизненным мирам» – так звучал призыв германских исследователей, задумавших написать «новую социальную историю» как историю рядовых, обычных, незаметных людей.

Те, кто откликнулись на этот призыв, стали изучать маленьких людей в Большой Истории, и со страниц множества трудов последнего времени на читателя взглянул не «человек-хозяин», не агент собственной истории, но человек, затерянный в массе.

Такие критики «старой науки», как Х. Медик и А. Людтке, призывали молодое поколение обратить все силы на изучение заурядного, ординарного, малопримечательного – «*микроисторий*» людей или групп, носителей повседневных интересов (отсюда – второе название «истории повседневности» в Германии – *Geschichte von unten*, «история снизу»). «История повседневности, – отмечал А. Людтке, – оправдывает себя как самая краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения». «Важнее всего изучение человека в труде и вне него, – продолжает он. – Это детальное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, а также и надежд на будущее» (Людтке 1999а).

Центральными в анализе повседневности для повседневноведов этой школы являются жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего. Это стало программой особого направления в германской историографии – истории повседневности (*Alltagsgeschichte*), которую иногда именуют «этнологической социальной историей».

В германской историографии прочно утвердилось противопоставление категории повседневности как всего повторяющегося, обыденного тому, что выходит за эти рамки как яркое, необычное или уникальное. Такой подход противопоставил повседневность в качестве «жизни масс» «жизни отдельных, уникальных и необычных личностей». Это привело к появлению германского варианта «истории повседневности», который можно охарактеризовать

как микроисторию обычных, незаметных, типичных для своего времени и социального слоя индивидов. К «оппозициям» повседневного германские ученые обычно относят «праздники» как проявление чего-то особенного, не обыденного, а также «экстремальные ситуации», которые при определенном стечении обстоятельств могут перейти в разряд обыденных и составить повседневность. Работа, труд, игра, учеба в подобных классификациях оказываются включенными в понятие «повседневного» (а не противопоставленными ему). Их изучение и составляет задачу истории повседневности, считает один из ее главных современных идеологов А. Людтке (1999: 121). Понимание «истории повседневности» как микроистории негативно повлияло на степень признания этого направления научным истеблишментом Германии. Сторонники микроистории рассматривались как покусившиеся на святое, и их перестали допускать к конкурсам на замещение должностей в университетах и научных центрах. Вследствие этого в Германии возник параллельный официальному мир «мастерских историков» и особых журналов. Примером тому является журнал «Историческая антропология», а также региональная группа активистов в Геттингене, действовавшая под девизом «*Берем историю в свои руки!*». Одной из главных задач этих активистов, среди которых были и профессиональные историки и обычные граждане, являлась борьба за переименование улиц и сохранение памяти о преступлениях нацизма в разных городах Германии.

Помимо германских «историков повседневности» к толкованию ее как синонима «микроистории» оказался склонен ряд исследователей в Италии. В 1970-е гг. небольшая группа таких ученых (К. Гинзбург, Д. Леви и др.) сплотилась вокруг созданного ими журнала “*Quaderni Storici*”, начав издание научной серии “*Microstorie*”. Эти ученые сделали достойным внимания науки не только распространенное, но и единичное, случайное и частное в истории, будь то индивид, событие или происшествие. Исследование случайного – доказывали сторонники микроисторического подхода – должно стать отправным пунктом для работы по воссозданию множественных и гибких социальных идентичностей, которые возникают и разрушаются в процессе функционирования сети взаимоотношений (конкуренции, солидарности, объединения и т. д.). Тем самым они стремились понять взаимосвязь между индивидуальной рациональностью и коллективной идентичностью (Ревель 1996: 236–261).

Германо-итальянская школа микроисториков в 1980–1990-е гг. расширилась. Ее пополнили американские исследователи прошлого (сторонники так называемой «новой культурной истории»), которые чуть позже примкнули к исследованиям истории ментальностей и разгадыванию символов и смыслов повседневной жизни. Под знамена микроисторического видения истории повседневности отошли и некоторые представители третьего поколения школы «Анналов» (Ж. Ле Гофф, Р. Шартье). Попытки последних вытеснить или ограничить «историю менталитета» в изучении повседневности были попытками дистанцироваться от «неподвижной истории», какой она виделась Ф. Броделю.

Многообразие идей, которые нес с собой новый (по сравнению с броделевским) подход в изучении повседневности, определялось политическим контекстом его возникновения. Если концепция «неподвижной истории» была уместна в 1960-е гг., то подходы микроистории были востребованы эпохой постструктуралистского вызова гуманитарному знанию с его интересом к языку, критикой текстоцентризма, любопытства к образам «другого» и толерантного признания этого «другого».

Значимость микроисторического подхода в исследовании повседневности определяется, таким образом, тем, что он позволил принять во внимание множество частных судеб. Поэтому история повседневности стала реконструкцией «жизни незамечательных людей», которая не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей «замечательных». Значимость микроистории для повседневности состояла в апробации методик изучения несостоявшихся возможностей и причин неудач того или иного предприятия, в том числе и случайных обстоятельств «состоявшегося исторического выбора». Описываемый подход определил новое место источников личного происхождения, помогая пониманию степени свободы индивида в заданных историко-политических, хронологических, этнокультурных и иных обстоятельствах. Микроисторики придали огромное значение автобиографиям и биографиям в исторических исследованиях, признав за ними немалую роль в формировании у потомков картины исторического процесса. В этом история повседневности сблизилась с «историей частной жизни» и «устной историей». Особенно заметно это сходство в США, где направление “new cultural history” родилось практически одновременно с так называемыми «исследованиями частных случаев» (*case studies*) в социологии.

Наконец, именно микроисторики поставили задачей своего исследования изучение вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях войн, революций, террора, голода. Конечно, и историки броделевской школы обращались к этим сюжетам, однако именно микроисторики, изучавшие повседневность XX столетия, озаботились анализом скорее переходных и переломных эпох, нежели периодов относительной стабильности и стагнации.

Общим для двух подходов в изучении истории повседневности – и намеченного Ф. Броделем, и обозначенного микроисториками – было новое понимание прошлого как «истории снизу». Такой подход сделал предметом исторического исследования жизнь «маленького человека». Это способствовало преодолению застарелого снобизма в отношении людей не просто не знаменитых, но и разного рода маргиналов и отщепенцев. Разбойники, психопаты, ведьмы, анархисты, инвалиды, проститутки, представители сексуальных меньшинств, преступники – все они обрели право попасть в центр исторического исследования.

Оба подхода предполагают – на макроисторическом и микроисторическом уровнях соответственно – другие методы изучения элит. Жизнью царей и знати, личными перипетиями известных и великих, конечно, интересовались и ранее, однако реконструкция повседневности элитарных слоев приобрела новое качество. Это была уже иная биографическая история великих, в ней ставились совершенно иные исследовательские задачи – и прежде всего выявление взаимосвязей между жизнью «высоколобых» и знатных особ и повседневными жизнями тех, кто от них зависел. Два подхода в исследованиях повседневности объединяет междисциплинарность (связь с социологией, психологией и этнологией). Оба подхода предполагают также – хотя и на разных уровнях (макроисторическом и микроисторическом) – изучение «символики повседневной жизни». Наконец, они в равной мере внесли вклад в признание того, что человек прошлого не похож на человека сегодняшнего дня, они в равной мере признают, что исследование этой «непохожести» есть путь к постижению механизма социопсихологических изменений.

В мировой науке продолжают сосуществовать оба понимания истории повседневности – и как реконструирующей ментальный макроконтекст событийной истории, и как реализации приемов микроисторического анализа.

Предмет изучения истории повседневности

Как остроумно заметила в начале 1990-х гг. германский этнограф и антрополог К. Липп, похоже, в литературе «существует столь же много “повседневностей”, сколько есть авторов, ее [повседневность] изучающих». Изучение повседневной жизни есть попытка проникнуть в человеческий опыт, потому вопрос о содержании понятия «повседневность» предполагает вопрос о том, какой человеческий опыт при этом следует рассматривать, а какой нет.

Специалисты по истории социальных конфликтов и движений полагают, что сопротивление насилию, если оно ежедневно или хотя бы систематично, тоже есть часть истории повседневного. С такой точки зрения, повседневность с неизбежностью должна включать «формы поведения и стратегии выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях», в том числе и самых экстремальных. Едва мы сталкиваемся с повторяемостью исключительного – оно, это исключительное, «оповседневливается», становится частью нашей жизни и предметом изучения. Поэтому постановка таких тем, как повседневность военной поры или времени революций, вполне оправданна.

Этнографы обычно говорят о повседневности, имея в виду «быт» – то есть традиционные формы личной и общественной жизни, «повторяющиеся, устойчивые, ритмичные, стереотипизированные формы поведения». Однако история повседневности не равна истории быта, она шире ее, хотя историки повседневности многое позаимствовали у этнографов и «бытописателей» XIX в.: интерес к типично этнографическим темам – исследованию жилища, системы питания, стиля одежды и т. д. Этнографический метод включенного наблюдения позволяет историкам заметить такие стороны жизни людей, от которых не остается следов в исторических, документальных источниках. Однако принципиальное отличие изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит в понимании *значимости событийной истории*, в стремлении показать многообразие индивидуальных реакций на череду политических событий.

Взгляд через призму повседневности позволяет увидеть историю в другой перспективе. Например, исследования повседневной жизни 1930–1950-х гг. в Германии открыли для историков несколько неожиданный факт: в субъективном

восприятию населения окончание войны как неблагоприятного периода жизни и возвращения к «нормальному» происходит не на 1945, а на 1948 г., – год проведения денежной реформы (Lipp 1993).

Исследователь истории повседневности всегда имеет в виду подвижное, изменчивое время, в котором полно случайных явлений, влиявших на частную жизнь, менявших ее. Именно в тривиальной обычности витают мысли и чувства, зреют замыслы, ситуации, рождается эксперимент. Историка повседневности интересует, *как* это происходит. Этнограф воссоздает быт, историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что его в быту окружает. Он ищет ответ на вопрос, как случайное становится вначале «исключительным нормальным», а затем и распространенным.

Самое скрупулезное описание быта не способно представить мужчине или женщине прошлого, наделенных замыслами, которые осуществились, или мечтами, которые не удалось реализовать. Быт всегда выглядит медленно и мало изменчивым, сопротивляющимся переменам. Любая из книг русских бытописателей XIX в. и советских этнографов представляла человека раз и навсегда скованным рамками жизненного сценария, вырваться за пределы которого ему было нелегко. Но ведь отдельные люди вырывались. И они делали историю. Вот почему в центре внимания историка повседневности не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто жил до нас. История повседневности в изучении ментальных макропроцессов есть форма историоризации коллективного бессознательного (а не этнографическая картинка конкретно-бытовых навыков и обыкновений).

Каковы механизмы возникновения новаций в укорененных и привычных структурах? Что заставляет сближаться новые и традиционные формы (нормы) социального действия, почему одни из них устойчивее других? Это тоже круг вопросов историков повседневности.

Историки повседневности проблематизируют изучение быта и «историю эмоций» малых, дискредитируемых социальных групп, их прозу жизни и переживания (а не только основных классов: дворян, крестьян, рабочих, предпринимателей, священников, – как это делалось ранее). Сопрягая осмысление повседневного с политической культурой личности, новое направление заставляет выяс-

нять, насколько индивидуальное восприятие человека влияет на его обыденную жизнь, в том числе в сложившейся политической системе. Историк повседневности «важно представлять пределы самодетельности индивида в разные эпохи и механизм формирования его решений, особенно тех, которые расходились с нормой. Именно взаимодействие стереотипного и индивидуального выступает сегодня, пожалуй, как самое интригующее при изучении истории общества...» (Бессмертный 1996: 12).

В отличие от культурологических и этнологических работ, в трудах по истории повседневности, основанных на микроанализе, авторы стремятся к меньшей географической и временной локализации. Они обрисовывают часто небольшой регион, малый период времени, описывают крохотную группу людей – но их работа предполагает углубленность анализа за счет жизненных историй представителей разных возрастных, профессиональных, половых и других социальных когорт. Историк повседневности важны «сети» их взаимосвязей и взаимодействий в частной, домашней, а также внедомашней, в том числе производственной, жизни.

Если юристов интересует общая официально-правовая регламентация поведения людей, если этнографы выявляют в ней элементы обычного права, то историк повседневности (не упуская из виду этого общего контекста) ставит перед собой задачу понять и объяснить групповые и индивидуальные реакции отдельных людей на существовавшие в их время правила и законы. Он перепроверяет действенность тех установлений, что были зафиксированы или считались неписаными, определяя, какие из них соблюдались, а какие нет.

В традиционной науке «быт», «бытовая сфера» противопоставляются (вместе с досугом, свободным временем и т. п.) «труду», сфере производственной. Большинство отечественных исследователей по неизвестно как сложившейся «традиции» подразумевают под повседневностью главным образом сферу частной жизни и только некоторые включают в сферу анализа и жизнь трудовую, те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте. Однако социологи и этнографы обеими руками за понятия «производственного быта» и «повседневности труда». Исследователь повседневности ставит задачу изучения связанности труда и досуга, монотонной обыденности и праздников, каждодневных обстоятельств работы и стремления найти в редкие минуты отсут-

ствия контроля над вовлеченностью в трудовой процесс возможности, например, для перекуров и отдыха, иными словами, включает производственный быт в сферу повседневного. Среди тем, связанных с «повседневностью работы», и такие как мотивация труда, отношения работников между собой, их взаимодействия (в том числе и конфликтные) с представителями администрации и предпринимателями.

Бесспорно, к изучению повседневного относятся:

- событийная область публичной повседневной жизни, как крупные потрясения, пути приспособления людей к событиям внешнего мира, так и мелкие частные события, их место в жизни отдельных индивидов и их групп;

- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;

- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле и все, что связано с личным отношением к нему рассказчика (автора документа, источника).

Ставшее социологической классикой определение повседневной жизни как «реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» (Бергер, Лукман 1995: 38) малоизвестно историкам. Это определение подчеркивает двойственную природу повседневности: ее реальность организуется вокруг того, что являет собой «здесь» и «сейчас» для каждого конкретного человека, и потому глубоко субъективна. Но одновременно повседневная жизнь представляет собой мир, в котором человек живет и взаимодействует с себе подобными.

Историк и социолог обладают инструментами анализа определенного явления не только в индивидуальном контексте (страсти, аффекты, депрессии и т. п.), но и в контексте социально-хронологическом, политическом, этнокультурном и т. д. Историк может проследить, как на обломках одного уклада жизни и одной обыденности в результате их разрушения возникает новая обыденность и повседневность, которая по сравнению с предыдущей кажется странной и «неповседневной». Подобный анализ содержит в себе перспективу прогнозирования будущего, поскольку позволяет проследить развитие системы ценностей, роль в этом отдельных личностей, пытавшихся и пытающихся «изменить жизнь» как в госу-

дарственном масштабе, так и на локальном уровне, как в прошлом, так и сегодня.

Не стоит забывать и того, что повседневность – всегда, во все эпохи, во всех культурах «имела пол», то есть была *гендерно детерминирована*. Именно поэтому феминистски ориентированные исследователи настаивают на необходимости отдельного изучения структур повседневности женщин и мужчин (Пушкарева 1997; см. предыдущую главу). Содержание обыденной жизни мужчин и женщин, непризнанных сексуальных меньшинств и трансвеститов всегда было разительно отличным. Лишь в последние десятилетия, в XXI в., берет начало явление, именуемое условно «гендерной революцией». Ее содержанием является ослабление поляризации социально-половых ролей, сближение социальных интересов и систем ценностей (аксифосфер) разных полов, конвергенция норм поведения и социальных ожиданий, языков вербального и невербального общения мужчин и женщин. Мужчина больше не «добытчик», сокращаются его права, появляются новые обязанности. Женщина яснее осознает особость своих социальных интересов и умеет их самостоятельно отстаивать. Вместе с ослаблением гендерной поляризации более схожими становятся структуры повседневности мужчин и женщин. В какой мере и насколько – изучают социологи, социопсихологи, а историки предоставляют сравнительный материал с предшествующими эпохами.

Методы изучения истории повседневности

Ученые так и не пришли к единому мнению относительно методов изучения истории повседневности.

Традиционно мыслящий историк полагает, что тексты «способны говорить сами», важно их лишь найти, и, установив репрезентативность дошедшего, постарается без искажений привести найденное в своем исследовании. Такой истории-повествованию как пересказу историк повседневности противопоставляет свой метод работы – метод *вчитывания в текст*, размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося.

Фокус анализа историка повседневности – изучение социального с точки зрения индивида, не просто быт, но повседневное сознание и поведение. Индивид в исследованиях повседневности должен

быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных, политических), показан определяющим ситуацию, конструирующим – совместно с другими – социальные роли и играющим их. Без *выяснения мотивации действий* всех актеров «театра жизни» прошлого историку повседневности не понять их. В объектах исследования (в том числе в авторах тех текстов, которые служат для него источником) такой историк видит своих соавторов, *ведет* с ними *диалог*, не дистанцируясь, не стараясь сохранить объективность, встать «над» ними.

При этом специалисты по истории повседневности отказываются выступать в роли объективного судьи прошлого, или, как они любят повторять, отказываются от желания встать «над» источником и над его автором. Вместо этого они ведут «диалог» с источником, пользуясь теми приемами, которые в состоянии обеспечить этот диалог, ставят перед текстом вопросы, которые его составитель или автор сами бы никогда не поставили, поскольку вопросы эти рождены современным состоянием научных знаний.

Они отказываются от признания существования неизменности, универсальности, «общечеловечности» и внеисторичности многих устойчивых понятий, в том числе Истины, Правды, Справедливости, и старается проанализировать, что именно понималось под ними в каждую эпоху. Это удастся сделать через использование этнографических описаний и “case studies” (анализов отдельных случаев), изучая биографии и человеческие документы. Вот почему специалисту по истории повседневности XX в. проще, чем исследователю отдаленных эпох: он имеет возможность расширить свою источниковую базу за счет свидетельств еще живущих информантов, использовать метод «устной истории» – сбора и записи «жизненных рассказов», интервью всех видов (нарративных, полуструктурированных, биографических, лейтмотивных, фокусированных и проч.; об устной истории см. следующую главу). Такая работа для него – не просто сбор фактов, но создание нового вида эмпирического материала (собранный воедино, а затем раздробленный на части, секвенции, а после распределенный по темам сообразно исследовательскому замыслу, он образует так называемый «вторичный источник»).

В советской историографии к воспоминаниям как к источнику было принято обращаться в основном тем, кто изу-

чал вначале «историю фабрик и заводов», а затем историю Великой Отечественной войны (Курносков 1974). Однако в последние 20 лет устная история завоевала заметное место в отечественных исследованиях по истории повседневности. Здесь оказываются полезными методы работы с автобиографическими текстами, разработанные психологами и социологами, в особенности зарубежными. В частности, одна из таких методик предполагает свободный рассказ, перед которым интервьюер просит интервьюируемого рассказать о себе и своей жизни, не умалчивая ни о чем существенном. Сопоставляется повторяемость тем и жизненных коллизий, что позволяет делать обобщения (Девятко 1996: 93).

Исследователи, не располагающие возможностями лично, вслух «задать вопрос прошлому», работают с традиционными письменными памятниками. Среди них они выделяют прежде всего эго-документы – биографии, мемуары, дневники и письма. Именно они позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, то, что отличает его повседневность от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах.

Но у медиевистов и специалистов по более ранней истории, изучающих человека в его «серой обыденности», зачастую нет даже их – ни писем, ни дневников, ни воспоминаний. На помощь исследователю истории повседневности здесь приходит этнология. Приблизиться к чужой культуре можно путем поиска и *анализа символических форм* – слов, образов, институтов, поступков, – посредством которых люди проявляли себя. Вот почему для медиевиста или специалиста по XVI–XVII вв. главными в реконструкции истории повседневности становятся толкования смыслов и символов, обнаруживаемых при чтении сложившегося корпуса источников.

Пользуясь психологическими приемами вживания («эмпатии») в сокровенное и одновременно банальное, исследователь повседневности неизбежно создает более субъективированное знание, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания. В этом – достоинство и своеобразие данного метода восстановления прошлого. Труд исследователя повседневности – интерпретация чужих мыслей и слов – это всегда «перевод» с чужого эмоционального языка. В этом он близок работе исследователей истории психологии и специалистов по истории частной жизни (Пушкарева 1997).

Труды историков, изучающих чужую эмоциональную жизнь, стилистически отличны от обычных научных трудов равнодушием, вчувствованностью в жизнь другого, сопереживанием рассказываемому. В идеале исследования по истории повседневности должны *писаться иным языком*, в который исследователь может вложить и свое собственное эмоциональное восприятие предметного мира, окружавшего человека прошлого.

Этнографический и социологический метод *включенного наблюдения* применяется, когда исследователь одновременно собирает фактическую информацию и «ведет наблюдение» за ее автором. В этом случае он пользуется информацией из иных источников о контексте написания данного текста этим человеком, например, его возрасте на тот момент, семейной ситуации, психологическом настрое. Анализ стенограммы какого-то важного форума, учитывающей реакцию зала, может быть превращен в методику *анализа фокус-группы* – при изучении повседневности историк часто использует эти этнолого-социологические методы работы.

Радости и страдания, мечты и надежды людей предшествующих поколений часто оставляют лишь случайные следы в исторических источниках, к тому же представленные «зашифрованно». Поэтому иногда единственным способом выйти из тупика становится *переоценка тех свидетельств*, которые уже использовались раньше в ином ракурсе (скажем, газетных статей и фотографий с целью извлечения деталей и примет быденного быта), привлечение свидетельств иностранцев, которым больше бросаются в глаза культурные отличия в повседневном быту.

Но историк в итоге должен привести свои микроисторические изыскания в единую систему взаимосвязей, только в таком виде маленькие элементы помогут ответить на большие вопросы. Не случайно критики истории повседневности как «трогательных рассказов из жизни людей из массы» утверждают, что авторам работ по истории повседневности есть чему поучиться у специалистов по социальной истории – они имеют в виду сложность преобразования множества «историй» в цельную картину.

Пути такого преобразования хорошо известны социологам.

В собранном однородном массиве источников (записях судебных процессов или, например, автобиографиях или агитационных брошюрах) выделяются отрывки текста (так называемые «секвен-

ции)), которые структурируются по темам «факт», «контекст», «субъективная значимость для индивида», а затем этот материал подвергается новому анализу с точки зрения повторяемости информации. Большим подспорьем для микроисторика является возможность сравнить получаемые им выводы для определения степени типичности ситуации (или реакции) через привлечение иных источников. Но она представляется историку не всегда.

* * *

Обобщая сказанное, подчеркнем: история повседневности возникла на волне очевидного самоисчерпания позитивистских приемов работы с источниками и устаревания прежних объяснительных парадигм (марксистской, структуралистской). М. Маффесоли, директор Центра исследований повседневной жизни (Сорбонна), именно так трактуя повышенное внимание к повседневности, обращает внимание на то, что аналитик (историк, социолог, антрополог) отныне лишен права вещать с позиций «научного превосходства», определяя, что истинно, а что ложно. Он не может более планировать, каким должно быть будущее общество. Он (и мы все) – не более чем участники общественной жизни наравне с другими. Мы все – свидетели трудной революции духа, абсолютно необходимой, коль скоро мы желаем раскрыть новые формы социальности и по-новому осмыслить прошлое.

Структуры повседневности, составляющие почву порядка, власти, познания, определяются специфически организованными дисциплинарными пространствами общества. Изучая структуры таких пространств, существовавших в прошлом, люди способны по-иному оценить свой каждый настоящий день, его мимолетность, малость, стремительность и в то же время связанность с другими такими же днями, своими и чужими. Каждый из таких дней предстает не случайностью, но неотъемлемой частичкой внутреннего содержания, наполнения культурной традиции.

Рекомендуемая литература

Бессмертный Ю. Л. 1996. *Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени.* М.

Касавин И. Т., Щавелев С. П. 2004. *Анализ повседневности.* М.

Лелеко В. Д. 1997. *Пространство повседневности в европейской культуре.* СПб.

- Людтке А. 1999.** Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии. *Социальная история. Ежегодник 1998/99*, с. 77–100. М.
- Пушкарева Н. Л. 1997.** *Частная жизнь русской женщины доиндустриальной России. X – начало XIX в.: невеста, жена, любовница.* М.
- Пушкарева Н. Л. 2004.** Предмет и методы изучения истории повседневности. *Этнографическое обозрение* 5: 3–19.
- Пушкарева Н. Л. 2011.** *Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии.* М.

Глава 17

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Развитие исторической науки в XX столетии привело к появлению целого ряда новых направлений, одним из которых стала устная история. Как современная технология сбора исторических источников и самостоятельное научное направление она сложилась после Второй мировой войны. Еще в 1938 г. профессор Колумбийского университета, специалист по истории Гражданской войны в США Аллан Невинс призвал своих коллег создать организацию для систематического сбора и записи устных рассказов и мемуаров «видных американцев». Весной 1948 г. по его инициативе был создан Кабинет устной истории для записи мемуаров людей, сыгравших значительную роль в жизни Америки. К 1971 г. сотрудники Кабинета собрали 2,5 тыс. записей бесед общим объемом почти в 350 тыс. страниц.

Заметим, что Невинс, первым введший в научный оборот термин «устная история», понимал под ней сбор и использование воспоминаний участников исторических событий. Однако впоследствии термину придали расширительную трактовку, обозначая им как различные виды устных свидетельств о прошлом, так и исследования, написанные на их основе. Популяризация нового направления в США в 1940–1950-е гг. была связана с деятельностью американского журналиста Джозефа Гулда. Появившись как узкое направление в рамках прежде всего архивного дела, устная история постепенно завоевала признание профессиональных историков, нашедших в устных воспоминаниях исключительный источник информации о прошлом. Рождение в 1971 г. журнала “Oral History” («Устная история») и появление несколько позже общества с одноименным названием во главе с одним из пионеров устной истории в Великобритании Полом Томпсоном свидетельствовало о стремлении шире использовать новые методики в познании общества. Отражая своеобразный протест против «застывшей» академической истории, основанной на письменных источниках, устная история в 1970-е гг. получила широкое распространение в западной историографии, а с начала 1990-х гг. – и в российской. С 1997 г. на трех языках выпускает свой журнал “Words and Silences” («Слова и молчание») Международная устно-историческая ассоциация.

Рождение “oral history” следует рассматривать в контексте современных тенденций в социальных науках вообще. Ее появление было обусловлено рядом факторов: во-первых, актуализацией проблематики, связанной с «недавним» прошлым; во-вторых, развитием звукозаписывающей аппаратуры. Первый звукозаписывающий прибор (фонограф) был изобретен в 1877 г., а система записи на стальную проволоку – в самый канун XX столетия. К началу 1930-х гг. значительно усовершенствованный аппарат стал использоваться на радио, а через десятилетие появилась магнитофонная лента и бобинные магнитофоны. В начале 1960-х гг. были разработаны и кассетные магнитофоны. В-третьих, появление устной истории было обусловлено методологическими поисками в зарубежной историографии, находившейся под влиянием философии экзистенциализма, постмодернизма и традиций социальной истории. Нарастающее разочарование в глобальных историко-теоретических построениях («метарассказах») вызвало к жизни позитивную программу постмодерна, нацеленную на участие «интерпретирующего разума», на диалог с познаваемым субъектом. Устная история представлялась приверженцам этого направления одним из перспективных направлений исторической науки, позволявшим ей остаться «наукой о Человеке во времени».

Истоки устной истории

Устные источники давно служили важным способом передачи информации о прошлом. Передаваемые из поколения в поколение мифы и эпические сказания, легенды и предания предшествовали письменной истории, выступая самой ранней формой исторического сознания общества. Но и с появлением письменности устные источники оставались важными свидетельствами прошлого. В V в. до н. э. «отец истории» Геродот активно расспрашивал очевидцев греко-персидских войн, а Фукидид использовал устные источники при написании «Истории Пелопоннесской войны».

В начале VIII в. Беда Достопочтенный в предисловии к своей «Церковной истории народа англосаксов» полагался на устные предания, особенно доверяя сведениям жителей своей родной Нортумбрии. Это доверие к устным свидетельствам разделялось историками до XVIII в. включительно. Даже Вольтер, довольно скептически относившийся к «абсурдным мифам» далекого прошлого, для сво-

их трудов собирал не только документальные, но и устные свидетельства.

В XIX в. устные источники привлекали в большей степени литераторов, чем историков. Одним из приверженцев устной традиции был Вальтер Скотт, в 1802–1803 гг. вместе с Робертом Шортридом составивший сборник «Песни шотландской границы». Чарльз Диккенс намеренно сделал местом своих произведений знакомый по детским воспоминаниям Лондон. Во Франции Эмиль Золя собирал материалы для романа «Жерминаль», общаясь с шахтерами из Монса.

Постепенно устные источники берутся на вооружение учеными. Например, в трудах Маколея, особенно в «Истории Англии» (1845–1855 гг.), наряду с другими источниками используется и устная традиция. Другой пионер устной истории Жюль Мишле в своей «Истории Французской революции» (1847–1853 гг.) широко использовал устные источники для уравнивания официальных документов. Сибом Раунтри, развивая метод «наблюдения изнутри», в исследовании «Бедность» (1901 г.) опирался на прямые интервью, хотя и без цитирования. В более позднем труде «Безработица» (1911 г.) он уже использовал цитаты из записей интервьюеров. Беатриса Вебб в монографии «Кооперативное движение в Британии» (1891 г.) и позднее, работая с мужем Сиднеем Веббом над «Историей тред-юнионизма» (1894 г.), систематически собирала устные свидетельства. Именно они разработали метод периодических полевых исследований, арендуя в этих целях жилье в каком-либо провинциальном городке (Томпсон 2003: 40–57).

Со второй половины XIX в. ведущей тенденцией в рамках процесса профессионализации истории стала документальная традиция. Под девизом «Нет документов – нет истории» развитие научной критики источников, а затем утверждение позитивизма привели к установлению в историографии своеобразного «культу факта», опиравшегося на представления о безусловной достоверности письменного документа. Хотя методология проведения интервью была более или менее отработана, отсутствие звукозаписывающих устройств ставило вопрос о точности письменного текста интервью.

Однако ко второй половине XX в. зародились серьезные сомнения в абсолютизации документального метода. Например, анг-

лийский философ и историк Древней Британии Р. Дж. Коллингвуд в своей «Идее истории» (1946 г.) призвал к критическому анализу и сопоставлению различных источников для установления исторических фактов. Один из основателей школы «Анналов» Марк Блок, сочетавший архивные поиски с изучением формы полей, географических названий и фольклора, много беседовал с крестьянами французской глубинки.

Устная история: определение понятия

В настоящее время употребление термина «устная история» вызывает критику за неточность и двусмысленность. Так, Д. П. Урсу заявляет, что термин «устная история» нельзя признать удачным, поскольку сама грань между устной речью и записанным словом достаточно условна. В то же время исследователь признает, что «пока трудно найти более удачное слово, чтобы обозначить тот массив разнообразных источников, где информация облечена в словесно-речевую форму» (Урсу 1989: 4–5).

Ряд зарубежных авторов – Д. Арон-Шнаппер (Франция), Д. Шварцштайн (Аргентина), М. Виланова (Испания) – считают более предпочтительными выражения «устные источники» или «история в устных источниках». Некоторые российские историки также предлагают использовать традиционное для отечественной науки понятие «устные источники» или, по крайней мере, сводят к его значению смысл понятия «устная история», расходясь в определениях последнего. Например, С. О. Шмидт под устной историей понимает записанные специалистами на магнитную пленку свидетельства участников и очевидцев событий с целью получения и сохранения исторической информации. Для А. Я. Гуревича устная история определяется как запись свидетельств «рядовых участников исторического процесса». Отдельные отечественные авторы подменяют термин «устная история» понятиями «устные свидетельства», «фоноисточники» или «устные исторические традиции». Все эти понятия вполне применимы, но не отражают специфики устной истории как определенного научного направления. Целесообразно использовать термин «устная история» в более точном смысле, подразумевая под этим особый вид исследований, с присутствием ему не только источниками, но также предметом и методами изучения. В первую очередь речь идет о качественном методе исследования, когда сообщение отдельной личности рассматривается как самобытная познавательная единица.

Важную роль в использовании устных источников играет вопрос их классификации. Обычно специалисты выделяют два пласта в содержащейся в устных источниках информации. Первый – архаичный, уходящий корнями в глубокое прошлое и представляющий собой живую историческую традицию как форму передачи социального опыта. Второй пласт – меморатный – представлен воспоминаниями очевидцев и участников событий недавнего прошлого. Разделяются устные источники и по жанру: воспоминания, устные рассказы, легенды, народные частушки, песни и другие. Своеобразную классификацию устных исторических источников предложил бельгийский историк и антрополог Ян Вансина, разделивший их на три группы: передаваемую из поколения в поколение устную традицию, показания очевидцев и слухи.

Этапы развития устной истории

Согласно периодизации, предложенной американским исследователем Д. Дунавэем, в развитии устной истории на Западе можно выделить несколько этапов. На первом, с 1950-х гг., американские исследователи прежде всего собирали материалы для создания биографий видных общественных и государственных деятелей. Во Франции члены департаментов исторических комитетов по изучению Второй мировой войны записывали сведения о руководителях движения Сопротивления, а в Мексике сотрудники фоноархивов Национального института антропологии собирали воспоминания руководителей Мексиканской революции.

Второй этап, начавшийся в конце 1960-х гг., отличали попытки создания альтернативной истории, то есть истории народов, не имевших письменности.

Переход от индивидуальных исследований к коллективным проектам в середине 1970-х гг. символизировал начало третьего этапа. В это время происходит институционализация устной истории: создаются Международная устно-историческая ассоциация и национальные ассоциации исследователей, собираются архивы устных источников, широко проводятся конференции и симпозиумы, издаются специальные журналы. Вопросы устной истории начинают рассматриваться на международных конгрессах историков, символизируя сближение позиций ее представителей со сторонниками традиционной историографии.

Наконец, в 1990-е гг. начался четвертый этап, связанный с появлением нового поколения историков, дальнейшим развитием

технических средств и расширением круга изучаемых проблем, включая историю различных политических режимов. Наиболее приоритетными становятся темы, близкие к антропологии: сюжеты повседневной жизни человека, феномен миграций, особенности этнической истории народов, взаимоотношение полов и возрастов.

Устная история в географическом измерении

Что касается географического распространения и региональных особенностей "oral history", особых успехов это направление достигло в США, где устные источники активно собирали и использовали многие научные центры. Важным рубежом в развитии устно-исторических методов стали исследования чикагских ученых 1920-х гг., которые использовали прямое интервьюирование, «наблюдение изнутри», документальные изыскания, картографию и статистику. В числе пионерных работ можно отметить книгу Харви Зорбо «Золотой Берег и трущобы» (1929 г.), исследования Клиффорда Шоу «Джекроллер: история малолетнего преступника из первых уст» (1930 г.) и «Братья по преступлению» (1938 г.). Хотя чикагская школа пала жертвой профессионализации в социологии, ее наследие не забыто. Оно до сих пор живет в трудах чикагского радиорепортера и специалиста по устной истории С. Теркела, превратившего свои беседы с простыми горожанами в серию книг, посвященных таким проблемам, как война, работа, надежды и мечты людей.

Другим «мостиком» в настоящее время стала американская антропология, представители которой взяли на вооружение автобиографический метод. В США действовали специальные программы по изучению отдельных предприятий и корпораций, науки и армии, искусства и спорта. Значительную роль играли региональные и локальные исследования, изучение расовых и национальных меньшинств. Хотя главный шаг в развитии устной истории был сделан в области политической истории, начиная с 1970-х гг. устно-исторический метод стал активно применяться для изучения жизни индейцев и афроамериканцев, а с 1980-х гг. распространился на историю женщин. То есть история Америки в устных свидетельствах на современном этапе превратилась в настоящую историю становления американской нации. На сегодняшний день в США действуют свыше тысячи университетских программ по изучению устной истории. В 1974 г. была создана Канадская устно-историческая ассоциация.

Другим крупнейшим центром устной истории является Западная Европа. Сначала европейская историческая наука критически относилась к устной традиции, но в последней четверти XX в. и она обратилась к устной истории. При этом здесь доминировали сюжеты, связанные с социальными катаклизмами и потрясениями – войнами и революциями. Самое мощное развитие европейское устно-историческое движение получило в Северной Европе. Так, в Финляндии первые архивы, предназначенные для хранения фольклорных материалов, собранных в ходе полевых исследований, были созданы уже в 1830-х гг.

Примеру финнов активно последовали в Швеции, где в 1870-х гг. студенты Упсальского университета создавали общества по изучению диалектов. Уже к 1890-м гг. эта работа приняла форму общенационального опроса-интервью. В 1914 г. при поддержке шведского парламента был создан Исследовательский институт диалектов и фольклора, который с 1935 г. регулярно использовал в полевых исследованиях звукозаписывающую аппаратуру. В 1950-х гг. по инициативе историка Эдварда Булля этнологические полевые исследования распространились на население городов и рабочих поселков Норвегии.

Шведский успех оказал несомненное влияние на развитие устной истории в Великобритании, где в 1973 г. было создано Устно-историческое общество. Импульс развитию устной истории в стране дал рост интереса к фольклору. Если его изучение в Англии (Центр по изучению диалектов в Лидсе и Центр английской культурной традиции и языка в Шеффилде) так и не смогло избавиться от налета дилетантства, то в Ирландии, Уэльсе и отчасти в Шотландии развитие фольклорных изысканий подкреплялось их связью с национальными движениями. Правительство Ирландии в 1935 г. учредило Ирландский фольклорный институт, который применял звукозаписывающие приборы. В Уэльсе главным центром стал Валлийский народный музей в Сент-Фэгансе, а в Шотландии – Школа шотландских исследований Эдинбургского университета, при которой с 1951 г. существует архив литературных материалов и данных по социальной проблематике. Возрождение устной истории в Британии во многом обусловлено послевоенными политическими переменами и прежде всего демонтажем империи.

Начиная с 1950-х гг. историки и антропологи во главе с Я. Вансиной, Дж. Фэйджем и Р. Оливером стали собирать устные мате-

риалы на местах. Однако самыми влиятельными новые тенденции оказались в социологии, которая занялась не только проблемой бедности, но и рабочей культурой и рабочим сообществом в целом. В ряде классических трудов («Семейная жизнь стариков» [1957 г.] П. Таунсенда, «Образование и рабочий класс» [1962 г.] Б. Джексона и Д. Марсдена) эффективно использовались воспоминания рабочих, а Р. Хоггарт в полубиографической работе «Польза грамотности» (1957 г.) сделал попытку интерпретировать формы мышления представителей рабочего класса в устной речи.

С появлением книги Эдварда Томпсона «Формирование английского рабочего класса» (1963 г.) эта тенденция получила воплощение в историческом исследовании. Слиянию истории и социологии способствовало создание в 1960-х гг. новых университетов с их междисциплинарными экспериментами и развитием социологии, уделявшей все больше внимания историческому аспекту социального анализа. Потенциал устной истории продемонстрировал успех книги Р. Блита «Акенфилд: портрет английской деревни» (1969 г.), основанной на магнитофонных записях рассказов сельских жителей. Из более поздних работ можно отметить книгу социолога Р. Мура «Шахтеры, проповедники и политика» (1973 г.). «Историческая мастерская» 1970-х гг., стартовавшая с изучения рабочего движения и социальной истории рабочего класса учеными, постепенно расширила сферу своего внимания до фундаментальных элементов сферы жизни общества. С 1990-х гг. устная история в Британии развивается на основе истории, социологии, социальной географии и культурологии. Она обладает мощной архивной базой (Национальный архив звукозаписей и Национальное собрание автобиографий в Британской библиотеке), представлена документальными фильмами на телевидении, на ее основе строится преподавание истории в младших классах (Томпсон 2003: 67–72, 76–79, 81–84).

В других европейских странах использование устных источников долгое время оставалось ограниченным. Например, в Испании устная история возникла лишь по окончании долгого правления Франко, а ее первопроходцем стал английский историк Р. Фрейзер. С 1980-х гг. центрами устно-исторических исследований стали Мадрид и Барселона, где с 1989 г. издается журнал “Historia y fuente oral” под редакцией Медрес Вилановы. Во Франции, где имелся широкий интерес к истории войны и Сопротивления, рабо-

та в области устной истории не только поздно началась, но и велась непоследовательно. Изучение местного фольклора развернулось во Франции еще в начале XIX в., а систематическое изучение образа жизни крестьянства – в 1870-х гг. В 1937 г. в Париже был создан Музей народного искусства и народных традиций, но дальше дело не пошло. Интерес к устной истории в обществе вновь пробудила книга А. Прево – биографическое повествование о семейной жизни, работе и войне в сельской глубинке, недалеко от Шартра, основанное на магнитофонных записях. Экранизация этой книги, а затем показ по телевидению в 1971 г. документального фильма о коллаборационизме, снятого на основе ретроспективных интервью, существенно ускорили начало устно-исторической работы. Более заметно работа с населением развивалась в Бельгии, где существовали два центра научного влияния. Первый был связан с Ф. Жутаром и его междисциплинарной группой лингвистов, этнологов и историков в Экс-ан-Провансе, а второй представлен «реконструктивной» школой автобиографических исследований в области социологии, основоположником которой стал Д. Берто.

В Италии происхождение современной устной истории связано с сетью местных центров по изучению антифашистского партизанского движения в годы войны. Однако настоящая мода на устную историю возникла в 1970-е гг. Она стимулировала дальнейшие исследования: работы социолога Ф. Ферраротти о трущобах Рима и изучение С. Портелли культуры сталелитейщиков из Терни. Именно на основе этих работ в 1980-е гг. возник итальянский журнал “*Fonti orali*” под редакцией Л. Пассерини, в редколлегию которого входили признанный авторитет по автобиографиям периода холокоста П. Леви и самый читаемый из итальянских исследователей устной истории Н. Ревелли. Сбор документальных свидетельств о фашистской оккупации был главной целью и в Нидерландах, где устная история изучается с 1962 г. на базе тесного сотрудничества между специалистами по современной политической истории, Международным институтом социальной истории и Голландским радио.

В Германии «устная история» развивалась параллельно истории повседневности. Проекты посвящались прежде всего периоду национал-социализма и истории ГДР: в центр внимания исследователей был поставлен «жизненный опыт» современников. Поздний старт устно-исторического движения в Германии объясняется по-

следствиями нацизма, дискредитировавшего фольклорное движение. Тем не менее в 1980-х гг. под руководством Л. Нитхаммера в Эссенском университете был осуществлен большой проект по устной истории под названием «Биография и социальная культура в Рурской области. 1930–1960». Одновременно с ростом числа проектов по местной истории активизировалось сообщество социологов-биографов, которым под влиянием Г. Розенталя удалось выработать «герменевтический» метод анализа интервью.

В странах Восточной Европы магнитофонные записи устно-исторических источников почти не велись. Система народных автобиографических конкурсов в Польше являлась скорее исключением. Тем не менее исследования в рамках устной истории ведутся сегодня по всему миру. В этом ряду – общенациональная программа по устной истории, ведущаяся в Мексике с 1959 г. В 1990-х гг. в Мексике и Бразилии были созданы национальные устно-исторические ассоциации. В Австралии устно-историческая ассоциация, опирающаяся на сотрудничество специалистов по местной, социальной истории и антропологии коренных народов, действует с конца 1970-х гг. В Индии большая часть устно-исторической работы ведется силами ученых из Британии. В Китае сбор воспоминаний о революции, а позднее устных рассказов по истории заводов и деревень скоро прекратился. Только в 1980-е гг. американец У. Хинтон на китайских материалах создал шедевр устной истории «Шенфан: перманентная революция в китайской деревне» (1983 г.). Для Израиля после Второй мировой войны устные свидетельства стали частью борьбы за национальное и культурное выживание. Первым памятником этой борьбе стал архив музея Яд Вашем в Иерусалиме, а впоследствии данная деятельность приобрела интернациональный характер, став катализатором многочисленных проектов по всему миру типа создания Мемориального музея «Холокост» в Вашингтоне или масштабной программы Спилберга по видеозаписи свидетельств. В развитии африканской историографии в силу исторической специфики Черного континента устные источники всегда играли важную роль. Впрочем, новая школа, возникшая в постколониальную эпоху на базе более совершенных методов использования устной традиции, оказалась преимущественно англо-американской. По этой причине она довольно медленно поворачивалась к социальной тематике – к записи впечатлений простых африканцев. В Южной Африке устная история активно разра-

батывается с 1980-х гг., ориентируясь на сбор источников о жизни и репрессиях в условиях апартеида.

Российская устно-историческая традиция

Как научное понятие «устная история» является историографическим импортом из США, но оно прижилось и в нашей стране, где к устным источникам (былинам, песням и другим фольклорным произведениям) часто обращались многие историки и писатели, в частности В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов. В XIX в. интерес отечественных историков к данному виду источников постепенно угас. Первые серьезные шаги в деле организации записей устных свидетельств были сделаны только в начале XX столетия в связи с развитием краеведческого движения. Кроме того, устная история как метод сбора исторической информации использовался народниками (позднее – эсерами) при составлении земельных программ.

После Октября 1917 г. запись устных источников получила государственную поддержку: по инициативе В. И. Ленина был создан отдел граммофонной пропаганды, записывавший речи советских руководителей на грампластинки. В 1918 г. возник Институт живой речи, в котором профессор С. И. Бернштейн возглавил Кабинет изучения художественной речи. За десять лет работы фонетической лаборатории она не только записала более шестисот выступлений поэтов и писателей (А. Ахматовой, В. Брюсова, О. Мандельштама, Б. Пильняка и др.), но и организовала ряд экспедиций для сбора рассказов северных сказительниц. В 1920-х гг. активно записывались воспоминания участников революционного движения. Кроме того, устные материалы широко использовались при составлении истории фабрик и заводов. В частности, история Московского инструментального завода с 1916 по 1920 г. была целиком написана на основе устных воспоминаний рабочих. Для верификации воспоминаний применялись методы перекрестного опроса рабочих и коллективной проверки достоверности полученной информации на общих собраниях.

С конца 1920-х гг., когда индивидуальные трактовки событий стали неприемлемыми, краеведческие общества оказались разгромлены, а многие их члены репрессированы. Был ликвидирован и Кабинет изучения художественной речи, а его коллекция распалась. Однако в 1932 г. по инициативе С. И. Бернштейна возник Центральный государственный архив звукозаписей, в котором бы-

ла собрана большая коллекция фонодокументов. К устным источникам иногда еще продолжали прибегать, но при этом их использовали лишь в качестве иллюстраций к общей схеме официальной историографии.

Практика сбора устных свидетельств возродилась лишь в годы Великой Отечественной войны. Сотрудники специальной Комиссии по истории войны выезжали на фронт, посещали госпитали, приглашали к себе участников войны, записывая их рассказы. Всего Комиссия собрала несколько десятков тысяч записей, около 4 тысяч из которых в настоящее время содержится в фонде Научного архива Института российской истории РАН. Однако после войны активный сбор устных источников прекратился: регулярно записывались лишь воспоминания видных деятелей государства и культуры. Тогда как запись иных устных свидетельств о прошлом оставалась делом отдельных энтузиастов.

Одним из таких энтузиастов устной истории был доцент филологического факультета МГУ В. Д. Дувакин, по чьей инициативе на кафедре научной информации факультета в 1967 г. была создана группа фонодокументации. Группа преследовала две цели: во-первых, сбор сведений о видных деятелях культуры первой половины XX в. (в частности, В. В. Маяковском), во-вторых, создание и изучение фонодокументов мемуарного характера как нового вида исторических источников. В 1980-е гг., после расформирования кафедры, коллекция записей попала в Научную библиотеку МГУ, где в 1991 г. был создан Отдел устной истории. В целом в 1960–1970-е гг. исследования в области устной истории были сведены к собиранию коллекций краеведческих музеев и публикации воспоминаний ветеранов войны, очевидцев событий военной поры и «передовиков производства» (Гусев 1964: 1994–239, 384–390; Гончарова 1979). Кроме того, со второй половины 1970-х гг. игумен Дамаскин (Орловский) с группой помощников начал интервьюирование тысяч свидетелей репрессий, которым подвергались лица духовного звания и миряне по всей России после революции (Игумен Дамаскин [Орловский] 1992–2002).

Оживление работы в области устной истории началось с середины 1980-х гг., когда возник Клуб устной истории Московского государственного историко-архивного института (сегодня Центр визуальной антропологии и устной истории РГГУ). Со второй половины 1980-х здесь велось исследование темы голода на Украине

начала 1930-х гг. Одновременно Центральный государственный архив звукозаписей начал создавать тематическую коллекцию воспоминаний участников Великой Отечественной войны, а Научно-исследовательский центр технической документации – коллекцию воспоминаний об освоении космоса. Устной истории российской науки была посвящена исследовательская программа, которая начала проводиться с 1989 г. в Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Существенный вклад в развитие устной истории внесла работа общества «Мемориал» с архивом личных документов эпохи сталинизма и репрессий.

Можно констатировать, что в 1990-е гг. устная история превратилась в одно из перспективных направлений современной исторической науки в России. Более того, представители этого направления активно сотрудничают с архивистами и музейщиками, радио и телевидением. Центр устной истории РГГУ совместно с обществом «Мемориал» и Советом по краеведению Российской академии образования с 1999 г. проводят ежегодные всероссийские конкурсы исторических исследовательских работ старшеклассников, среди лауреатов которых немало работ с использованием устных источников – интервью, биографий и семейных преданий. В рамках конкурса в Пензе школьники с 2004 г. начали обходить членов еврейской общины – ветеранов войны и узников нацистских концлагерей и гетто – и записывать их воспоминания.

В 2001 г. на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге был создан Центр устной истории. Одним из первых шагов Центра по развитию междисциплинарных исследований в названной области стала проведенная в январе 2002 г. международная зимняя школа «Устная история: теория и практика». В ряду значимых проектов Центра – исследования «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» и «Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» (Лоскутова 2006). Одним из итогов работы Центра стала хрестоматия по устной истории, дающая достаточно объемное представление об одном из динамично развивающихся исследовательских направлений (Она же 2003).

Были созданы биографические архивы в Петербурге и Москве, проводились публичные конкурсы историй жизни, а в Институте социологии РАН проведено исследование социальной мобильности россиян через изучение биографий трех поколений. Применение

метода выборочных глубинных интервью отдельных представителей типичных жизненных карьер способствовало изучению социологами жизненных стратегий молодого поколения. Историки из Твери к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне пополнили архивы новым комплексом устных рассказов о войне, записанных на территории Тверской, Смоленской и Московской областей (Лебедева, Строганова 2005: 78–97). Обширную программу по сбору народных рассказов о войне осуществили курганские историки. Устная история развивается также в ряде других научных центров: МСХА имени К. А. Тимирязева, Ставропольском государственном университете, Воронежском государственном университете, Петрозаводском госуниверситете и др.

Помимо истории сталинских репрессий и Отечественной войны, расширение интереса к устной истории существенно раздвинуло хронологические рамки современных исторических исследований и способствовало введению в широкий научный оборот устных свидетельств эпохи гражданской войны. Позднее к этим темам добавились женская история, история диссидентства и проблемы этнической идентичности. Следует, в частности, отметить проект Центра социологического образования ИС РАН «Женщины в мечте: устные истории», проводящийся в рамках более широкого проекта, посвященного сбору устных женских историй.

Слухи как исторический источник

В исторической науке существует немало проблем, все еще ожидающих своих исследователей. К явлениям, которым пока мало повезло с изучением, относятся слухи, долгое время считавшиеся источником, которому не место в исторических исследованиях. В то время как без обращения к слухам и их последствиям невозможно объяснить отдельные исторические явления и процессы. Хотя значительная часть слухов не имеет под собой реальной основы, они всегда порождены определенной ситуацией, фиксируют распространение тех или иных настроений в общественном сознании и, напротив, влияют на формирование общественного мнения. В содержании передаваемых слухов отражаются уровень образования и интеллекта, нравственные ценности и реальные обстоятельства, общественные ожидания и личные притязания. Слухи могут оказаться забытыми уже на следующий день, но могут и передаваться из поколения в поколение, превращаться в мифы, фиксироваться в письмах и мемуарах, доносах и донесениях.

Слухи рождаются в любой социальной среде и в любом обществе. Но особенно распространены они в авторитарных и «тоталитарных» государствах, лишаящих своих граждан права на открытый и свободный доступ к информации. Чем меньше у населения возможности доступа к достоверной информации, тем более широким является поле для возникновения разного рода фантазий и слухов. Их значение возрастает в нестабильные эпохи, атмосфера которых служит благоприятной почвой для возникновения разного рода страхов и опасений. В частности, можно отметить роль хлебной паники (слухов и страхов) в Февральской революции как одной из основных причин беспорядков. Особый интерес представляет анализ слухов, распространявшихся в советском обществе, в силу того, что советское государство полностью контролировало средства массовой информации. Не будет слишком большим преувеличением считать слухи своеобразным зеркалом общества. Поэтому в определенной степени можно согласиться с выводом о том, что вся «наша история – это во многом история слухов» (Кабанов 1997: 1–3). Несмотря на то, что слух, распространяясь, сильно деформируется («испорченный телефон»), в «тоталитарном» обществе ему особенно доверяют.

Иногда слух усиленно соперничает со средствами массовой информации. Впрочем, источником слуха могут быть и представитель социальной группы, и средство массовой информации. Некоторые слухи фиксируются авторами тайных рапортов, доносов, секретных сводок, корреспондентами газет, в мемуарах, дневниках и письмах, становясь частью письменного источника. В то же время создателями и распространителями слухов иногда являлись сами газеты и журналы. Дело в том, что слухи порождали массу вопросов, с которыми люди обращались в различные инстанции, включая газеты. Именно на основе подобных вопросов редакции и создавали рубрики типа «Ответы на письма читателей».

В целом слухи представляют собой своеобразную неофициальную, народную версию истории страны. Она, разумеется, полна искажений, но тем и интереснее, ибо позволяет узнать, как воспринимали события сами их участники, что они думали и чувствовали. Однако обращение к слухам как историческим источникам требует максимальной корректности. И это уже не говоря о крайней изменчивости (а зачастую и неуловимости) слухов, что затрудняет реконструкцию как «ментальной» картины, так и исторического полотна в целом.

Особенности сбора и интерпретации устных материалов

Сбор информации путем опросов, интервью, бесед или инициированных воспоминаний, записываемых на видео- и аудионосители, применяется историками чаще всего для того, чтобы восполнить отсутствие или недостаточную правдивость письменных источников. Сегодня устная история является междисциплинарной практикой, позволяющей извлекать информацию из устных источников. Устная история по своей сути является диалогом. Полнота ответа на вопросы интервьюера, являющиеся продуктом его знаний и исторического интереса, зависит от желания информанта рассказать и ощущения важности вопроса. И наоборот, ответ респондента позволяет интервьюеру не только четче сформулировать вопрос, но и сменить его, чтобы подойти к желаемому ответу с другой стороны. В основе наиболее информативных интервью лежат: правильно сформулированные вопросы, готовность интервьюера и информанта к интервью и те взаимоотношения, которые возникают между ними.

Методологические трудности, связанные с использованием воспоминаний в качестве исторических источников, известны многим исследователям, работающим в русле устной истории, однако в целом господствует убеждение, что эти рассказы способствуют установлению истины. То есть устная история позволяет, с одной стороны, исследовать определенные сферы, по которым отсутствуют иные источники, а с другой стороны, расширить возможности социокультурной обработки недавнего прошлого. Впрочем, энтузиазм в отношении возможностей устной истории постоянно соседствует с критикой существующих подходов к интерпретации воспоминаний и поиском новых методов их анализа.

Во-первых, речь идет о допущении в историческую науку множества субъективностей – от жизненного опыта разных людей до личных интерпретаций исследователя. Признание за каждым респондентом равных прав на свой взгляд, оценку и опыт ведет к отказу от построения единой картины прошлого. В результате длительной работы по формированию вопросника, поиску респондентов, проведению интервью с ними и сопоставлению множества высказываний возникает исследование, которое не претендует на обобщаемость, фактическую точность и статистическую репрезентативность своих данных.

Во-вторых, звучат сомнения относительно надежности сведений, полученных интервьюерами от людей в устной беседе. Сжимая годы жизни в часы рассказа о ней, рассказчик часто путает даты и названия, соединяет разные факты в одно событие и т. п. Надо учитывать и то, с чем мы имеем дело: с воспоминаниями очевидцев или историями «трансляторов» чужих воспоминаний.

В-третьих, возникают проблемы соотношения устной истории с историей «обычной». Можно говорить о «сопротивляемости интервью по отношению к упрощающим обобщениям». Жизненный опыт респондентов часто предстает совсем не таким гомогенным, каким его описывают профессиональные историки. Да и интерпретация ответов респондентов может быть расширена до масштабов «большой» истории лишь в той мере, в какой исследователю удастся путем анализа многочисленных интервью продемонстрировать регулярность тех или иных проявлений.

В-четвертых, мнения, высказанные интервьюируемыми, в большинстве случаев отражают их сегодняшний жизненный опыт, а не то, что было ценно для них в прошлом. Кроме неосмысленных воспоминаний о важных моментах своей жизни, нередки и скрытые интерпретации пережитого, относящиеся к прежним жизненным установкам. Подобные паттерны иногда довольно сложно связать с определенными контекстами былого опыта.

В-пятых, необходим учет ситуационного контекста интервью – сочетания ожиданий участников, социальной обстановки, интерактивной процедуры, цели встречи и т. п. Вполне обоснованы и опасения по поводу этических проблем, встающих перед устными историками. Ведь в ходе интервью может возникнуть ситуация, когда воспоминания слишком мучительны для интервьюируемого.

В-шестых, существует и проблема перевода устной речи в письменный текст. Ведь в тексте невозможно передать многие нюансы устной речи. Часто важно не только то, что сказано, но и то, как сказано: интонация, паузы, тембр голоса, темп и громкость речи. Все это трудно отразить без потерь при переводе интервью в письменную форму. Более того, транскрипт не может иметь самостоятельного значения для психологов, этнологов или лингвистов.

Следует учитывать и ту ответственность, которую берет на себя историк, интерпретирующий слова респондента. Нередко одно

и то же утверждение может обладать совершенно разными значениями в зависимости от интонации респондента. В аудиозаписи могут неясно звучать фамилии и географические названия. Восприятие затрудняют как повторы, так и неожиданные переходы с одного предмета на другой.

Современные архивы постепенно переходят к цифровым технологиям аудиозаписи, что позволяет сохранять «живой» текст документа. Но транскрипция значительно облегчает анализ полученных материалов. Понятие «транскрибирование» означает дословное воспроизведение аудиозаписи интервью в письменной форме, однако на практике после транскрибирования воспроизведенный текст приходится редактировать. Да и сама транскрипция (расстановка знаков препинания, разбивка текста на предложения и абзацы) является истолкованием мысли рассказчика.

Историк, начиная работу по сбору устных источников, формулирует для себя интересующую его проблему и определяет конкретные цели и задачи. Кроме того, он может иметь уже готовую гипотезу, которую хочет подтвердить или опровергнуть в ходе получения устной информации. Соответственно этому он подбирает респондентов. Если же речь идет о тотальном сборе устной информации (например, для архивов), опрашиваются люди из самых разных слоев. Респондентам предлагается рассказать о том, как в целом сложилась их жизнь. При этом любая записанная информация рассматривается как имеющая потенциальное значение для исследования всевозможных проблем гуманитарных и социальных наук.

Методика интервьюирования, вопросник, способ транскрибирования и, в конечном счете, интерпретация материалов в значительной степени зависят от исходных целей исследования, опирающегося на ту или иную академическую традицию. Устные источники – непростой материал для анализа. При анализе интервью необходимо обращать внимание на надежность рассказчика, достоверность темы рассказа, личную заинтересованность в интерпретации событий.

В частности, достоверность интервью может быть проверена при сопоставлении с другими рассказами на сходную тему, а также документальными свидетельствами. Среди методик анализа собранных устных свидетельств присутствуют контент-анализ, линг-

вистический анализ и дискурс-анализ, учитывающий особенности речевых оборотов и используемых фраз.

Можно констатировать, что в последнее время устная история, следуя теории социальной памяти, развита до комплексно аргументирующего исследовательского направления. Своим методическим инструментарием она пытается реконструировать коллективные следы и фрагменты памяти, оставленные определенными историческими событиями в сознании тех или иных действующих лиц. Другими словами, главная ценность устных источников заключается не в информации о самих событиях прошлого, а в том, как они отражаются в общественном сознании. Поэтому устная история остро ставит проблему выявления содержащейся в источнике скрытой информации.

Устные источники позволяют зафиксировать уникальную информацию, не передаваемую другим путем. Если письменные источники официального происхождения чаще всего отражают историю государства и его институтов, то устные источники обращаются к истории народа, причем позволяют сделать это глазами очевидцев происходивших событий. Прошлое живет в настоящем разными способами, поэтому суждения о событиях, которые сами по себе есть лишь изображения прошедшего, также могут быть видом действия. Устная история показывает, как меняется оценка людьми событийного ряда в зависимости от времени и общественной ситуации. Тем самым истории возвращается человеческое измерение.

Устные источники имеют особое значение при создании локальных и региональных исследований, в изучении вопросов традиционной культуры и быта народа, личной истории и социально-психологических вопросов. Использование устных источников позволяет исторической науке не только ставить и изучать новые проблемы, но и раздвигает ее исследовательские горизонты в целом. Поэтому перспективы развития устной истории определяются не ее противостоянием с традиционной историографией, а, напротив, их тесным сотрудничеством и взаимодействием при сохранении относительной самостоятельности. Устная история как научное направление делает возможным междисциплинарное взаимодействие, обмен методами и подходами, сформулированными в тех или иных научных областях.

Для большинства направлений исторических исследований устная история означает определенное «смещение фокуса». Например, для специалиста по социальной истории перейти от политиков и бюрократов собственно к проблеме бедности. В некоторых отраслях устная история позволяет не только изменить угол зрения, но и открыть новые важные направления для исследования. Так, историки рабочего движения получают возможность изучать повседневную жизнь на производстве и ее воздействие на семью и общество.

Для историков интервью является не только ценным источником новых знаний о прошлом, но и открывает новые перспективы интерпретации известных событий. Интервью особенно обогащают социальную историю, давая представление о повседневной жизни, ментальности так называемых «простых людей», которое недоступно в «традиционных» источниках. При этом субъективность воспринимается исследователем из области устной истории как неотъемлемая часть и качество, именно из-за которого и проводятся беседы с очевидцами событий. Устные воспоминания «независимее» письменных, потому что когда человек берется за перо, в нем невольно начинают работать редактор, и цензор. Они ценны самой случайностью набора фактов и густотой подробностей. Благодаря сообщению, переданному устами свидетеля, историк получает возможность придать описанию истории более индивидуальный характер. Кроме того, значимость устных источников состоит в том, что они позволяют выделить и сопоставить два пласта исторического знания – обыденного и научного.

В исследовательском поле устной истории открывается особая роль исследователя, который изначально принимает решение о проведении интервью. В свою очередь, полученная информация во многом зависит от возникшего диалога и профессионализма ученого. Отбор носит целевой характер и проводится с учетом принципа информированности. Поэтому проблема репрезентативности требует качественной оценки структуры респондентов, их типичности и информированности. Также важен учет того, насколько широк спектр воспроизводимых ими мнений.

Кроме того, коммуникативные возможности устной истории открывают существенный потенциал интеграции науки и образования. Обладает устная история и мощным потенциалом гражданственности, символизируя собой встречу двух поколений. Устная

история интересна для нас как возможность выявить некую преемственность и механизм отождествления, самоидентификации как отдельного человека, так и коллектива. Это попытка сохранить личную и коллективную память, зафиксировать ценности уходящей культуры, красоту и богатство разговорного языка. Память о прошлом – это кропотливая историческая и культурная работа.

Рекомендуемая литература

Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / отв. ред. М. В. Лоскутова. М., 2006.

Томпсон П. 2003. *Устная история*. М.

Урсу Д. П. 1989. Методологические проблемы устной истории. *Источниковедение отечественной истории*, с. 3–32. М.

Фольклор Великой Отечественной войны: сб. науч. тр. / под ред. О. Е. Лебедевой и М. В. Строганова. Тверь, 2005.

Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.

Часть 4 МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 18 ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Многозначность понятий «наука» и «научный метод»

Подобно большинству других общих понятий, «наука» в разных контекстах и интеллектуальных традициях понимается весьма различно. Можно говорить о науке (1) в самом общем смысле как об «*учености*», «*вёдении*», охватывающем все области познания, включая философию, богословие, мистические прозрения, астрологию и проч. Таков синкретический смысл, по всей вероятности, самый древний. В современном мире чаще под наукой (2) подразумевают познавательные сферы и практики, *академически институализированные*. В выражениях типа «научный журнал», «научная специализация», «кандидат филологических наук» и т. д. имеется в виду именно это значение.

Поднятая в начале XX в. «проблема демаркации», а также современные так называемые «научные войны» (между классической научной традицией и постмодернизмом), борьба против «паранауки» связаны с отделением «настоящей» науки (3) как получения «*корректных и осмысленных научных утверждений*» от всевозможной «метафизики», «мистики», околонучного «дискурса» и т. п. В область науки (3) попадают технические, естественные, социальные, гуманитарные дисциплины, но философия, литературная критика, публицистика, эссеистика и проч. остаются «за бортом».

Еще более узкий смысл – так называемая нововременная, или кумулятивная, наука (4), следующая образцам, заложенным в трудах Галилея, Декарта, Бэкона, реализованным главным образом в бурном развитии математики и естествознания, начиная с XVI в. Особо продвинутые когнитивные науки (например, экспериментальная психология восприятия), демография, социальная статисти-

стика, отдельные направления экономики вошли в этот круг. В большинстве же социальных, тем более исторических, дисциплин отсутствуют главные свойства нововременной науки как «*науки быстрых открытий*», связанные с *достижением согласия и накоплением – кумуляцией – неоспоримых и надежно воспроизводимых теоретических результатов* (см. об этом ниже). Наконец, в англоамериканской традиции принято самое узкое понимание науки (5), под которой подразумеваются исключительно *естественные дисциплины (sciences)*.

Далее, говоря о науке, будем иметь в виду значение (3). Также для методологии и перспектив развития социального и исторического познания большую роль играют стандарты и свойства науки (4), которую условно будем называть «кумулятивной».

Становление науки Нового времени как «науки быстрых открытий»

Кумулятивная наука, она же *наука быстрых открытий* (Коллинз 2002: гл. 10), появилась в результате прорыва начиная с XVI в. в математике (Ф. Виет, Н. Тарталья, Дж. Кардано, Р. Декарт), а затем также в механике, астрономии, оптике и т. д. (Г. Галилей, И. Кеплер, Н. Ньютон, Г. Лейбниц). Появляется *машинерия быстрых открытий* – манипулирование формулами в математике и экспериментальная техника, использование приборов в естествознании.

Открытия получают статус открытий именно потому, что они проверяются и перепроверяются другими исследователями. Новое поколение ученых предпочитает согласиться с доминирующей, отвечающей текущим критериям достоверности позицией и, основываясь на ней, продвигаться дальше, а не возвращаться к старым спорам (пусть и в новой терминологии), как это происходит до сих пор в философии, социальных и гуманитарных науках.

Таким образом, в математике и естествознании достигается научный консенсус об открытиях (доказана ли теорема, происходит ли определенный феномен при заданных экспериментальных условиях) и появляется *быстро сдвигающийся передовой фронт исследований*. Результаты, по которым достигнуто согласие, попадают в энциклопедии и учебные пособия уже не как *мнения* отдельных исследователей или направлений, а как непреложные *научные знания*, относительно которых уже никто не спорит. В этом и состоит *накопление положительных знаний* (причем не только эмпириче-

ских, но и теоретических) как важнейшее свойство *кумулятивной науки* (значение 4, см. выше).

Как уже говорилось, социальные и исторические дисциплины в своем большинстве не попадают в этот круг. Если многие эмпирические факты и события могут считаться непреложными и, как правило, неоспоримыми, то в интерпретациях относительно исторических явлений и социальных процессов нет даже намеков на достижение общего согласия.

Следует ли вообще к этому стремиться? Мы подходим к центральной проблеме и важнейшему интеллектуальному конфликту в методологии социального и исторического познания.

«Спор о методе» – конфликт между сторонниками номотетики и идиографии

Исторический контекст Спора о методе (Methodenstreit) в Германии второй половины XIX в. – активная экспансия идеологии естественно-научного подхода на философию и гуманитарное познание с позиций материализма, позитивизма, физикализма, эволюционизма, психологического ассоцианизма. Контрудар со стороны немецкой гуманитарной профессуры выразился в появлении в 1883 г. первого тома книги Вильгельма Дильтея «Введение в науки о духе», идеи которой позже были развиты в «Описательной психологии» (Дильтей 1987; 2000). Главная тема этих книг – различие *Geisteswissenschaften* («науки о духе» – перевод термина “moral sciences” Милля) и *Naturwissenschaften* («науки о природе»).

Таким образом, науки различались Дильтеем по предмету, причем предмету должен соответствовать метод. Эксперименты, выявление численных закономерностей, причинное объяснение, выведение и проверка формул – все эти методы подходят только для «наук о природе», изучающих внешние, объектные, лишённые духа фрагменты природы. В «науках о духе» такие подходы бесполезны и бессмысленны. Дух может быть исследован только как дух не внешним, а внутренним образом, он должен быть *понят*. Отсюда знаменитое различие *Verstehen* (понимания) и *Erklären* (объяснения) как визитная карточка данного, идущего от Дильтея подхода в философии и методологии социогуманитарных наук. Будучи одним из отцов «философии жизни», Дильтей также подчеркивает «тотальность», «целостность», «жизненную полноту» духовной стороны человеческого существования.

При этом «духовное» понималось Дильтеем как сознание, познающая, интеллектуальная сторона которого дополнялась переживаниями, надеждами, страхами и т. п. Поскольку предметным изучением сознания всегда занималась психология, Дильтей вслед за Юмом и Миллем пытался выстроить все здание гуманитарных наук на психологической платформе. Тут обнаружилась существенная трудность. Благодаря Вундту и его ученикам как раз в то время бурно развивалась экспериментальная, численная, объяснительная психология, построенная по естественно-научным канонам. Неприятный парадокс: психология – главная, базовая «наука о духе», а развивается (причем весьма успешно и убедительно) как самая заядлая «наука о природе».

В 1887 г. появляется и сразу завоевывает авторитет книга немецкого социолога Фердинанда Тённиса “*Gemeinschaft und Gesellschaft*”. Тённис попросту отказывает истории в праве называться наукой. Сам же он строит классификации и выводит закономерности вполне в духе стандартов естествознания. Таким образом, уже две «науки о духе» – психология и социология – заявляют о себе как классифицирующие, объясняющие и выявляющие законы, а вовсе не «понимающие».

В 1894 г. выходит в свет книга основателя Баденской школы неокантианства Вильгельма Виндельбанда «История и наука о природе». Виндельбанд продолжает тему принципиального различия наук и сосредоточен на возникшем затруднении. Ход Виндельбанда состоит не в расщеплении предметов познания, а в обращении к специфике познавательных методов. Один и тот же предмет может изучаться разными науками, важно, какими методами при этом пользуются исследователи.

Так возникает знаменитое, используемое до сих пор различие *номотетики* и *идиографии*¹. Науки, преимущественно использующие номотетический метод, ищут общие закономерности, пользуясь для этого экспериментами, математикой, статистикой, постановкой и проверкой гипотез. Науки, следующие идиографическому методу, сосредоточены на описании единичных и неповторимых явлений, проникновении в их скрытые глубинные смыслы, всегда связанные с ценностями. Таким образом, Виндельбанд также счи-

---

¹ Иногда даже в солидных изданиях это слово пишут неверно (с третьей буквой е). Дело в том, что первый корень в «идиографии» происходит не от слова «идея», а от «идиос» (единичный, неповторимый).

тается создателем философии ценностей (*Wertphilosophie*). Он не привязывал жестко методы к наукам: так, исторические науки о природе могут использовать идиографические методы, а в истории каждое событие может быть понято только в контексте общих – номотетических представлений об истории (Виндельбанд 1996).

Ученик Виндельбанда Генрих Риккерт в книге «Границы естественно-научного образования понятий» (1896 г.) показал, что в различении номотетики и идиографии реально скрыты два критерия: между генерализующим и индивидуализирующим подходом к образованию понятий, между оценивающим и неоценивающим мышлением. Риккерт также предложил вместо «наук о духе» говорить о «науках о культуре» («культуроведении») – прямом аналоге не современной культурологии, но всего комплекса социогуманитарных наук (Риккерт 1998). Согласно Риккерту, «науки о культуре» суть взгляд на мир через тотальную отнесенность к ценностям, тогда как «науки о природе» рассматривают мир в отношении к законам и закономерностям.

В первой половине XX в. Спор о методе по многим причинам угас. Последователи «философии жизни» Дильтея (О. Шпенглер, экзистенциалисты) все больше отходили от рационализма, тогда как приверженцы строгой научности (Б. Рассел, логицисты и неопозитивисты), напротив, сосредоточились на поиске абсолютных рациональных и логических оснований научного языка. Общее поле дискуссии было утеряно.

Второй этап Спора открывает статья Карла Гемпеля «Функция общих законов в истории», впервые опубликованная в 1942 г. (Гемпель 1998). Начиная с 1949 г. она многократно переиздавалась в сборниках и хрестоматиях и до сих пор по праву считается одной из самых ярких и фундаментальных работ в сфере логики и методологии социально-исторических наук.

Статью об общих законах в истории (позже их стали называть *covering laws* – охватывающими законами) Гемпель, принадлежавший к младшему поколению членов Венского кружка, опубликовал уже в США, где в середине XX в. шло становление университетского образования и ощущалась острая потребность в методологическом обосновании принципов построения и преподавания социальных наук. Статья вызвала резонанс уже после войны, в конце 1940-х и особенно в 1950–1960-х гг. в связи с широким развертыванием англоязычной аналитической философии, включающей анали-

тическую философию истории. Утерянное ранее общее поле для Спора вернулось вновь, но, как обычно бывает, в новом обличье.

Карл Гемпель развивал свою версию логического эмпиризма и приложил соответствующую дедуктивно-номологическую схему к проблеме научности исторических объяснений. В своей статье он утверждает, что обычные исторические объяснения являются неполноценными (*defective*), а научно полноценными станут только при использовании универсальных гипотез и универсальных законов (тех самых *covering laws*). Главные тезисы Гемпеля: единство эмпирических наук и соответственно общность методологии, необходимость формулирования и проверки общих гипотез (соответственно получение законов) для полноценного научного объяснения. Понимание (*Verstein*) в этом аспекте – это только предварительная, возможная, но необязательная эвристика. Номологический² подход Гемпеля оставил далеко позади прежние наивные версии номотетики, теперь уже стало невозможно объявлять не выверенные и не операционализируемые, часто тривиальные суждения «историческими законами».

Гемпелевская методология «охватывающих законов» не получила поддержки у историков, встретила шквал критики со стороны аналитической философии истории, после чего была почти забыта как устаревшая и надоевшая всем тема. В то же время в самой исторической науке (особенно в школе «Анналов») и в социальных науках с 1950-х гг. бурно развивались количественные методы, предпринимались многочисленные попытки применения математического моделирования и структурно-системных представлений. За исключением нескольких областей (экономическая история, историческая демография) численные методы к концу 1970-х гг. скорее разочаровывают исследователей. От системных и математических моделей, от поисков закономерностей многие историки отворачиваются. Популярная в 1960–1970-е гг. книга Ч. Сноу «Две культуры», советские дискуссии о «физиках и лириках» – это части и ответвления все того же классического Спора о методе.

Важнейшим событием в философии науки 1960-х гг. была публикация книги Томаса Куна «Структура научных революций» (Кун 1977), знаменовавшая общее разочарование в неопозитивистских

---

² Номология – гемпелевский аналог номотетики с новым уровнем логических стандартов, упором на необходимость формулирования и проверки универсальных гипотез, учета начальных условий и применения дедукции.

идеалах. Благодаря Куну широко распространилось понятие *парадигмы* как целостной совокупности базовых понятий, подходов и методов, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции. С релятивистскими и антиобъективистскими идеями Куна, с антисциентизмом позднего Витгенштейна, структурализмом Фуко и Лакана связаны положения о «несоизмеримости» – принципиальной несводимости друг к другу парадигм и теорий, о непереводаемости соответствующих кодов, о науке как лишь одной из «языковых игр» или версий «дискурса» и т. п. Такие взгляды, особенно широко распространившиеся в социальных и гуманитарных науках, не только способствовали отгораживанию разных направлений друг от друга, но и послужили (а многим служат и до сих пор) мощной «броней», защищающей от строгих методологических требований. Краткий взлет номотетики, системного подхода, бурных споров об «охватывающих законах» завершается, что означает и конец второго этапа *Methodenstreit*.

С 1970-х гг. исподволь начинается третий этап Спора, причем с разнородных и противоречивых процессов. Прежние протестные и достаточно революционные, устремленные к новшествам и перспективам подходы «нео» сменились ироническими, скептическими, в определенном смысле «усталыми» подходами «пост», первую скрипку среди которых до сих пор играет постмодернизм. С тех пор ведутся нескончаемые атаки на «просвещенческие» – объективистские и рационалистические – претензии научного познания, причем не только в социально-гуманитарной области, но и в святой святых сциентизма – в цитадели естествознания. Соответствующие «научные войны» между истеблишментом классической науки и радикалами от постмодернизма – часть того же Спора о методе в новом обличье.

Одновременно в самих социальных науках происходят важные сдвиги в концептуальном осмыслении разных аспектов социально-исторической действительности. Багаж концептуальных средств как бы «дорастает» до применимости номологического подхода. Эти сдвиги во многом происходили за пределами академической истории. Социологи, обратившиеся к историческому материалу, а также специалисты по сравнительной политологии получили номологическую «закваску» в процессе своего профессионального обучения: споры по поводу преодоления гемпелевской схемы «охватывающих законов» остались им практически неизвестны, ис-

следовательской азбукой для них были и остаются обобщение эмпирических данных, формулирование и проверка объяснительных гипотез, систематические сравнения случаев, совместное использование качественных и количественных методов. Работы Р. Коллинза, Ч. Тилли, И. Валлерстайна, Т. Скочпол, М. Манна, А. Стинкомба, П. Кеннеди и др. в конце 1970-х – начале 1980-х гг. положили начало расцвету *исторической макросоциологии* (см. главу 8 настоящего издания).

Начинается третий этап Спора о методе, длящийся по настоящее время. Появилось достаточное количество работ, открыто защищавших ту или иную сторону в Споре. Несколько сменилась терминология, но суть противоречия осталась той же. На стороне номотетики и номологии теперь выступают «натуралисты» и «сциентисты», на стороне идиографии – «локалисты», «гуманисты», «интерпретативисты». Дискуссии в отечественном обществознании и исторической науке между «качественниками» и «количественниками» являются продолжением все того же Спора.

Появляется ряд работ, которые в целом направлены (часто независимо друг от друга) на преодоление Спора, поиск некоторой средней или же преодолевающей «ложную дилемму» позиции. Так, Иммануил Валлерстайн критикует так называемый «номотетико-идиографический консенсус», разделяющий области исследования на «всеобщности», управляемые постоянными социологическими законами, и «последовательности», состоящие из уникальных событий. Вместо этого он предлагает сосредоточить внимание на срединной области: на «системных каркасах» – крупных пространственно-временных целостностях (читай – миросистемах) с единой внутренней логикой, но подверженной историческому изменению (Валлерстайн 2001; 2006; см. также главу 7 настоящего издания).

Третий этап Спора еще продолжается, поэтому не поддается целостному осмыслению. Однако в первое десятилетие XXI в. уже можно сделать некие предварительные выводы на основе видимых тенденций. Волна антисциентистского скепсиса (с «авангардом» в лице постмодернистов) явно спала. После отлива практически не осталось значимых результатов, которые стоило бы развивать, все шире распространяются растерянность и тревога, ощущение пустоты и кризиса, даже плохо скрываемые. Судя по всему, собственной линии развития многочисленные движения «пост-» не имеют. Линия идиографии, связанная с постмодернистским мышлением оказалась в научном отношении бесплодной и тупиковой.

Совсем иначе обстоят дела с бурным развитием “case studies”, историей «казусов», детальными, насыщенными описаниями разнообразных исторических явлений и процессов. Данное направление процветает, но, как правило, уже не противопоставляется учету и поиску общих паттернов и закономерностей.

Во многом благодаря накопленному разнообразию методологических приемов в передовой школе «Анналов» утверждаются новые стандарты исторического исследования: гибкая смена масштабов видения и описания, совмещение количественных и качественных подходов, опора на разнородные данные и т. д. Одновременно есть свидетельства подъема новой волны номотетики в социальных и исторических науках, но уже без наивных амбиций 1960-х гг., а со зрелой рефлексией относительно трудностей и ограничений выявления закономерностей в этой сфере, с повышенным вниманием к накапливающейся базе качественных и количественных исторических данных (см. главы 21–23 настоящего издания).

Обновленный логический эмпиризм как перспективная методология

Перспективы обновления социальных и исторических наук на основе сочетания твердых эмпирических оснований с проверяемыми моделями и теориями требуют обратить внимание на богатейший методологический багаж, накопленный в логике и философии науки XX века.

Рассмотрим критерии для выбора базовой методологии исторических исследований, ориентированных не только на сбор и обоснование фактов, но также на научно фундированные теоретические объяснения. Адекватный этим задачам эпистемологический подход должен:

- а) реконструировать логику отдельных реальных научных исследований;
- б) осмыслять общий ход развития познания в разных науках;
- в) использоваться самими учеными в рефлексии над своей деятельностью.

Всеми тремя признаками обладает только логический эмпиризм, точнее, сочетание идей К. Поппера, К. Гемпеля и И. Лакатоса. Рассмотрим интеллектуальный вклад этих авторов, наиболее значимый для развития современной методологии исторической науки.

Карл Поппер резонно отверг чрезмерные надежды ранних неопозитивистов на процедуру верификации. Выяснилось, что далеко не все научные положения могут быть верифицированы, тем более непосредственно. Кроме того, *верифицируемость*, согласно Попперу, является хоть и необходимым, но недостаточным *критерием демаркации* (отличающим научные высказывания от ненаучных³). Даже множество фактов, подтверждающих (верифицирующих) то или иное утверждение, полученное индуктивно, делает его лишь весьма вероятным, но не достоверным. При этом достаточно одного, но вполне бесспорного, опровергающего факта для того, чтобы это индуктивное обобщение было отброшено как ошибочное. Для демаркации научных высказываний Поппер провозгласил замену принципа верифицируемости *принципом фальсифицируемости* (то есть возможностью эмпирического опровержения). Кроме того, Поппер разработал логически корректную схему объяснения и предсказания явлений через дедуцирование вывода о них из высказываний о действии общих законов и эмпирически подкрепленных высказываний о начальных условиях, подпадающих под эти законы (Поппер 1983).

Именно эту схему впоследствии использовал К. Гемпель в своей блестящей статье «Функция общих законов в истории» (Гемпель 1998). В качестве критерия полноценного исторического объяснения он считает способность теории объяснять и предсказывать явления через дедуктивный вывод суждений о *следствиях* класса *E* из суждений о *начальных условиях* класса *C* и *универсальных законов* $L_1, L_2, \dots$, то есть суждений о причинной связи между начальными условиями и следствиями. Полноценное научное объяснение имеет место тогда, когда согласно законам $L_1, L_2, \dots$ условия класса *C* необходимы и достаточны для следствий класса *E*.

Ученик Поппера Имре Лакатос смягчил и развил фальсификационизм, опираясь на богатый материал истории естествознания. Он показал, что только ряд, или последовательность, теорий, а не одна изолированная теория, оценивается с точки зрения научности или ненаучности. Эту продолжающуюся во времени целостность Лакатос назвал *научной исследовательской программой*.

Программа складывается из методологических правил. Часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно

³ Здесь имеется в виду наука в значении 3, см. начало данной главы.

избегать, какие базовые положения нужно сохранять (*отрицательная эвристика*), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (*положительная эвристика*). Обе они дают вместе «ядро» программы и ее «концептуальный каркас». Поэтому история науки понимается как история исследовательских программ, иными словами, концептуальных каркасов, или языков науки (Лакатос 1995: 183).

Явная отсылка к Куну и сопоставление правил (эвристик), задающих непрерывность ряду теорий, с концептуальным каркасом, заставляют соотносить понятие *исследовательской программы* с понятием *парадигмы*. Получается, что каждая исследовательская программа является парадигмой (концептуальным каркасом, объединяющим философские и/или научные взгляды на протяжении как минимум двух поколений исследователей), но она рассматривается в динамике, развитии и снабжена специфическими методологическими правилами – отрицательными и положительными эвристиками (Розов 2001а: 15–50).

Согласно Лакатосу, исследовательская программа может быть теоретически или эмпирически прогрессивной. Она *теоретически прогрессивна* (или образует теоретически прогрессивный сдвиг проблем), если каждая новая теория имеет добавочное эмпирическое содержание по сравнению с предшественницей (Лакатос 1995: 55), то есть имеет более широкую область или даже новые области интерпретации. Если же эмпирическое содержание новой теории меньше, чем содержание прежней (как правило, в результате добавления *ad hoc*⁴ гипотез), то такая последовательность считается *теоретически регрессивной* (тупиковой, ведущей к кризису и угасанию исследовательской программы). Последовательность теорий *эмпирически прогрессивна*, если какая-то часть этого добавочного эмпирического содержания является подкрепленной, то есть если каждая новая теория ведет к действительному открытию новых фактов – в новой области интерпретаций гипотезы этой теории прошли проверку, и их не удалось фальсифицировать (Там же).

Оптимально для исследовательской программы совмещать теоретическую (расширение поля приложения) и эмпирическую (подкрепленность этого добавления) прогрессивность. Отсюда следует методологический императив: так развивать исследовательскую

⁴ *Ad hoc* (лат.) – к случаю. Здесь имеются в виду «объяснения» явлений через уникальное и неповторимое сочетание обстоятельств (весьма типичные в исторических трудах).

программу в историческом исследовании, чтобы при обнаружении и преодолении *аномалий* (исторических случаев, противоречащих предсказанию теории, не укладывающихся в концептуальную модель) каждая последующая версия теории увеличивала свое эмпирическое содержание и (желательно) указывала на новые, ранее неизвестные факты.

Модель Лакатоса органично сочетается со схемой исторического объяснения по К. Гемпелю. Каждое звено в цепочке сменяющих друг друга теорий (стержне исследовательской программы) содержит адекватное в определенных рамках полноценное научное объяснение, причем формулировки гипотез или законов по Гемпелю тождественны теоретическим суждениям (в том числе аксиомам «ядра» программы или следствиям из них) по Лакатосу. Логика исследовательской программы позволяет эффективно работать с *аномалиями* – противоречиями между эмпирическими гипотезами и релевантными фактами, так что любые затруднения, с которыми сталкивается программа, не разрушают ее, но, напротив, служат стимулами для ее дальнейшего развития.

Принципы теоретического исследования, критерии положительного знания и проблема воспроизводимости

Главные компоненты теоретического подхода таковы.

- Познавательная цель, направленная на исследование общих закономерностей, причин и механизмов динамики изменения явлений.
- Систематическое эмпирическое исследование разнообразия случаев динамики с целью выявления инвариантов.
- Опора в осмыслении выявленных инвариантов на теоретические результаты прошлых исследований (часто чужих и отдаленных).
- Формулирование общих гипотез, поддающихся операционализации.
- Сопоставление случаев с различными значениями заданных параметров и последующие выводы относительно гипотезы (верификация, фальсификация, уточнение и переформулировка гипотезы, введение новых понятий и предположений и т. п.).
- Проверка эмпирической подкрепленности гипотезы другими исследователями на другом материале, при положительном результате – пополнение (аккумуляция) общепризнанных теоретических положений.

Подобный подход направлен на получение положительного теоретического знания. Каковы его критерии? Под *положительным знанием* в философии и социологии науки понимается суждение (совокупность суждений), которое:

а) надежно подкреплено эмпирически (*принцип корреспондентности*);

б) согласуется с ранее принятыми теориями (*принцип когерентности*);

в) используется в последующих исследованиях в качестве основания (*принцип превращения в основание*);

г) принимается большинством специалистов, либо же доля принимающих это положение быстро растет при смене поколений (*принцип монотонного роста согласия*, или просто *принцип согласия*);

д) фиксируется в профессиональных учебных пособиях в качестве не частного мнения, но достигнутого практически общепринятого знания (*принцип образовательной трансляции*).

С точки зрения перспектив развития социального и исторического познания наиболее любопытен критерий (в): «использование суждения в последующих исследованиях в качестве основания», поскольку здесь пересекаются «территории» методологии и социологии науки. Почему же в одних ситуациях ученые стремятся опровергнуть (или хуже того – игнорировать) некоторое теоретическое суждение, заявляя собственную альтернативную позицию, а в других ситуациях они более склонны взять такое суждение в качестве основания и продвигать дальше исследовательский фронт? Почему в одном случае чье-то теоретическое суждение воспринимается как препятствие (что характерно в социальных и исторических науках), а в другом – как трамплин к новым собственным свершениям (что обычно имеет место в математике и естествознании)?

В корне данного различия лежат три тесно взаимосвязанных фактора: 1) воспроизводимость эмпирических фактов, подкрепляющих теоретическое суждение; 2) готовность исследователей проверять эту воспроизводимость; 3) эффективность применения подкрепленных теоретических положений в планировании и проведении новых исследований.

Чем в большей мере обобщенный эмпирический и теоретический результат может быть отвлечен от пространственно-вре-

менной и прочей специфики подкрепляющих его эмпирических фактов, тем больше сила вышеуказанных факторов 1–3. *Социальные исследователи и историки весьма редко и с неохотой берутся за то, чтобы воспроизвести чужие результаты.* Это связано с крайне большими методическими, организационными (а зачастую и финансовыми) трудностями, при том что честь первооткрывателя уже принадлежит другому. Гораздо легче, почетнее и перспективнее спланировать и провести собственное исследование. Ясно, что при таком положении дел непризнание и забвение результатов остаются наиболее вероятными. Поэтому в общественном сознании, тем более в исторической науке, трудности получения положительного теоретического знания весьма велики связаны с серьезными препятствиями объективного и субъективного характера.

Специфика социальных и гуманитарных наук, трудности и возможности поиска закономерностей

Говоря об особенностях предметной области социогуманитарного познания, обычно указывают:

- на сознание и свободную волю людей – исторических акторов;
- на неповторимость обстоятельств исторических ситуаций;
- на множественность и крайнюю изменчивость причинных факторов;
- на неустранимую случайность.

Эти отличия дают возможность некоторым авторам утверждать, что в социально-исторической действительности вовсе нет «управляющих закономерностей» (Литтл 1998). Более перспективна следующая онтологическая установка: сущностные закономерности, управляющие социально-историческими явлениями, есть, познаваемы, но они сами:

- изменчивы;
- сложны;
- включают в себя закономерности человеческого сознания и поведения (которыми иногда можно пренебречь, а иногда – нет);
- открыты привходящим обстоятельствам, в том числе случайного характера.

Задача методологии социальных и исторических наук – разрабатывать исследовательские логики и подходы, которые учитывали

бы эту сложность, оставаясь при этом объективными, воспроизводимыми, надежными и эффективными (Розов 2001б). Рассмотрим, каким образом действительное разнообразие типов явлений может объясняться посредством модификации вполне классических конструкций.

Можно, в частности, различить:

- *регулярно повторяющиеся явления* (каждодневные пробки на дорогах, примерно одинаковая величина каждодневных рождений и смертей, сезонные наплывы и спады туристических потоков);

- *монотонно или колебательно изменяющиеся явления* (развитие техники и технологий, рост населения в больших временных масштабах, экономический рост и хозяйственные циклы, смена периодов стабильности и нестабильности в международных отношениях и т. п.);

- *однотипные явления* (экономические и политические кризисы, войны, путчи и мятежи);

- так называемые *уникальные явления* (например, убийство Юлия Цезаря, Реформация в Европе, преобразование России при Петре I, образование США).

Явления, понятые и описанные как абсолютно уникальные и неповторимые, в принципе не могут получить теоретического объяснения, которое по определению обладает общностью. Эффективный ход состоит в том, чтобы любой «уникальный и неповторимый» исторический случай поставить в ряд с явлениями того же типа (Карнейро 1997). Так, известны сотни заговоров против верховного правителя и убийств («ряд Цезаря»), практически во всех крупных религиях имели место реформаторские движения, расколы, образование новых форм вероучения и соответствующих религиозных организаций («ряд Реформации»); отнюдь нередкими были попытки (как успешные, так и не очень) принудительных преобразований, навязанных «сверху», в том числе множество попыток вестернизации и модернизации аграрных империй («ряд Петра»); многие колонии отвоевывали независимость («ряд образования США»), значительное число многонациональных держав распалось («ряд коллапса СССР»). Таким образом, «абсолютно уникальные явления» при ближайшем рассмотрении оказываются включенными в те или иные ряды *однотипных явлений*, что уже делает возможными систематические исторические сравнения (см. главы 19–20 и 22–23 настоящего издания).

Полезно сопоставить вышеуказанные группы явлений с классической схемой исторического объяснения по К. Гемпелю (см. выше). Обнаруживается, что закономерности:

- либо никак не влияют на сохранение или восстановление начальных условий, имеющих свои собственные причины, что ведет к регулярным повторениям (например, цветение плодовых деревьев весной, пробки на дорогах в «часы пик»);

- либо систематически меняют определенные значения начальных параметров, что ведет к монотонным или циклически колеблющимся изменениям (например, выросшее население обуславливает последующий еще больший прирост, бурное развитие технологий и расширение рынков сменяется спадом);

- либо приводят к совершенно иной конфигурации условий, при которой некоторые прежние закономерности перестают действовать, а начинают действовать другие; при этом явления одного типа сменяются явлениями другого типа с другими закономерностями (например, следствия закономерно возникших кризисов, революций или войн ведут к новым социальным режимам или международным коалициям).

Итак, законы и закономерности в социально-исторической действительности можно и нужно выявлять, но они отнюдь не обязаны быть простыми, неизменными, «механическими», подобно тем, что определяют ход часов, движение планет или динамику газов. В социальных и исторических закономерностях могут сложным образом участвовать ментальные процессы масс, групп и даже отдельных личностей в особо значимых организационных позициях. Эти закономерности обычно усложнены процессами «встречи обстоятельств», «складывания», в которых иногда большую, иногда меньшую роль играет случайность, и это также приходится учитывать.

Наконец, разные типы закономерностей в отношении воздействия результатов процессов на начальные условия приводят к существенно разным типам исторических явлений: циклам, трендам и структурным качественным переломам (сдвигам, скачкам), блокирующим прежние и актуализирующим новые законы и закономерности.

Теоретический анализ исторических процессов, выявление их закономерностей всегда предполагают построение тех или иных

познавательных моделей. Рассмотрим основные их типы и способы использования.

Познавательные модели: предназначение и основания классификации

Любая *модель* – это заместитель объекта, более удобный для использования в некоторых ситуациях, чем сам объект. Каждая *познавательная модель* являет собой некую точку зрения на сложный предмет. Умение использовать разные модели, переходить от одного типа моделей к другому означает интеграцию точек зрения, а это уже хороший задел для объединения, синтеза парадигм и подходов, даже казавшихся ранее несоизмеримыми.

Познавательная модель – это также комплекс смысловых и знаковых элементов, замещающий объект в большинстве исследовательских операций. Такое понимание облегчает решение вопроса о ключевых критериях классификации – мы будем различать модели, используемые в социальных и исторических науках:

- по познавательной функции (описательные, эвристические и объяснительные модели);
- по методологическому статусу (теории, концепции, теоретические и концептуальные модели);
- по уровню экспликации (предметные, системные и математические модели);
- по характеру используемых знаковых форм (дискурсивные, табличные, графические и формальные модели);
- по характеру смыслового содержания (объектные и факторные модели).

Описательные, эвристические и объяснительные модели

Описательные (дескриптивные) модели – традиционные обобщенные концептуальные описания инвариантов некоторой (часто неопределенной) совокупности исторических случаев. Как правило, в этих описаниях фигурируют как структурные (элементы, связи, части, уровни, аспекты системы), так и динамические составляющие (разного рода изменения, процессы, тенденции).

В таких моделях могут присутствовать частичные и эскизные объяснения, намеки на объяснение, но нет четко сформулированных общих гипотез со спецификацией начальных условий, как в объяснительных моделях. Описательные модели также отличаются от эв-

ристических своей жесткой привязанностью к конкретным случаям и периодам.

Эвристические модели – обобщенные идеальные мыслительные конструкции (выраженные обычно в дискурсивной и/или графической форме, см. ниже), либо целенаправленно построенные, либо предельно обобщенные и отвлеченные от исходных реалий, используемые, как правило, для целостного осмысления предмета, для интерпретации эмпирического материала и/или в качестве отправной точки для построения объяснительных гипотез.

Так называемые идеализированные объекты, в том числе знаменитые веберовские *идеальные типы* (бюрократия, европейский город, рациональность, капитализм и проч.), – это характерные примеры эвристических моделей. К эвристическим моделям относится большинство обобщений в работах классических макросоциологов: «стадия прогресса» О. Конта, «общественно-экономическая формация» и «способ производства» К. Маркса, «механическая и органическая солидарность» Э. Дюркгейма, «эволюция как дифференциация и интеграция» Г. Спенсера, «капитализм» и «конфликт» Г. Зиммеля, “Gemeinschaft” и “Gesellschaft” Ф. Тенниса, «культура» О. Шпенглера и «общество» А. Тойнби (как локальные цивилизации), «социальная система» Т. Парсонса, «тип цивилизации» П. А. Сорокина, «мир-системы» А. Г. Франка, И. Валлерстайна, Ф. Броделя и т. д.

Разнообразные системные и кибернетические схемы процессов с обратной связью, целеустремленных, самоорганизующихся, равновесных и прочих типов систем – все они также являются эвристическими моделями. То же касается всех базовых схем, применяемых как в социальных, так и в исторических науках (родовое общество и система родства, социальный институт, малая группа, социальная организация, национальное государство, рациональный выбор, свободный рынок, авторитарный режим, конституционная демократия и т. д.).

В социально-историческом познании большинство изложений типовых последовательностей фаз (конфликтов, революций, войн, становления новых институтов, эволюционных изменений и т. д.), а также социальных механизмов имеют статус эвристических моделей.

Объяснительные модели – более редкий уровень моделей, которые правильнее уже называть концепциями, или предтеориями,

включающий четко сформулированные общие гипотезы или теоретические положения со спецификацией начальных условий.

Модели, концепции и теории

Для большей ясности дальнейшего изложения проведем различие методологических понятий «модель», «концепция», «теория», которые нередко используется если не синонимично, то в качестве синкретичных смысловых склеек.

За основу лучше всего взять каноническое представление об аксиоматической теории: *теория есть дедуктивно организованная совокупность суждений в замкнутом понятийном аппарате.*

Дедуктивность означает, что суждения теории могут быть либо аксиомами (не выводимыми в рамках самой теории постулатами), либо теоремами, выводимыми из аксиом посредством обозримого числа логических шагов (дедукции).

Замкнутость понятийного аппарата означает, что законными (допустимыми в рамках теории) являются только базисные (не определяемые в рамках данного аппарата) и производные (определяемые из базисных и/или других производных) понятия.

Пусть такой идеал строгости нигде, кроме самой математики, не выполняется (даже попытки полностью формализовать теоретическую механику не особенно удались), но он выполняет роль важного методологического ориентира.

Концепция определяется как предтеория – совокупность суждений о некотором предмете, логические связи между которыми строго не фиксированы, а понятийный аппарат которых не замкнут.

Моделями в широком смысле (познавательными заместителями объекта) являются и концепции, и теории.

Во избежание путаницы целесообразно также говорить о *теоретических моделях* – искусственных идеальных конструктах, «поведение» которых полностью определяется суждениями соответствующей теории. Такие модели являются *интерпретациями* заданной теории (в математическом смысле).

Если на уровне теории можно провести различие между суждениями и объектами, к которым эти суждения относятся, то на уровне более рыхлой и расплывчатой концепции (предтеории) это уже весьма проблематично. Поэтому выражение «концептуальная модель» может использоваться и как аналог самой «концепции», и как аналог теоретической модели, только заданной менее строго.

Предметные, системные и математические модели

Переходим к упорядочению моделей по уровням экспликации – абстрактности и строгости смыслового (понятийного и логического) содержания⁵.

Предметные модели в широком смысле (концепции, теории, теоретические модели) строятся на основе анализа конкретной предметной области, их применение в общем случае ограничено соответствующим эмпирическим полем. Предметные модели могут быть описательными, эвристическими и объяснительными (см. выше).

Системные модели (концепции, теории) обычно конструируются или создаются на основе обобщения сходных структурных инвариантов, выявленных в разных предметных областях. Системные модели (от гомеостата до систем с самовоспроизводством и систем с поколениями) либо используются самостоятельно, либо поставляют ключевые системные понятия (элементы, процессы, связи, организация, иерархия, управление и т. д.) предметным моделям. Любые схемы, механизмы, модели эволюции, предполагающие приложимость к биологической и социальной эволюции, уже являются системными.

Наконец, предельно строгими, доказательными, но накладывающими весьма жесткие требования к предварительной концептуализации являются *статистические* и *математические модели* (см. главы 22–23 настоящего издания).

Объектные, фазовые и факторные модели

Предметное содержание моделей необозримо, подобно предметам исследования. Выделим только три типа, наиболее часто используемые в социальных и исторических теориях.

Объектные модели строятся в терминах структурных компонентов, описывают их взаимодействия и изменения. Такие модели обычно представляются дискурсивно, но нередко дополняются всевозможными структурными схемами.

Факторные модели (они же *тренд-структуры*) отображают связи между переменными. Они обычно изображаются как тренд-графы (см. ниже).

Модели фазовых переходов отображают не сами объекты (структурные компоненты), а их состояния (фазы, такты) и перехо-

---

⁵ См. подробнее об экспликации и формализации: Розов 2001б: 51–66; 106–118.

ды между ними. Часто представляются в виде особых диаграмм (см. ниже).

Дискурсивные, табличные, графические и формальные модели

Если за основание взять уже не смысловое содержание, а характер знаковой формы выражения, то получаем иную классификацию.

Дискурсивные модели – любые концепции и теории, представленные в естественном языке (русском, английском и т. д.). Они могут иметь описательный, эвристический или объяснительный статус (см. выше). Эвристические и объяснительные дискурсивные модели часто дополняются графическими моделями (диаграммами, графиками, графами), реже – формулами.

Все предметные, системные и математические модели имеют дискурсивную составляющую. Современные математические модели, как правило, имеют формализованные компоненты (например, системы уравнений, записанные буквенными формулами).

Табличные модели (таблицы) – наиболее удобный и компактный способ представления множественных эмпирических данных. В компьютерной обработке данных могут использоваться сложные многомерные структуры данных, где в ячейки вложены свои таблицы и т. д. Однако для «ручного» использования наиболее удобными, наглядными являются обычные двумерные таблицы «строка – столбец – ячейка». Такие таблицы являются удобным промежуточным звеном между дискурсивными фактологическими суждениями (например, «значение строки 1 по столбцу А в ячейке А1 таково») и графиками, которые наглядно представляют структуру данных.

Графические модели – это всевозможные схемы, диаграммы, карты, рисунки, прорисовки и т. п., служащие для наглядного целостного представления о предмете, его частях, сторонах, аспектах. Главные типы графических моделей (временные графики, параметрические пространства, модели фазовых переходов и тренд-структуры), а также взаимосвязи между ними будут рассмотрены ниже.

Формальные модели – специально сконструированные выражения, как правило, состоящие из букв и цифр, логических, алгебраических и подобных знаков (алгебраические, логические или иные формулы, системы уравнений и т. п.), допускающие преобразования по фиксированным правилам без обращения к смысловым значени-

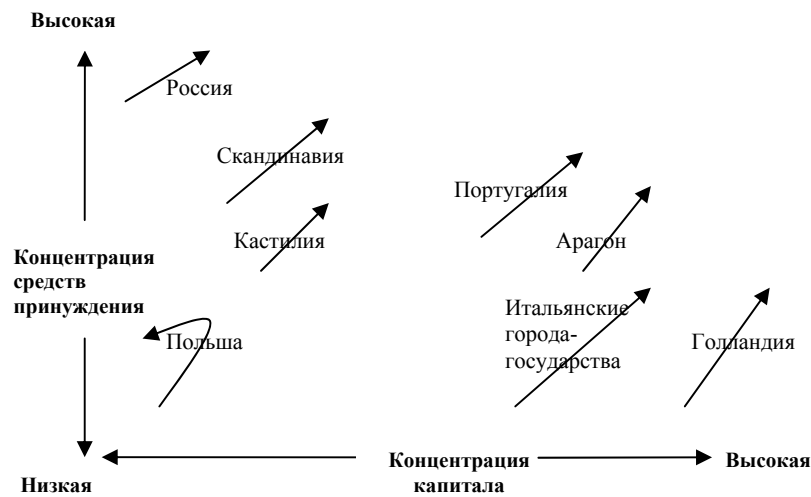
ям, приписанным отдельным знакам. Наиболее распространенными являются дифференциальные системы уравнений в математических моделях исторической динамики (Турчин 2007). При отсутствии требуемых массивов числовых данных (что обычно за пределами исторической демографии и экономической истории) важнейшим типом формальных моделей, вероятно, является аппарат булевой алгебры в версии Ч. Рэгина.

Типы графических моделей

Временные графики, выражающие динамические ряды, составляются на основе эмпирических данных (предварительно заполненных таблиц) либо конструируются в качестве эвристических моделей, объяснительных гипотез. Графики – универсальное средство анализа всевозможных трендов, волн и циклов, центрированного не на дискурсивном описании и объяснении, а на исследовании исторически изменчивых количественных параметров. Выявленные паттерны составляют обычно лишь феноменологию долговременных процессов, требующую теоретического анализа порождающих условий и механизмов. При совмещении с математической моделью, аппроксимирующей график, последний можно экстраполировать на будущее. Построение временных графиков следует считать начальным этапом создания объяснительных моделей.

Параметрическое пространство – это искусственный теоретический конструкт, образованный сочетанием шкалированных качеств (свойств, черт, характеристик, параметров) изучаемой целостности. Работа с параметрическими пространствами зиждется на общедоступных интуитивных основаниях, фиксированных как в обыденном, так и в научном языке. Каждый раз, когда мы говорим, что страна (общество, культура, цивилизация, человечество) «движется» в каком-либо направлении – к прогрессу, гибели, глобальному миру, демократии, процветанию, упадку и т. п. – мы уже, осознанно или нет, используем соответствующее простейшее (одномерное – вырожденное) параметрическое пространство, в котором то или иное «направление» означает полюс, к которому направлен вектор «движения», то есть социального изменения. Наиболее удобным, наглядным и весьма популярным является представление исторической динамики в *двумерных параметрических пространствах*.

Возьмем в качестве примера траектории развития нововременных государств по Ч. Тилли (рис. 1).

Рис. 1. Гипотетические траектории различных государств в XVI–XVII вв. (Тилли 2009)

Здесь у Тилли не было ни надежных эмпирических данных, ни, тем более, проверенной теории, из которой можно было бы вывести данные траектории. Была построена эвристическая модель, отражающая предположение о том, что в развитых успешных государствах высока концентрация как капитала, так и средств принуждения, соответственно разные государства должны были идти «к единой цели», хоть и разными путями (см. также главу 7 настоящего издания). Далее Тилли примерно, «на глазок» представил предполагаемые траектории на основе своего неявного обобщения исторических описаний – где, в каком масштабе, раньше или позже были сконцентрированы средства принуждения (армии), а где – капитал (богатства, пригодные к инвестированию).

Верно, что такого рода модельные траектории имеют «всего лишь» гипотетический статус. Более того, часто авторы их не проверяют, а во многих случаях такие гипотезы и невозможно проверить. При этом модели такого рода отнюдь не бесполезны, они крайне важны для общего осмысления темы, для удобного и наглядного сообщения идей, а также для формулирования таких положений, которые уже можно проверить.

Модель становится мощным исследовательским инструментом, если параметры, задающие такое пространство, прошкалированы,

то есть имеют ту или иную структуру упорядоченных значений (градаций, уровней, ступеней и т. д.), грубо говоря, линейку (о шкалах и шкалировании см. главу 20 настоящего издания).

Весьма продуктивным является заимствованное из синергетики И. Пригожина понятие *аттрактора*, особенно в противопоставлении зонам неустойчивости. Аттракторы могут определяться математически при наличии соответствующих моделей и аппарата, но первостепенное значение имеет их концептуальное содержание. В этом плане под аттрактором понимается такая область параметрического пространства (то есть область значений одного, двух или более параметров системы), «попав» в которую, система склонна достаточно долго воспроизводиться без существенных изменений в историческом времени, пока накопление дисбалансов, дисфункций не «вытолкнет» социальную систему из этой зоны.

Окрестные состояния вокруг аттрактора имеют отчетливую тенденцию к приближению к нему. Состояние *бифуркации* (зона таких состояний) в данном случае понимается как нахождение системы между двумя или более аттракторами, когда незначительное воздействие («случайное стечение исторических обстоятельств») может привести к неуправляемому движению системы в сторону одного или другого аттрактора.

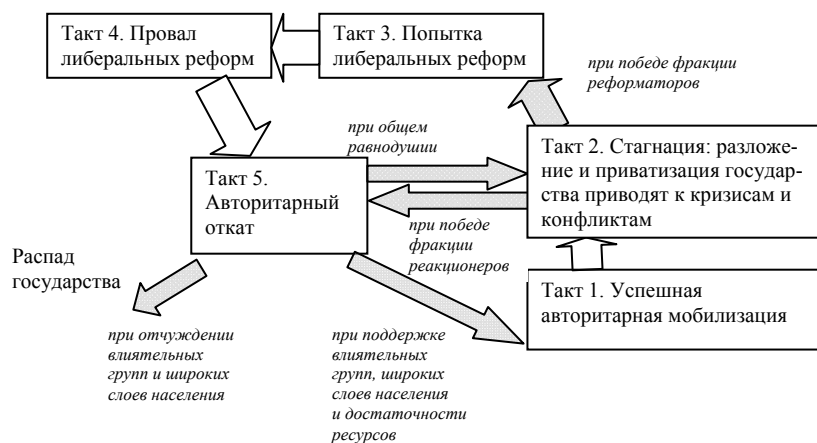
Модели фазовых переходов (см. выше) обычно изображаются графически как диаграммы с блоками, соединенными стрелками. Блоки обозначают фазы – периоды относительно стабильного состояния, а стрелки – переходы между ними во времени. Например, в виде фазовой модели (рис. 2) Р. Коллинз представил классическую концепцию социальной революции и государственного распада Теда Скочпол (см. главу 7 настоящего издания).

Рис. 2. Фазовая модель динамики государственного распада по Т. Скочпол (Коллинз 1998а: 247; Skocpol 1979). Здесь четыре вертикально расположенных блока могут трактоваться либо как параллельные фазы, либо как составляющие одной большой фазы

С помощью фазовых моделей также удобно представлять бифуркации (рис. 3), когда при разных условиях за одной фазой (такты 2 и 5) могут следовать разные другие фазы. Некоторые модели фазовых переходов могут быть замкнутыми, что обычно объясняет циклическую динамику. Ниже будет показано, как фазовые модели сочетаются с параметрическими.

Тренд-граф – стандартный способ представления факторных моделей (тренд-структур) в виде ориентированного графа, вершинами которого являются факторы (шкалированные переменные, то есть свойства некоторой социальной целостности, способные оказывать воздействие на другие свойства), а ребрами-стрелками – причинные связи между ними, как линейные (усиление, ослабление), так и нелинейные. В более точных математических моделях сама сила связи между переменными считается константой (или тоже переменной), тогда соответствующие стрелки обозначаются на тренд-графах буквами.

Рис. 3. Фазовая модель циклов социально-политической истории России. Темными стрелками обозначены альтернативные переходы, «выбор» которых зависит от обстоятельств (обозначенных курсивом)

Таким образом, тренд-структура (факторная модель) является понятийным содержанием тренд-графа (примерно так же, как научное понятие является содержанием слова-термина).

Тренд-графы в литературе называются по-разному: концептуальные схемы, каузальные диаграммы, графы сложных причинных структур, структурно-динамические модели и т. д.

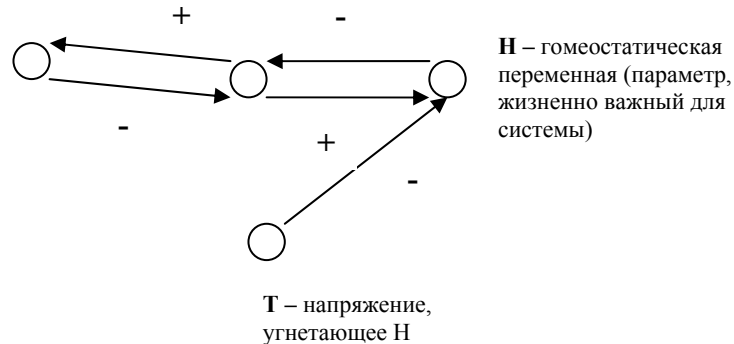
Довольно часто смешиваются фазовые переходы и тренд-структуры (в обоих случаях есть вершины-блоки и соединяющие их стрелки). Во избежание этого используется простой конвенционный прием: воздействия фактора на фактор в тренд-графах изображаются одиночными стрелками, а переходы между фазами обозначаются двойными стрелками. Это особенно важно, если в одной работе перемежаются тренд-структуры с фазовыми моделями.

В качестве примера приведем тренд-структуру и канонический граф функциональной причинности, детально исследованные Артуром Стинчкомбом (Stinchcombe 1987: 136; Розов 2001б: 148–164). Суть модели состоит в следующем (рис. 4). Некая *структура*, или повторяющаяся деятельность *S* (например, социальный институт, практика, ритуал или традиция), выбирается и используется сообществом, что поддерживает на приемлемом уровне *гомеостатиче-*

скую переменную H (например, безопасность, порядок, достаточность ресурсов, лояльность, солидарность и т. д.), испытывающую разрушительные внешние или внутренние воздействия (*напряжение, tension*) T .

C – величина издержек от действия структуры

S – интенсивность действия обеспечивающей структуры

Рис. 4. Тренд-структура функциональной причинности

Действие структуры S тем интенсивнее, чем ниже значения гомеостатической переменной H (негативная связь). Сама же структура S своим действием восстанавливает, усиливает H (положительная связь), тем самым нейтрализуя угнетающее действие напряжения T .

Само действие структуры S «не бесплатно» и сопровождается издержками C (*costs*), которые растут по мере роста интенсивности S (положительная связь), причем рост издержек C естественным образом угнетает интенсивность структуры S (негативная связь).

Модель допускает множественные направления усложнения и развертывания: приписывание коэффициентов связям, умножение переменных, особенно альтернативных обеспечивающих структур и т. д. Здесь рассмотрим только принципиальные вопросы возможного использования функциональной тренд-структуры в анализе исторической динамики и социальной эволюции.

По сути дела, данная модель покрывает *все эмпирическое поле структурного функционализма* (Б. Малиновский, Р. Мертон, Т. Парсонс и проч.; см. главу 22 настоящего издания). Функционализм часто (и отчасти справедливо) обвиняли в неспособности объяснять исторические, эволюционные изменения, само происхождение

и смену функциональных структур, институтов и проч. Представленная выше тренд-структура оказывается весьма гибким инструментом, позволяющим работать именно с такими принципиальными сдвигами. Могут появляться новые напряжения $T_1, T_2, \dots$, новые параметры социальной системы становятся жизненно важными и требующими защиты: $H_1, H_2, \dots$. Главное же содержание социальной эволюции – появление новых социальных структур, форм деятельности и взаимодействия, социальных институтов $S_1, S_2, \dots$ (дружин и армий, государств, служб сбора дани и налогов, полиции, производственных организаций, рынков и бирж, церквей, школ, университетов и т. д.). Каждая такая структура поддерживает некие гомеостатические переменные H и каждая имеет свои издержки C . В переломные моменты истории происходит широкомасштабный переход от старых обеспечивающих структур к новым, обычно более эффективным (но не всегда и отнюдь не по всем аспектам).

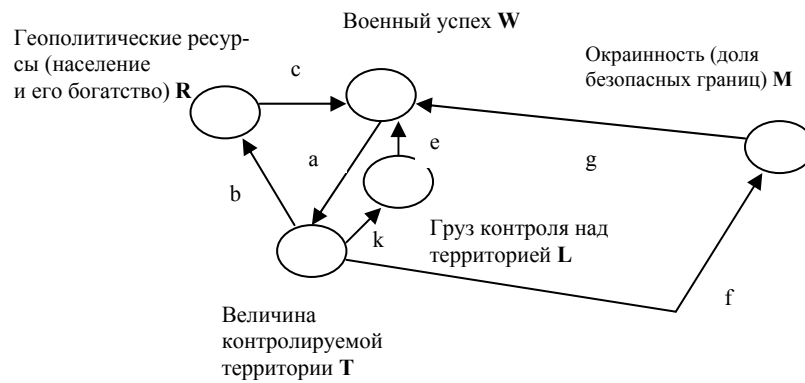
Пример связи между моделями: тренд-структуры и системы уравнений

Заметим, что каждая тренд-структура вполне подвластна математизации (как правило, через переход к линейным или дифференциальным уравнениям). Действительно, изменение каждой переменной (вершины графа) складывается из изменений приходящих переменных (других вершин, от которых идут стрелки-притоки). Рассмотрим в качестве примера модель геополитической динамики Р. Коллинза (рис. 5, см. также главу 8 настоящего издания).

Для пяти переменных строится система из пяти дифференциальных уравнений:

$$\begin{aligned} dT/dt &= aW, \\ dR/dt &= bT, \\ dW/dt &= cR + eL + gM, \\ dL/dt &= kT, \\ dM/dt &= fT. \end{aligned}$$

Следует отметить, что дифференциальные уравнения более высоких порядков не могут быть выражены средствами стандартных тренд-графов. Кроме того, сложные переключения контуров положительной и отрицательной обратной связи вполне могут задаваться одной компактной системой дифференциальных уравнений. Таким образом, математический аппарат, как и следовало ожидать, выигрывает в емкости и строгости. Более детально о математическом моделировании исторических процессов см. главу 23.

Рис. 5. Тренд-структура, выражающая теорию геополитической динамики Р. Коллинза

Методы теоретического анализа

Анализ временных рядов, трендов, волн и циклов – генетический метод, центрированный не на дискурсивном описании и объяснении, а на исследовании исторически изменчивых количественных параметров. Главный прием – построение и анализ таблиц данных и соответствующих графиков для самых различных параметров, значения которых соответствуют датам или периодам временной оси.

Фактически выявленные тренды, циклы или более сложные паттерны составляют лишь феноменологию долговременных процессов, требующую теоретического анализа порождающих условий и механизмов. Поэтому данный подход следует считать начальным этапом построения теоретических и математических моделей.

Исторические сравнения – это вовсе не один «компаративный метод», а целый арсенал сложно организованных подходов, приемов и процедур (см. главу 19 настоящего издания). Наиболее изящным и теоретически рафинированным является историческое сравнение как аналог критического эксперимента. Назовем его *критическим сравнением* (иногда его также называют «естественным экспериментом»). Если имеются две и более гипотезы (теории), объясняющие один и тот же тип явлений, то в естествознании проводят критический эксперимент: искусственно в лаборатории конструируют такие конфигурации условий для серии явлений, что по их результатам можно судить, какая гипотеза фальсифицируется, а какая подкрепляется.

В истории эксперименты невозможны, зато используется специальная так называемая *теоретическая выборка* случаев как логический аналог критического эксперимента. Допустим, в одной теории предполагается, что явление S детерминировано при условии А, а в другой – при условии В. Обычно имеет место сочетание условий АВ. Критическое сравнение состоит в том, чтобы найти группу случаев с ярко выраженным условием А при отсутствии или слабом В и сравнить их следствия S со следствиями другой группы случаев – с ярко выраженным условием В при отсутствии или слабом А.

Рекомендуемая литература

Блок М. 1986. *Апология истории или ремесло историка*. М.

Гемпель К. 1998. Функция общих законов в истории. *Время мира*. Вып. 1, с. 13–26. Новосибирск.

Лакатос И. 1995. *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. М.

Разработка и апробация метода теоретической истории / Отв. ред. Н. С. Розов. Новосибирск: Наука, 2001.

Розов Н. С. 2009. *Историческая макросоциология: Методология и методы*. Новосибирск.

Глава 19

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы исторического исследования традиционно делятся на две большие группы: общие методы научного исследования и специальные исторические методы. Однако нужно иметь в виду, что подобное деление в некоторой степени условно. Например, так называемый «исторический» метод используется не только историками, но и представителями самых различных естественных и общественных наук.

Задача общей методологии научного познания – дать систему общих теоретических принципов решения поставленных задач и проблем. По этой причине писать о методологических приемах исследования гораздо труднее, чем о конкретных методах сбора фактического материала или источниковедческого анализа. Последнее также предполагает наличие определенных навыков и усилий, направленных на их приобретение. Однако овладеть такими навыками в определенном смысле гораздо проще. Эти навыки приобретаются на специальных практических занятиях, например по палеографии, сфрагистике, источниковедению; при изучении какого-либо специального курса (например, по анализу древних документов) или в археологической и этнографической экспедиции под руководством опытного наставника. Образно говоря, методика – это «тактика», тогда как методология – «стратегия» научного исследования.

По этой причине методология – не столько набор каких-то жестких обязательных технических правил и процедур (хотя эта сторона должна быть обязательно учтена), а скорее некоторая совокупность общих идей, подходов и принципов, которая не может быть постигнута тем же путем, как конкретные методы сбора материала или его источниковедческой критики. В этой связи Дж. Тош писал, что «правила исследования нельзя свести к единой формуле, а конкретные процедуры анализа варьируют в зависимости от характера источника» (Тош 2000: 102). Лучше всего использование того или иного метода может быть проиллюстрировано на примере работ крупных историков прошлого и современности. По всей видимости, изучение работ предшественников, попытка приоткрыть дверь в творческую лабораторию маститого исследователя или его школы есть самый правильный путь к постижению того или иного

метода. Правда, необходимо иметь в виду, что нередко выдающиеся ученые используют не один метод, а сразу несколько, точнее, даже систему методов, поэтому не всегда можно сразу понять, что относится к одному методу, а что к другому.

Существует достаточно большое количество общенаучных и специальных методов, которые используются при проведении исторических исследований.

Нарративный метод (иногда его называют описательно-повествовательным). История была и во многом еще остается повествованием о событиях. Далеко не случайно само название исторической науки происходит от слова *story* – повествование, рассказ. Еще в конце XIX в. Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос называли историю наукой «клея и ножниц» (Ланглуа, Сеньобос 2004). Задача историка сводилась, по их мнению, к сбору фактов в архивах и их монтажу в единое повествование. При этом «само собой» должны получиться целостное описание прошлого и теоретические выводы. Данный метод используется многими историками до наших дней.

Соответственно нарративный метод является важным, хотя и недостаточным, для изложения исторических фактов. Сам по себе рассказ о событиях (нарратив) предполагает определенную последовательность, которая выстраивается согласно некоей логике самих событий. Историк интерпретирует данную цепь событий исходя из определенных причинно-следственных связей, установленных фактов и т. д. Полученные выводы важны для первичного анализа исторического события или эпохи. Однако для глубокого проникновения в суть событий этого явно недостаточно. Но, с другой стороны, без такого связного изложения более глубокий анализ просто невозможен. Тут уместно будет напомнить общеизвестное правило, что «исследование без теории слепо, а теория без исследований пуста» (Bourdieu, Wacquant 1992: 162). В идеале описание собранных источников и обобщение данных должны быть тесно связаны друг с другом.

Исторический (историко-генетический) метод. В первые десятилетия XIX в. приобрел зрелые черты и широко распространился принцип историзма (см. об этом в главе 2 настоящего издания). Известный историк и философ истории Ф. Майнеке (1862–1954) полагал, что появление историзма являлось одним из наиболее значительных интеллектуальных переворотов в западной исторической науке. Его даже сравнивают с «научной революцией» в куновском смысле (Igers 1984: 31–41).

Принцип историзма означает рассмотрение всякого явления в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего требует искать корни всех явлений в прошлом; понимать, что между эпохами существует преемственность, а каждую эпоху надо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей и возможностей. В результате на общество удалось взглянуть как на нечто цельное и взаимосвязанное, а целостность позволяет глубже понять отдельные его элементы.

Вместе с этим развивался и исторический метод исследования событий, явлений и процессов. Само название данного метода ясно указывает на его сущность – исследование изменений при рассмотрении того или иного явления, института, процесса и т. д. Для историков обращение к прошлому не является каким-то особым методом. Прошлое есть предмет исследования историка, и поэтому выделять его изучение – с точки зрения современной идеологии историков – в какой-то особый исторический метод, наверное, не совсем логично, поскольку любой используемый историком метод имеет историческую направленность. Однако при анализе трансформации институтов, явлений и процессов важно установить причинно-следственные связи в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса. При этом важно в огромном множестве различных процессов и событий выделить те, что наиболее релевантны для поставленной задачи.

Исторический метод широко используется и в других науках. Так, юристы используют исторический метод для исследования формирования системы права, той или иной совокупности законов и правил. Это можно проиллюстрировать на примере изменений юридического положения средневекового российского крестьянства в процессе поэтапного закрепощения. Инженер может использовать исторический метод для изучения развития техники, например кораблестроительства или строительства мостов и высотных зданий.

Так или иначе, изучение прошлого способствует лучшему пониманию современности. Нередко на стыке обращения к прошлому (предмет истории) и какой-либо социальной науки возникает пограничная дисциплина (экономическая история, историческая демография, историческая социология, история государства и права и др.). Междисциплинарный характер подобных исследований заключается в том, что на традиционный предмет исследования ис-

торика (прошлое) накладываются методы исследования из других наук (экономики, демографии и др.; см. примеры таких исследований в главах 7, 8, 10, 12).

Ярким примером использования исторического (историко-генетического) метода являются труды представителей школы «Анналов» Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» (1992; см. об этой книге также в главе 14) и Ж. Ле Гоффа «Рождение чистилища» (2009). Арьес использовал самые разнообразные источники: данные иконографии, надгробия и эпитафии, живопись, литературные источники. Он показал, что представления о смерти в Западной Европе претерпели с течением времени значительные изменения. Если в варварском обществе смерть воспринималась как естественная необходимость, то в наши дни она стала во многом табуированным понятием.

Во второй работе Ле Гофф показал, что, оказывается, представления о чистилище появились у людей Средневековья только между XI и XIII вв. Официально папа Иннокентий IV признал чистилище в 1254 г. Однако на бытовом уровне эти идеи бытовали раньше. Французский историк считает, что появление данных представлений было обусловлено коммерциализацией общества, стремлением людей, связанных с деньгами – ростовщиков, торговцев, – обрести надежду на спасение в загробном мире. По сути дела, оба примера демонстрируют, что коллективные представления могут претерпевать значительные изменения с течением времени.

Одним из самых ярких примеров использования историко-генетического метода является знаменитая работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в которой этот историк и социолог обнаруживает корни современной капиталистической этики и идеологии (о Вебере см. также главу 5). Другим хорошим примером использования данного метода является монография П. Манту «Промышленная революция XVIII столетия в Англии». Автор исследования показывает целый ряд предпосылок, которые обусловили совершение этой революции именно в Англии. В частности, Манту делает экскурсы в историю создания паровых машин, начало которым было положено еще в XVII в., раскрывает особенности английской рассеянной мануфактуры, в среде которой родились первые машины (челночный ткацкий станок Джона Кэя, механическая прялка Джеймса Харгривса «Дженни»), исследует особенности английского законодательства, которое ввело запрет на ввоз в Англию индийских хлопчатых тканей, что сильно способст-

вовало росту производства таких тканей в Англии. Он также описывает особенности процесса возникновения первых фабрик Аркрайта (что было связано с особенностями английского патентного права) и т. п. (Манту 1937). В результате перед читателем встает сложный, но вполне понятный комплекс факторов, которые обеспечили возникновение совершенно нового явления в истории: промышленного переворота в Англии. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Еще одним вариантом использования исторического метода является так называемый «ретроспективный» («регрессивный», «реконструкционный») метод. Суть его заключается в опоре на более близкие исследователю исторические состояния общества для лучшего понимания состояния в прошлом. Таким образом, прошлое интерпретируется или реконструируется на основе каких-либо теоретических предпосылок или знания о более позднем состоянии данного или схожего явления или процесса. Этот метод был использован, в частности, К. Марксом при анализе генезиса капитализма. «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Далее Маркс разъяснил: «...намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» (Маркс, Энгельс, т. 12: 731).

Подобный подход в полной мере был применим М. Блоком при изучении средневекового аграрного строя во Франции. Чтобы понять аграрную структуру средневековой Франции, Блок предлагает опираться на данные более позднего времени (XVIII в.), дающие целостную картину французской деревни. В разделе «Введение. Несколько замечаний относительно метода» он подробно описывает суть данного метода: «Историк всегда раб своих документов, и больше всего тот, кто посвятил себя аграрным исследованиям; из опасения не разобраться в непонятном прошлом ему чаще всего приходится читать историю в обратной последовательности... Обратный метод, разумно применяемый, вовсе не требует от близкого прошлого фотографии, которую затем достаточно проецировать в неизменном виде, чтобы получать застывшее изображение все более и более отдаленных веков. Он претендует только на то, чтобы, начав с последней части фильма, попытаться затем показать его в обратном порядке, примирившись с тем, что там будет много пробелов, но твердо решив не нарушать его движение» (Bloch 1978: xxviii–xxix).

Исторический метод нередко связан с реконструкцией событий с помощью специальных методов и с применением общих логических и эвристических методов. Р. Коллингвуд (1889–1943), который одновременно являлся историком и философом истории, писал, что историк очень часто похож в своих методах на следователя, который должен раскрыть преступление. Подобно следователю, историк пытается собрать все фактические свидетельства и на их основе с помощью воображения, логики и дедукции строить гипотезы, не противоречащие фактам (Коллингвуд 1980).

Одним из результатов применения исторического метода является создание **периодизации**. Периодизация очень важна для историка, причем не только для того, который исследует материал на достаточно длительном временном интервале. Любой длительный исторический процесс, например революция, война, модернизация, колонизация, всегда делится на периоды, каждый из которых имеет свои особенности. Это позволяет глубже понять ход исторического процесса в рамках исследуемого объема данных, упорядочить факты, дает возможность держаться естественной канвы изложения.

Периодизация – это особого рода систематизация, которая заключается в условном делении исторического процесса на определенные хронологические периоды. Эти периоды имеют те или иные отличительные особенности, которые определяются в зависимости от избранного основания (критерия) периодизации. Известно огромное количество различных периодизаций истории. Для периодизации избираются самые разные основания: от смены характера идей и мышления до экологических трансформаций и межкультурного взаимодействия. Многие ученые отмечают ее большую значимость для истории и других социальных наук (см., например: Gellner 1988; Бентли 2001; Геллнер 2001; Грин 2001; Гринин 2006; Мак-Нил 2001; Розов 2001а; Стернз 2001 и др.).

Важно учитывать, что периодизация имеет дело с исключительно сложными процессами и поэтому неизбежно огрубляет и упрощает историческую реальность. Некоторые ученые противопоставляют понятия процесса и стадии, считая их взаимоисключающими (см., например: Штомпка 1996: 238). Однако можно согласиться с Р. Карнейро, что противопоставление процесса и стадий – это ложная дихотомия (Карнейро 2000), поскольку стадии являются составными частями продолжающегося процесса, а понятие процесса может служить для разработки понятия стадий.

Иными словами, любая периодизация (как и всякая систематизация) страдает односторонностью и какими-то расхождениями с реальностью. «Однако упрощения эти могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» (Ясперс 1994: 52). При соблюдении необходимых методологических правил и процедур имеется возможность минимизировать эти недостатки периодизации и одновременно увеличить ее эвристическую эффективность.

Существуют определенные правила построения исторических периодизаций.

Правило *одинаковых оснований*, согласно которому конструирование периодизации требует при выделении равных по таксономической значимости периодов исходить из одинаковых критериев. К сожалению, это правило не соблюдается особенно часто, поэтому многие периодизации не имеют четких критериев, избранные основания либо непонятны, либо совершенно произвольны и непостоянны; нередко основания периодизации эклектичны и меняются от этапа к этапу.

Правило *иерархии* заключается в том, что при сложной периодизации, то есть такой, где крупные ступени подразделяются на более мелкие этапы (а такое дробление в принципе может иметь несколько уровней – период, этап и др.), периоды каждого последующего уровня деления должны быть таксономически менее важными, чем периоды предыдущего уровня.

Правило *равнозначности* периодов одной ступени деления указывает на необходимость характеризовать каждый период примерно с одинаковой полнотой. На практике некоторые теоретики выделяют ряд периодов только с целью оттенить один из них. Это, в частности, относится к социологам-постиндустриалистам, таким как, например, Д. Белл и Э. Тоффлер, у которых периодизация выполняет роль своего рода заставки к основной теме (показать особенности нового постиндустриального общества, идущего на смену индустриальному).

В первых главах, посвященных различным теориям исторического процесса, были приведены примеры многих периодизаций, которые использовались различными историками, философами и другими мыслителями начиная с поздней античности. До сих пор широко в ходу периодизация Древний мир – Средние века – Новое время, истоки которой уходят в эпоху Возрождения. Изначально идея состояла в том, что общество возвращалось к ценностям Античности (Возрождение).

Позднее, в XVII в., она была переосмыслена немецким историком Х. Келлером (Келлариусом, Целлариусом) (1634–1706), который распространил евроцентричную схему на всю мировую историю. Это было допустимо для западной науки того времени. Действительно, в XVII–XVIII вв. о других историях знали очень мало. Однако деление на три вышеуказанных периода не характерно для других регионов мира (это одна из причин критики так называемого европоцентризма, о которой говорилось в главах 3, 5 и др.). Во многих неевропейских странах используют другие периодизации (в частности, историки Китая предпочитают пользоваться старой периодизацией по династиям).

Попытки связать эту периодизацию с марксизмом (три формации плюс «новейшая» история после 1917 г.) привели к тому, что в ней возникли сильные натяжки. Нужно было изобрести рабство и феодализм на Востоке, придумать «революции рабов» и т. д. При этом фактически советская (эта традиция отчасти сохранилась в российской науке) и западная «келлеровские» периодизации разошлись подобно тому, как разошлись юлианский православный и григорианский католический календари.

Основанием периодизации могут быть и иные критерии, в зависимости от поставленной задачи и аспекта исследования. Так, для У. Мак-Нила главным критерием выступает диффузия военно-технологической информации и других важных для всего человечества инноваций (Мак-Нил 2004; 2008). Он выделяет в мировой истории следующие периоды и этапы.

1. Период культурного доминирования Ближнего Востока (до 500 г. до н. э.). Он начинается генезисом цивилизации в Месопотамии и Египте и заканчивается распространением вторичных цивилизаций в Китае, Индии и Греции.

2. Период евразийского культурного равновесия (500 г. до н. э. – 1500 г. н. э.). Период начинается экспансией эллинизма (500–146 гг. до н. э.), закончившейся формированием единой евразийской ойкумены (к 200 г. н. э.) и великим переселением варваров (200–600 гг.). Далее следует этап мусульманского ответа (по Мак-Нилу, «Возрождение Ближнего Востока», 600–1500 гг.) и время степных завоеваний и распространения империй (1000–1500 гг.).

3. Период господства Запада (с 1500 г. до середины XX в.), который начинается с Вызова Востоку (1500–1700 гг.), приведшего к шаткому мировому равновесию (1700–1850 гг.) и господству Запада (после 1850 г.).

Схожий подход был избран Дж. Бентли (2001), который выделил в мировой истории на основе межкультурного взаимодействия шесть периодов.

1. Период ранних сложных обществ (3500–2000 гг. до н. э.) характеризуется domestikацией лошади, появлением парусных судов, началом обмена между государствами Ближнего и Дальнего Востока посредством кочевников.

2. Период древних цивилизаций (2000–500 гг. до н. э.) состоит из нескольких волн диффузий (бронза, колесницы, железо). В этот период возникают большие земледельческие империи, распространяется алфавитная письменность, происходят масштабные миграции кочевых и полукочевых народов.

3. Период классических цивилизаций (500 г. до н. э. – 500 г. н. э.) отличается укрупнением и совершенствованием больших государств, возникновением мировых религий, усилением кочевников и формированием крупных степных империй, установлением сложной сети торговых маршрутов, в том числе «шелкового пути».

4. Постклассический период (500–1000 гг.) начинается с распространения ислама. В этот период господствуют три крупных центра (Аббасиды, Византия, Тан), развивается торговля в Индийском океане, включается Африка южнее Сахары, происходит диффузия мировых религий.

5. Период трансрегиональных кочевых империй (1000–1500 гг.) – время господства в Старом Свете трансконтинентальных империй кочевников, особенно монгольской; установление прямых контактов между Западом и востоком, глобальная эпидемия чумы.

6. Современный период (с 1500 г.) отсчитывается с Великих географических открытий и характеризуется экспансией западной цивилизации, вовлечением всех частей света в масштабные экономические, технологические, культурные обмены.

Сравнительный метод. Сравнение есть один из базисных принципов научного познания мира. Наблюдая повторяющиеся явления, с глубокой древности люди пытались понять причины этого. В результате у них возникали ответы на те или иные вопросы. Логическим основанием сравнительного метода является аналогия. Аналогия – это сходство предметов и явлений. Способ мышления по аналогии предполагает, что при внешнем сходстве свойства и признаки, характерные для одного объекта, переносятся на другие. Это один из самых распространенных механизмов мышления.

Однако аналогия не является достаточной для объяснения сходства. Для этого необходим глубокий научный анализ. Такой анализ может быть проделан как раз посредством сравнительного метода. Его предпосылкой является то, что многие природные и социальные явления повторяются, хотя последние далеко не в столь явном виде, как первые. Задача исследователя – понять причины этой повторяемости. Поэтому сравнительный метод – один из самых распространенных методов в общественных науках.

История не является исключением. Большинство историков имеют дело с индивидуальными явлениями прошлого. Однако важно выявить общие закономерности развития различных культурных явлений. По этой причине наиболее часто историки используют в своих исследованиях именно сравнительный метод (Мелконян 1981). Иногда его называют сравнительно-историческим (Ковальченко 1987).

Примером использования сравнительного метода является фундаментальный труд Б. Н. Миронова по социальной истории России нового времени. На протяжении всей работы автор сравнивает Россию со странами Европы и приходит к выводу, что наша страна развивалась с определенным запаздыванием. По этой причине то, что многим исследователям кажется недостатками и даже пороками российского общества, «не более и не менее как болезни роста и стадии развития: при сравнении с более зрелыми обществами многие особенности кажутся недостатками, а при сравнении с более молодыми – достоинствами» (Миронов 1999, т. 2: 303). Поэтому, полагает Миронов, проводить синхронные сравнения между западноевропейскими странами и Россией некорректно.

Сравнительный метод активно использовался в работах Ф. Броделя по экономической истории Средиземноморья и другим темам. Однако в трехтомной работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» Ф. Бродель активно использовал не только сравнительный метод, но и исторический (историко-генетический), показывая предшествующие анализируемым явлениям состояния, а также зарождение капитализма на разных уровнях общества (другие примеры использования сравнительного метода см. в главах 5, 6, 8, 11 и др.).

В изучении первобытного общества прошла целая дискуссия по поводу того, что, как и с чем можно сравнивать. Участники дискуссии пришли к выводу, что некорректное использование внешних аналогий может привести к неоправданным выводам. По этой при-

чине необходимо соблюдать ряд обязательных принципов сравнительно-исторического анализа. Главные условия – проведение сопоставлений в условиях единого (или максимально близкого) объекта: хозяйственно-культурного типа, близкого временного периода и примерно сопоставимого стадийного уровня развития исследуемого общества и общества, используемого в качестве аналога (Першиц 1979).

Была высказана точка зрения о необходимости разграничения народов, которые в той или иной степени уже испытали на себе влияние более развитых обществ. Такие первобытные общества было предложено называть синполитейными (от греч. «син» – одновременный и «полития» – общество, государство, город, то есть «синхронные государственным»). По этой причине, реконструируя общества классической догосударственной первобытности – аполитейные общества (от греч. «апо» – до) – необходимо помнить, что синполитейные общества всего лишь аналоги обществ аполитейных и поэтому в данном случае сравнительно-историческое исследование должно быть дополнено историко-генетическим методом (Першиц, Хазанов 1978). В зарубежной литературе существует подобное разграничение обществ колониального и доколониального времени.

Из вышеизложенного следует, что сравнительный метод имеет общие аналитические основания с историческим методом, поскольку и тот и другой основываются на сравнении. Только исторический метод предполагает сопоставление диахронных состояний изучаемого объекта, тогда как сравнительный метод может использовать разные виды сравнений. Согласно Ч. Тилли, можно выделить несколько типов различных сравнений (Tilly 1983). *Индивидуализирующие* сравнения – это когда все привлекаемые примеры служат только как вспомогательные для объяснения главной, рассматриваемой исследователем формы. По всей видимости, этот вид сравнения близок к тому, что в социальных науках называют case study. Такой вид сравнения характерен для работ многих историков. Они рассматривают какой-то отдельный случай и приводят в подтверждение доказываемого тезиса соответствующие или контрастирующие примеры.

Образцом *индивидуализирующих* сравнений является книга М. Блока «Короли-чудотворцы» (1998 [1924]). В этой работе французский исследователь задается вопросом, почему люди верили в чудодейственные способности французских и английских коро-

лей исцелять больных золотухой. Он обращается к большому количеству примеров из раннесредневековой истории и этнографии, начиная со знаменитой работы Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» (Блок 1998 [1924]: 122–124 и сл.) и в результате приходит к парадоксальному для того времени выводу. Ментальность и представления о сакральности власти в эпоху первых французских королей были гораздо ближе к этнографическим культурам, нежели к европейскому рациональному человеку. Короли считались носителями сверхъестественных способностей, они были посредниками между мирами сакральным и профанным (подробнее см.: Крадин 2004: 137–148). С течением времени представления о королевской власти трансформировались, но вера в некоторые чудодейственные качества осталась.

Вариативные сравнения имеют другую цель. Они должны показать общие и особенные черты рассматриваемых случаев. Например, если исследователь сравнивает западноевропейское рыцарство и японское самурайство, при таком подходе он выделяет общие черты, характерные для обоих институтов, а также их индивидуальные, только им присущие особенные черты. Хорошим примером использования такого метода является книга Т. Эрла «Как вожди приходят к власти» (Earle 1997). Автор использует в работе три основных примера – предгосударственные общества Северной Европы, Перуанского побережья и Гавайи (регионы, в которых он работал). По всем основным рассматриваемым в книге аспектам (экология, экономика, идеология и др.) проводится сравнение, которое дополняется фактами по другим регионам мира. В результате автор создает целостную картину вариативности исторического процесса на пути к раннему государству. В таком же ключе написана книга канадского археолога Б. Триггера «Осмысление ранних цивилизаций» (Trigger 2003). Автор выбрал шесть примеров древних очагов политогенеза (майя, инки, Бенин, Месопотамия, Египет, Китай) и сравнил их по более чем двадцати показателям: экономика, торговля, урбанизация, система родства, право, космология, искусство, архитектура и т. д.

Наверное, один из самых известных примеров использования сравнительного метода – это знаменитая работа Т. Скочпол «Государство и социальная революция: сравнительный анализ Франции, России и Китая» (Skocpol 1979; см. об этом также главу 8). Несмотря на то, что рассматриваемые революции имеют разные временные и цивилизационные основания, автор не только находит

общие черты между избранными примерами (аграрный характер старых режимов, успешный результат и др.), но и приходит к новым концептуальным обобщениям. Сравнения даже достаточно разных случаев (таких как три вышеупомянутые революции) могут вызвать новые вопросы, которые, в свою очередь, дадут возможность предложить иные интерпретации и обобщения обсуждаемых событий. Подобные сравнения иногда именуют *контрастными*.

Наконец, *охватывающие* сравнения включают большое количество случаев и выделяют множественность имеющихся форм. Примером использования подобного метода является известная книга Г. Нибура «Рабство как система хозяйства» (1907). Автор суммировал все известные этнографические случаи использования рабского труда. После этого он обратился к их интерпретации. Объясняя свой научный метод, более столетия назад Нибур писал: «Многие этнологи пользуются довольно странным методом. У них есть какая-нибудь теория, полученная путем дедуктивных рассуждений, и к ней они присоединяют несколько фактов в виде иллюстрации... Единственно научный метод состоит в том, чтобы собирать беспристрастно факты и исследовать, нельзя ли их подвести под какое-нибудь общее правило!» (Нибур 1907: 8–9). В целом данная работа по своему духу близка к кросс-культурным методам (о которых см. главу 21).

Нужно заметить, что именно в антропологической науке (в нашей стране ее чаще называют этнологией) сравнительный метод занимает особенное место. Многие антропологи подчеркивали значимость этого метода для своей науки. «Единственная черта, выделяющая каждую отрасль антропологии и не являющаяся характерной ни для какой другой из наук о человеке – это использование сравнительных данных. Историк занимается, как правило, историей Англии, или Японии, или девятнадцатого века, или эпохи Возрождения. Если же он занимается систематическим сравнением моментов истории различных стран, периодов или направлений, он становится философом истории или антропологом!» (Клакхон 1998: 332). Классическим примером применения в антропологии сравнительного метода являются работы Г. Спенсера (1820–1903) или знаменитый труд Джеймса Фрэзера (1854–1941) «Золотая ветвь» – книга, в которой собрано и проанализировано в сопоставлении огромное количество сведений о различных культурах и религиозных верованиях.

Именно поэтому сравнительный метод часто используется в работах исследователей, тяготеющих к историко-антропологическому пониманию истории (школа «Анналов», социальная история и др.). Эффект от использования данного метода настолько велик, что часто это открывает новые перспективы в изучении классических тем и направлений. Так, использование сравнительных этнографических данных позволило А. Я. Гуревичу совершенно по-новому взглянуть на природу европейского феодализма (1970; 1972). Подобные перспективы открылись при использовании сравнительного метода применительно к древним скифам (Хазанов 1975), Древней Руси (Фроянов 1980; 1999), древним и средневековым цивилизациям Востока (Васильев 1983).

Образцом использования сравнительного метода можно считать книги В. П. Илюшечкина (1986; 1990 и др.). Илюшечкин был одним из наиболее вдумчивых критиков схемы пяти формаций в советской науке. Он собрал огромное количество эмпирических сведений, которые опровергали тогдашние представления, что рабство существовало в древности, а в Средние века – крепостничество и феодализм. В. И. Илюшечкин, в частности, показал, что рабство не только существовало, но и играло большую роль в Средние века и Новое время. Еще одним примером применения сравнительного подхода могут служить работы Ю. М. Кобищанова по теории полудья. Еще в 1970-е гг. он обнаружил сходство между древнерусским полудьем и аналогичными институтами в Африке. Позднее он расширил круг исторических параллелей, что позволило создать целостную концепцию одного из важных механизмов институализации власти в эпоху политогенеза (Кобищанов 1994; 2009). В конце концов сравнительный метод создал основу для формирования кросс-культурной методологии.

Типологический метод является одним из важнейших методов, используемых в социальных и гуманитарных науках. Как и сравнительный метод, он основан на сопоставлении. Он также позволяет выявить группы схожих явлений и процессов, что достигается посредством схематического отображения конкретно-исторической реальности в виде логических моделей – так называемых «идеальных типов». Ценность таких типов не столько в точности соответствия эмпирической реальности, сколько в возможности понять и объяснить (много примеров такого рода приведено в главах 6–8, 18 и других).

Именно этим типология отличается от обычной классификации. Последняя основана на группировании по тем или иным критериям реальных объектов. Скажем, классификацию может создавать археолог, раскладывая артефакты на группы на основе тех или иных выбранных критериев. Типология основывается на создании мыслительных объектов в сознании исследователя. Тип – это идеальная конструкция, которая отражает наиболее важные черты и связи изучаемого явления. При этом могут игнорироваться иные признаки, которые не включаются в число существенных параметров модели. Более того, может оказаться так, что конкретные объекты могут иметь черты нескольких типов. Это можно проиллюстрировать на примере четырех классических типов темперамента, выделяемых в психологии: сангвиники, холерики, флегматики, меланхолики. В реальности конкретные индивиды могут обладать чертами как одного, так и нескольких темпераментов. Попробуйте распределить своих друзей и знакомых по этим группам, и вы поймете, что далеко не все вписываются в прописанные в учебниках каноны.

Классическим примером типологии считаются знаменитые три идеальных типа господства М. Вебера – традиционное, рациональное и харизматическое. Традиционное основано на соблюдении традиционных норм и вере в сакральные функции власти, рациональное – на соблюдении бюрократией рациональных и легитимных правил, харизматическое – на вере в сверхъестественные способности лидера. В реальности исследуемые явления далеко не всегда могут соответствовать идеальным типам. Возьмите для примера фигуру какого-либо политического лидера. Он может сочетать в себе признаки двух, а то и всех трех форм господства. Так, современная британская монархия сочетает в себе элементы традиционного и рационального господства, но не лишена и некоторого харизматического ореола. Однако, как неоднократно подчеркивал сам Вебер, чем более «чужды миру» идеальные типы, тем лучше они выражают свои эвристические функции. Суть типологии состоит не в том, чтобы разложить по полочкам все изученные объекты, а в том, чтобы лучше уяснить вариативность наблюдаемых явлений и их сущность.

Не случайно типология трех форм господства не потеряла своей привлекательности и активно используется в современных исследованиях представителей различных социальных наук (и в том числе, конечно же, в исторических исследованиях). Большинство

выработанных в гуманитарных науках теорий представлены идеальными типами. По сути дела, такие понятия, как «феодализм», «племя», «вождество», «государство», «город» и т. д., представляют собой идеальные типы.

Среди представителей наук о прошлом особенно пристальное внимание разработке типологического метода уделяют археологи (Клейн 1991). Для данной дисциплины этот метод особенно важен, поскольку археологи имеют дело с большим массивом артефактов, получаемым в процессе раскопок. Работа археолога немислима без предварительной стадии обработки и упорядочения раскопанных источников. Более того, поскольку вещи меняются с течением времени (посмотрите, например, на изменения в одежде), форма предметов может говорить о времени их появления или бытования среди людей. Это стало основой использования типологии как одного из возможных методов датирования в археологии. Для более углубленного изучения типологического метода лучше всего обратиться к следующим коллективным работам на русском языке: «Типы в культуре» (1979 г.), «Проблемы типологии в этнографии» (1979 г.), а также к книге Л. С. Клейна (1991 г.).

Однако не только археологи применяли типологический метод в своих исследованиях. Различные историки также использовали типологический метод в своих работах. Широко известны дискуссии по поводу типологии феодализма в работах советских медиевистов. В основу наиболее популярной типологии был взят принцип соотношения античного (романского) и варварского (германского) компонентов в политической культуре раннесредневековых обществ. Это привело к выделению трех типов: 1) с преобладанием романского начала (Италия и Испания); 2) синтезный вариант (Франкское государство); 3) с преобладанием варварского начала (Англия, Скандинавия) (Люблинская 1967).

Еще один известный пример среди специалистов по древней истории – типология раннего государства. Основные принципы этой типологии были изложены в книге под редакцией Х. Классена и П. Скальника «Раннее государство» (Claessen, Skalnik 1978). Авторы понимают раннее государство как «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на две основных страты, или возникающих социальных класса – на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и

данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами» (Claessen, Skalnik 1978: 640).

Редакторы выделили по степени зрелости три типа ранних государств – зачаточные (*inchoate*), типичные (*typical*) и переходные (*transitional*) (*Ibid.*: 22, 641). Ранние государства должны трансформироваться в зрелые формы доиндустриального государства (*mature state*), в которых имеются развитый бюрократический аппарат и частная собственность (Claessen 2000). Данная типология показывает, как трансформировалось общество в процессе создания и укрепления государства. Понятно, что в реальности государства могли включать в себя черты нескольких типов, но такая типология позволяет яснее видеть различия и разные эволюционные траектории у разных ранних государств. Она позволяет также более отчетливо определять факторы (экологические, исторические, технологические и пр.), которые определяли причины выбора того или иного политогенетического типа и пути развития. Она также позволяет глубже понять, почему к более высокому эволюционному типу (уровню) государственности, развитой государственности смогли прийти только некоторые из ранних государств и почему зрелые государства обязательно (в отличие от ранних) обладали бюрократическим аппаратом.

Структурный метод. Латинское слово *structura* означает «строение, расположение». Данный метод основан на выявлении устойчивых связей внутри системы, обеспечивающих сохранение ее основных свойств. Отсюда проистекает его близость к системному методу. Не случайно в социальных науках существует такое течение, как структурный функционализм.

Истоки структурализма восходят к работам лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857–1913) и социолога Эмиля Дюркгейма (1858–1917). Важный вклад в его развитие внес британский антрополог А. Рэдклифф-Браун (1881–1955) и советский фольклорист В. Я. Пропп (1895–1970). Наиболее обстоятельно структурализм для социальных наук XX в. был разработан французским профессором Клодом Леви-Строссом (1908–2009). Его книга «Структурная антропология» опубликована на русском языке (1985). Согласно Леви-Строссу, за каждым явлением или процессом скрываются неосознаваемые обыденным опытом структурные связи. Задача антрополога – выявить структуру этих связей. Леви-Стросс разрабатывал данный метод на примере мифов, тотемизма, ритуалов. Впо-

следствии метод был применен к бессознательным структурам в психологии.

Особенное развитие структурализм получил в лингвистике, где специалистами (задолго до Леви-Стросса) было показано, что существует набор правил грамматических трансформаций, которому подчиняются все языки. Помимо этого все языки представляют особые знаковые системы. Значение каждого символа (слова) определяется его структурным местом, в соответствии с существующими бинарными оппозициями. Иными словами, смысл слова проистекает не из физических свойств, а из структурного отношения с другим словом, часто противоположным по значению (горячий – холодный, верх – низ, лево – право и т. д.). Впоследствии подобные идеи получили свое развитие в семиотическом подходе в трудах Р. Барта (1915–1980) и Ю. М. Лотмана (1922–1993) и оказали важное влияние на историческую науку в области источниковедческой критики текстов. Это стало основой деконструктивизма, разрушившего монополию на единственно верное истолкование текста, и с течением времени привело к постмодернизму.

Однако структурные связи можно обнаружить не только в процессе анализа нарративных источников, но и при изучении общественных систем. Продемонстрируем богатые возможности использования структурного метода на примере изучения древних обществ. В 25-й главе книги «Раннее государство» Х. Й. М. Классен провел сопоставление 21 раннего государства почти по 100 различным показателям (Claessen, Skalnik 1978: 533–596). Изучая, в частности, структуру аппарата управления, он отметил следующие устойчивые корреляции. На уровне почти 99 % совпадения для ранних государств характерна трехъярусная административная система (центральное правительство, региональная и местная власть).

Так называемые общие функционеры (выполняющие несколько различных функций одновременно) столь же часто обнаруживаются главным образом на региональном уровне и несколько реже – на национальном и местном уровнях. Согласно собранным данным, наиболее часто они занимались сбором налогов или дани, несколько реже выполняли судебские или военные обязанности. Как наследование, так и назначение на должность «общих» функционеров встречались редко. В большинстве случаев (68 %) существовал смешанный способ комплектования. По поводу связи между доходом и должностью, степени независимости администраторов от высшей власти и стремления последней контролировать функцио-

неров не было полноты эмпирических сведений, хотя имеющиеся данные преимущественно свидетельствовали об устойчивой положительной связи.

Классен полагает, что вполне оправданно сделать вывод о существовании тенденции максимизации власти функционеров на региональном уровне. При этом он фиксирует наиболее сильный контроль центра именно для этого уровня управления. Не менее интересные выводы были получены Классеном в отношении так называемых «специальных» функционеров (в терминологии М. Вебера более подходящих под определение профессиональных бюрократов).

Как и у любого научного метода, у структурного подхода есть свои недостатки. Уязвимым местом структурализма принято считать его статичность, неприменимость к исследованию диахронных исторических изменений. В неомарксистской антропологии указывается также, что структурализм сводит роль исторического субъекта к детерминированным элементам и функциям структуры (Андерсон 1991). Тем не менее данный метод имеет важное значение, скажем, для изучения политических систем и структур власти.

Еще один пример использования структурного метода можно почерпнуть из уже упомянутого выше труда Б. Н. Миронова «Социальная история России» (1999). Автор задается вопросом, насколько много и напряженно приходилось трудиться русскому крестьянству. На этот счет существуют два противоположных мнения. Согласно первому, крестьянство отличалось значительным трудолюбием, согласно второму – православный люд трудился достаточно умеренно, ровно столько, сколько было необходимо. Автор берет в качестве условного критерия трудовой этики уровень трудовых затрат. Поскольку это относительный критерий, Миронов использует три разных способа исчисления данной переменной.

В качестве первого показателя он берет количество праздничных и выходных дней в году. Далее он использует данные по хронометражу ряда трудовых процессов и, наконец, пытается определить общие затраты времени на хозяйственную деятельность. Общее количество праздников и выходных превышало 100 дней. Данные земской статистики по затратам труда указывают, что существовал огромный потенциал для правильно организованного труда. Наконец, подсчет времени, затрачиваемого на сельхозработы, показал, что в деревне существовал избыток мужской рабочей силы.

В результате автор приходит к не очевидному, но подкрепленному солидными источниковедческими данными выводу, что ин-

тенсивность и организация труда русских крестьян была ниже, чем у сельского населения Западной Европы. В периоды страды русские крестьяне могли работать столь же интенсивно (но уступали в организации труда), однако в остальное время интенсивность и производительность их труда были ниже (Миронов 1999, т. 2: 305–309). Кстати, эти же черты трудовой этики можно проследить и позднее, например в советское время (авральный характер работы – «конец квартала», «конец года»).

Системный метод. Впервые основные принципы системного подхода (метода) были сформулированы в 1949 г. биологом Л. фон Бергаланфи (1969а; 1969б). Большой вклад в его разработку внесли математик Н. Винер и психиатр У. Эшби. В отечественной литературе разработкой системного метода занимались И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и другие исследователи (Блауберг и др. 1970; Блауберг, Юдин 1973; Щедровицкий 1981 и др.).

Системный метод исходит из понимания системы как совокупности взаимосвязанных элементов. Метод предполагает рассмотрение несколько главных задач: 1) вычленение элементов, которые входят в систему; 2) анализ характера отношений между элементами (горизонтальные, иерархические); 3) изучение взаимодействия системы с внешней средой.

Изучение строения системы – совокупности входящих в нее элементов и связей между ними – фактически представляет собой анализ внутренней структуры. Поэтому системный метод тесно смыкается со структурным. Некоторые исследователи их даже объединяют, относя к единой группе системно-структурных методов.

Важное место в системном методе занимает принцип *изоморфизма*. Суть его заключается в том, что если элементы разных систем подобны друг другу, то между этими системами может быть найдено подобие по их свойствам.

Поскольку большинство систем открытые (то есть обмениваются с внешней средой энергией), система должна стремиться к самосохранению путем поддержания своей целостности и поступления энергии, необходимой для жизнедеятельности. Данный аспект можно проиллюстрировать на примере так называемой «энергетической теории власти» антрополога Р. Адамса.

С точки зрения Адамса, любое стабильное человеческое сообщество является открытой системой, которая обменивается энерги-

ей с внешней средой и преобразует эту энергию. Всякая система стремится к уменьшению внутренней энтропии. Лучше это получается у тех систем, которые оптимизируют механизмы хранения и использования потоков энергии. Концентрация власти в руках немногих способствует лучшей «энергетической адаптации» сообщества к внешней среде. Начиная с появления вожеств контроль над энергией принимает иерархически централизованный, отделенный от широких масс характер. Централизованная организация перераспределения является энергетической основой стратификации в вождестве и затем в государстве. Далее, по мере усовершенствования средств контроля энергетических потоков, расширяются также объемы и способы воздействия власти (Adams 1975).

Нельзя сказать, что до фон Бергаланфи никто не применял системный подход на практике. При внимательном изучении у многих выдающихся ученых можно найти те или иные составляющие системного метода. В частности, они были использованы, например, К. Марксом в его исследованиях экономики капиталистического общества (Кузьмин 1980). В немалой степени принципы системного подхода были предвосхищены в начале XX в. А. А. Богдановым (1989) в его работе о *тектологии* – «всеобщей организационной науке», а также в функциональном методе британского антрополога и этнолога Б. Малиновского в 1920-е гг. Несколько позже системный метод был использован М. Блоком в его книге «Феодальное общество» (2003). В этой фундаментальной работе Блок анализирует средневековое западноевропейское общество как целостный общественный организм. Он не только показывает ключевые компоненты социальной структуры (короли, рыцарство, горожане, крестьяне и др.), но также раскрывает отношения между этими общественными группами, место Европы в более широком геополитическом контексте. Фактически средневековый мир предстает в его работе как живой, развивающийся организм.

Поскольку системный метод получил очень большое распространение в биологии и экологии, археологи стали использовать его при построении моделей архаических обществ. Одним из пионеров использования экологических моделей был К. Флэннери (Flannery 1972). Подобная методика основана на моделировании энергетических процессов в экосистемах. Поскольку человек является одним из компонентов экосистемы, количество людей может быть таким, сколько их способно прокормиться за счет имеющихся в экосистеме ресурсов. Нарушение равновесия экосистемы (напри-

мер, чрезмерное стравливание пастбищ стадами кочевников) ведет к кризису. Экосистема автоматически стремится восстановить оптимальное соотношение между различными уровнями (Массон 1976; Тортика и др. 1994; Матвеева 2007).

Другим примером является модель раннего государства К. Ренфрю. В своей книге «Возникновение цивилизации: Киклады и Эгейский мир в III тысячелетии до н. э.» британской археолог на примере древнегреческого общества показывает, как могло складываться государство в античном мире. Это одна из первых попыток использования системного подхода в европейской археологии. Ренфрю рассматривает население изучаемой культуры как самостоятельную систему, взаимодействующую с окружающей природной средой и соседними обществами. Главная цель культуры – адаптация к окружающему миру. Он выделяет несколько подсистем (питательную, ремесленную и металлургическую, социальную, символическую, торговую, коммуникационную). Каждая подсистема выполняет ту или иную функцию.

По его мнению, «изменения или нововведения, происходящие в одной области человеческой деятельности (подсистеме культуры) с течением времени приводят к соответствующим изменениям в иных областях (других подсистемах)». Положительная обратная связь дает эффект увеличения, который Ренфрю называет мультипликативным (Renfrew 1972: 17, 37). Исследователь выделил две параллельно работающие модели: «питательно-редистрибутивную» и «ремесленно-имущественную». Согласно первой модели главным фактором становления цивилизации является увеличение прибавочного продукта вследствие интенсивной эксплуатации новых зерновых культур. Это способствовало росту населения, развитию редистрибутивной (перераспределительной) системы и появлению иерархии. Согласно второй модели контроль над ремеслом позволял производить вооружение и престижные предметы для обмена на дальние расстояния. Это способствовало росту стратификации (*Ibid.*: 480–483). Обе модели, по мнению автора, дополняли друг друга.

В работах, посвященных объяснению исторических процессов, также нередко используются принципы системного анализа. В качестве иллюстрации можно привести труды Дж. Голдстоуна, посвященные революциям Нового времени. Общество рассматривается им фактически как открытая энергетическая система со сложной иерархической структурой. Рост населения приводит к много-

образным следствиям: возрастает доля молодежи (наиболее активной части населения), которая сталкивается с нехваткой рабочих мест; увеличивается нагрузка на ресурсы и уменьшаются доходы масс; разбухает бюрократический аппарат, увеличивается доля элиты и расходы на ее содержание. Следствием этого является недовольство масс, раскол элит и политическое банкротство власти. При определенных обстоятельствах кризис может привести к восстаниям и краху господствующего режима (Goldstone 1988; 1991; см. об этом также в главе 10 настоящего издания).

Наиболее последовательно системный метод был использован при создании мир-системной теории. Он также применяется в построении клиодинамических моделей (см. главу 23 в данном издании). В главах 6, 9–11 и др. также показаны возможности использования системного метода для анализа различных аспектов истории и общества.

Рекомендуемая литература

Клейн Л. С. 1991. *Археологическая типология*. Л.: ФАРН.

Ковальченко И. Д. 1987. *Методы исторического исследования*. М.

Литл Д. 1998. *Функциональное и структурное объяснение. Время мира*. Вып. 1. Новосибирск.

Розов Н. С. 2002. *Философия и теория истории*. Кн. 1. *Пролегомены*. М.

Розов Н. С. 2009. *Историческая макросоциология: Методология и методы*. Новосибирск.

Тош Д. 2000. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. М.

Глава 20

ЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И СРЕДСТВА В СОЦИАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Историки и обществоведы не имеют, подобно физикам и химикам, лабораторного оборудования, набора реактивов, приборов для тестирования и т. п. Социологи, антропологи и психологи могут *порождать* новые данные, проводя опросы и наблюдения. Историки в этом отношении находятся в самой сложной ситуации: они имеют дело только с прошлым, со свершившимися событиями. Аналогом приборов здесь являются *методы работы с фактами*, прежде всего *способы подбора случаев для сравнения, а также логика построения и проверки обобщающих гипотез*.

В данной главе представлены методологические принципы, логические приемы и средства, которые могут использоваться в теоретическом исследовании причин исторических явлений и процессов. Такое направление исследований называется теоретической историей, или исторической макросоциологией (см. главу 8 настоящего издания).

Переменные, факторы и связи

Любое теоретическое исследование предполагает обобщение, иными словами, выходит за рамки описания единичного явления (исторического периода, казуса и т. п.), что предполагает использование сравнений (см. предшествующую главу). Здесь главное внимание будет уделено логике систематических сравнений, а также логике построения и проверки общих (теоретических) гипотез опять же на основе сравнений.

Разнообразие явлений, причины которых могут интересовать историка, необъятно широко, нам же потребуется некий общий язык. Рассмотрим базовые понятия языка современных социальных и исторических теорий.

Переменная – понятие, включающее внутреннюю *шкалу* того или иного типа. Язык переменных универсален, весьма гибок и потенциально богат. Вполне очевидно, что величина территории, контролируемая государством, численность населения общества,

его отдельных провинций, социальных слоев, величина армии, средний уровень доходов, уровень грамотности, уровень урбанизации и т. п. *изначально построены как переменные* с известными или неизвестными числовыми значениями.

Труднее осознать, что любые, даже самые сложные, качественные исторические явления (война, социальная революция, модернизация, государственный распад, религиозный раскол и т. п.) могут быть выражены на языке переменных. Наиболее простой и грубый способ – использование бинарной переменной со значениями 0 (нет явления) и 1 (есть явление). Суждение о наличии явления обычно опирается на его определение (дефиницию), которое всегда включает целый ряд признаков. Например, согласно классическому определению Т. Скочпол, социальная революция – это быстрая коренная трансформация (базовое превращение) государственных и классовых структур общества; которая сопровождается и частично производится через классовые восстания снизу (см. главу 8). Здесь можно выделить по крайней мере три основных признака и каждый представить в виде бинарной переменной: была ли коренная трансформация государственных структур (0 или 1), была ли коренная трансформация классовых структур (0 или 1), происходили, способствовали ли этому классовые восстания снизу (0 или 1). Только логическая конъюнкция трех признаков (непреренно все присутствуют: 1, 1 и 1) позволяет говорить о том, что в данном обществе в данный период действительно происходила социальная революция (а не переворот, мятеж, политический кризис, комплекс реформ, модернизация и т. п.). Понятно, что каждый из трех признаков также может и должен быть *операционализирован*, то есть выражен в таких понятиях (опять же переменных, либо бинарных, либо порядковых, либо численных), которые позволяют строго и объективно судить о нем на основе анализа эмпирических данных.

Шкала – совокупность значений некоторой *переменной* (о типах шкал см. ниже).

(Историческая) динамика – изменение явлений во времени, обычно понимаемое как смена значений соответствующих переменных.

Фактор – переменная, которая причинно воздействует на какие-либо иные переменные.

Связь (между переменными) – отношение, при котором одна переменная (фактор) систематически воздействует на другую переменную (зависимую, объясняемую).

В аппарате бинарных переменных фактор может «включать» (активизировать) или «выключать» (блокировать) зависимую переменную, а также воздействовать на нее подобным же образом совместно с другими факторами.

В аппарате переменных с более дробными шкалами (см. ниже) обычно предполагается положительное (усиливающее) или отрицательное (угнетающее) воздействие фактора на зависимую переменную.

Экспланандум (объясняемое) – переменная, выявление причин динамики (изменения значений) которой включено в цель исследования. Обычно экспланандумы фиксируются как зависимые переменные – вершины-стоки, на которые воздействуют некоторые причинные факторы. Следует отметить, что в кольцевых структурах связей сами экспланандумы причинно воздействуют на другие переменные, то есть являются факторами.

Эксплананс (объясняющее) – каждая переменная (фактор), используемая для объяснения причин динамики экспланандума.

В теоретико-историческом исследовании нет возможности конструировать чистые эксперименты со слоем зависимых и слоем независимых переменных. Приходится всегда работать с реальными историческими случаями, где переменные связаны в сети, как правило, с несколькими слоями причинности и сильными обратными связями между экспланандумами и экспланансами.

В языке переменных строятся *факторные модели (тренд-структуры*, см. главу 18 настоящего издания).

Случаи, структурные компоненты и взаимосвязь моделей

(Исторический) случай – выделенный в соответствии с исследовательскими задачами пространственно-временной фрагмент социально-исторической действительности. Обычно предполагается, что объясняемое явление (и составляющие его признаки) надежно и доказуемо присутствует в данном фрагменте (*позитивные случаи*), либо так же надежно отсутствует в нем (*негативные случаи*).

Ограничение рамок случая всегда имеет несколько произвольный характер (ведь время, пространство и причинные связи в ре-

альности непрерывны). Принцип ограничения состоит в следующем: предполагается, что причинные связи внутри данного фрагмента существенно сильнее, чем внешние воздействия (либо служат передатчиками последних), а также, что знание о динамике переменных (факторов) внутри этого фрагмента необходимо и достаточно для объяснения интересующего явления (то есть динамики составляющих его экспланандумов). Разумеется, при установлении границ случая также приходится учитывать ограниченность исследовательских ресурсов, в том числе эмпирических данных (сами случаи должны быть максимально полно обеспечены ими).

Наряду со случаями могут выделяться и изучаться *аспектные фрагменты* реальности, весьма протяженные во времени и/или в пространстве, например при исследовании глобальной демографии, долговременной экономической или геополитической динамики и т. п. В сравнительных теоретико-исторических исследованиях обычно обширные и протяженные фрагменты также делятся на случаи.

Структурные компоненты – любые материальные, социальные, культурные, ментальные объекты и структуры, выделенные в изучаемом случае (случаях) или аспектном фрагменте. Обычно в этой роли выступают всевозможные *социальные группы* (сословия, страты, классы, народы, элиты и т. п.) со своими *структурами сознания и поведения*, охватывающие их *режимы* (экосоциальные и политические системы, хозяйственные уклады, способы производства, формы обмена и распределения и т. п.), реализующие эти режимы *социальные структуры* (семьи, организации, институты, государства, сети, рынки), используемые группами и индивидами *ресурсы* (природные, технологические, экономические, силовые, административные, символические), а также *территории с ландшафтами, природными ресурсами, инфраструктурой и акватории*, где все эти объекты располагаются и взаимодействуют.

Структурные компоненты являются содержанием *объектных моделей* (см. главу 18 настоящего издания).

Общая структура этапов теоретико-исторического исследования

Реальное исследование всегда имеет «челночный» – итеративный – характер, то есть многократные движения от анализа эмпирических данных к обобщениям, гипотезам и обратно. Однако логика и ме-

тодология теоретического исследования в идеале имеет поступательный характер¹. Исследование начинается с постановки проблемы и цели. *Проблема*, как правило, касается сущности, общих причин и закономерностей происхождения и динамики интересующего исторического явления (класса явлений). *Цель* уже желательно формулировать в терминах переменных. Нередко в теоретико-исторических исследованиях речь идет о раскрытии причин (условий, факторов, механизмов, закономерностей), динамики (роста, падения, некоей трансформации) определенного класса исторических явлений. Затем разрабатывают общий подход к исследованию (методологию), формулируют *задачи* исследования.

Далее рекомендуется начать вовсе не со знакомства с эмпирическим материалом, что привычно для историков (изучение сотен статей, десятков монографий, работа с архивными источниками и проч.), а со знакомства с основными объяснительными подходами, общими теориями и концепциями относительно поставленной цели исследования. Так нарабатывается мыслительный аппарат для последующей эмпирической работы. Становится понятно, что искать и как найденное осмыслять. Желательно выбрать достаточно общую и гибкую парадигму (см. главу 18 настоящего издания) и явно зафиксировать основания, по которым альтернативные парадигмы отвергаются (ведь потом к ним, возможно, придется вернуться). Эти процедуры составляют *проблематизацию* и *реструктуризацию теоретического поля*.

На втором этапе строится предмет исследования. Интересующее явление раскрывается (эксплицируется) как один или несколько *экспланандумов* (объясняемых переменных). Нужно также представить в общем виде те *структурные компоненты*, свойствами которых являются выделенные экспланандумы. Здесь же намечаются границы исследования и примерный перечень *исторических случаев* для начального анализа.

Следующий, третий этап включает ряд челночных движений от знакомства с литературой по наиболее ярким и изученным случаям к разработке перечня *гипотетических экспланансов* (факторов, определяющих динамику экспланандума), а также их операционализации.

---

¹ Детальное изложение всех исследовательских процедур 9 этапов метода теоретической истории с примерами из наиболее ярких макросоциологических исследований Р. Карнейро, Т. Скочпол и Р. Коллинза см.: Розов 2001а; 2002: гл. 6; Розов 2009: ч. 6). Интернет-ресурс: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/fti6.htm>.

Откуда берутся экспланансы? Каждая теоретическая концепция относительно интересующего явления прямо переформулируется в один или более экспланансов. Каждое объяснение единичного явления, почерпнутое из исторической литературы, подвергается обобщению и превращается в эксплананс. Наконец, собственные идеи, интуиции, соображения исследователя, появившиеся при знакомстве с литературой и источниками, а также предварительные попытки представить *объектную модель* – общий механизм, лежащий в основе динамики интересующего явления, то есть взаимосвязь и взаимодействие определенных *структурных компонентов*, переводятся на язык переменных и дополняют перечень гипотетических факторов.

Желательно составить полный список экспланансов с указанием их источников. Такой список может оказаться весьма длинным, и далеко не все переменные будут использованы в исследовании. Тем не менее стремление к полноте перечня потенциальных экспланансов оправдано в том смысле, что так задаются «линия отступления» и эвристический потенциал для дальнейшей работы с аномалиями или при выяснении того, что первоначально выбранные переменные оказались нерелевантными. Здесь же следует составить *генеральную совокупность случаев* – по возможности полный (исчерпывающий) список *позитивных случаев* (с наличием явления) и *негативных случаев* (позволяющих судить о причинах отсутствия явления), для которых должны выполняться искомые закономерности.

На третьем этапе проводится *конструктивизация исследовательского поля*, оно как бы закрепляется жестким обручем из экспланандумов (что нужно объяснить), экспланансов (с помощью чего будет проводиться объяснение) и полного перечня случаев (в каких рамках будущие объяснительные принципы, механизмы, законы, закономерности должны действовать).

Четвертый этап, или *логико-эвристический анализ* – систематическое сравнение с целью выявления набора релевантных экспланансов такого их сочетания, которое позволяет объяснить интересующее явление (динамику изменения значений экспланандумов). Подобный отбор осуществляется через анализ специально выбранных и сгруппированных случаев генеральной совокупности. В результате сопоставления переменных и логического анализа проявления закономерностей в конкретных случаях формулируется ги-

потеза как сочетание экспланансов. Данный этап лучше всего структурируется, он обеспечен целым корпусом логических приемов и средств (бинаризация и операционализация, индуктивные методы Бэкона – Милля, INUS-условие, аппарат булевой алгебры, построение дискретных моделей и др.).

На пятом этапе проводится *содержательный анализ отдельных исторических случаев* с целью построения, уточнения объектной модели, корректировки выявленных на предыдущем этапе закономерностей.

Шестой этап посвящен качественной *проверке* полученных гипотез через целенаправленный поиск *аномалий* – случаев с нарушениями этих гипотез – и их преодолению (как правило, через понятийное обогащение концепции и соответствующую корректировку гипотез). Прошедшие такую проверку (фальсифицируемые, но не фальсифицированные) гипотезы получают статус *законов*.

Седьмой и восьмой этапы состоят в *численном уточнении законов*, их проверке уже на численном материале (обычно используются динамические ряды данных). Такая работа предполагает построение и проверку математических моделей, оценку силы причинных связей, особый порядок работы с численными данными. Если теория остается качественной, то данные этапы опускаются.

Наконец, на заключительном этапе проводятся *экспликация* и *формализация* полученной теории (Розов 2001б: 51–66), она увязывается с ранее накопленным теоретическим знанием. Также возможна *прагматизация* – разработка методов и средств решения познавательных и практических задач на основе этой теории.

Бинаризация и операционализация переменных

Бинаризация представляет собой сильное огрубление информации, которое требуется для того, чтобы выделить наиболее значимые экспланансы из широкого состава отобранных переменных. Многие исторические переменные изначально имеют бинарную структуру (существовал ли такой-то социальный институт или нет, наблюдались ли такие-то явления вообще или нет, были ли контакты между социальными целостностями или нет, имело ли данное общество господствующую позицию над соседями или нет и т. д.).

Оптимальный путь бинаризации переменных с другим типом шкал (порядковой, квазиинтервальной, натуральной, абсолютной) состоит в сопоставлении их с другими переменными, связь с кото-

рыми наиболее существенна, и формулировании признака наличия/отсутствия превосходства. Действительно, величина армии важна не сама по себе, а в сопоставлении с величиной армии вероятных противников. Поэтому вероятным бинарным признаком здесь будет *наличие/отсутствие явного военного превосходства*. Каким образом определять, было или нет превосходство, – это уже вопрос операционализации и выбора показателей (см. далее).

Национальный доход страны можно также сравнить с национальным доходом главного экономического соперника, а можно с собственным доходом в предшествующий период. В последнем случае получаем переменную *наличия/отсутствия роста* этого дохода. Территория может быть сравнена по площади (всей или эффективной) с территориями геополитических или аграрных конкурентов или с собственной территорией прежних исторических периодов и т. д.

Операционализация переменных состоит в их снабжении показателями и интерпретаторами. Некоторые экспланансы бывают снабжены *показателями*, то есть более конкретными переменными, которые, с одной стороны, могут быть прямо соотнесены с эмпирическими данными, а с другой стороны, вкуче дают возможность судить о значениях самого эксплананса. Например, уровень экономического развития может быть определен через величину валового национального продукта на душу населения, среднедушевой доход, величину накоплений, инвестиций и т. д. Величина геополитических ресурсов может быть определена через количество и качество производящей территории, величину населения, величину богатств, которые могут быть обращены на военные нужды, и размер запасов главного стратегического сырья при текущем уровне развития вооружений.

Интерпретаторами называются любые средства, позволяющие из «сырых данных» получать значения интересующих переменных. При наличии показателей интерпретаторами будут правила и процедуры, с помощью которых значения показателей преобразуются в значения интересующей переменной (эксплананса или экспланандума).

Методы Бэкона – Милля: общее представление

Считается, что методы Бэкона – Милля относятся к эмпирическому исследованию; это верно в целом, но нельзя не учитывать, что лю-

бое исследование нагружено онтологическими, концептуальными и методическими предпосылками. Методы Бэкона – Милля – это как бы начало челночного движения между теоретическими и эмпирическими уровнями.

Все таблицы методов представляют собой формы представления данных, где именами строк являются названия *случаев*, именами столбцов – обозначения экспланансов и экспланандума (как правило, крайний правый столбец). В ячейках проставляются значения переменных (есть/нет или 1/0). Весьма сомнительно, что после первого же составления и заполнения таблицы появится открытие или формулировка новой гипотезы. Судя по всему, методы Бэкона – Милля сами всегда включают челночное движение, формулирование промежуточных гипотез, переформулирование признаков, соответствующее изменение формы таблицы и т. п.

Получение первичной гипотезы: метод единственного сходства

Как получить исходную идею о причинах интересующего явления? Самый естественный способ – рассмотреть ряд ярких случаев с таким явлением и выявить общность в их условиях. Такова суть *метода (единственного) сходства*, таблица которого имеет следующую форму (табл. 1).

Таблица 1. Стандартная форма таблицы для метода (единственного) сходства

Случаи / Гипотетические факторы (экспланансы)	A	B	C	D	...	Экспланандум – присутствие объясняемого явления S
Случай 1	1	1	0	0		1
Случай 2	0	1	0	0		1
Случай 3	0	1	1	0		1
...						

Данный метод «срабатывает» только в том случае, если хотя бы в одном столбце экспланансов во всех ячейках оказываются либо 0, либо 1 (так, в примере на табл. 1 это факторы B и D). Тогда строится гипотеза о том, что конъюнкция данных факторов является необходимым и достаточным условием для наступления объясняемого явления S. Нужно сказать, что такая «быстрая удача», как правило, означает только тривиальность результата. Обычно при-

ходится многократно менять содержание и состав факторов (см. ниже о *концептуальной адаптации*), чтобы получился, с одной стороны, нетривиальный, с другой стороны, надежный результат. Например, Р. Карнейро в своем исследовании причин происхождения государства сравнивал случаи автохтонного политогенеза (долина Хуанхэ, долина Инда, Месопотамия, Египет, долина Мехико и побережье нынешнего Перу) по множеству признаков и везде имел различные условия (разный климат, разные почвы, разный ландшафт, разные выращиваемые культуры и т. д.). Сходными были только факторы наличия ресурсного богатства и высокой плотности населения в зоне политогенеза, а также, вероятно, некое, вначале смутное, обобщение ограниченности этой зоны (горами, океаном, пустынями; см.: Карнейро 2006).

Уточнение гипотезы: метод единственного различия

Как уточнить первоначальную гипотезу? Если она верна, то должна проявиться в двух специально подобранных контрастных случаях. Они должны быть сходны по максимальному количеству признаков (переменных), но быть диаметрально различны в отношении экспланандума. Обнаруженные различия в условиях и должны указать на самые действенные факторы этого контраста. В этом и состоит *метод единственного различия*. В таблице 2 заштрихованный столбец включает такое различие – разные значения эксплананса К, связанные с контрастом в экспланандуме.

Таблица 2. Стандартная форма таблицы для метода (единственного) различия

Случай/ Гипотетические факторы (экспланансы)	A	B	C	...	К	Экспланандум – яркое присутствие или яркое отсутствие объясняемого явления S
Случай 1	1	0	1	...	1	1
Случай 2, сходный по многим условиям, но контрастный по экспланандуму	1	0	1	...	0	0

Как подобрать случаи для такого сравнения?

Возможен выбор случаев для одного и того же общества, но в его разных периодах (например, случай укрепления государства – ближайший по времени случай ослабления или распада государства

ва в том же обществе); здесь как бы «автоматически» многие переменные будут иметь сходные или идентичные значения.

Возможен выбор провинций одного общества либо обществ одной цивилизации со сходными параметрами размеров, ландшафта, плотности населения, экономического профиля, геополитического и геокультурного положения и т. д.

Возможен также выбор обществ разных цивилизаций и географических регионов, но с более строгим контролем сходства по указанным и другим параметрам.

Ясно, что в истории полного сходства между случаями по большому ряду признаков не найти. Поэтому приходится учитывать, что *масштаб различия между действительными причинами должен быть соразмерен масштабу различия между следствиями*. Поэтому следует подбирать случаи с максимальным – полярным – различием следствий при принципиальном сходстве большинства базовых признаков (могущих быть причинами).

Так, Карнейро сопоставил случай империи Инков (на побережье Перу) и случай разрозненных мелких деревень в бескрайних джунглях Амазонки (оба – до прихода европейцев)². Тут уже и кристаллизовался фактор стесненности (*circumscription*) как сочетание богатой ресурсной зоны, ограниченной почти непреодолимыми географическими препятствиями. В случае Перу он был представлен крайне ярко (узкая береговая полоса между Тихим океаном и неприступными горами), а в случае Амазонии столь же ярким было его отсутствие (бескрайняя ширь джунглей с примерно одинаковым распределением ресурсов и возможностями беспрепятственных миграций).

Очевидно, этот метод можно и нужно применять для разных пар случаев. Если во всех них единственное различие касается одного эксплананса (или стабильного набора таких переменных), то это можно считать удачей: данная переменная очевидно является релевантной. Тогда следует расширить область исследуемых случаев и проверить для нее действие выделенного фактора по методу единственного сходства и соединенному методу (см. ниже).

---

² Конечно же, различий (социальных, политических, экономических) между этими случаями было много, но Карнейро показал, что все они вторичны и сами обусловлены экспланандом: появлением большой империи в первом случае и крайне низким уровнем политической эволюции – во втором. По первичным же параметрам это были сходные представители индейских этносов, в какое-то время спустившихся из Мезоамерики по Панамскому перешейку, а затем разошедшихся и попавших в разные условия.

Концептуальная адаптация

Самая трудная и интеллектуально емкая часть применения методов Бэкона – Милля находится *вне самих этих методов*. Продукт этой работы состоит в установлении именно того набора обстоятельств (признаков, переменных) и случаев, в приложении к которому «срабатывает» тот или иной метод. Что же приводит к этому установлению?

Концептуальная адаптация – это серия челночных движений между понятийным содержанием экспланансов и проверкой их действенности в исторических сравнениях (обычно по тому или иному методу Бэкона – Милля). В процессе этой работы понятия *приспосабливаются* к двум моментам одновременно: во-первых, к специфике эмпирического материала, во-вторых, к общей проблеме и исходной гипотезе выявления причинной связи между явлениями. Именно через концептуальную адаптацию, которая выразилась в комплексировании нескольких признаков, Карнейро пришел к существо своей теории – уровень стесненности как главный критерий происхождения первичных государств.

Предварительная проверка гипотезы: соединенный метод сходства и различия

С помощью двух вышеизложенных методов решается задача отсеечения нерелевантных экспланансов (факторов, которые либо не действуют на экспланандум, либо действуют хаотично и не продвигают объяснение). Когда номенклатура релевантных экспланансов уже определена, их полезно свести вместе и сопоставить, как они действуют в ряде *позитивных случаев* (где есть объясняемое явление) и в ряде *негативных случаев* (нет объясняемого явления). Таков соединенный метод сходства и различия (см. табл. 3).

Наиболее сильными следует считать факторы, однородные внутри каждого ряда и противоположные по значениям между рядами (проще говоря, либо все нули для позитивных случаев и единицы для негативных, либо наоборот – все единицы для позитивных и нули для негативных, таковы факторы А и В на табл. 3). Одинаковые значения (все единицы или все нули для обоих рядов) уверенно свидетельствуют о нерелевантности эксплананса (действие фактора никак не влияет на интересующий экспланандум, таков фактор С).

Таблица 3. Стандартная форма данных для применения соединенного метода сходства и различия

	Позитивные случаи – есть объясняемое явление ($S = 1$)				
Случаи/факторы- экспланансы	A	B	C	...	S
Случай 1	1	0	1		1
Случай 2	1	0	1		1
...	1	0	1		1
	Негативные случаи – нет явления ($S = 0$)				
Случай 11	0	1	1		0
Случай 12	0	1	1		0
...	0	1	1		0
...	0	1	1		0

Разумеется, как и в предыдущих методах, не следует ожидать быстрого и «гладкого» заполнения таблицы. Поначалу обычно единицы и нули располагаются если не хаотично, то всегда с большими или меньшими «исключениями» в каждом столбце. Устранение таких исключений (например, одного-двух нолей при остальных единицах для позитивных случаев) осуществляется не «подгонкой» (устранением неудобных случаев из рассмотрения – наиболее частый способ жульничества в науке), а концептуальной адаптацией (см. выше). Она всегда предполагает детальный анализ случаев, составляющих такие неувязки.

Если через корректные процедуры все же появилась «гладкая» таблица с явно релевантными факторами, то такой результат уже имеет большую достоверность, чем итоги по предыдущим методам³.

Анализ сочетаний факторных значений и аппарат булевой алгебры

Согласно соединенному методу все «хаотичные» факторы отбрасываются. При этом теряется большой объем информации, связан-

³ В классическом списке Бэкона – Милля есть также метод остатков и метод сопутствующих изменений. Первый крайне затруднительно (невозможно?) использовать в социально-историческом познании, а второй с успехом покрывается корреляционным, факторным анализом и другими математическими методами обработки данных, см. главу 23 настоящего издания.

ный с эффектом *разных сочетаний факторных значений*. Действительно, присутствие некоторого признака А (факторное значение 1) может быть не во всех позитивных случаях (с высоким значением экспланандума). Однако *в сочетании с другими факторными значениями* этот признак может *всегда сопутствовать* позитивным случаям. Для учета этой важной информации применяется логика анализа необходимых и достаточных условий, в том числе, прием INUS-условия по Дж. Маки⁴. Гораздо более мощным, одновременно наглядным и простым является формальный аппарат булевой алгебры, удачно модифицированный Чарльзом Рэгином для социальных и исторических исследований (Рэгин 1987; 1994). Как и в методах Бэкона – Милля, для применения этого подхода все факторы должны быть бинаризованы (шкала со значениями 1 и 0).

Формализм задается довольно просто. Присутствие признака (1) обозначается прописной буквой фактора, а отсутствие признака (0) – строчной. В левой части уравнения ставится экспланандум, часто обозначаемый через S для позитивных случаев и соответственно s – для негативных.

Правая часть уравнения, например, для позитивных случаев, образуется как логическая сумма (нестрогая дизъюнкция) блоков факторных значений (что обозначается знаком +). Внутри каждого блока факторные значения связаны логическим умножением – конъюнктивно.

В этом языке ясно представляются необходимые и достаточные условия.

$S = AC + Bc$ (никакая из отдельных причин не является необходимой или достаточной);

$S = AC + BC = C(A + B)$ (C необходимо, но недостаточно);

$S = AC$ (A и C по отдельности необходимы, но не достаточны; при этом само сочетание AC необходимо и достаточно);

⁴ INUS-условие (Insufficient Necessary part in Unnecessary Sufficient condition) – это недостаточная, но необходимая часть в не-необходимом, но достаточном условии. Например, в суждении «короткое замыкание вызвало пожар в доме» короткое замыкание не является единственным условием пожара – должны присутствовать также сгораемые материалы, должна отсутствовать предохранительная система и т. д. Но когда эти условия взяты вместе, короткое замыкание является необходимым компонентом для пожара (недостаточная, но необходимая часть – IN). В то же время другие множества условий также могли вызвать пожар – условия, включающие непогашенные сигареты или зажигательные бомбы. Иными словами, первый комплекс условий с замыканием был не-необходимым, но достаточным (US). Далее будет показано, как INUS-условие формализуется в аппарате булевой алгебры.

$S = A + Bc$ (A достаточно, но не необходимо);

$S = B$ (B необходимо и достаточно).

Что же такое INUS-условие в данном формализме? Это не что иное, как любое факторное значение (буква), то есть недостаточная и необходимая часть (Insufficient Necessary), внутри любого конъюнктивного сочетания значений (блока букв) как не-необходимого (поскольку есть еще другие сочетания значений), но достаточного условия (Unnecessary Sufficient).

Откуда появляются эти уравнения и блоки факторных значений?

Если взять верхнюю часть заполненной таблицы по соединенному методу, то строка факторных значений по каждому случаю и будет представлена как отдельный блок (табл. 4). Ясно, что в каждом позитивном случае было именно такое конъюнктивное сочетание факторных значений. Но и другие сочетания также дают позитивный результат, поэтому блоки значений между собой связаны дизъюнктивно.

Таблица 4. Условный пример исходной таблицы данных для применения аппарата булевой алгебры

	A	B	C	D	E	F	G	S
Позитивные случаи								
Случай 1	1	1	0	0	0	1	0	1
Случай 2	1	1	1	0	0	0	1	1
Случай 3	0	1	0	1	0	0	1	1
Случай 4	1	1	0	0	0	1	0	1
Негативные случаи								
Случай 1	1	0	1	1	0	0	0	0
Случай 2	1	0	1	0	1	0	1	0
Случай 3	0	0	0	0	1	1	1	0

Согласно приведенным правилам, верхняя часть табл. 4 легко переводится в следующую формулу:

$$S = ABcdeFg + ABCDdefG + aBcDefG + ABcdeFG.$$

Когда случаев и факторов много, получаются довольно громоздкие выражения. Для получения внятной, умопостигаемой гипотезы их нужно как-то упростить. Здесь и пригождается формализация, поскольку с правой частью уравнения можно проводить некоторые манипуляции, уже не обращаясь к содержанию каждого фактора.

Первое очевидное действие – выделить общие сомножители в правой части уравнения. Эта процедура называется *факторизацией* и полностью соответствует выделению единственного сходства в методе сходства и соединенном методе. Так выделяется необходимое, но недостаточное условие:

$$S = AC + BC = C (A + B).$$

В оставшемся выражении с помощью той же факторизации выделяются и элиминируются все тавтологии. Например, тавтологиями являются выражения такого типа, оказавшиеся внутри скобок:

$$(A + a), (B + b), (AC + Ac + AC + ac) \text{ и т. д.}$$

Действительно, такие сочетания внутри блока означают нерелевантность таких факторов, при любом значении которых происходит интересующее явление. Однако это не полная нерелевантность, поскольку в других блоках значений (и соответствующих исторических случаях) тавтологии уже может не быть, значит, тот же фактор может играть свою роль.

Наконец, последней процедурой упрощения является *выделение релевантных первичных импликантов*. Покажем весь ряд операций на условном примере уравнения, полученного из табл. 4.

В правой части уравнения

$$S = ABcdeFg + ABCdefG + aBcDefG + ABcdeFG$$

проводим факторизацию. Общими для всех случаев являются только два фактора:

$$S = eB (AcdFg + ACdfG + acDfG + AcdFG).$$

Выделяем и устраняем тавтологии:

$$S = eB (AcdF (g + G) + AdfG (C + c) + acDfG);$$

$$S = eB (AcdF + AdfG + acDfG).$$

Строим таблицу первичных импликантов (всех встречающихся пар факторных значений), которые располагаем в крайнем левом столбце. «Сырые выражения» (оставшиеся после проведенных процедур) располагаем в названиях столбцов. Отмечаем те ячейки, в которых первичный импликант входит в «сырое выражение» (табл. 5).

Таблица 5. Выделение первичных импликантов

	AcdF	AdfG	acDfG
1	2	3	4
Ac	x		
cd	x		
dF	x		

Окончание табл. 5

1	2	3	4
Af	x		
Ad	x	x	
cF	x		
ac			x
AG		x	
dG		x	
df		x	
aD			x
af			x
cD			x
cG			x
aG			x
fG		x	x

Из таблицы 5 видно, что все «сырые выражения» покрываются только двумя импликантами – Ad и fG. Они и считаются релевантными.

Итак, получаем итоговую формулу:

$$S = eB (Ad + fG).$$

Заметим, что с помощью метода единственного сходства удалось бы выявить только признаки eB, остальная информация от сочетаний факторных значений была бы потеряна. Теперь же есть довольно простое, но нетривиальное выражение, которое без формализации вряд ли удалось бы получить. Можно возвращаться к содержательной интерпретации каждого фактора и уже в анализе исторических случаев задаться вопросом: почему оказывается столь важным для S именно сочетание присутствия фактора A с отсутствием фактора D и сочетание отсутствия фактора F с присутствием фактора G? Именно благодаря таким вопросам и детальному содержательному анализу случаев, обобщению неочевидных инвариантных условий появляются нетривиальные идеи относительно внутренних закономерностей исторической динамики.

Способы повышения достоверности гипотезы и теории

Повышение достоверности полученного выражения достигается путем расширения учитываемых в таблице случаев. Если новые случаи существенно меняют итоговое выражение, значит, гипотеза еще «сырая». В принципе, расширение круга анализируемых слу-

чаев следует вести до тех пор, пока не появится *результат, не изменяемый при добавлении новых случаев*.

Однако такому критерию может удовлетворять лишь весьма громоздкое выражение с очень многими экспланансами. При этой крайности «значимо все» и «все со всем связано». Следует стремиться к минимуму релевантных факторов (не более 5–7), при необходимости комплексируя их. Если большинство новых привлекаемых случаев не меняют выражение, но меняют лишь считанные отдельные случаи, то последние целесообразно объявить *аномалиями*, оставить их анализ до специального этапа, для того чтобы не утратить достигнутый результат. Такова логика бережного отношения к результатам начальных исследовательских программ по Лакатосу (см. главу 8 настоящего издания).

Как получить из индуктивного результата трех рассмотренных методов применения аппарата булевой алгебры теоретическую гипотезу? Это делается приданием соответствующим суждениям статуса всеобщности. Утверждается, что при сочетании таких-то значений таких-то факторов *всегда* должно происходить объясняемое явление. Для проверки подобной гипотезы следует составить особую *теоретическую выборку* исторических случаев. Принцип ее составления состоит в таком подборе случаев, при котором либо надежно присутствует объясняемое явление – тогда должны выполняться все гипотетические условия, либо надежно присутствуют последние – тогда непременно должно появиться объясняемое явление.

Такой результат крайне трудно получить на реальном историческом материале. Одна из главных трудностей состоит в том, что выделяемые факторы весьма редко выражены явно и отдельно от сложных качеств сложных исторических явлений и процессов. Обычно они скрыты в этой сложности, тесно слиты с другими характеристиками. Как же их отделить?

На помощь приходит специальная логика сравнений. В книге «Построение социальных теорий» Артур Стинчкомб предлагает последовательный ряд способов проверки теории, каждый из которых повышает достоверность ее положений (Stinchcombe 1987). Формально речь идет о верификации. Однако каждый последующий шаг верификации является более «опасным» для теории (или теоретической гипотезы), делает ее более уязвимой для фальсификации. Если в результате проверки на этом шаге теория выстояла,

то Стинчкомб не делает вид (подобно Попперу), что «ничего не произошло», а придает теории больше достоверности.

В качестве поясняющего примера Стинчкомб приводит классическое исследование Э. Дюркгеймом причин самоубийства (Дюркгейм 1998). Речь идет о следующем теоретическом положении (изначально имевшем статус гипотезы): более высокий уровень индивидуализма в социальной группе вызывает более высокий уровень самоубийств в этой группе. Дюркгейм работал со статистическими данными о частоте самоубийств в разных странах и городах Европы, с указаниями на формальные социальные характеристики самоубийц. Такой эмпирический материал можно квалифицировать как численные данные об особых аспектах отдельных исторических случаев для социальных групп, провинций, обществ.

У Дюркгейма имелись статистические данные о различных социальных характеристиках самоубийц, но никто не фиксировал уровень индивидуализма. Таким образом, перед нами как раз пример скрытого фактора, который требуется выделить и проверить через ряд сравнений. Исследователь предполагал, что индивидуализм более высок у французских протестантов, чем у французских католиков. Соответственно была сформулирована эмпирическая гипотеза: среди самоубийц во Франции больше протестантов, чем католиков. Поскольку эмпирическая гипотеза подтвердилась, теория стала более достоверной.

Далее, пользуясь той же предпосылкой о католиках и протестантах, Э. Дюркгейм сформулировал такие эмпирические гипотезы: а) в протестантских странах уровень самоубийств выше, чем в католических; б) в протестантских районах Германии уровень самоубийств выше, чем в католических; в) в районах Австрии: чем больше в них протестантов, тем выше уровень самоубийств. Эти эмпирические гипотезы подтвердились, и теория стала еще более достоверной. Но ведь могло быть и так, что католики отличаются от протестантов совсем другими признаками, а вовсе не уровнем индивидуализма. Выход из затруднения состоит в том, чтобы перейти от религиозного аспекта к какому-то совсем иному.

Дюркгейм использовал предпосылку о том, что у мужчин с детьми индивидуализм ниже, чем у холостяков и мужчин без детей. Соответственно формулировалась и проверялась эмпирическая гипотеза о том, что среди самоубийц больше холостяков и бездетных, чем женатых и отцов семейств. Предположительно, у горожан

в сравнении с селянами, у высокообразованных в сравнении с малообразованными индивидуализм выше, соответственно частота самоубийств должна быть больше. Эти предположения также подтвердились.

Но как выяснить, что главной причиной является именно индивидуализм? Теория также становится достовернее, если эмпирически отвергаются альтернативные объяснения. В частности, можно было предположить, что горожане и высокообразованные люди более подвержены суицидальным настроениям, поскольку «оторвались от земли», «не выполняют простых человеческих правил», «начитались вредных книг» и т. п. Дюркгейм находит весьма изящный ход. Он выделяет группу высокообразованных горожан, известных теснотой своих родственных и внутриэтнических связей, иными словами, высокой солидарностью и низкой степенью индивидуализма. Таковы еврейские семьи и сообщества: они живут в городе, обычно хорошо образованы, но обладают высокой солидарностью. Если верна теория индивидуализма, то среди них должно быть в среднем меньше самоубийств, чем среди остальных горожан, имеющих хорошее образование. Эта эмпирическая гипотеза также подтвердилась.

Логика преодоления аномалий

Максимальную достоверность теория приобретает, если она проходит проверку и не фальсифицируется на генеральной совокупности, пусть не на всех случаях сплошную, но на ярких представительных случаях в разнородных группах этой совокупности.

Историк, заинтересованный в повышении достоверности своего теоретического объяснения выбранного класса явлений, должен *прицельно искать аномалии*: случаи (факты), противоречащие эмпирическим гипотезам как суждениям, выводимым из проверяемой общей гипотезы (или теории) и из суждений о начальных данных.

Какие причины могут стать основой подобного несоответствия? В качестве эвристики следует рассмотреть следующий ряд источников аномалии и способов преодоления:

- а) при ближайшем рассмотрении то, что считалось аномалией, таковой не является;
- б) неверно была сформулирована эмпирическая гипотеза; факты противоречат тому суждению, которое не обязательно прямо

следует из общей гипотезы (или теории); новое корректное формулирование эмпирической гипотезы устраняет аномалию;

в) компоненты общей гипотезы должны быть расширены или сужены. В факторной модели и теоретической гипотезе оказались неучтены значимые переменные и связи; новые общие суждения дают и новую эмпирическую гипотезу, что устраняет аномалию;

г) само ядро концепции должно быть существенно трансформировано или заменено.

Принцип экономии исследовательских ресурсов заключается в поиске ошибки по тем направлениям, в которых ее обнаружение приводит к минимальному пересмотру ранее полученных результатов, соответственно, лучше двигаться от (а) к (г). Не следует абсолютно отвергать возможность критики достоверности эмпирических суждений. Прежде всего следует направить поиски на обнаружение схожих аномалий. Если они есть, то дело не в эмпирической достоверности, а в логических и теоретических ошибках. Только если установлено, что никаких сходных аномалий не существует, иначе говоря, что гипотеза или теория подтверждается во всех остальных случаях, следует усомниться в эмпирической достоверности данных по единственной аномалии. Задачу проверки этой достоверности лучше всего поставить перед специалистом – экспертом в данной области.

Далеко не все общие суждения поддаются проверке только качественными и структурными методами. Вообще говоря, бинарные шкалы и соответствующие индуктивные методы, описанные выше, являются начальной стадией. Между «черным» и «белым» обычно находится немалая «серая» область, поэтому от 0 и 1 по мере возможностей следует переходить к более дробным шкалам, а в эмпирическом материале искать численные данные, особенно *динамические ряды* – изменения экспланансов и экспланандумов во времени.

Типы шкал и примеры их использования

Простейшей является уже рассмотренная выше бинарная шкала (0 и 1). Иногда говорят о *шкале наименований*, в которой значения никак не упорядочены (любая классификация или типология подпадает под данную рубрику). Обычно же, говоря о шкалах, подразумевают некий единый принцип упорядочения значений.

В *шкале порядка* каждое последующее значение «больше» (в том или ином смысле), чем предыдущее, но на любую величину.

Например, политические историки нередко говорят, что в таком-то периоде и таком-то мировом регионе взаимодействовали «великие державы», «сверхдержавы», «державы с лидерством или гегемонией», «державы второго ряда», «относительно слабые державы» и т. п. Судя по всему, здесь имеется в виду переменная, объединяющая геополитическое могущество и международный престиж, но державы в этой шкале только упорядочены, притом что интервалы между значениями вовсе не обязаны быть одинаковыми.

В *интервальной шкале* эта разница между соседними значениями (интервал) всегда одинакова. Те же державы могут быть не только упорядочены (у кого могущество больше), но проранжированы (то есть им приписываются ранги, например от 0 до 5), причем в данной шкале интервал между рангами строго одинаков.

В истории и социальных науках гораздо чаще используются менее точные шкалы, где разница между соседними значениями считается *примерно* равной. Таковы, между прочим, общеизвестные 12-балльные шкалы силы ветра, морского шторма, силы землетрясений и т. п. Выделение социальных страт в обществах прошлого по уровню дохода, образования, социального статуса и т. п. — это, как правило, использование именно *квазиинтервальных шкал*.

В *шкале отношений* уже имеется единица измерения, здесь одно значение может быть больше или меньше другого во столько-то раз. Однако в данной шкале нет 0, и в истории, обществознании эта математическая конструкция практически не используется.

Натуральная шкала имеет структуру натурального ряда, состоящего из положительных целых чисел. Численность населения, армии или членов парламента, количество городов такого-то размера, количество классов образования (по диплому) и т. п. — все это, разумеется, натуральные шкалы.

Наконец, *абсолютная шкала* имеет структуру численного ряда с единицей, нулем, дробями, а иногда и с отрицательными величинами (например, обозначающими бюджетные долги в экономической истории). Всех землевладельцев на ограниченной территории можно расположить по шкале «величина земельных владений», всех граждан — по величине годового дохода, все страны — по объему ВВП или ВВП на душу населения и т. п.

В исторической статистике, клиометрии, клиодинамике обычно имеют дело с квазиинтервальными, абсолютными или натуральными шкалами (см. главы 22–23 в настоящем издании).

Рекомендуемая литература

- Гемпель К. 1998.** Функция общих законов в истории. *Время мира*. Вып. 1, с. 13–26. Новосибирск.
- Коллинз Р. 1998.** Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса. *Время мира*. Вып. 1, с. 234–278. Новосибирск.
- Лоонэ Э. Н. 1980.** *Современная философия истории*. Таллин.
- Поппер К. 1983.** *Логика и рост научного знания*. М.
- Разработка** и апробация метода теоретической истории / Отв. ред. Н. С. Розов. Новосибирск: Наука, 2001.
- Розов Н. С. 2002.** *Философия и теория истории*. Кн. 1. *Пролегомены*. М.

Глава 21

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ МЕТОДЫ

Впервые необходимость создания формализованных баз исторических и этнографических социокультурных данных была осознана, по-видимому, в социальной антропологии, где соответствующая традиция восходит как минимум к Э. Тайлору. В 1920-е гг. заметные успехи здесь были достигнуты в рамках Амстердамской школы, когда под руководством С. Р. Штайнмеца была начата каталогизация имеющегося в этнографической литературе материала по более чем 1500 народам. Впоследствии эти идеи в Европе не получили развития.

В то же самое время по другую сторону Атлантического океана благодаря усилиям Джорджа Питера Мердока возникает и начинает развиваться схожая традиция. Достаточно важные последствия для развития кросс-культурных исследований в США и во всем мире имело участие Мердока в работе так называемой «Вечерней группы по понедельникам» (*Monday Night Group*) Института изучения человеческих отношений (*Institute of Human Relations*) при Йельском университете.

Этот институт занимал особое здание, но не представлял собой самостоятельной исследовательской или образовательной структуры. Он был создан в конце 1920-х гг. для того, чтобы обеспечить междисциплинарное взаимодействие между различными университетскими кафедрами, изучающими под разными углами человеческие отношения. В работе института принимали участие прежде всего психологи, социологи и социокультурные антропологи. В 1935 г. несколько молодых членов этого института заявили, что их старшие коллеги просто продолжают свои собственные исследования в старом русле и не двигаются в сторону реального междисциплинарного синтеза, а ведь именно это декларировалось в качестве основной задачи института в его хартии. Для достижения этой задачи и была (по инициативе прежде всего Дж. Долларда) создана «Еженедельная вечерняя группа». Мердоку предложили представлять в этой группе социокультурную антропологию. Он это предложение принял и был активным членом Института вплоть до Второй мировой войны.

Отнесясь в высшей степени ответственно к своей роли «представителя антропологии» в Институте изучения человеческих отношений, Мердок посчитал своей первоочередной задачей создание того, что мы бы сейчас назвали базой данных, при помощи которой его коллеги, психологи и социологи, не знакомые с социоантропологическими материалами, могли бы, тем не менее, проверять на основе таких материалов правильность своих гипотез. Для достижения этой цели Мердок организовал под эгидой Института изучения человеческих отношений научный проект «Кросс-культурное обозрение» (*Cross-Cultural Survey*). Цель данного проекта была сформулирована следующим образом: собрать и классифицировать «фундаментальную информацию по репрезентативной выборке из народов всего мира. Его конечная цель – организовать в легко доступной для пользователя форме имеющиеся в распоряжении науки данные по статистически репрезентативной выборке из всех известных культур с целью обеспечения строгой проверки кросс-культурных обобщений, выявления пробелов в описательной литературе и организации корректирующих полевых исследований» (Murdock *et al.* 1987 [1938]: XXI).

Для того, чтобы добиться осуществления этой цели, Мердок и немногочисленные антропологи – члены Института изучения человеческих отношений – подготовили «Схему организации данных по культуре» (которую предполагалось использовать в качестве основы для классификации этнографических данных). Первое издание этого труда было опубликовано в 1938 г. Оно было сразу же разослано большому числу антропологов и представителей смежных дисциплин и использовалось для классификации опубликованных этнографических данных по 90 культурам. Были собраны критические замечания и к 1942 г. подготовлено исправленное и дополненное издание «Схемы организации данных по культуре» (опубликовано в 1945 г.). С тех пор вышло еще 3 дополненных и исправленных издания этого труда (Murdock *et al.* 1987 [1938]).

В самом начале среди участников проекта разгорелась дискуссия о том, необходимо ли собранные исторические и культурно-антропологические материалы сохранять в сжатом виде или буквально воспроизводить оригинал. Мердок энергично настаивал на втором варианте, и его позиция взяла верх. Надо сказать, что это

обстоятельство оказало значимое воздействие на развитие историко-антропологической науки, ибо именно по этой схеме и стали накапливаться социоантропологические данные в Нью-Хэйвене на базе Института изучения человеческих отношений в рамках научного проекта «Кросс-культурная сводка данных», послужившего основой для создания в 1949 г. организации, курирующей обновление и расширение наиболее крупной историко-антропологической полнотекстовой базы данных. Речь идет о так называемой «Региональной картотеке данных по межчеловеческим отношениям при Йельском университете» (*Human Relations Area Files at Yale University*), или сокращенно – HRAF. Однако в дальнейшем Мердок стал прибегать и ко все более и более экономной фиксации исторических и антропологических данных, что заложило основу создания в США и историко-антропологических баз данных другого типа (о чем будет рассказано ниже).

Необходимо отметить, что исключительно высокий процент информации, доступной для пользователей в современных историко-антропологических кросс-культурных базах данных, был собран (на основе тщательной обработки этнографических описаний) непосредственно Дж. П. Мердоком в результате его колоссального труда. Практически все будние дни (или, возможно, точнее сказать, ночи) с 8 часов вечера до 5 часов утра (!) он работал в читальном зале Университетской библиотеки, изучая и обрабатывая все этнографические описания, которые ему удавалось разыскать. Подобные темпы и интенсивность работы Мердок сохранял и в последующие годы. Таким образом ему удалось собрать колоссальный фактический историко-этнографический материал.

Еще одним результатом этой кропотливой работы было составление сводки всех историко-этнографически описанных культур мира (Murdock 1983 [1954]).

Над созданием историко-антропологических кросс-культурных баз данных Мердок продолжал работать и в дальнейшем. При этом его участие в развитии полнотекстовой базы данных HRAF было отнюдь не единственным направлением этой деятельности. Хотя изначально он настаивал на создании подобных баз данных именно в полнотекстовой форме, в дальнейшем Мердок приступил и к соз-

данию антропологических кросс-культурных баз данных существенно иного типа.

Мердоку удалось найти способ очень экономного хранения социоантропологических данных посредством сжатого буквенного кодирования имеющейся информации. Крайне примечательно, что этот способ он разработал еще в докомпьютерную эпоху. Однако именно после изобретения ЭВМ выяснился весь колоссальный потенциал разработанного Мердоком подхода. Действительно, символы вышеописанной записи крайне легко оцифровать (ведь основная формализация данных и так уже была проведена на предварительных этапах), а затем ввести в даже самую примитивную ЭВМ, вследствие чего мы (после минимального дополнительного труда) получаем абсолютно машиночитаемую базу данных, над которой можем произвести огромное число возможных операций.

Гигантский потенциал базы данных Мердока был осознан его коллегами достаточно рано, и еще в 1950-е гг. они убедили его опубликовать ее самостоятельно именно в вышеописанном формализованном виде. Первой такого рода публикацией была «Всемирная этнографическая выборка» (Murdock 1957), содержащая формализованную информацию о 565 культурах мира по 30 показателям.

Мердок продолжил это направление своей деятельности и после того, как в 1960 г. перешел на работу в Питтсбургский университет. Там он принял самое активное участие в создании одного из ведущих историко-антропологических журналов современного мира, «Ethnology», и уже в самых первых номерах этого издания, начавшего выходить в 1962 г., стал публиковать отдельными выпусками свою самую объемную базу данных, так называемый «*Этнографический атлас*». В 1967 г. в № 2 данного журнала была опубликована сводка всех предыдущих выпусков, содержащая данные о 863 культурах по более чем 100 показателям. В том же году данная сводная версия «Этнографического атласа» была опубликована и в виде отдельной монографии (Murdock 1967). Однако и после этого Мердок продолжал публиковать (вплоть до 1973 г.) дополнительные выпуски «Этнографического атласа», содержащие данные по народам, не вошедшим в сводку 1967 г. Таким образом, к 1973 г. была накоплена формализованная информация по 1267 народам мира. Впрочем, полная сводка данных по проекту «Этнографический

атлас» так никогда и не была опубликована в печатном виде. Тем не менее данные эти в настоящее время доступны мировому академическому сообществу в ином формате – электронном.

Первые попытки перевода кросс-культурных антропологических баз данных в электронный формат стали предприниматься практически сразу же после появления первых ЭВМ, и уже в 1967 г., практически синхронно с публикацией печатной версии «Этнографического атласа», была опубликована и версия этой базы данных на перфокартах. После изобретения персональных компьютеров кросс-культурные антропологические базы данных стали публиковаться и на дискетах (а в дальнейшем – и на компакт-дисках). Самая ранняя известная полная электронная версия была опубликована на дискетах (в то время еще, естественно, пятидюймовых) в 1986 г. (Murdock *et al.* 1986). Впрочем, отсутствие вплоть до настоящего времени полной печатной версии «Этнографического атласа» может вызывать только сожаление, так как практический опыт показывает, что для проведения конкретного кросс-культурного антропологического исследования лучше иметь в своем распоряжении не только электронные, но и печатные версии релевантных баз данных.

Однако «Этнографический атлас» не был лишь единственным проектом публикации кросс-культурных историко-антропологических баз данных, начатым Мердоком и его сотрудниками. Не меньшее значение имело и другое начинание Мердока. В 1969 г. им совместно с Д. Уайтом была опубликована статья «Стандартная кросс-культурная выборка» (Murdock, White 1969). Эта статья сама по себе не представляла собой публикации какой-либо базы данных. Значение ее было совсем в другом. Данная статья содержала прежде всего описание «рамки» базы данных, принципиально новой по сравнению с «Этнографическим атласом». В рамках своего проекта «Этнографический атлас» Мердок пытался собрать информацию по достаточно ограниченному числу параметров в максимально большом числе этнографически описанных культур мира. В рамках базы данных по «Стандартной кросс-культурной выборке» предполагалось описание лишь 186 культур мира. При этом возможное число параметров описания изначально никак не ограничивалось.

186 культур выборки были отобраны очень тщательно. Весь мир был разбит на 186 этнографических ареалов, при этом из каждого ареала в выборку включалась только одна культура, причем такая, которая лучше всего описана этнографически. Делалось это прежде всего для того, чтобы как-то нейтрализовать так называемую «проблему Гэлтона» (*Galton's Problem*)¹. В результате статистический анализ данных по Стандартной кросс-культурной выборке иногда дает более достоверные результаты, чем анализ всего «Этнографического атласа». Благодаря же тому, что в выборку включались культуры, лучше всего историко-этнографически описанные, собирать данные по этой выборке оказалось проще, чем по любым иным аналогичного размера репрезентативным выборкам.

Первые сводки данных по Стандартной кросс-культурной выборке были опубликованы самим Мердоком и его коллегами. Позднее Стандартной кросс-культурной выборкой стали пользоваться и другие исследователи. Часть из них стала собирать новые данные для строгой кросс-культурной проверки собственных гипотез. Сама выборка и принципы ее формирования оставались неизменными. Это позволило в конечном счете обеспечить совместимость баз данных, созданных различными исследователями независимо друг от друга.

Публикация Мердоком и его коллегами первых сводок данных по Стандартной кросс-культурной выборке стимулировала также заинтересованность исследователей систематически собирать информацию именно по данной выборке. Ведь кроме технических удобств использования Стандартной кросс-культурной выборки здесь появляется и дополнительный стимул – исследователи избавляются от необходимости сбора данных по целому ряду важнейших показателей. Например, вам необходимо кросс-культурно проверить свою гипотезу о влиянии сдвигов в технологии жизнеобеспечения на способы воспитания детей. В этом случае вам остается только собрать данные по способам воспитания детей, используя Стандартную кросс-культурную выборку, – ведь данные по жизнеобеспечивающим технологиям для Стандартной кросс-культурной выборки уже собраны и опубликованы Мердоком и его коллегами (Murdock, Morrow 1970).

---

¹ Об этой проблеме см., например: Коротаев 2003а; 2003б; Korotayev, de Munck 2003.

В итоге был получен классический кумулятивный эффект – в результате усилий самостоятельно работающих исследователей, собиравших данные для проверки собственных гипотез, на свет появилась кумулятивная база данных (чаще всего обозначаемая как STDS) с потенциалом, на много порядков превосходящим потенциал любого из ее элементов. Сформировавшаяся кумулятивная база данных (STDS), созданная за счет соединения нескольких десятков первичных БД, разработанных для проверки нескольких сотен гипотез, может быть в настоящее время потенциально использована для проверки нескольких десятков миллионов гипотез. В своей наиболее поздней на настоящее время опубликованной версии STDS включает в себя данные по 186 обществ Стандартной кросс-культурной выборки по более чем 2000 показателям. Примечательно, что этот гигантский массив ценнейшей информации появился на свет не в результате крайне дорогостоящего научного проекта, а как итог самостоятельной работы большого числа исследователей, скоординированной прежде всего через столь удачно выстроенную Мердоком и Уайтом кросс-культурную выборку.

Созданные Мердоком, его коллегами и последователями кросс-культурные базы данных могут использоваться отнюдь не только для статистической проверки уже сформулированных гипотез. Анализируя эти базы данных, исследователь вполне может делать и такие научные открытия, о которых сам он не мог и предполагать в начале своей аналитической работы с базами данных.

В отечественной исторической науке работа над созданием кросс-культурных баз данных началась в 1974 г. Л. Б. Алаевым на основе разработанной им «Анкеты для изучения типологических черт средневековых обществ Востока». Результаты анализа этой анкеты были опубликованы в 1982 г. (Алаев 1982). В дальнейшем эта работа была продолжена на базе «Историко-социологической анкеты» (Алаев, Коротаев 1992; 1996; 2000).

Рекомендуемая литература

- Алаев Л. Б. 1982. Опыт типологии средневековых обществ Азии. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*, с. 6–59. М.
- Коротаев А. В. 2003. *Социальная эволюция*. М.

- Мердок Дж. П. 2003.** *Социальная структура*. М.
- Murdock G. P. 1981.** *Atlas of World Cultures*. Pittsburgh.
- Murdock G. P., Ford C. S., Hudson A. E., Kennedy R., Simmons L. W., Whiting J. W. M. 1987.** *Outline of Cultural Materials*. 5th revised ed. New Haven (1st ed. – 1938).
- Murdock G. P., Textor R., Barry H. III, White D. R. 1986.** *Ethnographic Atlas*. *World Cultures* 2(4) – first electronic version.

Глава 22

КЛИОМЕТРИКА

Клиометрика (от англ. *cliometrics*) – одно из ключевых направлений исследований по экономической истории, основанное на активном использовании экономической теории и количественных (математико-статистических) методов и моделей. Впервые термин «клиометрика» появился в печати в декабре 1960 г. на страницах журнала “Journal of Economic History”. Происхождение этого термина очевидно: в нем соединились имя музы истории *Клио* и суффикс *-метрик* из слова *эконометрика* (Davis, Engerman 1987; Бородкин 2001).

В течение 1960–1980-х гг. междисциплинарное направление, возникшее на стыке истории и экономики, называли также «новой экономической историей», но со временем утвердилось название *клиометрика*¹. Клиометристы часто анализируют обширные массивы данных, которые в «традиционной» истории считаются мало пригодными к использованию или неинтересными. Клиометрика ориентируется на исследование причинно-следственных связей, тогда как более традиционные направления экономической истории в большей степени ориентируются на *описание* экономических процессов и событий прошлых эпох.

Клиометрическое исследование включает несколько этапов: 1) постановка содержательной задачи из области экономической истории (часто она формулируется в виде содержательной гипотезы); 2) введение в рассмотрение определенного тезиса экономической теории, связанного с постановкой задачи, ее формализация; 3) поиск адекватных исторических источников, содержащих сведения (как правило, статистические) об изучаемом процессе, детальное обсуждение надежности, репрезентативности, полноты собранных данных; 4) обработка данных, статистическая проверка гипотез(ы) с помощью эконометрических методов или моделей; 5) содержательная интерпретация полученных результатов.

Можно сказать, что «клиометрическая революция» была лишь продолжением того подхода, который развивался в исследованиях по экономической истории и раньше. Так, один из пионеров клио-

---

¹ В российской исторической науке термин «клиометрика» иногда трактуют более широко, обозначая под этим названием квантитативную историю, связанную с методологией применения количественных методов во всех областях исторического знания.

метрики американский ученый, будущий Нобелевский лауреат Роберт Фогель (1926–2013) отмечал в 1964 г., что экономическая история всегда была пристанищем для ученых с большим интересом к применению теории и статистики к историческим проблемам (Fogel 1964). По свидетельству «отцов-основателей» клиометрики, они пришли не столько для того, чтобы использовать исторические доказательства для проверки экономической теории, сколько для использования теории для исследования экономических процессов прошлого (Уильямсон 1996; Davis, Engerman 1987; Williamson 1994). Отметим, что на заре клиометрики трое известных американских ученых-экономистов сыграли важную роль в зарождении новой методологии историко-экономических исследований. Ими были будущие Нобелевские лауреаты Дуглас Норт (р. 1920) и Саймон Кузнец (1901–1985), а также Александр Гершенкрон (1904–1978) (причем последние двое не считали себя клиометристами). За немногими исключениями большинство американских клиометристов «первой волны» учились с этими знаменитостями или были их студентами. С 1970 г. основным руслом для публикации работ клиометристов стал журнал “Explorations in Economic History”; к этому времени «новая экономическая история» стала основным жанром и в журнале “The Journal of Economic History” (наиболее авторитетном в сфере экономической истории).

«Клиометрическая революция» была лишь частью фундаментальных и длительных изменений, происходивших в экономической науке с первой половины XX в. (см. об этих и связанным с ними процессах также в главах 6, 10, 11, 12 и 14 настоящего издания). Сначала дискуссии о причинах экономического роста и эволюции экономических институтов проходили в рамках экономической истории. Отметим, что еще до Кейнса существовала заметная связь между экономической историей и теорией бизнес-циклов, что проявилось в работах Н. Кондратьева, Й. Шумпетера и др. Последующая дискуссия о факторах индустриализации привела к постановке вопроса о том, как развивать индустриализацию в развивающихся странах. В 1960 г. У. Ростоу опубликовал свою знаменитую книгу «Стадии экономического роста», в которой анализ исторических процессов используется автором для аргументации своей теории (Rostow 1960; см. об этой работе также в главе 6). В течение последующих десятилетий позиции клиометрики укрепились. В 1983 г. в США было создано Клиометрическое общество,

в 1985 г. был проведен первый Международный конгресс клиометрики. Новое направление стало доминировать на Международных конгрессах по экономической истории, в ведущих журналах данного профиля.

В СССР/России «новая экономическая история» начала развиваться в 1970-х гг. в исследованиях школы академика И. Д. Ковальченко (1923–1995). Наибольшее внимание российская клиометрика в 1970–1990-х гг. уделяла аграрной истории дореволюционной России – в работах И. Д. Ковальченко, Л. В. Милова, Л. И. Бородкина, Н. Б. Селунской, Б. Н. Миронова, И. М. Гарсковой, М. Б. Булгакова, Т. Л. Моисеенко и др. (см., например: Ковальченко 1987; Ковальченко, Моисеенко, Селунская 1988; Милов, Булгаков, Гарскова 1986; Бородкин 1986; Миронов 1991).

Постепенно в сферу интересов российских клиометристов включалась проблематика индустриализации, промышленного роста, рынка труда, финансовых рынков и институтов и др. Активно статистические методы стали использовать археологи (Федоров-Давыдов 1987; Генинг 1990).

Как отмечается в работах историков-методологов, более ранние труды по экономической истории носили в основном описательный характер: они воссоздавали картину экономических процессов прошлого, иногда ярко и подробно, но при этом объясняя, почему одна фаза развития сменялась другой, не проявляли особого интереса к собственно механизмам экономических перемен. Клиометрика же ставит в центр внимания, как правило, изучение этих механизмов в контексте весьма сложных теоретических исследований проблем экономического роста. Для того, чтобы должным образом систематизировать и анализировать собранные данные об изучаемом экономическом процессе, историки должны квалифицированно разобраться в соответствующих теоретических концепциях; а поскольку проверка этих теорий, их использование требует нередко исчисления индексов роста, специалисты по экономической истории должны овладеть соответствующими количественными методами. Вот почему именно в этой области исторической науки слом междисциплинарных барьеров, к которому более полвека назад призвала школа «Анналов», достигнут в большей степени, чем во всех остальных.

Оценивая количественные методы и модели как «важнейшее новшество» в области методики исторического исследования вто-

рой половины XX в., известный историк-методолог Дж. Тош (2000: 219–220) отмечает, что ни одна из отраслей исторической науки не избежала их воздействия, а в сферах экономической и социальной истории они произвели своего рода переворот, что объясняется двумя причинами. Во-первых, происшедшее в первой половине XX в. смещение акцента «с индивида в сторону масс» имело серьезные методологические последствия. Пока историки сосредоточивались на «деяниях великих», им практически не приходилось делать подсчетов. Но стоило им всерьез заинтересоваться проблемами экономического развития, социальных изменений и историей целых групп населения, вопросы квантификации приобрели особую важность. Специалисты по экономической и социальной истории, обратившиеся к опыту социальных наук, убедились, что квантификация занимает существенное место и в социологии, и в экономике. Историкам, намеревавшимся заняться теми же вопросами, что экономисты и социологи, некуда было деваться: либо использовать методы этих дисциплин, либо, по крайней мере, проверять их пригодность. Вторая причина экспансии квантификации носит более технологический характер. В 1970-х гг. (а особенно на рубеже XX–XXI вв.) компьютеры стали дешевле, доступнее и «умнее», а спектр обрабатываемых данных и методов анализа быстро расширялся, что соответствовало потребностям исторического исследования. Вслед за рядом известных историков-методологов Тош заключает, что в ходе своей работы историки делают количественные выводы чаще, чем может показаться на первый взгляд.

Самой амбициозной задачей клиометрики считают анализ какого-либо крупного историко-экономического процесса в целом путем оценки и сопоставления всех относящихся к нему факторов, например: почему в XVIII в. население Англии столь радикально увеличилось? Какое воздействие оказало строительство железных дорог в середине XIX в. на экономику США? Какие факторы были наиболее существенными в процессе массовой иммиграции ирландцев в США в середине XIX века? Для ответа на такие вопросы исследователь должен привлечь нетривиальные эконометрические методы и модели, без чего трудно рассчитывать на получение аргументированных результатов.

Существенное место в инструментарии клиометрики занимает построение *контрфактических моделей*. Такая модель имеет целью

измерить значимость того или иного исторического события (реформы, поворота на другую траекторию развития), сравнив реализованный вариант с контрфактическим, полученным в предположении, что это событие не произошло. С помощью модели можно «продолжить» изучаемый процесс на определенный период, опираясь на тенденции его развития до рассматриваемого события (тем самым построив контрфактическую динамику). Роберт Фогель в начале 1960-х гг. проделал подобную работу именно в исследовании железных дорог в США в XIX в. и пришел к выводу, что при использовании водных путей (каналов, рек) и гужевого транспорта экономическое развитие страны было бы замедлено только на пару лет; при этом была бы достигнута определенная экономия. В своей книге «Железные дороги и экономический рост» Р. Фогель предложил гипотетическую (или «контрфактическую») модель того, как бы выглядела американская экономика к 1890 г., если бы железные дороги не были построены. Он пришел к выводу, что даже без дополнительного строительства каналов и шоссе, валовой национальный продукт был бы меньше всего на 3,1 % (Fogel 1964). Другие историки-экономисты использовали эту методологию, чтобы оценить экономический эффект отмены рабства в Америке, введения финансово-налоговой политики «Нового курса» Рузвельта, влияние Столыпинской реформы на эволюцию социальной структуры крестьянства и т. д.

Отметим, что развитие клиометрики отнюдь не было гладким и беспроблемным. Критика «Новой экономической истории» со стороны приверженцев традиционной экономической истории началась практически с первых лет существования клиометрики. Уже в 1963 г. председатель Американской исторической ассоциации призвал коллег воздержаться от «молитв в храме этой богини-волчицы – *квантификации*» (цит. по: Тош 2000: 238). Во второй половине 1960-х гг. были опубликованы десятки рецензий на упомянутую книгу Р. Фогеля, авторы которых высказали немало претензий по поводу его методологии. В частности, обсуждался вопрос, какие именно переменные следует отобрать для включения в модель. Фогель подвергался критике за то, что не включил в свою модель результаты воздействия железнодорожного строительства на мобильность трудовых ресурсов и технический прогресс в других отраслях экономики. Здесь стоит напомнить, что эконометрическая модель Фогеля оценивала развитие экономики США в гипотетической модели.

тетическом варианте – без железных дорог. А затем он сравнивал полученную оценку с реальной ситуацией, в которой и мобильность, и технический прогресс действовали реально. Другое стандартное возражение против методологии работы Фогеля (и – шире – клиометрики вообще) сводилось к тому, что эта методология слишком сильно опирается на заключения, не поддающиеся проверке. Но и с этим трудно согласиться. Все факторы, учтенные в модели Фогеля, названы и измерены с указанием всех используемых источников. Научное сообщество может проверить корректность его работы с источником, правильность применения эконометрических методов. То есть результаты работы верифицируемы. Это очень важно. Будучи «прозрачной», она может критиковаться конструктивно (в терминах Поппера, это исследование фальсифицируемо, проверяемо). Его недостатки становятся ясными, набор факторов может быть изменен автором работы или его последователями. Так и должна развиваться наука – исследование должно быть не тупиком, а открытой в будущее дорогой. Еще один аргумент, особо подчеркиваемый критиками-«традиционалистами», состоит в том, что клиометрические модели имеют якобы тенденцию к серьезному, хотя и непреднамеренному искажению процесса отбора источников – будучи математическими моделями, они принимают во внимание только цифровые данные. Здесь следует отметить, что математика уже несколько десятилетий развивается в русле изучения качественных структур. И почти все исследования клиометристов содержат наряду с количественными и неколичественными («качественные») переменные (типа «принадлежность к южным штатам», или «пол», или отрасль и т. д.). Регрессионные модели (основной инструментарий клиометрики) обычно включают такие дихотомические переменные.

Критика работ клиометристов касается также их увлечения агрегированными статистическими данными, подчеркивания общих характеристик и тенденций массового поведения (при уменьшении роли индивидуальных факторов), что приводит к «дегуманизации» истории. Это, однако, кажущееся противопоставление: надо изучать и массовое поведение, и индивидуальное. Клиометрика больше ориентирована на массовое (измеряемое статистически), антропологический подход – на индивидуальное. Они дополняют друг друга, а не отменяют. Если не изучать массовое поведение, статистические совокупности, то многое ли мы поймем, ограничившись

анализом индивидуальных случаев? У каждого из этих двух подходов – своя ниша.

Уместным завершением раздела о клиометрике будет цитата из текста обоснования решения Шведской королевской академии наук о присуждении в 1993 г. Нобелевской премии по экономике известным американским ученым, внесшим большой вклад в развитие «новой экономической истории», пионерам клиометрики Роберту Фогелю и Дугласу Нарту: «...Они были пионерами в том направлении экономической истории, которое получило название “новая экономическая история”, или клиометрика, то есть направление исследований, которое сочетает экономическую теорию, количественные методы, проверку гипотез, контрфактическое моделирование и традиционные методы экономической истории для объяснения процессов экономического роста и упадка. Их работы позволили углубить наше знание и понимание таких фундаментальных вопросов, как, почему, каким образом и когда происходили экономические изменения. Отмеченные премией работы Роберта Фогеля связаны с анализом роли железных дорог в экономическом развитии США, значения рабства как института и его экономической роли в США; отмечены также результаты, полученные Фогелем в историко-демографических исследованиях. Фогель и Нарт, двигаясь разными путями, развили новые подходы в экономической истории, придав ей больше строгости и теоретичности».

Рекомендуемая литература

- Бородкин Л. И. 1986.** *Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях.* М.
- Виноградов В. А., Арсентьев Н. М., Бородкин Л. И. 2009.** *Экономическая история и современность.* Саранск.
- Ковальченко И. Д. 1987.** *Методы исторического исследования.* М.
- Миронов Б. Н. 1991.** *История в цифрах.* Л.
- Fogel R. W., Engerman S. L. 1974.** *Time on the Cross: The Economic of American Negro Slavery.* Vol. 1–2. Boston and Toronto.

Глава 23

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. КЛИОДИНАМИКА

Мыслители прошлого и современные ученые много спорили о том, может ли история быть такой же наукой, как физика или биология. История, конечно, состоялась как описательная наука, и источниковедение – не менее трудный и технический предмет, чем, скажем, материаловедение. Но физика и другие естественные науки совершили переход от описательной к теоретической, «объяснительной» науке. В XIX в. на волне впечатляющих успехов естественных наук многие думали, что вскоре наступит черед и истории. Лев Толстой, например, посвятил этому вопросу вторую часть эпилога «Войны и мира». Но этого не произошло. Кстати, многим другим общественным/гуманитарным дисциплинам – экономике, социологии, антропологии, лингвистике – удалось преодолеть этот барьер, а истории – нет.

Большинство мыслителей пришли к заключению, что между историей и естественными науками есть качественная разница, потому что исторические процессы слишком сложны, да и по сути своей отличаются от физических и биологических процессов (см. об этом главу 18 настоящего издания). Так думал один из влиятельнейших философов XX в. Карл Поппер (Popper 1957; 1993). По-видимому, многие современные исследователи придерживаются подобной точки зрения. Тем не менее авторы исторических книг (включая «Выбирая свою историю», см.: Карацуба и др. 2005) всегда как-то объясняют логику событий, которые они описывают. Никто не ограничивается сухим изложением фактов; какая-то теория процесса, пусть явно не вербализуемая, обитает на задворках сознания автора. Но по-настоящему что-то объяснить без общих законов (в широком смысле этого слова) невозможно – в этом философы едины.

Если объективных законов нет, то успех исторического труда определяется в большей степени литературным талантом автора, чем его аналитическими способностями или его научным авторитетом (аргументы академика выглядят более убедительно, чем доводы кандидата исторических наук), либо идеологическими установ-

ками, превалирующими в обществе на данный момент. Собственно, так обычно и происходит в традиционной исторической науке. Неудивительно, что в последние десятилетия часто приходится слышать о кризисе исторической науки как в России, так и за рубежом.

Яркое свидетельство кризиса российской истории – катастрофический успех «Новой хронологии» Фоменко и его последователей, который поначалу оказался полной неожиданностью для профессиональных историков. Оказалось, что читающая публика в своей массе предпочла пойти (хотя бы и временно) за очевидными (для любого мало-мальски сведущего в истории человека) фальсификаторами, чем за историками-профессионалами.

Претензию к традиционной истории можно сформулировать так. Где тот процесс, с помощью которого одни гипотезы отвергаются в пользу других? Если историки отказываются участвовать в этом процессе, то стоит ли удивляться, что найдутся желающие извне? Проиллюстрируем эту проблему на примере Римской истории. Историки выдвинули сотни различных гипотез, которые объясняют, почему Римская империя пала. Хуже всего то, что список гипотез не уменьшается со временем, а только растет. Это как если бы на уроках физики учитель рассказывал нам не только о молекулярной теории тепла, но и о теории флогистона, а затем заключал, что и у той и у другой теории есть свои приверженцы (а еще хуже было бы, если бы мы склонялись к той теории, которая описана в более «цветистых» терминах).

Весь ход науки, по тому же Карлу Попперу (1902–1994), заключается в том, что какие-то теории отвергаются, а другие подтверждаются. Этого не происходит в истории, а если и происходит, то по соображениям моды или политической корректности, когда некое объяснение отвергается, потому что оно не соответствует идеологическим установкам общества или его влиятельного сегмента.

На самом деле, конечно, не все так плохо, и в исторической науке происходит свой тектонический сдвиг (именно поэтому, когда мы говорили о кризисе, речь шла о кризисе *традиционной* исторической науки). Была ведь французская школа «Анналов», возможно, наиболее влиятельное историческое течение прошлого века. Когда это течение выдохлось, эстафета перешла к «новой» экономической истории – направлению, которое потом оформи-

лось как клиометрия (см. выше главу 22; см. также: Williamson 1991). Это течение может даже похвастаться своими нобелевскими лауреатами.

Приведем лишь один пример реальных достижений клиометрии. До середины прошлого века среди ученых-обществоведов царило мнение, что экономические системы, основанные на труде рабов, в принципе менее эффективны, чем системы, основанные на свободном труде. Однако когда экономические историки, среди которых был и будущий нобелевский лауреат Роберт Фогель (1926–2013), проанализировали большой массив данных, имеющих для США, они обнаружили, что рабы производили существенно больше продукции за единицу времени, чем свободные фермеры (Fogel, Elton 1983). Этот результат вызвал бурю протеста как среди историков, так и среди широкой среды интеллектуалов. Он полностью противоречил идеологическим установкам как либералов, так и марксистов, – тут правые и левые были едины. Результаты Фогеля и других были проверены и перепроверены. Еще больший массив данных был привлечен, методы анализа были усовершенствованы. А общий вывод остался тем же. Усовершенствованные модели и данные показали, что в количественном выражении преимущество рабского труда над свободным на американских плантациях было даже выше, чем было оценено первоначально. И этот вывод был широко признан научным сообществом. Получается, что хозяйственная система, полностью неприемлемая по моральным соображениям, тем не менее, может быть более эффективной экономически (Там же).

Чем этот пример знаменателен? Тем, что были выдвинуты альтернативные гипотезы, проведена большая эмпирическая и теоретическая работа и на этом основании одна из гипотез была отвергнута в пользу другой. И это несмотря на то, что всем участникам противостояния, включая сторонников гипотезы большей эффективности рабского труда, очень не хотелось верить в эту гипотезу (куклуксклановцев среди них не было). Значит, тот процесс, в результате которого одни гипотезы отвергаются в пользу других (то есть, попросту говоря, научный метод) возможен и в исторических приложениях.

Понятно, что человека, по-настоящему убежденного в том, что история не может быть наукой, вышеизложенный пример ни в чем не убедит. Любой консенсус, достигнутый группой «немолодых белых мужчин среднего класса», конечно же, просто результат их социальной запрограммированности или выполнения ими заказа

правлящей верхушки. Если объективного знания нет, то и наука в обычном понимании невозможна. Кстати, постмодернизм в гуманитарных дисциплинах – не единственное современное антинаучное движение. У биологов в Америке, например, есть своя Немезида – сторонники так называемой «Науки о Сотворении Мира» (креационизма), учения, которое отвергает, в частности, теорию эволюции (да и большую часть геологии). Однако большинство скептиков не принадлежат к классу людей, отрицающих объективное знание, с кем дискуссия в принципе невозможна.

Первая реакция на проблему математической истории – а где тут предмет теоретического знания, то есть что можно моделировать? Если история не более чем собрание каких-то фактов, то основные вопросы будут такими: «А было ли Ледовое побоище?» или «А умертвил ли Ричард Глостерский своих племянников в Тауэре?» Но есть ведь и другие вопросы: почему же пала Римская империя? Какие общие причины и закономерности объясняют крах больших аграрных государств (объяснение класса событий, а не единичного факта)?

Вторая реакция – как можно выдвигать теории, да и еще пытаться описывать эти теории математическим языком, когда очевидно, что история хаотична и полна случайностей, что в ней присутствует гигантский субъективный фактор, ведь никто не отменял свободу воли. Для многих история – это «каша» событий, без особых причин и закономерностей. Ход истории – процесс чрезвычайно сложный и многофакторный, люди обладают свободой воли, и поведение отдельно взятого человека в принципе непредсказуемо. Однако из этого не следует, что поведение больших людских масс полностью непредсказуемо. Когда мы думаем об успехах физических наук, нам в первую очередь приходят на ум ньютоновская механика и объяснение движения планет. Ясно, что в истории ничего подобного нет и не будет. Но, впрочем, и в естественных науках такие примеры идеально предсказуемой динамики чрезвычайно редки. Более продуктивна метафора из биологии. Представьте себе реальный лес: холмы и низины, ручьи и лужи, множество растений разного вида и размера – от мхов до дубов, их едят разнообразные насекомые, тех едят птицы. Вокруг бегают мыши и зайцы, растут грибы и плесень, ползают черви. В общем, полная неразбериха.

Казалось бы, какие могут быть закономерности в хаосе природы? Стоя в реальном лесу и видя всю его сложность и многообра-

зие, естественно предположить, что колебания численности разных организмов будут чрезвычайно хаотичными, случайными. Для большинства популяций так оно и есть. Однако, тем не менее, на определенном уровне это биологическое сообщество предсказуемо. Например, лиственничные леса в горах Швейцарии каждые 8–9 лет желтеют и «лысеют» – теряют все иголки, к неудовольствию туристов. Оказывается, на этих горных склонах живут определенные гусеницы, численность которых достигает пика каждые 8,5 лет. На пике насекомые пожирают все иголки деревьев, а затем в течение 3–4 лет их численность падает в 100 000 раз! После этого начинается популяционный подъем и новый цикл. Практически каждый лесной массив мира, особенно в северных широтах, имеет своих «жуков-вредителей», среди которых наблюдаются периодические вспышки размножения (Turchin 2003).

Данные циклы вызываются одним и тем же общим экологическим механизмом. Причем всего лишь двадцать лет назад экологи серьезно рассматривали более дюжины общих гипотез, объясняющих циклы. Но за последние два десятилетия в результате математического моделирования гипотез, полевых экспериментов и синтеза теорий с данными большинство альтернативных объяснений были отвергнуты (Turchin 2003).

Человеческие общества сложны, но неочевидно, что они на порядок сложнее, чем целые экосистемы. Конечно, у людей есть свобода воли. Но это не значит, что поведение людей труднее предсказать, чем поведение какого-нибудь жука с «двумя извилинами» в мозгу. Энтомологи, которые посвятили многие тысячи часов наблюдению за насекомыми, отмечают их непредсказуемость. Они ведут себя так, как будто у них в мозгах встроен генератор случайных чисел. Люди тоже могут вести себя по-разному в одной и той же ситуации, но обычно у нас есть понимание, чем обусловлен тот или иной выбор. Создается впечатление, что люди более предсказуемы, чем насекомые!

В качестве примера наиболее разработанной теоретической концепции в области математической истории можно привести демографически-структурную теорию (Goldstone 1991; Turchin 2003; Неведов 2005; Коротаев 2006, Turchin, Nefedov 2009). В результате исследований нескольких авторов (многие из которых пришли к этому выводу независимо друг от друга) выяснилось, что длительный демографический рост в аграрных обществах неизбежно

вводит их в кризис (подробно об этом см. также в главе 10 настоящего издания).

Собственно, эта идея была высказана уже Мальтусом (1766–1834) более двух столетий назад, но Мальтус был не вполне прав в одном. В соответствии с его теорией, рост численности населения выше уровня, на котором население может прокормиться при данной степени развития аграрной технологии (так называемая «емкость среды»), приводил к кризису напрямую, посредством экономических факторов: падающей реальной заработной платы и душевого потребления, вызывающих увеличение смертности и падение рождаемости. Отметим, что в ряде случаев, например в традиционном Китае, именно это зачастую и наблюдалось (см., например: Нефедов 2002; 2003).

Однако такая непосредственно мальтузианская модель может объяснить социально-демографические коллапсы сложных доиндустриальных социальных систем далеко не всегда. В работах Дж. Голдстоуна было показано, что нередко механизм кризиса может быть значительно более сложным. В частности, очень важную роль может играть перепроизводство элиты, то есть утяжеление верхушки социальной пирамиды. В результате демографического роста и перепроизводства элиты налоговые поступления государства ужимаются, а расходы, наоборот, растут. В результате государство становится банкротом, теряет контроль над аппаратом принуждения (армия, полиция), что приводит к краху государства и обычно затяжной гражданской войне (Goldstone 1991).

Социополитическая нестабильность напрямую влияет на демографию (высокая смертность и эмиграция, низкая рождаемость), а также подрывает продуктивную инфраструктуру общества (Turchin 2003; Турчин 2007). Численность населения падает, элиты частично истребляют себя в гражданских войнах, а частично скатываются вниз по социальной лестнице. В какой-то момент общество находит новое равновесие, и цикл начинается сначала. В результате мы имеем «вековые циклы» в численности населения и социополитической нестабильности. Период этих циклов – два-три столетия, но нужно отметить, что это не математические циклы с точной периодикой. Вековые циклы возникают в результате внутренних причин и могут быть нарушены внешними силами. Поэтому особенно четкие циклы наблюдаются в очень больших империях (как Китай) или островных государствах (как Англия). В небольших го-

сударствах внутренняя динамика менее значима, чем поведение крупных соседей. Завоевание новых территорий также может нарушить периодичность, удлинив фазу роста. Например, Россия испытала аномально длинный цикл в период Романовской династии за счет завоевания с последующей колонизацией гигантских степных территорий.

В зависимости от начальных и внешних условий циклы в аграрных, доиндустриальных обществах могут развиваться по-разному, в то же самое время исключений из общего правила практически нет. Везде при превышении нагрузки на естественную среду демографический подъем сменяется кризисом. На данный момент выполнен ряд частных исследований динамики западноевропейских государств (Англия и Франция в Средние века и Новое время, Римская империя), России (от Киевской Руси до Октябрьской революции), Китая и Ближнего Востока (Месопотамия и Египет). Все исследования подтверждают прогнозы демографически-структурной теории (Turchin 2003; Неведов 2005; Коротаев 2006; Турчин 2007; Turchin, Nefedov 2009; Коротаев и др. 2010).

Использование математических моделей

Многие исторические процессы подобны динамике природных экосистем. Численность населения увеличивается или сокращается, экономика растет или приходит в упадок, государства укрепляются или разваливаются. Как можем мы изучить те механизмы, которые приводят к изменениям во времени, и объяснить наблюдаемые траектории исторической динамики? Достаточно естественным является следующий подход, показавший свою исключительно высокую эффективность при изучении множества вопросов, в особенности (но не только) в естественных науках. Этот подход заключается в том, чтобы взять некий целостный феномен и мысленно разделить его на несколько отдельных частей, которые рассматриваются как взаимодействующие между собой. Такой подход называется «динамическим системным», потому что целостный феномен здесь рассматривается как система, состоящая из нескольких взаимодействующих компонентов (или subsystems).

В рамках динамического системного подхода мы должны математически описать, как различные subsystemы взаимодействуют друг с другом. Это математическое описание и будет представлять собой модель данной системы, при этом мы можем использовать

целый ряд методов для изучения генерируемой данной моделью динамики; мы можем также протестировать модель, сопоставив динамику, предсказываемую моделью, с реально наблюдаемой динамикой.

В общем и целом, модели представляют собой упрощенные описания реальности, которые абстрагируются от всей ее неисчерпаемой сложности и ограничиваются учетом лишь нескольких характеристик, рассматривающихся в качестве критически важных для понимания изучаемого феномена. Математические модели представляют собой такие описания, переведенные на очень строгий и точный язык, который, в отличие от естественных языков, не допускает какой-либо двусмысленности. Большая сила математики заключается в том, что после того, как мы сформулировали проблему на математическом языке, мы можем точно установить, что вытекает из сделанных нами допущений. Таким образом, математика представляет собой незаменимый инструмент для настоящей науки; та или иная научная отрасль может считаться достигшей теоретической зрелости только после того, как она развила необходимый математический аппарат, который обычно представляет собой систему взаимосвязанных конкретных узко сфокусированных моделей.

Концептуальное представление любого целостного феномена как взаимодействующих субсистем всегда является до некоторой степени искусственным. Данная искусственность сама по себе не может служить аргументом против любой конкретной модели той или иной системы. Все модели упрощают реальность. Ценность той или иной модели может быть установлена только при ее сопоставлении с ее альтернативами; при этом должно приниматься во внимание, насколько точно каждая модель описывает реальную динамику, насколько она экономна и насколько использованные в ней допущения противоречат реальности. При этом важно помнить, что в естественных науках известно множество очень полезных моделей, относительно которых известно, что они построены на неистинных допущениях. Собственно говоря, все модели по определению не являются истиной, и это обстоятельство не может использоваться против них.

Нельзя сказать, что построение теории невозможно без математических моделей, но есть области знания, в которых без формаль-

ных моделей не обойтись. Математические модели особенно важны при исследовании динамики, потому что для динамических феноменов характерны нелинейные обратные связи, которые к тому же зачастую действуют с запаздыванием во времени (лагом). Неформальные вербальные модели могут быть вполне адекватны для предсказания динамики в тех случаях, когда предполагаемые механизмы действуют линейно или аддитивно (как, например, при экстраполяции тренда), но такие рассуждения могут привести к серьезнейшему заблуждению, когда мы имеем дело с системой, характеризующейся нелинейностью и лагами. В целом, нелинейные динамические системы имеют значительно более широкий спектр поведения, чем это можно было бы себе представить на неформальном вербальном уровне. Таким образом, формальный математический аппарат оказывается совершенно незаменимым, если мы хотим строго вывести из множества допущений относительно системы предсказание ее динамического поведения.

Моделирование любой конкретной эмпирической системы является искусством в столь же высокой степени, как и наукой. Модели создаются для самых разных целей, например для компактного описания того или иного исторического процесса. Такая модель может быть применена для реконструкции возможной динамики некоторых параметров изучаемого процесса, о которых данные не сохранились. Другой вид моделирования связан с анализом исторических альтернатив (эта тема обсуждалась Л. И. Бородкиным во время круглого стола «Возможны ли математические модели в истории?» (см.: *Общественные...* 2004). Кроме того, модели могут использоваться для исследования логической непротиворечивости предлагаемого объяснения и для получения конкретных выводов из теории, которые могли бы быть протестированы при помощи эмпирических данных. В зависимости от поставленных нами целей мы можем конструировать разные модели одной и той же эмпирической системы.

Очень важна роль моделей для тренировки нашей интуиции, для того, чтобы обозначить пределы возможного. Приведем еще один пример из популяционной экологии (Turchin 2003). Один из основоположников экологической науки Чарльз Эльтон в 1921 г. был проездом в Норвегии, где он зашел в книжный магазин. Листая книгу о норвежских млекопитающих, которая, в частности, описывала нашествие леммингов, Эльтон обратил внимание на то, что

годы нашествий чередовались крайне регулярно, с промежутком в 4–5 лет. Такая периодичность показалась Эльтону заслуживающей внимания (кстати, сам автор книги, видимо не обратил внимания на эту закономерность), и он стал искать другие данные о численности млекопитающих. Большой массив данных имелся у компании Гудзонова залива, которая уже несколько столетий импортировала меха из Канады. В этих данных Эльтон обнаружил очень четкий 10-летний цикл. Так началось научное изучение популяционных циклов.

Однако самое интересное не в этом. В 1923 г. Эльтон написал статью о популяционных циклах млекопитающих и выдвинул несколько гипотез для возможного объяснения этой динамики. Прошел год, и как-то Эльтон сидел в своем кабинете в Оксфорде, когда дверь распахнулась, и к нему ворвался чрезвычайно возбужденный Джулиан Хаксли, ментор Эльтона и очень известный эволюционный биолог. Хаксли положил перед Эльтоном последний выпуск журнала “Nature”, где в короткой статье итальянский математик Вито Вольтерра, проанализировав модель взаимодействия хищников и жертв, доказал, что это взаимодействие приводит к циклам. Эльтон и Хаксли были потрясены – идея была для них совершенно нова. Оба они были великими учеными, но даже их интуиция не смогла вывести их на правильный путь, пока математическая модель не осветила его. В настоящее время модель «хищник – жертва» Лотки – Вольтерры изучается в обязательном порядке в любом курсе дифференциальных уравнений.

Существует несколько эвристических правил, которые помогают создавать полезные модели. Первое правило гласит: не пытайтесь охватить своей моделью более двух иерархических уровней. Нарушающая это правило модель пытается моделировать одновременно как динамику взаимодействия subsystem внутри системы, так и взаимодействие subsystem внутри каждой subsystem. Примером здесь могли бы служить попытки смоделировать динамику взаимодействия государств через моделирование поведения каждого из их граждан. С практической точки зрения даже у самых мощных современных компьютеров уходит много времени на симулирование поведения систем, состоящих из миллионов агентов. С концептуальной же точки зрения здесь более важным представляется то обстоятельство, что результаты такой многоуровневой симуляции интерпретируются с очень большим трудом. Практика

показывает, что вопросы, связанные с математическим описанием поведения многоуровневых систем, должны решаться через отдельное рассмотрение проблем каждого уровня или, скорее, пары уровней (моделирование более низкого уровня дает понимание механизмов, а более высокого – закономерностей).

Второе общее правило заключается в стремлении к лаконичности, простоте модели. Возможно, лучшее определение научной лаконичности было дано Эйнштейном, сказавшим, что модель должна быть настолько простой, насколько это возможно, но не проще этого. Конечно, очень соблазнительно попытаться включить в модель все, что мы знаем об изучаемой системе. Однако опыт снова и снова показывает, что это лучший способ завести самого себя в тупик.

Таким образом, конструирование моделей всегда требует упрощающих допущений. Это может показаться удивительным, но получаемые на их основе модели нередко дают действительно ценные результаты. Уже при помощи самых упрощенных моделей можно исследовать роль использованных в них допущений. Последующие тесты новых моделей могут помочь уточнить теорию и повысить нашу уверенность в правильности предлагаемых ею ответов. В результате мы получаем тесно связанное множество моделей и данных, используемых для оценки параметров моделей и тестирования динамики, генерируемой этими моделями. После того как набирается критическая масса моделей и данных, научная дисциплина может рассматриваться как достигшая своей зрелости (но это, конечно же, не означает, что она нашла ответы на все стоящие перед ней вопросы).

Сложной частью создания теории является выбор подлежащих моделированию механизмов, выдвижение допущений о том, как взаимодействуют различные подсистемы, отбор функциональных форм и оценка параметров. После того как эта работа проделана, работа с моделями не представляет особых сложностей, хотя на это и уходит много времени и сил. Для простых моделей можно найти аналитические решения. Однако когда модель достигает даже среднего уровня сложности, нам обычно приходится прибегать ко второму методу: к ее числовому решению при помощи компьютера.

Третий принцип заключается в использовании агентно-ориентированных имитационных моделей. Математические модели осо-

бенно нужны при изучении динамических процессов, так как нелинейные обратные связи плохо просчитываются человеческим разумом, не вооруженным формальным математическим аппаратом и компьютером.

Клиодинамика: новая теоретическая и математическая история

Широко признано, что история является описательной, а не аналитической, и уж тем более не прогностической наукой (см. об этом, например: Алексеев 2009). Многие считают, что история коренным образом отличается от естественных или социальных наук, таких как экономика, в том, что в истории отсутствуют общие законы (например, так полагал К. Р. Поппер (Popper 1957). Начиная с середины XIX в. попытки развивать аналитическую, «объяснительную» историю предпринимались за рубежом и в России (тут следует отметить школу С. П. Курдюмова, активно внедрявшую идеи нелинейной динамики и синергетики в общественные науки). За последние годы в России сформировалось междисциплинарное сообщество ученых, включающее историков, социологов, антропологов, философов, биологов и математиков, которые применяют теоретические и математические методы (систематические сравнения, формулирование и проверка гипотез, моделирование, статистическая обработка данных и построение формализованных теорий) в истории (см., например: Турчин и др. 2007; Малинецкий, Коротаев 2008; Гринин, Марков, Коротаев 2008; Коротаев, Малков, Гринин 2010; Коротаев и др. 2010).

Недавно было предложено называть это новое направление в исторической науке «клиодинамикой» (Клио – муза истории) (Turchin 2003; 2008). Таким образом, клиодинамика – новая междисциплинарная область исследований, объединяющая подходы исторической макросоциологии, теоретической истории, математического моделирования долговременных социальных процессов, построения и использования исторических баз данных, исследований социальной эволюции, исторической демографии и др. Задачей клиодинамики должен стать поиск объединяющих теорий и проверка их на основе разнообразных массивов данных – исторических, археологических и прочих, вплоть до нумизматических.

Рекомендуемая литература

- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005.** *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны.* М.
- Проблемы** математической истории. Математическое моделирование исторических процессов / Отв. ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М., 2008.
- Системный** анализ и математическое моделирование мировой динамики / Отв. ред. В. А. Садовничий, А. А. Акаев, Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М., 2010.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика: На пути к теоретической истории.* М. (Перевод с английского книги: **Turchin P.** *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall.* Princeton: Princeton University Press, 2003.)

Библиография

- Абу-Луход Дж. 2001.** Переструктурируя миросистему, предшествующую Новому времени. *Время мира*. Вып. 2, с. 449–461. Новосибирск.
- Агирре Рохас К. А. 2006.** *Критический подход к истории французских «Анналов»*. М.: Кругъ.
- Агларов М. А. 1988.** *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* М.: Наука.
- Акаев А. А. 2010.** Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом. *Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие* / Отв. ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 230–258. М.
- Акаев А. А., Садовничий В. А. 2010.** О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой и российской экономики. *Системный анализ и математическое моделирование мировой динамики* / Отв. ред. В. А. Садовничий, А. А. Акаев, Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 5–69. М.
- Алаев Л. Б. 1982.** Опыт типологии средневековых обществ Азии. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века* / Отв. ред. Л. Б. Алаев, с. 6–59. М.
- Алаев Л. Б. 1991.** Марксизм и проблемы обновления теории. *Мировая экономика и международные отношения* 4: 60–69.
- Алаев Л. Б. 2000.** *Л. Б. Алаев: Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. М.: Вост. лит-ра.
- Алаев Л. Б., Коротаев А. В. 1992.** О создании историко-социологического атласа (с приложением: «Историко-социологическая анкета»). *Восток* 4: 212–231.
- Алаев Л. Б., Коротаев А. В. 1996.** *Историко-социологическая анкета*. М.: ИВ РАН.
- Алаев Л. Б., Коротаев А. В. 2000.** Перспектива применения кросс-культурных баз данных для сравнительного изучения цивилизаций. *Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход)* / Отв. ред. К. В. Хвостова, с. 159–180. М.: Институт всеобщей истории РАН.
- Алексеев В. В. (Ред.) 2000.** *Опыт российских модернизаций XVIII–XX века*. М.: Наука.
- Алексеев В. В. 2004.** *Общественный потенциал истории*. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт.

- Алексеев В. В. 2009.** Прогностические возможности исторического опыта. *Проблемы математической истории: Историческая реконструкция, прогнозирование, методология* / Отв. ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 33–46. М.: Либроком/URSS.
- Алексеев В. В. 2010.** Исторический прогноз: возможности и ограничения. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Отв. ред. В. А. Садовничий, А. А. Акаев, Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев, с. 111–120. М.: ЛКИ/URSS.
- Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Денисевич М. Н., Побережников И. В. 1997.** *Региональное развитие в контексте модернизации.* Екатеринбург; Лувен.
- Алексеев В. В., Нефедов С. А. 2005.** Технологическая интерпретация истории Второй мировой войны. Россия в XX веке. *Война 1941–1945 годов. Современные подходы*, с. 410–422. М.
- Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. 2000.** Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии. *Уральский исторический вестник* 5–6: 152–183.
- Алексеева Е. В. 2006.** *Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез.* Екатеринбург: Изд-во УрГИ.
- Алексеева Е. В. 2007.** *Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.).* М.: РОССПЭН.
- Алексеева Е. В. (Ред.) 2009.** *Диффузия европейских инноваций в Российской империи:* материалы всероссийской конференции. Екатеринбург: Изд-во БКИ.
- Алексеева Е. В., Дашкевич Л. А., Казакова-Апкаримова Е. Ю., Побережников И. В. и др. 2011.** *Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.).* Екатеринбург: УрО РАН.
- Алпатов М. А. 1985.** *Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX вв.).* М.: Наука.
- Андерсон П. 1991.** *Размышления о западном марксизме.* М.: Интер-Версо.
- Антипов Г. А. 1987.** *Историческое прошлое и пути его познания.* Новосибирск: Наука.
- Анучин В. А. 1982.** *Географический фактор в развитии общества.* М.: Мысль.
- Арон Р. 1993.** *Этапы развития социологической мысли.* М.: Прогресс.
- Арон Р. 2010.** *Лекции по философии истории.* М.: ЛИБРОКОМ.

- Арриги Дж. 2006.** *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени.* М.: Территория будущего.
- Арриги Дж. 2009.** *Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век?* М.: Институт общественного проектирования.
- Артемов Е. Т. 2006.** *Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации.* М.: РОССПЭН.
- Артемова О. Ю. 1991.** Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, с. 44–91. Т. I. М.
- Артемова О. Ю. 2010.** *Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем).* М.: Смысл.
- Арьес Ф. 1992.** *Человек перед лицом смерти.* М.: Прогресс; Прогресс-Академия.
- Арьес Ф. 1999.** *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Арьес Ф. 2011.** *Время истории.* М.: ОГИ.
- Афанасьев Ю. Н. 1980.** *Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии.* М.: Мысль.
- Афанасьев Ю. Н. (Ред.) 1996.** *Советская историография.* М.: РГГУ.
- Ахизер А. С. 1991.** *Россия: критика исторического опыта.* Т. 1–3. М.: Изд-во Философского общества СССР.
- Барг М. А. 1984.** *Категории и методы исторической науки.* М.: Наука.
- Барг М. А. 1987.** *Эпохи и идеи: Становление историзма.* М.: Мысль.
- Барг, М. А., Авдеева, К. Д. 1998.** *От Макиавелли до Юма. Становление историзма.* М.: Изд-во ИВИ РАН.
- Барнав А. 1923.** Введение в французскую революцию. *Хрестоматия по французскому материализму.* Т. 2, с. 187–212. Пг.
- Бациева С. М. 1965.** *Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима».* М.: Наука.
- Бек У. 2000.** *Общество риска. На пути к другому модерну.* М.: Прогресс-Традиция.
- Бекк-Виклунд М. 1992.** Феноменология: мир жизни и обыденного знания. *Современная западная социология,* с. 71–106. СПб.
- Белл Д. 1999.** *Грядущее постиндустриальное общество.* М.: Академия.
- Бенн С. 2011.** *Одежды Клио.* М.: Канон + РООИ «Реабилитация».

- Бентли Дж. 2001.** Межкультурные взаимодействия и периодизация Всемирной истории. *Время мира*. Вып. 2, с. 171–203. Новосибирск.
- Бергер П., Лукман Т. 1995.** *Социальное конструирование реальности*. М.: Медиум.
- Березкин Ю. Е. 1995.** Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов, с. 62–78. М.
- Березкин Ю. Е. 2013.** *Между общиной и государством: Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике*. СПб.: Наука.
- Берент М. 2000.** Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество. *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 235–258. М.
- Берк П. 2005.** Историческая антропология и новая культурная история. *НЛО (Новое литературное обозрение)* 75: 64–91.
- Бернал Дж. 1956.** *Наука в истории общества*. М.: Ин. лит-ра.
- Бессмертный Ю. Л. 1991.** *Жизнь и смерть в Средние века*. М.: Наука.
- Бессмертный Ю. Л. (Отв. ред.) 1993.** *Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»*. М.: Наука.
- Бессмертный Ю. Л. 1996.** *Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени*. М.: Наука.
- Берталанфи Л. фон. 1969а.** Общая теория систем – критический обзор. *Исследования по общей теории систем* / Отв. ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин, с. 23–82. М.
- Берталанфи Л. фон. 1969б.** Общая теория систем: обзор проблем и результатов. *Системные исследования: Ежегодник*, с. 30–54. М.
- Биск И. 1983.** *История исторической мысли в новое время*. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та.
- Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. 1970.** Системный подход в современной науке. *Проблемы методологии системных исследований*, с. 7–48. М.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г. 1973.** *Становление и сущность системного подхода*. М.: Наука.
- Блок М. 1986 [1939].** *Апология истории или ремесло историка*. М.: Наука.

- Блок М. 1998 [1924].** *Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии.* М.: Языки русской культуры.
- Блок М. 2003.** *Феодальное общество.* М.: Изд-во им. Сабашниковых.
- Бовыкин В. И., Бородкин Л. И. (Ред.) 1996.** *Экономическая история. Обзорение.* Вып. 1. М.: Изд-во МГУ.
- Богданов А. А. 1904.** *Из психологии общества (статьи 1901–1904 гг.).* СПб.
- Богданов А. А. 1989.** *Тектология: Всеобщая организационная наука.* Кн. 1–2. М.: Экономика.
- Боден Ж. 2000.** *Метод легкого познания истории.* М.: Наука.
- Бок Г. 1994.** История, история женщин, история полов. *THESIS. Женщина, мужчина, семья* 6: 170–200.
- Бокль Г. Т. 2000.** *История цивилизаций. История цивилизации в Англии.* Т. 1. М.: Мысль.
- Боллингброк Г. 1978.** *Письма об изучении и пользе истории.* М.: Наука.
- Бондаренко Д. М. 1997.** *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке.* М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко Д. М. 2001.** *Доимперский Бенин: Формирование и эволюция системы социально-политических институтов.* М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко Д. М. 2006.** Гомоархия как принцип построения социально-политической организации. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 164–183. Волгоград.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. (Ред.) 2002.** *Цивилизационные модели политогенеза.* М.: ЦЦРИ РАН.
- Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. 1972.** Наследие Карла Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма. *Принцип историзма в познании социальных явлений* / Отв. ред. Ж. В. Келле, с. 13–169. М.
- Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. 1975.** *Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации.* М.: Мысль.
- Бородкин Л. И. 1986.** *Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях.* М.: Изд-во МГУ.
- Бородкин Л. И. 2001.** Клиометрика: pro et contra (виртуальный диалог). *Экономическая история. Обзорение.* Вып. 7, с. 114–132. М.

- Бородкин Л. И. 2002.** Бифуркации в процессах эволюции природы и общества: общее и особенное в оценке И. Пригожина. *История и компьютер*. Вып. 29, с. 143–157.
- Брагина Л. М. (Ред.) 1999.** *История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения*. М.: Высшая школа.
- Бродель Ф. 1986–1992.** *Материальная цивилизация, экономика и капитализм*. Т. 1–3. М.: Прогресс.
- Бродель Ф. 1993.** *Динамика капитализма*. Смоленск: Полиграмма.
- Бродель Ф. 2002–2004.** *Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. Ч. 1–3. М.: Языки славянской культуры,
- Бродель Ф. 2008.** *Грамматика цивилизаций*. М.: Весь мир.
- Бурдые П. 1998.** Структура, габитус, практика. *Журнал социологии и социальной антропологии* I(2): 44–59.
- Бухарин Н. И. 1913.** *Мировое хозяйство и империализм*. М.
- Бухарин Н. И. 1924.** *Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии*. 3-е изд. М.; Пг.
- Бухарин Н. И. 1988.** *Избранные произведения*. М.: Госполитиздат.
- Вайнштейн О. Л. 1964.** *Западноевропейская средневековая историография*. М.; Л.: Наука.
- Валлерстайн И. 1998.** Миросистемный анализ. *Время мира*. Вып. 1, с. 105–123. Новосибирск.
- Валлерстайн И. 2001.** *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга.
- Валлерстайн И. 2006.** *Миросистемный анализ: Введение*. М.: Территория будущего.
- Васильев Л. С. 1982.** Феномен власти-собственности. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века* / Отв. ред. Л. Б. Алаев, с. 60–99. М.
- Васильев Л. С. 1983.** *Проблемы генезиса китайского государства*. М.: Наука.
- Васильев Л. С. 1993.** *История Востока*. Т. 1–2. М.: Высшая школа.
- Вебер М. 1990.** *Избранные произведения*. М.: Прогресс.
- Вебер М. 2001а.** *Аграрная история древнего мира*. М.: Канон-пресс-Ц.
- Вебер М. 2001б.** *История хозяйства: Город*. М.: Канон-пресс-Ц.
- Вее Г. ван дер. 1994.** *История мировой экономики 1945–1990*. М.: Наука.
- Вейнберг И. П. 1993.** *Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э.* М.: Наука.
- Вен П. 2003.** *Как пишут историю. Опыт эпистемологии*. М.: Научный мир.

- Вернер М., Циммерманн Б. 2007.** После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности. *Ab imperio* 2: 59–90.
- Виндельбанд В. 1996.** *Дух и история. Избр. работы.* М.: Юрист.
- Виноградов В. А., Арсентьев Н. М., Бородкин Л. И. 2009.** *Экономическая история и современность.* Саранск: Изд. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева.
- Виппер Р. Ю. 1908.** *Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественными движениями на Западе.* М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнарев и К^о.
- Виткин М. А. 1972.** *Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса.* М.: Наука.
- Волгин В. П. 1977.** *Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в.* М.: Наука.
- Вульф Л. 2003.** *Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения.* М.: Новое литературное обозрение.
- Галкин И. С. и др. (Ред.) 1977.** *Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки.* М.: Изд-во МГУ.
- Гегель Г. В. Ф. 1935.** *Философия истории. Сочинения.* М.; Л.: Соцэкгиз. Т. 8.
- Гемпель К. 1998.** *Функция общих законов в истории. Время мира.* Вып. 1, с. 13–26. Новосибирск.
- Геллнер Э. 2001.** *Структура человеческой истории. Время мира.* Вып. 2, с. 80–90. Новосибирск.
- Гене Б. 2002.** *История и историческая культура на средневековом Западе.* М.: Языки славянской культуры.
- Генинг Г.Ф. (Отв. ред.) 1990.** *Формализованно-статистические методы в археологии.* Киев: Наукова думка.
- Герасимов И. П. (Ред.). 1969.** *Природа и развитие первобытного общества.* М.: Наука.
- Гизо Ф. 2005.** *История цивилизации в Европе.* Минск: Белорусская Энциклопедия.
- Гириц К. 2004.** *Интерпретация культур.* М.: РОССПЭН.
- Годелье М. 2007.** *Загадка дара.* М.: Вост. лит-ра РАН.
- Гончарова А. В. (Сост.). 1979.** *Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне.* М.: Современник.
- Гордон А. В. 2009.** *Великая Французская революция в советской историографии.* М.: Наука.
- Гренье Ж.-И. 2005.** *Размышления о «Критическом повороте». Одиссей. Человек в истории,* с. 138–151. М.

- Грин В. 2001. Периодизация в европейской и мировой истории. *Время мира*. Вып. 2, с. 39–79. Новосибирск.
- Гринин Л. Е. 2003. *Философия, социология и теория истории*. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006. *Производительные силы и исторический процесс*. 3-е изд. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2007. *Государство и исторический процесс*. Кн. 1–3. М.: КомКнига.
- Гринин Л. Е. 2008. О роли личности в истории. *Вестник РАН* 78(1): 42–47.
- Гринин Л. Е. 2010. Личность в истории: эволюция взглядов. *История и современность* 2: 3–44.
- Гринин Л. Е. 2011а. Модернизационные ловушки в мировой динамике: история и современность. *Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 2, с. 206–226. М.
- Гринин Л. Е. 2011б. Личность в истории: современные подходы. *История и современность* 1: 3–40.
- Гринин Л. Е. 2012. *От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Ильин И. В., Коротаев А. В. (Ред.) 2012. *Универсальная и глобальная история: Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества*. Хрестоматия. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2008. История и макроэволюция. *Историческая психология и социология истории* 2: 59–86.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформация Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012а. Эволюционные и макроисторические парадигмы развития. *Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 2, с. 143–166. М.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012б. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы: Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (Ред.) 2010. *О причинах Русской революции*. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Марков А. В., Коротаев А. В. 2008. *Макроэволюция в живой природе и обществе*. М.: ЛКИ/URSS.
- Гудков Л. 1993. *Культура повседневности в новейших социологических исследованиях*. М.

- Гумилев Л. Н. 2001. *Этногенез и биосфера Земли*. М.: АСТ.
- Гуревич А. Я. 1970. *Проблемы генезиса западноевропейского феодализма*. М.: Наука.
- Гуревич А. Я. 1972. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.
- Гуревич А. Я. 1986. Марк Блок и «Апология истории». В: Блок М., *Апология истории*, с. 182–231. М.
- Гуревич А. Я. 1990. Теория формаций и реальность истории. *Вопросы философии* 11: 31–43.
- Гуревич А. Я. 1993. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. М.: Индрик.
- Гуревич А. Я. 1998. Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные. *Одиссей. Человек в истории*, с. 233–250. М.
- Гуревич А. Я. 2005. *История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика*. М.: Изд-во РГГУ.
- Гусев В. Е. (Ред.) 1964. *Русский фольклор Великой Отечественной войны*: сб. статей. М.; Л.: Наука.
- Давыдов Ю. Н. 1977. *Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы*. М.: Наука.
- Даймонд Д. 2009. *Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ*. М.: АСТ.
- Даймонд Д. 2012. *Коллапс: Как и почему одни общества приходят к процветанию, а другие – к гибели*. М.: Астрель.
- Далин В. М. 1981. *Историки Франции XIX–XX веков*. М.: Наука.
- Данилевский Н. Я. 1991. *Россия и Европа*. М.: Книга.
- Данилова Л. В. (Ред.) 1968. *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука.
- Девятко И. 1996. *Модели объяснения и логика социологического исследования*. М.: ИСО РЦГО-TEMPUS/TACIS.
- Дерлугьян Г. 2013. *Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Дильтей В. 1987. Введение в науки о духе (фрагменты). *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе*. М.: Изд-во МГУ.
- Дильтей В. 2000. *Собрание сочинений*. Т. 1. М.
- Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2011.

- Дьяков В. А. 1974. *Методология истории в прошлом и настоящем*. М.: Мысль.
- Дьяконов И. М. 1994. *Пути истории*. М.: Вост. лит-ра.
- Дюби Ж. 2000. *Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе*. М.: Языки русской культуры.
- Дюркгейм Э. 1998. *Самоубийство. Социологический этюд*. СПб.: Союз.
- Ерасов Б. С. 2002. *Цивилизации. Универсалии и самобытность*. М.: Наука.
- Жеребкина И. А. (Ред.) 1998. *Гендерные исследования. Феминистская методология в социальных науках*. Харьков: ХГЦИ.
- Жеребкина И. А. (Ред.) 2001. *Введение в гендерные исследования*. Т. 1. СПб.: Алетейя.
- Зомбарт В. 1994 [1913]. *Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека*. М.: Наука.
- Зубков К. И. 2007. Фактор диффузии в процессах геополитического моделирования (новый взгляд на внешнюю политику Петра I). *Уральский исторический вестник* 15: 5–18.
- Зубов А. А. 1963. *Человек заселяет свою планету*. М.: География.
- Ибн Халдун. 2008. Введение (ал-Мукаддима) / Сост., пер. с араб. и прим. А. В. Смирнова. *Историко-философский ежегодник 2007*, с. 187–217. М.
- Игнатенко А. А. 1980. *Ибн-Хальдун*. М.: Мысль.
- Игумен Дамаскин (Орловский). 1992–2002. *Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним*. Кн. 1–7. Тверь: Булат.
- Илюшечкин В. П. 1980. *Система и структура добуржуазной частно-собственнической эксплуатации*. Вып. 1–2. М.: Наука.
- Илюшечкин В. П. 1986. *Сословно-классовое общество в истории Китая (Опыт системно-структурного анализа)*. М.: Наука, ГРВЛ.
- Илюшечкин В. П. 1990. *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах*. М.: Наука.
- Илюшечкин В. П. 1996. *Теория стадийного развития общества (ее история и проблемы)*. М.: Вост. лит-ра.
- Инглегарт Р. 1999. Модернизация и постмодернизация. *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / Отв. ред. В. Л. Иноземцев, с. 261–291. М.: Academia.
- Ионов И. Н. 2007. *Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия*. М.: Наука.
- Ионов И. Н., Хачатурян В. М. 2002. *Теория цивилизаций от античности до конца XIX века*. СПб.: Алетейя.

- Ито Ш. 2001.** Схема для сравнительного исследования цивилизаций. *Время мира*. Вып. 2, с. 345–354. Новосибирск.
- Кабанов В. 1997.** Советская история в слухах. *История* 29: 1–3.
- Карацуба И. В., Корукин И. В., Соколов Н. П. 2005.** *Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов*. М.: КоЛибри.
- Кареев Н. И. 1914.** *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. 2-е изд., с добавл. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Карл Т. Л., Шмиттер Ф. К. 1993.** Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе. *Международный журнал социальных наук* 3: 29–45.
- Карлейль Т. 1994.** *Теперь и прежде. Герои и героическое в истории*. М.: Республика.
- Карнейро Р. 1997.** Культурный процесс. *Антология исследований культуры*. Т. 1, с. 421–438. СПб.
- Карнейро Р. 2000.** Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 84–94. М.
- Карнейро Р. 2006.** Теория происхождения государства. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 55–70. Волгоград.
- Касавин И. Т. Щавелев С. П. 2004.** *Анализ повседневности*. М.: Канон +.
- Каутский К. 1931.** *Материалистическое понимание истории*. Т. 2. М.; Л.: ГИЗ.
- Кейнс Дж. 1924.** *Экономические последствия Версальского договора*. М.; Л.: Госиздат.
- Ким М. П. (Ред.) 1981.** *Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия*. М.: Наука.
- Кимелев Ю. А. (Ред.) 1995.** *Философия истории. Антология*. М.: Аспект-Пресс.
- Клакхон К. 1998.** *Зеркало для человека. Введение в антропологию*. СПб.: Евразия.
- Классен Х. 2000.** Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 6–23. М.
- Классен Х. 2005.** Эволюционизм в развитии. *История и современность* 2: 3–22.

- Клейн Л. С. 1991. *Археологическая типология*. Л.: ФАРН.
- Клейн Л. С. 2009. *Новая археология*. Донецк: Донецкий нац. ун-т.
- Клименко В. В. 2009. *Климат. Непрочитанная глава истории*. М.: МЭИ.
- Кобищанов Ю. М. 1994. *Полюдь*. М.: Наука.
- Кобищанов Ю. М. (Ред.) 2009. *Полюдь: Всемирно-историческое явление*. М.: РОССПЭН.
- Ковальченко И. Д. 1987. *Методы исторического исследования*. М.: Наука.
- Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. 1988. *Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы исследования*. М.: Изд-во МГУ.
- Козлова Н. Н. 1992. *Повседневность и социальное изменение*. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.
- Кола Д. 2001. *Политическая социология*. М.: Весь мир.
- Коллингвуд Р. Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. М.: Наука.
- Коллинз Р. 1998а. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса. *Время мира*. Вып. 2, с. 234–278. Новосибирск.
- Коллинз Р. 1998б. Золотой век исторической макросоциологии. *Время мира*. Вып. 1, с. 72–89. Новосибирск.
- Коллинз Р. 2001. Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и аграрно-принудительных обществ. *Время мира*. Вып. 2, с. 462–476. Новосибирск.
- Коллинз Р. 2002. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Колонтаев А. П. 2008. *Труд человека в теории марксизма. Путь к коммунистической утопии*. М.: Компания Спутник+.
- Кон И. С. (Ред.) 1977. *Философия и методология истории*. М.: Наука.
- Кон И. С. 2009. *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время.
- Кондорсе Ж. 2011. *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Копосов Н. 2011. *Память строгого режима. История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.
- Коротаяев А. В. 1991. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А. В. Коротаяев и В. В. Чубаров. Т. I, с. 136–191. М.

- Коротаев А. В. 1995.** Горы и демократия: к постановке проблемы. *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша, с. 77–93. Владивосток.
- Коротаев А. В. 2003а.** *Социальная эволюция*. М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2003б.** Джордж Питер Мердок и школа количественных кросс-культурных (холокультуральных) исследований. В: Мердок Дж. П., *Социальная структура*, с. 478–555. М.
- Коротаев А. В. 2006.** *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2008.** Математическое моделирование развития Мир-Системы. *Проблемы исторического познания* / Отв. ред. К. В. Хвостова, с. 36–73. М.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2007.** Урбанизация и политическое развитие Мир-Системы: сравнительный количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 102–141. М.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны*. М.: КомКнига/УРСС.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Гринин Л. Е. (Ред.) 2010.** *История и Математика. Анализ и моделирование глобальной динамики*. М.: URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2005.** *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2008.** Долгосрочные макротенденции развития Мир-Системы и возможности их математического моделирования. *Синергетика: Будущее мира и России* / Отв. ред. Г. Г. Малинецкий, с. 92–132. М.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В. 2010.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010.** *Законы истории. Математиче-*

ское моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.

- Коротаев А. В., Цирель С. В. 2010.** Кондратьевские волны в мир-системной экономической динамике. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 5–69. М.
- Коротаев А. В., Чубаров А. В. (Ред.) 1991.** *Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития*. Ч. 1–2. М.: Ин-т истории АН СССР.
- Косминский Е. А. 1963.** *Историография Средних веков: V в. – середина XIX в.* М.: Изд-во МГУ.
- Крадин Н. Н. 1992.** *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 2001.** Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество* 2: 108–137.
- Крадин Н. Н. 2004.** *Политическая антропология*. 2-е изд. М.: Логос.
- Крадин Н. Н. 2007.** *Кочевники Евразии*. Алматы: Дайк-Пресс.
- Крадин Н. Н. 2008.** Проблемы периодизации исторических макропроцессов. *История и Математика: Модели и теории* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 166–200. М.
- Крадин Н. Н. 2010.** Проблемы преподавания теории и методологии истории. *Историческая психология и социология истории* 2: 65–78.
- Крадин Н. Н. 2011.** *Политическая антропология*. 3-е изд. М.: Логос.
- Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. (Ред.) 2002.** *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Институт Африки РАН.
- Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М., Барфилд Т. (Ред.) 2002.** *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Институт Африки РАН.
- Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (Ред.) 2000.** *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.
- Крадин Н. Н., Лынша В. А. (Ред.) 1995.** *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006.** *Империя Чингис-хана*. М.: Вост. лит-ра.
- Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белоусов А. Р. и др. 1994.** *Модернизация: Зарубежный опыт и Россия*. М.: Информат.
- Кривушин И. В. (Ред.) 2000.** *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (исследования и тексты)*. Иваново: Ивановский гос. ун-т.

- Кристиан Д. 2001.** К обоснованию «Большой» (Универсальной) истории. *Общественные науки и современность* 2: 137–146.
- Кром М. М. 2004.** *Историческая антропология*. уч. пособ. 2-е изд. СПб.: Дм. Буланин.
- Кром М. М. 2010.** *Историческая антропология*: уч. пособ. 3-е изд. М.: Квадрига.
- Кроче Б. 1998.** *Теория и история историографии*. М.: Языки русской культуры.
- Крылов В. В. 1997.** *Теория формаций*. М.: Вост. лит-ра.
- Кузицин В. И. (Ред.) 1980.** *Историография античной истории*. М.: Высшая школа.
- Кузицин В. И. (Ред.) 2002.** *Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай*. СПб.: Алетейя.
- Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. 1984.** *Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий*. М.: Наука.
- Кузьмин В. П. 1980.** *Принцип системности в теории и методологии К. Маркса*. 2-е изд. М.: Политиздат.
- Кукушкина Е. И. 1986.** *Гносеологический анализ обыденного сознания как способа отражения действительности*: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.
- Кульпин Э. С. 1990.** *Человек и природа в Китае*. М.: Наука.
- Кун Т. 1977.** *Структура научных революций*. М.: Прогресс.
- Курлаев Е. А. (Ред.) 2009.** *Диффузия технологий на протоиндустриальной фазе развития металлургии (Урал в XVII–XVIII вв.)*. Екатеринбург: Изд-во АМБ.
- Курносоев А. А. 1974.** Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР. *Археологический ежегодник. 1973*, с. 118–132. М.
- Кууси П. 1988.** *Этот человеческий мир*. М.: Прогресс.
- Кучеренко Г. С. 1981.** *Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии XVI – первая половина XIX в.* М.: Наука.
- Лабриола А. 1960.** *Очерки материалистического понимания истории*. М.: Наука.
- Лакатос И. 1995.** *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. М.: Медиум.
- Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. 2004.** *Введение в изучение истории*. 2-е изд. М.: Гос. публ. ист. библиотека России.

- Ларошфуко Ф., Паскаль Б., Лабрюйер Ж. 1974.** *Франсуа де Ларошфуко: Максимы. Блез Паскаль: Мысли. Жан де Лабрюйер: Характеры, или нравы нынешнего века.* М.: Худ. лит-ра.
- Лебедева О. Е., Строганова М. В. (Ред.) 2005.** *Фольклор Великой Отечественной войны: сб. науч. тр.* Тверь: Золотая буква.
- Леви-Стросс К. 1985.** *Структурная антропология.* М.: Наука.
- Ле Гофф Ж. 1992.** *Цивилизация средневекового Запада.* М.: Прогресс-Академия.
- Ле Гофф Ж. 2001.** *Людовик IX Святой.* М.: Ладомир.
- Ле Гофф Ж. 2003.** *Интеллектуалы в Средние века.* СПб: Изд-во СПбГУ.
- Ле Гофф Ж. 2009.** *Рождение чистилища.* Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ.
- Лейбович О. Л. 1996.** *Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории).* Пермь: Западноуральский учебно-научный центр.
- Лейст О. Э. (Ред.) 2002.** *История политических и правовых учений.* М.: ИКД «Зерцало-М».
- Лелеко В. Д. 1997.** *Пространство повседневности в европейской культуре.* СПб.: Изд-во СПбГУКИ.
- Ленин В. И. 1957–1965.** *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 1–55. М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Леонтьев К. 2007.** *Византизм и славянство.* М.: АСТ; Хранитель.
- Ле Руа Ладюри Э. 1971.** *История климата с 1000 года.* Л.: Гидрометеоздат.
- Ле Руа Ладюри Э. 2001.** *Монтайо, окситанская деревня.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Литтл Д. 1998.** *Функциональное и структурное объяснение. Время мира.* Вып. 1, с. 176–203. Новосибирск.
- Лосев А. Ф. 1977.** *Античная философия истории.* М.: Наука.
- Лоскутова М. В. (Ред.) 2003.** *Хрестоматия по устной истории.* СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.
- Лоскутова М. В. (Ред.) 2006.** *Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества.* М.: Новое издательство.
- Лоонэ Э. Н. 1980.** *Современная философия истории.* Таллин: Ээсти раамат.
- Лынша В. А. 1995.** *Загадка Энгельса. Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша, с. 36–58.* Владивосток.

- Любарский Я. Н. 1999.** *Византийские историки и писатели.* СПб.: Алетейя.
- Люблинская А. Д. 1967.** Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза. *Средние века.* Вып. 31, с. 9–17. М.
- Людтке А. 1999а.** «История повседневности» в Германии после 1989 года. *Казус,* с. 117–131. М.
- Людтке А. 1999б.** Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии. *Социальная история. Ежегодник, 1998/99,* с. 77–100. М.
- Макиавелли Н. 1990.** *Государь.* М.: Планета.
- Мак-Нил У. 2001.** Меняющийся образ мировой истории. *Время мира.* Вып. 2, с. 16–38. Новосибирск.
- Мак-Нил У. 2004.** *Восхождение Запада: История человеческого сообщества.* Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт.
- Мак-Нил У. 2008.** *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках.* М.: Территория будущего.
- Малинецкий Г. Г., Коротаев А. В. (Ред.) 2008.** *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Мальтус Т. Р. 1993.** Опыт о законе народонаселения. *Антология экономической классики / Сост. И. А. Столярова.* Т. 2, с. 5–136. М.
- Мандру Р. 2010.** *Франция Раннего Нового времени, 1500–1640. Эссе по исторической психологии.* М.: Территория будущего.
- Манн М. 2000.** Противоречия непрерывной революции. *Коммунизм и национал-социализм: Сравнительный анализ. Проблемно-тематический сборник,* с. 79–105. М.
- Манн М. 2002.** Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание. *Нации и национализм,* с. 381–410. М.
- Манту П. 1937.** *Промышленная революция XVIII столетия в Англии.* М.: Соцэкгиз.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955–1981.** *Соч.* 2-е изд. Т. 1–50. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркузе Г. 1994.** *Одномерный человек.* М.: REFL-book.
- Массон В. М. 1976.** *Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии).* Л.: Наука.

- Матвеева Н. П. 2007.** *Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным.* Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та.
- Маурер Г. Л. 1880.** *Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти.* М.
- Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й. 1999.** За пределами допустимого: глобальная катастрофа или стабильное будущее? *Новая постиндустриальная волна на Западе* / Ред. В. Л. Иноземцев, с. 572–595. М.
- Медоуз Д. Х., Медоуз Д. А., Рандерс Й., Беренс Ш. В. 1991.** *Пределы роста.* М.: Изд-во МГУ.
- Мейнеке Ф. 2004.** *Возникновение историзма.* М.: РОССПЭН.
- Мелко М. 2001.** Природа цивилизаций. *Время мира.* Вып. 2, с. 306–327. Новосибирск.
- Мелконян Э. Л. 1981.** *Проблемы сравнительного метода в историческом знании.* Ереван: Изд-во АН АрмССР.
- Мелларт Дж. 1982.** *Древнейшие цивилизации Ближнего Востока.* М.: Наука.
- Мельянцева В. А. 1996.** *Восток и Запад во втором тысячелетии.* М.: Изд-во МГУ.
- Мердок Дж. П. 2003.** *Социальная структура.* М.: ОГИ.
- Мечников Л. И. 1995.** *Цивилизации и великие исторические реки.* М.: Прогресс.
- Мид М. 2004.** *Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире.* М.: РОССПЭН.
- Милов Л. В. 2001.** *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.* М.: РОССПЭН.
- Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. 1986.** *Тенденции аграрного развития России в первой половине XVII столетия. Источник, компьютер и методы исследования.* М.: Изд-во МГУ.
- Милютин Ю. Е. 1973.** К понятию «здравый смысл». *Вопросы философии и социологии.* Вып. 5, с. 29–30. Л.
- Миронов Б. Н. 1991.** *История в цифрах.* Л.: Наука.
- Миронов Б. Н. 1999.** *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства.* Т. 1–2. СПб.: Дм. Буланин.
- Михайловский Н. К. 1998.** *Герои и толпа: Избранные труды по социологии:* в 2 т. / Отв. ред. В. В. Козловский. Т. 2. СПб.: Алетейя.

- Модельски Дж. 2003.** Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. *Время мира*. Вып. 3, с. 455–485. Новосибирск.
- Монтескьё Ш. Л. 1999.** *О духе законов*. М.: Мысль.
- Мостова Л. А. (Ред.) 2006.** *Антология исследований культуры. Интерпретации культуры*. 2-е изд. М.; СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Мукитанов Н. К. 1985.** *От Страбона до наших дней. Эволюция географических представлений и идей*. М.: Прогресс.
- Назаретян А. П. 2008.** *Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии*. М.: УРСС.
- Немировский А. И. 1986.** *Рождение Клио: у истоков исторической мысли*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.
- Непомнин О. Е. 2005.** *История Китая. Эпоха Цин*. М.: Вост. лит-ра.
- Нефедов С. А. 2002.** О теории демографических циклов. *Экономическая история*. Обзорение 8: 116–121.
- Нефедов С. А. 2003.** Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока. *Восток* 3: 5–22.
- Нефедов С. А. 2004.** Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века. *Вопросы истории* 4: 22–52.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Нефедов С. А. 2008.** *Факторный анализ исторического процесса. История Востока*. М.: Территория будущего.
- Нефедов С. А. 2009.** *История России. Факторный анализ*. Т. 1. *С древнейших времен до Великой Смуты*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Нефедов С. А. 2010.** *История России. Факторный анализ*. Т. I. *С древнейших времен до Великой Смуты*. М.
- Нефедов С. А. 2011.** Математические модели демографических циклов. *Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 2. М.: 227–238.
- Нибур Г. 1907.** *Рабство как система хозяйства*. М.: Тип. И. М. Брафф (стер. переизд. М.: URSS, 2011).
- Обмен мнениями: актуальные проблемы анализа производительных сил докапиталистических классовых обществ. 1983.** *Философские науки* 6: 12–34.
- Оболенская С. В. 1990.** «История повседневности» в современной историографии ФРГ. *Одиссей: Человек в истории*, с. 182–198. М.

- Оппенгейм А. 1990.** *Древняя Месопотамия*. М.: Наука.
- Осипова О. А. 1985.** *Американская социология о традициях в странах Востока*. М.: Наука.
- Оффен К. 1989.** Оглядываясь назад – размышляя о будущем: проблемы женской и гендерной истории после встречи в Белладжио. *Гендерные истории Восточной Европы* / Отв. ред. Е. Гапова, А. Усманова, А. Пето, с. 12–26. Минск.
- Павлюченко Э. А. 1988.** *Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер*. М.: Наука.
- Парсонс Т. 2000.** *О структуре социального действия*. М.: Академический проект.
- Парсонс Т. 2002.** *О социальных системах*. М.: Академический проект.
- Пенской В. В. 2005.** Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия. *Новая и новейшая история* 2: 194–206.
- Пенской В. В. 2010.** *Великая огнестрельная революция*. М.: Эксмо, Яуза.
- Першиц А. И. 1979.** Этнография как источник первобытно-исторических реконструкций. *Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества*, с. 26–42. М.
- Першиц А. И., Хазанов А. М. (Ред.) 1978.** *Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов)*. М.: Наука.
- Пестель Э. 1988.** *За пределами роста*. М.: Прогресс.
- Печчеи А. 1985.** *Человеческие качества*. М.: Прогресс.
- Плеханов Г. В. 1956а.** К вопросу о роли личности в истории. *Избранные философские произведения*. Т. 2, с. 300–334. М.
- Плеханов Г. В. 1956б.** К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. *Избранные философские произведения*. Т. 1, с. 507–730. М.
- Побережников И. В. 2006а.** *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.: РОССПЭН.
- Побережников И. В. (Ред.) 2006б.** *Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации*. Екатеринбург: УрО РАН.
- Побережников И. В. (Ред.) 2009.** *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской конференции 2–3 июля 2009 г.* Екатеринбург: Банк культурной информации; Институт истории и археологии УрО РАН.
- Полянй К. 2002.** *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.

- Поппер К. 1983а.** *Логика и рост научного знания*. М.: Прогресс.
- Поппер К. 1983б.** *Нищета историцизма*. М.: Прогресс.
- Поппер К. 1992.** *Открытое общество и его враги*. Т. 1–2. М.: Культурная инициатива.
- Порозовская Б. Д. и др. 1995.** *Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: Биографические очерки*. М.: Республика.
- Поршнев Б. Ф. 1966.** *Социальная психология и история*. М.: Наука.
- Производительные силы как философская категория. 1981.** *Вопросы философии* 4: 87–95.
- Промахина И. М. 1975.** Количественные методы исследования в работах представителей “New Economic History”. *Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории* / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, с. 283–319. М.
- Пушкарева Н. Л. 1989.** *Женщины Древней Руси*. М.: Мысль.
- Пушкарева Н. Л. 1998.** История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории. *Социальная история. Ежегодник. 1997*, с. 69–95. М.
- Пушкарева Н. Л. 1997.** *Частная жизнь русской женщины доиндустриальной России. X – начало XIX в.: невеста, жена, любовница*. М.: Ладомир.
- Пушкарева Н. Л. 2001а.** Как женщин сделали видимыми. Женщины в истории. *Возможность быть увиденными* / Отв. ред. И. Р. Чикалова, с. 20–55. Минск.
- Пушкарева Н. Л. 2001б.** Гендерная проблематика в исторических науках. *Введение в гендерные исследования* / Отв. ред. И. А. Жеребкина. Т. 1, с. 277–312. СПб.
- Пушкарева Н. Л. 2002а.** *Русская женщина: история и современность*. М.: Ладомир.
- Пушкарева Н. Л. 2002б.** Почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастлив. *Адам и Ева* 4: 34–51.
- Пушкарева Н. Л. 2004.** Предмет и методы изучения истории повседневности. *Этнографическое обозрение* 5: 3–19.
- Пушкарева Н. Л. 2005.** «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий. *Социальная история. Ежегодник. 2004*, с. 93–113. М.
- Пушкарева Н. Л. 2006.** Женщины-ученые в российском постсоветском фольклоре. *Этнографическое обозрение* 4: 39–58.

- Пушкарева Н. Л. 2007а.** История повседневности: предмет и методы. *Социальная история. Ежегодник. 2007*, с. 9–21. М.
- Пушкарева Н. Л. 2007б.** *Гендерная теория и историческое знание*. СПб.: Алетейя.
- Пушкарева Н. Л. 2011.** *Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии*. М.: Ломоносовъ.
- Пшеворский А. 2000.** *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН.
- Раппопорт Х. 1899.** *Философия истории в ее главнейших течениях*. СПб.
- Рассел Б. 1994а.** *История западной философии*. Т. 1 (кн. 1–2). Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.
- Рассел Б. 1994б.** *История западной философии*. Т. 2 (кн. 3). Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.
- Растоу Д. 1996.** Переходы к демократии: попытка динамической модели. *Полис* 5: 5–15.
- Ревель Ж. 1996.** Микроисторический анализ и конструирование социального. *Современные методы преподавания новейшей истории*, с. 236–261. М.
- Реизов Б. Г. 1956.** *Французская романтическая историография 1815–1830*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Рейснер Л. И. 1993.** *Цивилизация и способ общения*. М.: Вост. лит-ра.
- Репина Л. П. 1997.** Гендерная история: проблемы и методы исследования. *Новая и новейшая история* 6: 41–58.
- Репина Л. П. 2004.** *Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия*. М.: РОССПЭН.
- Репина Л. П. (Ред.) 2010.** *История через личность. Историческая биография сегодня*. М.: Квадрига.
- Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. 2004.** *История исторического знания*. М.: Дрофа.
- Репина Л. П., Стогова А. В., Суприянович А. Г. (Ред.) 2007.** *Гендер и общество в истории*. СПб.: Алетейя.
- Рикардо Д. 1955.** *Сочинения*: в 5 т. Т. 1. *Начала политической экономии и налогового обложения*. М.: Госполитиздат.
- Риккерт Г. 1998.** *Науки о природе и науки о культуре (Избранное)*. М.: Республика.
- Римский клуб.** *История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы*. М.: УРСС, 1997.

- Розанов И. А. 1986.** *Великие катастрофы в истории Земли*. М.: Наука.
- Розов Н. С. 2001а.** На пути к обоснованным периодизациям Всемирной истории. *Время мира*. Вып. 2, с. 222–305. Новосибирск.
- Розов Н. С. (Ред.) 2001б.** *Разработка и апробация метода теоретической истории*. Новосибирск: Наука.
- Розов Н. С. 2002.** *Философия и теория истории*. Кн. 1. *Прологомены*. М.: Логос.
- Розов Н. С. 2009.** *Историческая макросоциология: Методология и методы*. Новосибирск: НГУ.
- Розов Н. С. 2011.** Клиодинамика без математики: методы и средства исторической макросоциологии. *Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 2, с. 239–263. М.
- Саид Э. В. 2006.** *Ориентализм. Западные концепции Востока* / Пер. с англ. А. В. Говорунова. М.: Русский мир.
- Салинз М. 1999.** *Экономика каменного века*. М.: ОГИ.
- Семенов Ю. И. 1970.** Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс. *Народы Азии и Африки* 5: 82–95.
- Семенов Ю. И. 1993.** *Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество*. Ч. I–III. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН.
- Семенов Ю. И. 1995.** Материалистическое понимание истории: за и против. *Восток* 2: 18–40.
- Семенов Ю. И. 1999.** *Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции*. М.: Старый сад.
- Семенов Ю. И. 2003.** *Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)*. М.: Современные тетради.
- Семенов Ю. И. 2008.** *Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки*. М.: Волшебный ключ.
- Семенова Л. А. 1974.** *Из истории фатимидского Египта*. М.: Наука.
- Сергейчик Е. М. 2002.** *Философия истории*. СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России.
- Скотт Дж. 2001.** Гендер: полезная категория исторического анализа. *Введение в гендерные исследования*. Ч. 2. *Хрестоматия* / Отв. ред. И. А. Жеребкина, с. 411–420. Харьков; СПб.
- Словарь русского языка:** в 4 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1983.

- Смоленский Н. И. 2007.** *Теория и методология истории.* М.: Академия.
- Соколова М. Н. 1979.** *Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса.* М.: Наука.
- Соловьев С. М. 1989.** *Чтения и рассказы по истории России.* М.: Правда.
- Сорокин П. А. 2000.** *Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений.* СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та.
- Сорокин П. А. 2003.** *Голод как фактор.* М.: Academia.
- Спир Ф. 1991.** Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности. *Общественные науки и современность* 5: 152–163.
- Спустя полвека: народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.** Курган: Парус-М, 1994.
- Сравнительное изучение цивилизаций.** Хрестоматия / Ред.-сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект-Пресс, 1998.
- Сталин И. В. 1939.** *Вопросы ленинизма.* 11-е изд. М.: ОГИЗ.
- Стернз П. 2001.** Периодизация в преподавании мировой истории: выявление крупных изменений. *Время мира.* Вып. 2, с. 411–420. Новосибирск.
- Страбон.** География / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994.
- Стратановский Г. А. 1993.** Фукидид и его «История». *Фукидид. История,* с. 405–438. М.
- Супоницкая И. М. 1981.** Американская клиометрия: эконометрия в истории. *История и историки.* 1978, с. 112–127. М.
- Тарнас Р. 1995.** *История западного мышления.* М.: Крон-пресс.
- Тилли Ч. 2009.** *Принуждение, капитал и европейские государства: 990 – 1992 гг.* М.: Территория будущего.
- Тинберген Я. 1980.** *Пересмотр международного порядка.* М.: Прогресс.
- Тишкин Г. А. 1984.** *Женский вопрос в России в 50–60 гг XIX в.* Л.: Изд-во ЛГУ.
- Тойнби А. 1991.** *Постижение истории.* М.: Прогресс.
- Толстой Л. Н. 1987.** *Война и мир:* в 4 т. Т. 3. М.: Просвещение.
- Томпсон П. 2003.** *Устная история.* М.: Весь мир.
- Тортика А. А., Михеев В. К., Куртиев Р. И. 1994.** Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ. *Этнографическое обозрение* 1: 49–62.

- Тоффлер Э. 1997.** *Футурошок*. СПб.: Лань.
- Тоффлер Э. 1999.** *Третья волна*. М.: АСТ.
- Тош Дж. 2000.** *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. М.: Весь мир.
- Трубникова Н. В. 2007.** *Историческое движение «Анналов»: традиции и новации*. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та.
- Туган-Барановский М. И. 2008 [1913].** *Периодические промышленные кризисы*. М.: Директмедиа Паблишинг.
- Тураев В. А. 2001.** *Глобальные проблемы современности*. М.: Ладомир.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика: На пути к теоретической истории*. М.: УРСС.
- Турчин П. В. 2011.** Клиодинамика: новая теоретическая и математическая история. *Метод: московский ежегодник трудов из общественных дисциплин*. Вып. 2, с. 173–186. М.
- Турчин П. В., Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. (Ред.) 2007.** *История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска*. М.: ЛКИ/URSS.
- Тыжов А. Я. 1994.** Полибий и его «Всеобщая история». *Полибий. Всеобщая история*. Т. I, с. 5–33. СПб.
- Тюрго А. Р. Ж. 1961.** *Избранные экономические произведения*. М.: Соцэкиз.
- Уайт Л. 1994.** Понятие культуры. Энергия и эволюция культуры. *Антология исследований культуры*, с. 17–48, 439–464. СПб.
- Уайт Л. 2004а.** *Избранное: эволюция культуры*. М.: РОССПЭН.
- Уайт Л. 2004б.** *Избранное: наука о культуре*. М.: РОССПЭН.
- Уваров П. Ю. 2004.** История, историки и историческая память во Франции. *Отечественные записки* 5(20): 192–211.
- Уваров П. Ю. (Ред.) 2012.** *Всемирная история*. Т. 2. *Средневековые цивилизации Запада и Востока*. М.: Наука.
- Уилкинсон Д. 2001.** Центральная цивилизация. *Время мира* 2: 397–423.
- Уильямсон С. 1996.** История клиометрики в США. *Экономическая история. Обзорение*. Вып. 1, с. 75–107. М.
- Урсу Д. П. 1989.** Методологические проблемы устной истории. *Источниковедение отечественной истории*, с. 3–32. М.
- Уэст К., Зиммерман Д. 1997.** Создание гендера. *Гендерные тетради. Труды СПб филиала ИС РАН*, с. 94–124.

- Февр Л. 1991.** *Бои за историю*. М.: Наука.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1987.** *Статистические методы в археологии*. М.: Высшая школа.
- Фрезер Дж. 1986.** *Золотая ветвь*. М.: Политиздат.
- Фроянов И. Я. 1980.** *Киевская Русь. Очерки социально-политической истории*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Фроянов И. Я. 1999.** *Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Хазанов А. М. 1975.** *Социальная история скифов*. М.: Наука.
- Хасбулатова О. А. (Ред.) 1998.** *Социальная феминология*. Иваново: Юнона.
- Хантингтон С. 1997.** Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. *Pro et Contra* 2: 114–153.
- Хантингтон С. 2003а.** *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Хантингтон С. 2003б.** *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН.
- Хикс Дж. 2006.** *Теория экономической истории*. М.: Вопросы экономики.
- Холл Т. 2004.** Монголы в мир-системной истории. *Монгольская империя и кочевой мир*. Вып. 1 / Отв. ред. Б. В. Вазаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова, с. 136–166. Улан-Удэ.
- Хорос В. Г. 1996.** *Русская история в сравнительном освещении*. М.: ЦГО.
- Цаф В. 1998.** Теория модернизации и различие путей общественного развития. *Социологические исследования* 8: 14–26.
- Цаф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я. 2002.** Германия: трансформация через объединение. *Социологические исследования* 5: 19–7.
- Цирель С. В. 2011.** Может ли история стать точной наукой? *Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 2, с. 187–205. М.
- Чайлд Г. 1956.** *Древнейший Восток в свете новых раскопок*. М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Чейз-Данн К., Холл Т. 2001.** Две, три, много миросистем. *Время мира* 2: 424–448.
- Чикалова И. Р. (Ред.) 2001–2004.** *Женщины в истории: возможность быть увиденными*. Вып. 1–3. Минск: БГПУ.
- Чиколина Л. С. (Ред.) 1988.** *Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения*. М.: Наука.
- Членов М. А. 1988.** Холокультурализм. *Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические*

субдисциплины. Школы и направления. Методы / Отв. ред. М. В. Крюков, И. Зеллнов, с. 195–198. М.

Чубаров В. В. 1991. Ближневосточный локомотив: темпы развития техники и технологии в древнем мире. *Архаические общества: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, с. 92–135. М.

Шапиро А. Л. 1993. *Историография с древнейших времен до 1917 г.* М.: Культура.

Шартье Р. 2001. *Культурные истоки Французской революции.* М.: Искусство.

Шпенглер О. 1993. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории.* Т. 1. М.: Мысль.

Шпенглер О. 1998. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории.* Т. 2. М.: Мысль.

Штаерман Е. М. 1989. К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.

Штаерман Е. М. 1990. К итогам дискуссии о Римском государстве. *Вестник древней истории* 3: 69–75.

Штомпка П. 1996. *Социология социальных изменений.* М.: Аспект-Пресс.

Шумпетер Й. 1982. *Теория экономического развития.* М.: Прогресс.

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия.* М.: Экономика.

Щедровицкий Г. П. 1981. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок. *Системные исследования. Ежегодник. 1981*, с. 193–227. М.

Элиас Н. 2001. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования.* Т. 1, 2. М.; СПб.: Университетская книга.

Эмар М. 2005. «Анналы» – XXI век. *Одиссей. Человек в истории. 2005*, с. 131–137. М.

Эмерсон Р. 2001. *Нравственная философия.* Минск: Харвест; М.: АСТ.

Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы). Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): сб. докладов. Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004.

Юкина И. И. 2008. *Гендерный анализ как инструмент преобразования общества.* СПб.: Алетейя.

Ясперс К. 1994. *Смысл и назначение истории.* М.: Республика.

- Abramovitz M. 1961.** The Nature and Significance of Kuznets Cycles. *Economic Development and Cultural Change* 9: 225–248.
- Abu-Lughod J. 1989.** *Before European Hegemony: The World-System A.D. 1250–1350*. New York, NY: Oxford University Press.
- Abu-Lughod J. 1990.** Restructuring the Premodern World-System. *Review* 13(2): 273–286.
- Adams R. 1975.** *Energy and Structure. A Theory of Social Power*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Adshead C. A. M. 1993.** *Central Asia in World History*. London: Macmillan.
- Althusser L. 1970.** *Reading “Capital”*. London: New Left Books.
- Anderson T. L., Thomas R. P. 1973.** White Population Labor Force and Extensive Growth of the New England Economy in the Seventeenth Century. *Journal of Economic History* 33(3): 634–667.
- Anderson T. L., Thomas R. P. 1978.** The Growth of Population and Labor Force in the Seventeenth Century Chesapeake. *Exploration in Economic History* 15(3): 290–312.
- Apter D. E. 1965.** *The Politics of Modernization*. Chicago: University of Chicago Press.
- Aron R. 1948.** *Introduction to the Philosophy of History: An Essay on the Limits of Historical Objectivity*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Arrighi G. 1994.** *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso.
- Bailyn B. 1986.** *The Peopling of British North America*. New York: Random House.
- Baran P. 1957.** *The Political Economy of Growth*. New York: Monthly Review Press.
- Baum R. 2004.** Ritual and Rationality: Religious Roots of the Bureaucratic State in Ancient China. *Social Evolution & History* 3(1): 41–68.
- Bellah R. N. (Ed.) 1965.** *Religion and Progress in Modern Asia*. New York: Free Press.
- Benson I., Lloyd J. 1983.** *New Technology and Industrial Change: The Impact of the Scientific-Technical Revolution on Labour and Industry*. London; New York: Kogan Page – Nichols.
- Bentley J. H. 1996.** Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History. *American Historical Review* 101(3): 749–770.
- Betzig L. 1986.** *Despotism and Differential Reproduction: A Darwinian View of History*. New York: Aldine.

- Betzig L. 1989.** Despotism and Harem Size. *World Cultures* 5(4). F. STDS56. COD, STDS56.DAT.
- Black C. E. 1975.** *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York: Harper Colophon Books.
- Bloch M. 1978.** *French Rural History*. London and Henley: Rutledge and Keegan Paul.
- Bondarenko D., Korotayev A. 2000.** Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34: 190–208.
- Boserup E. 1965.** *The Conditions of Agricultural Growth*. Chicago: Aldine.
- Bourdieu P., Wacquant L. J. D. (Eds.) 1992.** *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.
- Boxer M. J. 1988.** For and About Women: The Theory and Praxice of Women's Studies in the United States. *Reconstructing the Academy. Women's Education and Women's Studies*, pp. 69–103. Chicago.
- Buckle H. T. 2001 [1857–1861].** *History of Civilization in England*. Vol. 1. Chestnut Hill, MA: Adamant Media Corporation.
- Cameron R. 1976.** Economic History, Pure and Applied. *Journal of Economic History* 36(1): 3–32.
- Campbell J. 1984.** Work, Pregnancy and Infant Mortality among Southern Slaves. *Journal of Interdisciplinary History* 14(4): 793–812.
- Carneiro R. 1970.** A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
- Carneiro R. 1973.** Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures. *A Handbook of Method in Cultural Anthropology* / Ed. by R. Narrol and R. Cohen, pp. 834–871. New York.
- Carneiro R. 1981.** The Chiefdom as Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. Jones and R. Kautz, pp. 37–79. New York: Cambridge University Press.
- Carneiro R. 2000.** *The Muse of History and the Science of Culture*. New York, NY: Kluwer Academic.
- Carneiro R. 2003.** *Evolutionism in Cultural Anthropology: A Critical History*. Boulder: Westview Press.
- Carter S. B. 1986.** Occupational Segregation, Teachers Wages and American Economic Growth. *Journal of Economic History* 46(2): 373–384.
- Carter S. B., Prus M. 1982.** The Labor Market and the American High School Girl. 1890–1928. *Journal of Economic History* 42(1): 163–171.
- Certeau Michel de. 1980.** *Arts de faire: L'Invention du quotidien*. Paris: Gallimard.

- Chase-Dunn Ch., Hall T. 1997.** *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.
- Chase-Dunn C., Hall T. D., Niemeyer R., Alvarez A., Inoue H., Lawrence V., Carlson A., Fierro B., Kanashiro M., Sheikh-Mohamed H., Young L. 2011.** Middlemen and Marcher States in Central Asia and East/West Empire Synchrony. *History & Mathematics: Processes and Models of Global Dynamics* / Ed. by L. Grinin, P. Herrmann, A. Korotayev, A. Tausch, pp. 64–91. Volgograd.
- Childe V. G. 1950.** The Urban Revolution. *Town Planning Review* 21(1): 3–17.
- Cipolla C. M. (Ed.) 1976.** *The Industrial Revolution. 1700–1914*. London; New York: Harvester Press, Barnes & Noble.
- Claessen H. J. M. 2000.** *Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden: Research School CNWS, Leiden University.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. (Eds.) 1978.** *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. (Eds.) 1981.** *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Cloud P., Galenson D. W. 1987.** Chinese Immigration and Contract Labor In the Late Nineteenth Century. *Exploration in Economic History* 24(1): 22–42.
- Coelho P. R. P., Shepherd J. F. 1976.** Regional Differences in Real Wages: The United States, 1810–1881. *Exploration in Economic History* 13(2): 203–230.
- Cohen G. A. 1978.** *Karl Marx's Theory of History: A Defence*. Oxford: Princeton University Press.
- Cohen R., Service E. (Eds.) 1978.** *The Origin of the State*. Philadelphia, PA: Institute for the Study of Human Issues.
- Cohn R. L. 1984.** Mortality on Immigrant Voyages to New York. *Journal of Economic History* 44(2): 289–300.
- Coelho P. R. P., Shepherd J. F. 1974.** Differences in Regional Prices: The United States, 1851–1880. *Journal of Economic History* 34(3): 551–591.
- Collins R. 1986.** *Weberian Sociological Theory*. New York: Cambridge University Press.
- Collins R. 1999.** *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford University Press.
- Conrad A. H., Meyer J. R. 1957.** Economic Theory, Statistical Inference and Economic History. *The Journal of Economic History* 17(4): 524–544.

- Conrad A. H., Meyer J. R. 1958.** The Economic of Slavery in the Antebellum South. *Journal of Political Economy* 66(2): 95–130.
- Corbin A., Farge A., Perrot M. (Eds.) 1989.** *Geschlecht und Grschichte. Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich?* Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Cox D., Nye J. 1987.** Male-female Wage Discrimination in Nineteenth Century, France: Abstract. *Newsletter of the Cliometric Society*, Vol, 3, no 1. Sec. 2. Papers for ASSA Session.
- Crosby A. W. 1972.** *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492.* Westport: Greenwood.
- Crosby A. W. 1986.** *Ecological Imperialism: The biological Expansion of Europe, 900–1900.* New York: Cambridge University Press.
- Crubb F. 1986.** Redempioner Immigration to Pennsylvania. Evidence on Contract Choice and Profitability. *Journal of Economic History* 46(2): 404–418.
- Crubb F. 1987.** Morbidity and Mortality on the North Atlantic Passage: Eighteenth Century German Immigration. *Journal of Economic History* 17(3): 65–585.
- David P. 1975.** *Technical Choice, Innovations and Economic Growth.* Cambridge: Cambridge University Press.
- David P. A., Sanderson W. C. 1987.** Rudimentary Contraceptive Methods and the American Transition to Marital Fertility Control, 1855–1915. *Studies in Income and Wealth* 51: 307–379.
- David P. A., Sundstron W. A. 1988.** Old-age Security Motives, Labor Markets and Form Family Fertility in Antebellum America. *Exploration in Economic History* 25(2): 164–197.
- David P. A., Temin P. 1976a.** Capitalist Masters, Bourgeois Slaves. In David P. A., *Reckoning with Slavery: A Critical Study in the Quantitative History of American Negro Slavery*, pp. 33–54. New York.
- David P. A., Temin P. 1976b.** Slavery: The Progressive Institution. In David P. A., *Reckoning with Slavery: A Critical Study in the Quantitative History of American Negro Slavery*, pp. 165–231. New York.
- Davin A. 1988.** Redressing the Balance or Transforming the Art? The British Experience. *Retrieving Women's History* / Ed. by S. J. Kleinberg, pp. 60–78. New York, NY: Berg.
- Davis L. E., Engerman S. L. 1987.** Cliometrics: The State of the Science (or Is it Art or, perhaps, Witchcraft). *Historical Methods* 20(3): 97–106.
- Dow M. M., Burton M. L., White D. R., & Reitz K. 1984.** Galton's Problem as Network Autocorrelation. *American Ethnologist* 11: 754–770.

- Downing B. 1992.** *The Military Revolution and Political Change*. Princeton: Princeton University Press.
- Earle T. 1997.** *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford (CA): Stanford University Press.
- Earle T. 2002.** *Bronze Age Economics: The First Political Economies*. Boulder: Western Press.
- Easterlin R. A. 1961.** Regional Income Trends, 1840–1950. *American Economic History* / Ed. by S. E. Harris, pp. 525–547. New York.
- Easterlin R. A. 1966.** Economic-Demographic Interactions and Long Swings in Economic Growth. *American Economic Review* 56: 1063–1104.
- Eisenstadt S. N. 1966.** *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Ember C. R., Ember M. 1992a.** Resource Unpredictability, Mistrust, and War: A Cross-Cultural Study. *Journal of Conflict Resolution* 36: 242–262.
- Ember C. R., Ember M. 1992b.** Codebook for “Warfare, Aggression, and Resource Problems: Cross-Cultural Codes”. *Behavior Science Research* 26: 169–186.
- Ember C. R., Ember M. 1994.** War, Socialization, and Interpersonal Violence. *Journal of Conflict Resolution* 38: 620–646.
- Ember C. R., Ember M. 1995.** Warfare, Aggression, and Resource Problems: SCCS Codes. *World Cultures* 9(1): 17–57. F. STDS78.COD, STDS78.DAT, STDS78.REL, STDS78.DES.
- Ember C. R., Levinson D. 1991.** The Substantive Contributions of Worldwide Cross-Cultural Studies Using Secondary Data. *Behavior Science Research* 25: 79–140.
- Ember M., Ember C. R. 1971.** The Conditions Favoring Matrilocal versus Patrilocal Residence. *American Anthropologist* 73: 571–594.
- Ember M., Ember C. R. 1983.** *Marriage, Family, and Kinship: Comparative Studies of Social Organization*. New Haven, CT: HRAF Press.
- Engerman S. L. 1971.** The Economic Impact of the Civil War. *Reinterpretation of American Economic History*, pp. 369–383. New York.
- Evans S. 1978.** *Personal Politics: The Roots of Women's Liberation in the Civil Rights Movement and the New Left*. New York: Knopf.
- Fishlow A. 1965.** *American Railroads and Transformation of the Antebellum Economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Flannery C. 1972.** The Cultural Evolution of Civilizations. *Annual Review of Ecology and Systematic* 3: 399–426.

- Fogel R. W. 1964.** *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore: Johns Hopkins Press.
- Fogel R. W. 1965.** The Reunification of Economic History with Economic Theory. *The American Economic Review* 55(2): 92–98.
- Fogel R. W. 1967.** The Specification Problem in Economic History. *Journal of Economic History* 27(3): 283–308.
- Fogel R. W. 1979.** Notes on the Social Saving Controversy. *Journal of Economic History* 39(1): 1–55.
- Fogel R. W. 1989.** Second Thoughts on the European Escape from Hunger: Famines, Price, Elasticities, Entitlements, Chronic Malnutrition and Mortality Rates. *Newsletter of the Cliometric Society*, Vol. 4, no 3. Sec. 2, Speeches and Abstracts.
- Fogel R. W. 1990.** An Interview with Robert W. Fogel. *The Newsletter of the Cliometric Society* 5 (July).
- Fogel R. W., Elton G. R. 1983.** *Which Road to the Past? Two Views of History*. New Haven: Yale University Press.
- Fogel R. W., Engerman S. L. 1971.** The Economics of Slavery. *The Reinterpretation of American Economic History*, pp. 311–341. New York.
- Fogel R. W., Engerman S. L. 1974.** *Time on the Cross: The Economic of American Negro Slavery*. Vol. 1–2. Boston, Toronto: Little, Brown.
- Fogel R. W., Engerman S. L., Trussell J. 1982.** Exploring the Uses of Data on Height: the Analysis of Long-Term Trends in Nutrition, Labor Welfare and Labor Productivity. *Social Science History* 6(4): 401–421.
- Frank A. G. 1998.** *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Frank A. G., Gills B. (Eds.) 1994.** *The World System: 500 or 5000 Years?* London: Routledge.
- Fried M. 1967.** *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.
- Gallman J. M. 1984.** Relative Ages of Colonial Marriages. *Journal of Interdisciplinary History* 14(3): 609–617.
- Gallman R. E. 1970.** Self-sufficiency in the Cotton Economy of the Antebellum South. *Agricultural History* 44(1): 5–23.
- Gellner E. 1988.** *Plough, Sword and Book. The Structure of Human History*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Gerschenkron A. 1962.** *Economic Backwardness in historical Perspective*. Cambridge, Mass.: Belknap Press.

- Gills B., Frank A. G. 1992.** World System Cycles, Crises and Hegemonial Shifts 1700 BC to AD 1700. *Review* 15(4): 621–687.
- Gilmore D. D. 1990.** *Manhood in the Making: Cultural Concepts of Masculinity*. New Haven: Yale University Press.
- Goldin C. D., Sokoloff K. 1982.** Women, Children and Industrialization in the Early Republic: Evidence From the Manufacturing Census. *Journal of Economic History* 42(4): 741–774.
- Goldin C. D. 1987.** The Female Labor Force and American Economic Growth. *Studies in Income and Wealth* 51: 557–590.
- Goldin C. D., Lewis F. D. 1978.** The Post-bellum Recovery of the South and the Cost of the Civil War: Comment. *Journal of Economic History* 38(2): 487–492.
- Goldstein J. 1988.** *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Goldstone J. 1988.** East and West in the Seventeenth Century. Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey and Ming China. *Comparative Studies in Society and History* 30: 103–142.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goudsblom J., Jones E., Mennel S. 1996.** *The Course of Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization*. Armonk, NY: M. E. Sharp.
- Grancelli B. (Ed.) 1995.** *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York: De Gruyter.
- Grigg D. 1980.** *Population Growth and Agrarian Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gusfield J. R. 1973.** Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change. *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences* / Ed. by A. Etzioni, E. Etzioni-Halevy, pp. 333–341. New York.
- Gutman H. G., Sutch R. 1976a.** Sambo Makes Good or Were Slaves Imbued with the Protestant Work Ethic? *Reckoning with Slavery. A Critical Study in the Quantitative History of American Negro Slavery*, pp. 55–93. New York.
- Gutman H. G., Sutch R. 1976b.** The Slave Family: Protected Agent of Capitalist Masters or Victim of the Slave Trade? *Reckoning with Slavery. A Critical Study in the Quantitative History of American Negro Slavery*, pp. 94–134. New York.
- Gutman H. G., Sutch R. 1976c.** Victorians All? The Sexual Mores and Conduct of Slaves and Their Masters. *Reckoning with Slavery. A Critical Study*

- in the Quantitative History of American Negro Slavery*, pp. 134–165. New York.
- Habakkuk H. J. 1962.** *American and British technology in the XIX century.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Hägerstrand T. 1967.** *Innovation Diffusion as a Spatial Process.* Chicago: The University of Chicago Press.
- Hall T. D. (Ed.) 2000.** *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology.* Boulder, CO: Rowman and Littlefield Press.
- Harris M. 1968.** *The Rise of Anthropologies Theory. A History of Theories of Culture.* New York: Altamira Press.
- Hausen K., Wunder H. (Ed.) 1992.** *Frauengeschichte – Geschlechtergeschichte.* Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Higgs R. 1979.** *Competition and Coercion.* New York etc.: Cambridge University Press.
- Hollpice C. 1986.** *The Principles of Social Evolution.* Oxford: Clarendon Press.
- Hook S. 1955[1943].** *The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility.* Boston: Beacon Press.
- Hook S. (Ed.) 1963.** *Philosophy and History. A Symposium.* New York: New York University Press.
- Hughes J. R. T. 1960.** *Fluctuations in Trade, Industry and Finance: A Study of British Economic Development, 1850–1860.* New York etc.: Clarendon Press.
- Huntington S. 1976.** The Change to Change: Modernization, Development, and Politics. *Comparative Modernization: A Reader* / Ed. by C. E. Black, pp. 283–322. New York; London.
- Huntington S. 1984.** Will More Countries Become Democratic? *Political Science Quarterly* 99: 193–218.
- Huntington S. 1996.** *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* New York: Simon and Schuster.
- Igers G. 1984.** *New Directions in European Historiography.* London: Wesleyan.
- James J. A. 1981.** Some Evidence on Relative Labor Scarcity in Nineteenth Century American Manufacturing. *Exploration in Economic History* 18(4): 376–388.
- James W. 2005.** *Great Men and Their Environment.* Kila, MT: Kessinger Publishing.
- Johnson A. W., Earle T. 1987.** *The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State.* Stanford, CA: Stanford University Press (2nd ed., 2000).

- Jones M. (Ed.) 2000.** *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VI. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kearl J. R., Pope C. 1987.** Choices, Rents and Luck: Economic Mobility of 19th Utah Households. *Studies in Income and Wealth* 51: 215–256.
- Kerkhoff I. 1987.** Zwischen New Left and New Right: Zur amerikanischen Frauenbewegung, 1967–1986. *Argument-Sonderband* 156: 38–61.
- Khaltourina D., Korotayev A. and Divale W. 2002.** A Corrected Version of the Standard Cross-Cultural Sample Database. *World Cultures* 13(1): 62–98.
- Klimenko V. V., Tereshin A. G. 2010.** World Energy and Climate in the Twenty-first Century in the Context of Historical Trends: Clear Constraints to the Future Growth. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 30–43.
- Kollmann N. S. 1987.** *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System. 1345–1347*. Stanford: Stanford University Press.
- Korotayev A. 1995.** *Ancient Yemen: Some General Trends of the Evolution of the Sabaic Language and Sabaean Culture*. Oxford: Oxford University Press.
- Korotayev A. 1996.** *Pre-Islamic Yemen: Socio-Political Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden: Harrassowitz.
- Korotayev A. 2004.** *World Religions and Social Evolution of the Old World Oikumene Civilizations: A Cross-cultural Perspective*. New York: Edwin Mellen Press.
- Korotayev A., Bondarenko D. 2000.** Polygyny and Democracy: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34(2): 190–208.
- Korotayev A., de Munck V. 2003.** “Galton’s Asset” and “Flower’s Problem”: Cultural Networks and Cultural Units in Cross-Cultural Research (or, the Male Genital Mutilations and Polygyny in Cross-Cultural Perspective). *American Anthropologist* 105: 353–358.
- Kremer M. 1993.** Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics* 108: 681–716.
- Lerner D. 1965.** *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York; London: Free Press.
- Levinson D., Malone M. 1980.** *Toward Explaining Human Culture: A Critical Review of the Findings of Worldwide Cross-Cultural Research*. New Haven, CT: HRAF Press.
- Levy M. J. 1965.** Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 358: 29–40.

- Levy M. J. 1966.** *Modernization and the Structure of Societies*. Vol. 1–2. Princeton: Princeton University Press.
- Lewis R. L. 1987.** *Black Coal Miners in America: Race, Class and Community Conflict 1780–1980*. Lexington: The University Press of Kentucky.
- Lindert P. H. 1985.** English Population, Wages and Prices: 1541–1913. *Exploration in Economic History* 15(4): 609–634.
- Lindstrom D. 1970.** Southern Dependence on Interregional Grain Supplies: A Review of the Trade Flows. 1840–1860. *Agricultural History* 44(1): 101–113.
- Lipp C. 1993.** Alltagskulturforschung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts. *Zeitschrift für Volkskunde* 89(1): 2–21.
- Lipset S. M. 1963.** *Political Man*. New York: Doubleday.
- Little D. 1993.** On the Scope and Limits of Generalizations in the Social Sciences. *Synthese* 97(2): 183–207.
- Maffesoli M. 1989.** The Sociology of Everyday Life (Epistemological Elements). *Current Sociology* 37: 3–16.
- Mann M. 1984.** The Autonomous Power of The State: Its Origins, Mechanisms, and Results. *Archives of European Sociology* 25: 185–213.
- Mann M. 1987.** *The Sources of Social Power*. Vol. I: *A History of Power From the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Mann M. 1993.** *The Sources of Social Power*. Vol. II: *The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mann M. 1997.** Has Globalization Ended the Rise and Rise of Nation-State? *Review of International Political Economy* 4(3): 472–496.
- Marcuse H. 1958.** *The Soviet Marxism*. New York etc.: Columbia University Press.
- McCloskey D. 1973.** *Economic Maturity and Entrepreneurial Decline: British Iron and Steel, 1870–1913*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- McNeill W. H. 1993.** *Plagues and Peoples*. 2nd ed. New York, NY: Monticello.
- McNeill W. H. 1995.** The Changing Shape of World History. *History and Theory* 35: 8–26.
- Mesarović M. D., Pestel E. 1974.** *Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome*. Laxenburg: IIASA.
- Meyer J. 1995.** An Interview with John Meyer. *The Newsletter of The Cliometric Society* 10(1).

- Middell M. 2004.** Histoire universelle, histoire globale, transfert culturel. L'horizon anthropologique des transferts culturels. *Revue germanique internationale* 21: 227–244.
- Modelski G., Thompson W. R. 1996.** *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Mokyr J. (Ed.) 1993.** *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. Boulder, CO: Westview.
- Moore B. Jr. 1966.** *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Müller K. 1992.** “Modernizing” Eastern Europe. Theoretical Problems and Political Dilemmas. *Archives Européennes de Sociologie* 1: 109–150.
- Murdock G. 1957.** World Ethnographic Sample. *American Anthropologist* 59: 664–687.
- Murdock G. 1967.** *Ethnographic Atlas: A Summary*. Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press.
- Murdock G. 1981.** *Atlas of World Cultures*. Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press.
- Murdock G. P., 1983 [1954].** *Outline of World Cultures*. 6th revised ed. New Haven: Human Relations Area Files.
- Murdock G. P., Ford C. S., Hudson A. E., Kennedy R., Simmons L. W., Whiting J. W. M. 1987 [1938].** *Outline of Cultural Materials*. 5th revised ed. New Haven, 1987.
- Murdock G. P., Morrow D. O. 1970.** Subsistence Economy and Supportive Practices: Cross-Cultural Codes 1. *Ethnology* 9: 02–330.
- Murdock G. P., Provost K. 1973.** Measurement of Cultural Complexity. *Ethnology* 12(4): 379–392.
- Murdock G. P., Textor R., Barry H. III, White D. R. 1986.** Ethnographic Atlas. *World Cultures* 2(4) – first electronic version.
- Murdock G. P., White, D. R. 1969.** Standard Cross-Cultural Sample. *Ethnology* 8: 329–369.
- Nisbet R. 1980.** *History of Idea of Progress*. New York: Heinemann.
- North D. C. 1961.** *The Economic Growth of the United States, 1790–1860*. Englewood Cliffs: Prentice Hall.
- North D. C. 1966.** *Growth and Welfare in the American Past: A New Economic History*. New York: Prentice Hall.

- North D. C. 1993.** An Interview with Douglass C. North. *The Newsletter of The Cliometric Society* 8(3): 7–12, 24–28.
- North D. C., Davis L. E. 1971.** *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. C., Thomas R. 1973.** *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. C., Wallis J. J. 1987.** Measuring the American Economy, 1870–1970. *Studies in Income and Wealth* 51: 95–148.
- Nowak L. 2009.** Class and Individual in the Historical Process. *Idealization XIII: Modeling in History*. Ed. by K. Brzechczyn (Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities, vol. 97), pp. 63–84. Amsterdam; New York.
- Pomata G. 1993.** Histoire des femmes et “gender history” (note critique). *Annales* 48(4): 1019–1026.
- Ponting C. 1991.** *A Green History of the World*. London: Sinclair-Stevenson.
- Popper K. R. 1957.** *The Poverty of Historicism*. London: Routledge, Kegan Paul.
- Postan M. 1973.** *Essays on Medieval Agriculture and General Problems of Medieval Economy*. London: Cambridge University Press.
- Poulantzas N. 1978.** *Class and Class Struggle*. London: Lawrence & Wishart.
- Pushkareva N. 1997.** *Women in Russian History*. New York: M. E. Sharpe.
- Ragin Ch. 1994.** *Constructing Social Research*. London etc.: Pine Forge Press.
- Ragin Ch. 1987.** *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.
- Ransom R., Sutch R. 1977.** *One Kind of Freedom. The Economic Consequences of Emancipation*. London: Cambridge University Press.
- Ransom R., Sutch R. 1989.** The Trend in the Rate of Labor Force Participation of Older Men, 1870–1930: A Reply to Moen. *Journal of Economic History* 49(1): 170–183.
- Reed C. A. (Ed.) 1977.** *The Origins of Agriculture*. The Hague: Mouton.
- Renfrew C. 1972.** *The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium B.C.* London: Methuen.
- Renfrew C., Cherry, J. F. (Eds.) 1986.** *Peer Polity Interaction and Socio-political Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rich E. E., Wilson E. H. (Eds.) 1967.** *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. IV. Cambridge: Cambridge University Press.

- Riley D. 1988.** *Am I That Name? Feminism and Category of 'Women' in History*. London: McMillan.
- Roberts M. 1967.** *Essays in Swedish History*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Rogers E. M. 1995.** *Diffusion of Innovations*. 4th ed. New York: The Free Press.
- Rosenberg N. 1977.** American Technology: Imported or Indigenous? *American Economic Review* 67(1): 21–26.
- Rostow W. W. 1956.** The Takeoff into Self-Sustained Growth. *The Economic Journal* 66(261): 25–48.
- Rostow W. W. 1960.** *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sahlins M. D. Service E. R. (Eds.) 1973.** *Evolution and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan.
- Sanderson S. K. 1990.** *Social Evolutionism. A Critical History*. Cambridge, MA: Blackwell.
- Sanderson S. K. 1995.** *Macrosociology. An Introduction to Human Societies*. 3th ed. New York: HarperCollins College Publishers.
- Sanderson S. K. 1999.** *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*, expanded edition. Lanham, MD: Rowman and Littlefield (orig. 1995, Blackwell).
- Service E. 1960.** The Law of Evolutionary Potential. *Evolution and Culture* / Ed. by M. Sahlins and E. Service, pp. 93–122. Ann Arbor.
- Service E. 1962/1971.** *Primitive Social Organization*. New York, NY: Random House.
- Service E. 1975.** *Origins of the State and Civilization*. New York, NY: Norton.
- Shennan S. 2003.** *Genes, Memes and Human History: Darwinian Archaeology and Cultural Evolution*. London: Thames & Hudson.
- Skocpol T. 1979.** *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge University Press.
- Slavery... 1967:** Slavery as Obstacle to Economic Growth in the USA: A Panel Discussion. *Journal of Economic History* 27(4): 518–560.
- Smelser N. 1966.** The Modernization of Social Relations. *Modernization. The Dynamics of Growth*, pp. 110–121. New York; London.
- Smelser N. 1973.** Toward a Theory of Modernization. *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. 2nd ed. / Ed. by A. Etzioni, E. Etzioni, pp. 268–284. New York.

- Spier F. 1996.** *The Structure of Big History. From the Big Bang until Today.* Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Stearns P. N. (Ed.) 1998.** *The Industrial Revolution in the World History.* 2nd ed. Boulder, CO: Westview.
- Steinmetz S. R. 1930.** Classification des Types Sociaux et Catalogue des Peuples. *Zur Ethnologie und Sociologie II: Gesammelte Kleinere Schriften.* Groningen: P. Noordhoff.
- Steward J. 1955.** *Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution.* Urbana: University of Illinois Press.
- Stinchcombe A. 1987.** *Constructing Social Theories.* Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Stinchcombe A. 1995.** *Sugar Island Slavery in the Age of Enlightenment. The Political Economy of Caribbean World.* Princeton: Princeton University Press.
- Stoller R. 1968.** *Sex and Gender: on the Development of Masculinity and Femininity.* New York: M. E. Sharp.
- Sutch R. 1976.** The Care and Feeding of Slaves. *Reckoning with Slavery. A Critical Study in the Quantitative History of American Negro Slavery,* pp. 231–302. New York.
- Sutton F. X. 1963.** Social Theory and Comparative Politics. *Comparative Politics: A Reader* / Ed. by H. Eckstein, D. Apter, pp. 255–277. New York.
- Sutton F. X. 1966.** Analyzing Social Systems. *Political Development and Social Change* / Ed. by J. L. Finkle, R. W. Gable. New York: John Wiley & Sons.
- Sylvester E., Klotz L. C. 1983.** *The Gene Age: Genetic Engineering and the Next Industrial Revolution.* New York, NY: Scribner.
- Taagepera R. 1978.** Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 3000 to 600 B.C. *Social Science Research* 7: 180–196.
- Taagepera R. 1979.** Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 600 B.C. to 600 A.D. *Social Science History* 3: 115–138.
- Tainter J. 1988.** *The Collapse of Complex Societies.* Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Tarde G. 1890.** *Les lois de l'imitation. Etude sociologique.* Paris: Félix Alcan.
- Temin P. 1966.** Labor Scarcity and the Problem of American Industrial Efficiency in the 1850's. *Journal of Economic History* 26(2): 277–298.

- Temin P. 1969.** *The Jacksonia Economy*. New York: Norton.
- Temin P. 1976.** The Post-bellum Recovery of the South and the Cost of the Civil War. *Journal of Economic History* 36(4): 898–907.
- Therborn G. 1995.** *European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000*. London; New Delhi: Sage Publications.
- Thompson E. P. 1978.** *The Poverty of Theory*. London: Merlin Press.
- Thompson W. R. 2010.** The Lead Economy Sequence in World Politics (From Sung China to the United States): Selected Counterfactuals. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 6–28.
- Tilly C. 1978.** *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison Wesley.
- Tilly C. 2004.** *Social Movements, 1768–2004*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.
- Tiryakian E. 1985.** The Changing Centers of Modernity. *Comparative social dynamics: Essays in honor of S. N. Eisenstadt* / Ed. by E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor, pp. 131–147. Boulder, CO.
- Tjijm J. 1933.** *Die Stellung der Frau bei den Indianern der Vereinigten Staaten und Canadas*. Zutphen: W. J. Thieme.
- Trigger B. 2003.** *Understanding of Early Civilizations: A Comparative study*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Turchin P. 2003a.** *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton: Princeton University Press.
- Turchin P. 2003b.** *Complex Population Dynamics: A Theoretical/Empirical Synthesis*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Turchin P., Nefedov S. A. 2009.** *Secular Cycles*. Princeton: Princeton University Press.
- Tylor E. B. 1889.** On a Method of Investigating the Development of Institutions: Applied to Laws of Marriage and Descent. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 18: 245–272.
- Tylor E. B. 1889.** On a Method of Investigating the Development of Institutions: Applied to Laws of Marriage and Descent. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. Vol. 18: 245–272.
- van der Bij T. S. 1929.** *On Tstaanen en Eerste Ontwikkeling van de Oorlog*. Groningen: Wolters.

- Wahl J. B. 1987.** New Results on the Decline in Household Fertility in the United States from 1750 to 1900. *Studies in Income and Wealth* 51: 391–425.
- Wallerstein I. 1974.** *The Modern World-System. 1: Capitalist Agriculture and the Origin of the European World-Economy in the Sixteenth Century.* New York: Academic Press.
- Wallerstein I. 1980.** *The Modern World-System. 2: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy 1600–1750.* New York: Academic Press.
- Wallerstein I. 1984.** *The Politic of the World-Economy.* Paris: Maison de Science de l'Homme.
- Wallerstein I. 1989.** *The Modern World-System. 3: Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840s.* San Diego, CA: Academic Press.
- Wallerstein I. 2000.** *The Essential Wallerstein.* New York: The New Press.
- Welskopf E. 1957.** *Die Produktionsverhältnisse im Alien Orientsundin der griechisch-romischen Antike. Ein Diskussionbeitrag.* Berlin: Akademie-Verlag.
- White L. 1966.** *Medieval Technology and Social Change.* Oxford: Oxford University Press.
- Williamson J. G. 1974.** Watersheds and Turning Points: Conjectures on their Long-turn Impact of Civil War Financing. *Journal of Economic History* 34(3): 636–661.
- Williamson S. H. 1991.** The History of Cliometrics. *Research in Economic History*, Supplement 6: 15–31.
- Williamson S. H. 1994.** The History of Cliometrics. *Two Pioneers of Cliometrics. Robert W. Fogel and Douglass C. North (Nobel Laureates of 1993).* Oxford, Ohio: Miami University.
- Wittfogel K. A. 1957.** *Oriental Despotism.* New Haven, CT: Yale University Press.
- Wolf E. 1982.** *Europe and the People without History.* Berkeley: University of California Press.
- Woodburn J. C. 1982.** Egalitarian Societies. *Man* 17: 431–451.
- Woods F. A. 1913.** *The Influence of Monarchs: Steps in a New Science of History.* New York, NY: Macmillan.
- Wright G. 1973.** An Econometric Study of Cotton Production and Trade, 1830–1860. *New Economic History*, pp. 63–80. Baltimore.

-
- Wright G. 1976.** Prosperity, Progress and American Slavery. *Reckoning with Slavery. A Critical.* New York: 302–336.
- Wright G. 1978.** *The Political Economy of the Cotton South. Households, Markets and Wealth in the 19th cent.* New York: Norton.
- Wright G. 1979.** Cheap Labor and Southern Textile Before 1880. *Journal of Economic History* 39(3): 655–680.
- Wrigley E. A., Schofield R. S. 1981.** *The Population History of England, 1541–1871: A Reconstruction.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Авторский коллектив

- Алексеев В. В.* – академик, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
- Алаев Л. Б.* – доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН, Москва.
- Алексеева Е. В.* – доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
- Бородкин Л. И.* – доктор исторических наук, Московский государственный университет.
- Гринин Л. Е.* – доктор философских наук, Институт востоковедения РАН, Волгоград.
- Ионов И. Н.* – кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва.
- Кортаев А. В.* – доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.
- Крадин Н. Н.* – член-корреспондент РАН, Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток.
- Нефедов С. А.* – доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
- Орлов И. Б.* – доктор исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва.
- Побережников И. В.* – доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.
- Пушкарева Н. Л.* – доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва.
- Розов Н. С.* – доктор философских наук, Новосибирский государственный университет, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск.
- Трубникова Н. В.* – доктор исторических наук, Томский политехнический университет.
- Турчин П. В.* – Ph.D., Коннектикутский университет, США.
- Уваров П. Ю.* – член-корреспондент РАН, Институт всеобщей истории РАН, Москва.